Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова

ISSN 2713-2536

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ОРЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА

Электронный журнал

№ 2(99) 2024 г.

Орел
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2024

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова [электронный ресурс]: электрон. журнал Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. – Электр. текстовые данные (3,90 МБ). – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. – 1 компакт-диск: 12 см.

Журнал является периодическим электронным изданием, в котором публикуются результаты научных исследований ведущих ученых и молодых авторов по юридическим отраслям науки, а также передовому опыту борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Электронное издание создано
при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader.
Технический редактор *С.Ю. Клевцова*
Корректор *А.К. Аванесян*

Дата выхода в свет: 07.06.2024.
Объем издания: 3,90 МБ.
Комплектация издания: 1 компакт-диск: 12 см.
Тираж: 25 компакт-дисков

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Реестровая запись
от 14.08.2020 серия Эл № ФС 77-78909
распространяется бесплатно

учредитель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

адрес редакции и издателя:
302027, Орел, ул. Игнатова, 2.
Тел. 8 (4862) 423114.
E-mail: orui@mvd.ru.
http:www.orui.mvd.ru.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Журнал включён в Научную электронную библиотеку и систему Российского индекса научного цитирования. URL: http://www.elibrary.ru и в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в отрасли «Юридические науки» по специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова».

© Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

Редакционная коллегия:

Главный редактор – начальник
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Д.Л. Проказин

Заместитель главного редактора – начальник кафедры
оперативно-разыскной деятельности ОВД Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова кандидат юридических наук, доцент Д.Ф. Флоря

Члены редакционной коллегии:
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Л.А. Алексеева;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова,
доктор юридических наук, профессор А.А. Аубакирова;

профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета
доктор юридических наук, доцент А.Б. Баумштейн;

заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент М.В. Баранчикова;

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
доктор юридических наук, доцент С.С. Безруков;

главный научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного правового
и аналитического обеспечения Научного центра БДД МВД России
доктор юридических наук, профессор В.Ф. Васюков;

профессор кафедры государственного и муниципального права
Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
доктор юридических наук, профессор В.В. Головко;

заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь
по научной работе
кандидат юридических наук, доцент П.В. Гридюшко;

заместитель начальника Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе)
доктор юридических наук, доцент О.А. Дизер;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии
доктор юридических наук, доцент И.А. Ефремова;

первый заместитель начальника Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор О.В. Зиборов;

начальник кафедры «Автомобильной подготовки» Академии МВД Республики Узбекистан
кандидат технических наук, профессор С.А. Калауов;

начальник кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор А.И. Клименко;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Новосибирского военного ордена Жукова института имени
генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
доктор юридических наук, доцент Н.Ю. Лебедев;

профессор кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя Заслуженный работник высшей школы,
почетный работник высшего профессионального образования,
доктор юридических наук, профессор В.П. Малахов;

профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной
Российского государственного университета правосудия
доктор юридических наук, доцент Е.В. Марковичева;

профессор кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент К.В. Муравьев

главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор В.В. Николюк;

ученый секретарь ученого совета, профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
доктор юридических наук, доцент А.В. Никуленко;

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор Р.Б. Осокин;

начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России
доктор юридических наук, профессор А.В. Победкин;

начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Е.А. Семенов
(*ответственный секретарь*);

первый заместитель начальника
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор О.И. Цоколова;

профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности
Тульского института (филиала) (РПА Минюста России)
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России
доктор юридических наук, профессор Н.Г. Шурухнов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

Васильев П.В. К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ И ПРАВОВЫХ КВАЗИПОСЛЕДСТВИЙ……13

Евтушенко И.В. ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ X–XVII ВЕКОВ: ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ПОЛЬЗОВАНИИ……...20

Зарубина К.А. ТАТУИРОВКИ, КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ…….28

Цыбаков Д.Л. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ...……..36

Шурухнов Н.Г., Шурухнова Д.Н. ПАСПОРТ ДЛЯ РУССКИХ ПОДДАННЫХ И ИНОСТРАНЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ «УСТАВА О ПАСПОРТАХЪ»…….45

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Афонин В.В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОПАГАНДЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..52

Былинин И.А., Шкеля О.В. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ (НАДЗОР) В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ……..61

Жбанова С.А., Копыл Д.В. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ВЫЯСНЕНИЮ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ……..71

Кобец П.Н. АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДИНАМИЧНО РАЗВИВАЮЩЕМСЯ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ…...……...81

Литвинов А.В., Андреев П.Г., Огородников М.А. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ НА ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВАХ ДПС ГИБДД..……..88

Матросова Л.Д., Борисова О.В, Василенко В.В., Завьялова Н.Ю. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ИНФОРМАЦИЮ ……98

Семенов Е.Ю. ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АВТОРСТВА ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ……..107

Уголовно-правовые науки

Бадиков Д.А., Елисеева К.А. МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА: К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ……...115

Баранчикова М.В., Кирюхина Ю.В. КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОМУ ОБЩЕСТВУ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ……...124

Бондарева А.А. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОЧНОЙ СТАВКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....132

Вологина Е.В., Голоманчук Э.В., Бирюков С.Ю. СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ…….139

Гришин А.В., Денисов С.А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА, СООТНОШЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ…….147

Дамирчиев Э.И., Васюков В.Ф. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДИСТАНЦИОННЫМ МОШЕННИЧЕСТВАМ В КИТАЕ..….....161

Долгачева О.И., Кудряшова Е.С. О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ….....168

Кардашевская М.В., Тихомирова О.Г. СООТНОШЕНИЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА И ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ КАК ДВУХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА……176

Конин В.В. ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ.....185

Курилова Е.Н., Архипцев И.Н. НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА……..192

Милюс А.И. ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ И ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О КРАЖАХ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ИХ ХРАНЕНИИ И ТРАНСПОРТИРОВКЕ…….201

Михайлова О.Г. О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ……...209

Нурбаев Д.М. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, УТРАТИВШИХ ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС..…217

Павлюков В.В. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОЛУЧЕНИЯ И ПРОВЕРКИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ, РАЗМЕЩЁННОЙ НА САЙТАХ С ОГРАНИЧЕННЫМ ДОСТУПОМ……...225

Поздышев Р.С. ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВ…….....…….233

Рахимов Ф.Д. ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ПРОГРАММЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЁННЫХ В СФЕРЕ ИНВЕСТИЦИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ..……..242

Семенов В.Р., Тюнин В.И. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ…….....…….251

Семенов Е.А., Батуева А.Б. ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ПРИЗЫВОМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В СИСТЕМЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ НАКАЗАНИЮ МЕР…….....258

Сологубов А.Ю. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ОБРАЩЕНИЙ В ОРГАНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ…….……...265

Томилова Е.В. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, СОВЕРШЁННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ……...276

Информация для авторов……..285

CONTENTS

Theoretical-historical legal sciences

Pavel V. Vasiliev ON THE ISSUE OF THE DISTRIBUTION OF LEGAL CONSEQUENCES AND LEGAL QUASI- CONSEQUENCES……...13

Ivan V. Evtushenko EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF PRIVATE PROPERTYTO THE LAND IN THE RUSSIAN STATE OF THE X–XVII CENTURIES: FORMS OF OWNERSHIP AND RESTRICTIONS ON USE……20

Kristina A. Zarubina TATTOOS AS AN ELEMENT OF CRIMINAL SUBCULTURE: HISTORY AND MODERNITY……..……...28

Dmitry L. Tsybakov PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF PRIVATE MILITARY COMPANIES ……..**.....**36

Nikolai G. Shurukhnov, Diana N. Shurukhnova PASSPORT FOR RUSSIAN CITIZENS AND FOREIGNERS IN THE RUSSIAN EMPIRE. SOME TYPES OF LIABILITY FOR VIOLATION OF THE «CHARTER ON PASSPORTS».……...45

Public-law (state-legal) sciences

Vadim V. Afonin TOPICAL ISSUES OF FUNCTIONING OF THE ROAD SAFETY PROPAGANDA SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION……52

Igor A. Bylinin, Oleg V. Shkelya FEDERAL STATE CONTROL (SUPERVISION) IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC SAFETY IN THE CONDITIONS OF MODERN ADMINISTRATIVE AND LEGAL REFORM ADMINISTRATIVE AND LEGAL REFORM…….……...….61

Svetlana Al. Zhbanova, Dmitry Vl. Kopyl THE CIRCUMSTANCES TO BE CLARIFIED DURING THE IMPLEMENTATION OF PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE REGION TRAFFIC**...**……**.**71

Peter N. Kobets ANALYSIS OF APPROACHES TO THE PROBLEM OF LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN A DYNAMICALLY DEVELOPING DIGITAL SOCIETY……..……81

Artyom V. Litvinov, Peter G. Andreev, Maxim A. Ogordnikov LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS THE PURSUIT OF VEHICLES IN THE CONDITIONS OF USING SPECIAL SIGNALS ON TRAFFIC POLICE VEHICLES…….88

Lidiya D. Matrosova, Olga V. Borisova, Vera V. Vasilenko, Natalya U. Zavyalova DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE IMPLEMENTATION OF CITIZENS' CONSTITUTIONAL RIGHT TO INFORMATION**..**…….**.....**98

Evgeniy Y. Semenov LEGAL ANALYSIS OF AUTHORITY OF WORKS CREATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE……**...**107

Criminal Law Sciences

Dmitry A. Badikov, Karina Al. Eliseeva FRAUD USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT: ON THE ISSUE OF CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS……....115

Marina V. Baranchikova, Yulia V. Kiryukhina CORRUPTION AS A SECURITY THREAT TO MODERN SOCIETY: CRIMINAL LAW AND SOCIOLOGICAL ASPECTS…….……..124

Anastasiya A. Bondareva FEATURES OF CONTACT DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF VIOLATION OF MIGRATION LEGISLATION……....132

Elena V. Vologina, Eida V. Golomanchuk, Svyatoslav Yu. Biryukov THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF PRELIMINARY VERIFICATION OF CRIME REPORTS..…….....139

Andrey V. Grishin, Sergey A. Denisov SOME PROBLEMS OF CONCEPTUAL APPARATUS, RELATIONSHIP AND IMPLEMENTATION OF CRIMINAL PROCEDURE FUNCTIONS….....147

Emin I. Damirchiev, Vitaly F. Vasyukov SOME ISSUES IN COUNTERING REMOTE FRAUD IN THE CHINA.....161

Oksana I. Dolgacheva, Elena S. Kudryashova ON THE POSSIBILITY OF APPLYING DIGITAL TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS……...168

Marina V. Kardashevskaya, Olga G. Tikhomirova THE RELATIONSHIP BETWEEN SURROGACY AND HUMAN TRAFFICKING AS TWO LEGAL INSTITUTIONS OF DIFFERENT BRANCHES OF LAW…….……176

Vladimir V. Konin RESEARCH OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: DISCUSSION ISSUES…….....185

Elena N. Kurilova, Ivan N. Arkhiptsev SEXUAL VIOLENCE AGAINST MINORS: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND IMPROVEMENT OF LEGISLATION……192

Alrxandr I. Milyus PECULIARITIES OF CONSIDERATION OF REPORTS AND INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON THEFTS OF OIL AND OIL PRODUCTS, COMMITTED DURING THEIR STORAGE AND TRANSPORTATION…….201

Olga G. Mikhailova ON THE POSSIBILITY OF USING MEDIATION IN CRIMINAL CASES AGAINST MINORS....……..209

Daulet M. Nurbaev LEGAL PROBLEMS OF BRINGING CRIMINAL LIABILITY TO PERSONS WHO HAVE LOST THE SPECIAL LEGAL STATUS……...217

Vitaly V. Pavlyukov THE ORETICAL AND LEGAL BASES FOR OBTAINING AND VERIFYING COMPUTER INFORMATION POSTED ON SITES WITH LIMITED ACCESS…….....225

Roman S. Pozdyshev PROBLEMS OF CRIMINAL BANKRUPTCY INVESTIGATION……..233

Faridun D. Rakhimov TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AND INVESTIGATION PROGRAMS OF CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF INVESTMENTS AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION...……..242

Vladimir R. Semenov, Vladimir I. Tyunin DEATH PENALTY IN RUSSIA AND ABROAD……..251

Evgeny A. Semenov, Altani B. Batueva TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION IN CONNECTION WITHCONSCRIPTION FOR MILITARY SERVICE IN THE ALTERNATIVE SYSTEM PUNISHING MEASURES……..**.....**258

Andrey Y. Sologubov DIGITAL TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF APPEALS TO THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES: PROBLEMS AND PROSPECTS……...265

Elena Vl. Tomilova TACTICAL FEATURES OF THE PREPARATORY STAGE OF CHECKING TESTIMONY ON THE SPOT IN CASES OF MURDERS COMMITTED BY MINORS…….276

Information for authors ……..…..285

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья
УДК 340

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ И ПРАВОВЫХ КВАЗИПОСЛЕДСТВИЙ

Васильев Павел Вячеславович
Ульяновский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ульяновск, Россия

vapv22031979@yandex.ru

Аннотация. Функциональный анализ правового регулирования показал, что в ряде случаев юридические факты влекут не только правовые последствия в форме динамики субъективных прав и обязанностей, но и правовые квазипоследствия. Актуальность темы обусловлена наметившейся в науке тенденцией игнорирования существенных различий между правовыми последствиями и квазипоследствиями, которые наукой практически не разработаны. Теоретико-методологическое значение темы исследования состоит в разграничении правовых последствий и квазипоследствий для последующего адекватного их изучения, а практическое – в ориентировании субъектов юридической практики на учёт специфики правовых квазипоследствий. Цель работы состоит в теоретико-правовом обосновании необходимости различать правовые последствия и правые квазипоследствия. Результатами исследования стали доказательства наличия в юридической реальности правовых квазипоследствий и определение некоторых перспектив их изучения.

Ключевые слова: правовые последствия, правовые квазипоследствия, правовое регулирование, юридические факты, правовой статус, законный интерес, выражение мнения.

Для цитирования: Васильев П. В. К вопросу о разграничении правовых последствий и правовых квазипоследствий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 13–19.

ON THE ISSUE OF THE DISTRIBUTION OF LEGAL CONSEQUENCES AND LEGAL QUASI-CONSEQUENCES

Pavel V. Vasiliev
Ulyanovsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

vapv22031979@yandex.ru

Abstract. A functional analysis of legal regulation has shown that in a number of cases legal facts entail not only legal consequences in the form of the dynamics of subjective rights and obligations, but also legal quasi-consequences. The relevance of the topic is due to the emerging tendency in science to ignore significant differences between legal consequences and quasi-consequences, which have practically not been developed by science. The theoretical and methodological significance of the research topic is to distinguish between

legal consequences and quasi-consequences for their subsequent adequate study, and the practical significance is to orient subjects of legal practice to take into account the specifics of legal quasi-consequences. The purpose of the work is to provide a theoretical and legal substantiation of the need to distinguish between legal consequences and legal quasi-consequences. The results of the study were evidence of the presence of legal quasi-consequences in legal reality and the identification of some prospects for their study.

Keywords: legal consequences, legal quasi-consequences, legal regulation, legal facts, legal status, legitimate interest, expression of opinion.

For citation: Vasiliev P.V. On the issue of distinguishing between legal consequences and legal quasi-consequences // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 13–19.

Обнаружение множества случаев возникновения юридических фактов, влекущих изменения в правовом статусе лиц, не сопровождающихся динамикой (возникновение, изменение или прекращение) в субъективных правах и (или) обязанностях, стало эмпирической основой для постановки проблемы изучения правовых квазипоследствий и предопределило вопрос о понимании самих правовых последствий, который был поставлен нами ещё в 2020 году [1, с. 4].

Изучению проблематики правовых последствий посвящено значительное количество различных работ, в том числе выполненных участниками международной научно-практической конференции «Правовые последствия: теория, практика, техника» [2, с. 66, 81], а также некоторыми другими авторами [3, с. 80; 4, с. 28].

В целом научная общественность соглашается с пониманием правовых последствий как динамики прав и обязанностей в составе правового статуса лица. Так, например, В. Р. Волкова определяет правовые последствия как «основанное на нормативно-правовом акте (а также акте индивидуально-правового регулирования) изменение субъективных прав и юридических обязанностей адресата правовых предписаний, вызванное наступлением (совершением) юридического факта» [5, с. 27].

Однако, признавая наличие правовых последствий, авторы предпочитают не замечать того факта, что далеко не все отражающиеся в правовом статусе лица результаты наступления юридических фактов можно представить в качестве динамики субъективных юридических прав и (или) обязанностей. Этому, на наш взгляд, способствуют дефиниции правовых последствий, которые основаны на охватывании данным понятием всех изменений в составе правовых статусов субъектов правоотношений. Так, одно из наиболее общих определений правовых последствий, данных В. Р. Волковой, сформулировано следующим образом: «По нашему мнению, под правовыми последствиями можно понимать обусловленный наличием юридического факта результат преобразования общественных отношений, затрагивающий изменение правового статуса адресатов правовых предписаний» [6, с. 12]. Такой подход к пониманию правовых последствий представляется дискуссионным. Так, например, возникает вопрос о том, всякий ли результат изменения правовых статусов адресатов правовых предписаний можно включить в объём понятия «правовые последствия»?

Основной тезис данной статьи состоит в том, что в ряде случаев юридические факты способны влечь правовые квазипоследствия, которые никак нельзя понимать в качестве динамики субъективных юридических прав и (или) обязанностей.

Для начала следует учесть, что в составе правового статуса лица, кроме субъективных прав и обязанностей, присутствуют и другие компоненты. Оставляя в данной работе без рассмотрения вопросы о функциях в составе правового статуса лица юридических свобод, ответственности и некоторых других, обратим внимание на

хорошо известный науке феномен законного интереса [7, с. 34; 8, с. 60–66]. Последний представляет собой отдельный от субъективного юридического права компонент правового статуса лица, так как он не обеспечен корреспондирующей юридической обязанностью других участников правоотношений, предполагает некоторые возможности для удовлетворения каких-либо потребностей. При этом законный интерес возникает, существует в правоотношениях и прекращается при возникновении юридических фактов. Это теоретически значимое обстоятельство позволяет утверждать, что возможна не только динамика субъективных юридических прав и (или) обязанностей при наступлении юридических фактов. Со всей очевидностью следует констатировать возможность динамики компонентов правового статуса лица, которые нельзя сводить к его правам и обязанностям.

Для иллюстрации связи субъективных прав и обязанностей с законным интересом и подобными ему явлениями уместна аналогия с хорошо известным феноменом области языкознания. Так, например, в составе предложения принято различать его грамматическую основу, образованную подлежащим и сказуемым, а также второстепенные члены. В данном случае роль грамматической основы применительно к правовому статусу лица выполняют субъективные права и обязанности, а аналогами второстепенных членов предложения выступают законные интересы и некоторые иные компоненты правового статуса. Данная аналогия основана на сходстве связи. Так, предложение невозможно хотя бы без одного из главных членов грамматической основы. Подобно этому правовой статус лица невозможен хотя бы без субъективного права, например самодержавного монарха. Продолжая аналгию, следует отметить, что существование второстепенных членов предложения обогащает нашу речь, а наличие законных интересов и подобных явлений обеспечивает приспособление правовых статусов лиц к общественным отношениям. Аналогично возникновению второстепенных членов предложения в речи в правовом регулировании динамика подобных им компонентов правовых статусов должна получить соответствующее научное осмысление. При этом для обозначения динамики компонентов правового статуса лица, которые нельзя относить к субъективным правам или обязанностям, следует использовать какой-то термин. Учтём два аспекта. Во-первых, термин «правовые последствия» в традиции юридической науки достаточно прочно связан именно с динамикой субъективных юридических прав и обязанностей. Разрушать данную традицию будет сложно, возникнет много недопонимай и заблуждений. Но это и ненужно, так как можно использовать иное терминологическое решение. Во-вторых, науке известны похожие случаи решения терминологических проблем с помощью использования, например, приставки «квази-» к основному термину. Такое решение представлено В. Н. Синюковым при обозначении феномена «квазипрофессионального сознания» [9, с. 13] – в смысле не сформированного в должной степени профессионального сознания. Можно, конечно, представить и иное терминологическое решение. Например, динамику прав и обязанностей обозначить термином «главные правовые последствия» или его синонимом, а динамику иных компонентов – «второстепенные правовые последствия». Но это решение нельзя признать явно и однозначно удачным, так как возникнут теоретические и практические проблемы понимания главного и второстепенного последствия при осуществлении конкретного правового регулирования, что обусловит как добросовестные заблуждения, так и злоупотребления.

Таким образом, для обозначения динамики субъективных прав и обязанностей в составе правового статуса лица вполне подходит традиционный термин «правовые последствия», а для динамики законных интересов и некоторых других

«второстепенных» компонентов правового статуса – термин «правовые квазипоследствия».

Для демонстрации фактического существования правовых квазипоследствий и их связи с правами и обязанностями в составе правового статуса лиц рассмотрим динамику правового статуса детей в возрасте до 10 лет при выражении ими своего мнения.

В настоящее время юридической наукой не в полной мере осмыслено юридическое значение выражения мнений субъектами права в отдельных ситуациях. Как правило, высказанное субъектом права мнение влечёт возникновение юридических последствий, то есть динамику субъективных юридических прав и (или) обязанностей. Это все ситуации волеизъявления на различных официальных политико-правовых мероприятиях, таких как выборы отдельных должностных лиц, референдумы и др. В ходе такого волеизъявления у лица, его осуществившего, как правило, возникает субъективное юридическое право на обязательный учёт выраженного им мнения обязанным субъектом.

Однако в достаточно большом количестве случаев юридически значимого поведения предусмотренные нормой права факты выражения мнений не влекут для лиц, их изъявивших, никакой динамики субъективных юридических прав и (или) обязанностей. Характерным примером таких ситуаций может служить выражение мнений детьми до достижения ими 10 лет в ходе правового регулирования, осуществляемого нормами семейного законодательства.

Часть 2 ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) даёт родителям субъективное юридическое право на выбор для детей образовательной организации, формы получения детьми образования и формы их обучения, но с учётом мнения детей до получения ими основного общего образования[1]. При этом в СК РФ также имеется ст. 57, устанавливающая субъективное юридическое право ребёнка выражать своё мнение в следующих юридически значимых ситуациях: при решении любого вопроса в семье, если вопрос затрагивает его интересы; в ходе судебного или административного разбирательства, касающегося его интересов. Однако второе предложение предписания указанной статьи чётко оговаривает, что обязателен учёт мнения ребёнка, достигшего возраста 10 лет.

Системное толкование обозначенных нормативных правовых предписаний позволяет утверждать, что субъективное право у ребёнка на юридически значимый учёт его мнения возникает только по достижении им десятилетнего возраста. Таким образом, до достижения ребёнком возраста десяти лет юридический факт выражения мнения ребёнком не влечёт для него какого-либо субъективного юридического права. На основе соответствующих процедурных или процессуальных норм возникает лишь обязанность правоприменительного органа выслушать данное мнение. Если рассматривать эту ситуацию с позиции динамики правового статуса ребёнка в системе стадий правового регулирования [10, с. 85], то говорить о возникновении какого-либо субъективного права с момента именно самого волеизъявления невозможно. Это право у него возникает на основе ч. 1 ст. 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому свободу слова. Факт заявления ребёнком в возрасте до 10 лет о желании высказаться по соответствующим вопросам можно считать началом изменения его правового статуса. Если родитель или правоприменитель сочтёт возможным учесть высказанное мнение, его примут во внимание, а если

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Рос. Федерации в связи с принятием Федер. закона Рос. Федерации «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проигнорирует, то может это сделать без приведения каких-либо юридически значимых мотивов. При этом нужно понимать, что конституционное право на выражение мнения нетождественно праву на обязательный учёт выраженной в данном мнении позиции.

Полагаем, что выражение мнения ребёнком в возрасте до 10 лет представляет собой позитивное для него юридическое квазипоследствие, имеющее форму законного интереса, но никак не субъективного права, обеспеченного чьей-то обязанностью.

В завершение изучения данного примера следует отметить как минимум две важные особенности выявленного правового квазипоследствия. Первая состоит в том, что описанный в изучаемом примере законный интерес ребёнка в возрасте до 10 лет на учёт его мнения предполагает наличие конституционного правового статуса, образованного, например, правом на свободу слова и всеми другими общими правами, а также обязанностями человека. При этом возникновение указанного правового квазипоследствия непосредственно предполагает статусные права, без которых оно самостоятельно возникнуть и существовать не может. Вторая особенность состоит в имплицитности, то есть неспособности явным образом обеспечивать юридически значимую фиксацию изменений правового статуса лица. Действительно, сам факт возникновения указанного законного интереса на учёт мнения ребёнка в возрасте до 10 лет не предусматривает какую-либо обязательную фиксацию. Она, конечно, возможна в рамках процессуальных правоотношений, но в этом случае ребёнок будет обладать специальным статусом участника соответствующего производства, чьи высказывания подлежат занесению в протокол в общем порядке. Об имплицитности указанного законного интереса также свидетельствует невозможность его самостоятельной защиты. Защитить данный законный интерес отдельно от соответствующих субъективных прав, например: права на распоряжение имуществом, права на общение с родителями и другими родственниками и иных имущественных и личных неимущественных прав – не представляется возможным.

Итоги и некоторые перспективы изучения темы.

Изучение юридических квазипоследствий показало, что они похожи на юридические последствия, так как обусловлены нормами права и (или) актами индивидуального правового регулирования, способны возникать, претерпевать изменения и прекращать своё существование только при осуществлении правового регулирования, принадлежат к числу компонентов правового статуса субъектов права.

В числе особенных свойств правовых квазипоследствий представляется возможным обозначить невозможность их возникновения, существования, изменения и прекращения вне связи с юридическими последствиями, а также их имплицитность. Полагаем, что именно последнее свойство правовых квазипоследствий стало причиной, по которой они не вошли в научный юридический лексикон до настоящего времени. Дело в том, что субъективные права и обязанности, возникновение, изменение или прекращение которых составляет наступление правовых последствий, явным образом существуют в юридической практике и также со всей очевидностью отражены правовой наукой. Этого нельзя сказать о большей части правовых квазипоследствий и иных имплицитных явлений.

Настоящее исследование представляет собой очередной этап развития представлений о содержании правового статуса, оно позволяет поставить вопрос о возможной закономерности юридической симметрии позитивной и негативной частей правового статуса. До недавнего времени юридической наукой как догма признавалось суждение о том, что негативная часть правового статуса личности представлена только субъективной юридической обязанностью, которая существует в различных своих ипостасях: совершить активное юридически значимое поведение; не нарушать запретов; претерпеть меры юридической ответственности. Однако обнаружение

негативных юридических квазипоследствий как явлений, самостоятельно существующих в составе элементов правового статуса субъекта права, позволяет исследовать юридическую реальность, не прибегая к использованию термина «субъективная юридическая обязанность» или его синонимов, существенно осложняющих постижение специфики отдельных феноменов. Ранее нами предложен для обозначения негативных правовых квазипоследствий более подходящий термин «юридическое квазиобременение» [11, с. 137], обстоятельная научная разработка которого станет предметом будущих исследований.

В качестве рабочей можно предложить следующую дефиницию изучаемого явления. Правовые квазипоследствия – это имплицитные, существующие только на основе субъективных юридических прав и обязанностей, но принципиально несводимые к ним элементы статусов правосубъектных лиц, возникновение изменение или прекращение которых обусловлено системным функционированием нормативных и (или) индивидуальных юридических предписаний, юридических фактов и иных правовых средств.

1. Васильев П. В. Правовые последствия и квазипоследствия: постановка проблемы соотношения явлений: монография. Ульяновск, 2021. 72 с.
2. Правовые последствия: теория, практика, техника: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26-27 мая 2022 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. Н-Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. 527 с.
3. Мишина Ю. В. Правовые последствия нарушения установленного п. 2.7 правил дорожного движения запрета о передаче управления транспортным средством отдельным категориям лиц // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 3(80). С. 80–83.
4. Брызгалин А. В., Головкин А. Н., Аникеева О. Е. Уточненная налоговая декларация: понятие, порядок действий, правовые последствия // Налоги и финансовое право. 2009. № 7. С. 28–61.
5. Волкова В. Р. Правовые последствия применения норм уголовно-процессуального законодательства // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных статей. Орёл, 2023. С. 27–30.
6. Волкова В. Р. К вопросу о понятии и сущности категории «правовые последствия» // Актуальные проблемы государственно-правового строительства: сборник статей. Орёл, 2022. С. 10–13.
7. Малько А. В. Законные интересы советских граждан: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1985. 207 с.
8. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 250 с.
9. Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. Т. 74. № 2. С. 9–20.
10. Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права. Н-Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. 106 с.
11. Васильев П. В. Юридические квазипоследствия: концептуальные и терминологические решения проблемы понимания явления // Тринадцатые Бабаевские чтения: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2022. С. 126–138.

1. Vasil`ev P. V. Pravovy`e posledstviya i kvaziposledstviya: postanovka problemy` sootnosheniya yavlenij: monografiya. Ul`yanovsk: Izdatel` Kachalin Aleksandr Vasil`evich, 2021. 72 s.

2. Pravovy`e posledstviya: teoriya, praktika, texnika: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Nizhnij Novgorod, 26-27 maya 2022 goda) / pod obshh. red. V. A. Tolstika. N-Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2022. 527 s.
3. Mishina Yu. V. Pravovy`e posledstviya narusheniya ustanovlennogo p. 2.7 pravil dorozhnogo dvizheniya zapreta o peredache upravleniya transportny`m sredstvom otdel`ny`m kategoriyam licz // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2019. № 3(80). S. 80–83.
4. Bry`zgalin A. V., Golovkin A. N., Anikeeva O. E. Utochnennaya nalogovaya deklaraciya: ponyatie, poryadok dejstvij, pravovy`e posledstviya // Nalogi i finansovoe pravo. 2009. № 7. S. 28–61.
5. Volkova V. R. Pravovy`e posledstviya primeneniya norm ugolovno-processual`nogo zakonodatel`stva // Ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie problemy` bor`by` s prestupnost`yu: sbornik nauchny`x statej. Oryol, 2023. S. 27–30.
6. Volkova V. R. K voprosu o ponyatii i sushhnosti kategorii «pravovy`e posledstviya» // Aktual`ny`e problemy` gosudarstvenno-pravovogo stroitel`stva: sbornik statej. Oryol, 2022. S. 10–13.
7. Mal`ko A. V. Zakonny`e interesy` sovetskix grazhdan: dis. … kand. yurid. nauk. Saratov, 1985. 207 c.
8. Mal`ko A. V. Stimuly` i ogranicheniya v prave. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist``, 2004. 250 s.
9. Sinyukov V. N. Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost` i novizna // Lex russica. 2021. T. 74. № 2. S. 9–20.
10. Rad`ko T. N., Tolstik V. A. Funkcii prava. N-Novgorod: Nizhegorodskaya vy`sshaya shkola MVD RF, 1995. 106 s.
11. Vasil`ev P. V. Yuridicheskie kvaziposledstviya: konceptual`ny`e i terminologicheskie resheniya problemy` ponimaniya yavleniya // Trinadczaty`e Babaevskie chteniya: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Nizhnij Novgorod, 2022. S. 126–138.

Информация об авторе

Павел Вячеславович Васильев. Доцент кафедры правовых дисциплин. Кандидат юридических наук, доцент.

Ульяновский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

432071, Россия, г. Ульяновск, ул. Корюкина, д. 20.

Information about the author

Pavel V. Vasiliev. Associate Professor of the Department of Legal Disciplines. Candidate of Sciences (Law), associate professor.

Ulyanovsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

432071, Russia, Ulyanovsk, Koryukina st., 20.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted February 26, 2024; approved after reviewing April 12, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 340.151

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ X–XVII ВЕКОВ: ЕЁ ФОРМЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ПОЛЬЗОВАНИИ

Евтушенко Иван Владимирович
Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками (Росалкогольтабакконтроль), г. Москва, Россия

77712@live.ru

Аннотация. Становление и развитие института частной собственности на землю в России, начиная ещё с Древнерусского государства и заканчивая правлением Петра I, – тема, достаточно часто рассматриваемая исследователями истории русского права. В то же время в данной области остаётся много вопросов, которые не получили однозначного ответа, а именно: когда возник институт частной собственности в Российском государстве? Каковы явственные и чёткие критерии, отличающие различные формы частной собственности на землю? и т. п. Рассмотрение правовых норм Древнерусского государства, нормативных актов отдельных княжеств, законодательства периода становления единого Российского государства позволяет сделать вывод о необходимости отнесения зарождения института частной собственности на землю к более раннему времени, чем было принято считать, а изучение и анализ тех ограничений в пользовании землевладениями, которые устанавливают данные нормативные акты, говорит о многообразии форм собственности на землю в Российском государстве X–XVII веков.

Ключевые слова: институт частной собственности на землю, формы собственности на землевладение, вотчина, поместье, церковное и монастырское землевладение, община, ограничения в пользовании землевладением, Поместный приказ, Стоглав, Соборное Уложение 1649 года.

Для цитирования: Евтушенко И. В. Эволюция института частной собственности на землю в Российском государстве X–XVII веков: её формы и ограничения в пользовании // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 20–27.

EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF PRIVATE PROPERTY THE EVOLUTION OF PRIVATE LAND OWNERSHIP IN THE RUSSIAN STATE OF THE X-XVII CENTURIES: ITS FORMS AND RESTRICTIONS IN USE

Ivan V. Evtushenko
Federal Service for Control of Alcohol and Tobacco markets (Rosalkogoltabakkontrol). Moscow, Russia

77712@live.ru

Abstract. The formation and development of the institution of private land ownership in Russia, starting from the Old Russian state and ending with the reign of Peter I, is a topic quite often considered by researchers of the history of Russian law. At the same time, in this

area of scientific research there remain many questions that have not received a clear answer, ranging from establishing the time of the emergence of the institution of private property in the Russian state to defining clear and precise criteria for distinguishing the various forms of private ownership of land that existed then. Consideration of the legal norms of the Old Russian state, regulations of individual Russian principalities, legislation of the period of formation of the unified Russian state allows us to conclude that it is necessary to attribute the origin of the institution of private ownership of land to an earlier time than was generally believed., and consideration of those restrictions on the use of land ownership that establish these regulations, allows us to draw a conclusion about the diversity of forms of ownership in the Russian state in the X–XVII centuries.

Key words: institution of private land ownership, forms of ownership of land ownership, patrimony, estate, church and monastic land ownership, community, restrictions on the use of land ownership, Local order, Stoglav, Cathedral Code of 1649.

For citation: Evtushenko I. V. Evolution of the institution of private propertythe evolution of private land ownership in the Russian state of the X–XVII centuries: its forms and restrictions in use // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 20–27.

Становление института частной собственности на землю в России как совокупности трёх прав собственника – возможности владения, пользования и распоряжения своим имуществом – происходило не сразу, а на протяжении долгого периода было неразрывным образом связано с существованием целого ряда ограничений различного характера, связанных с владением земельными участками, с их продажей или другими формами отчуждения [1, с. 10]. Такого рода ограничения во многом связаны с существованием в тот период истории Русского государства двух форм собственности на землю – вотчинного и поместного землевладения, что в целом соответствует периоду становления ленного землевладения в Европе [2, с. 13]. В свою очередь, например, среди вотчинных землевладений выделялись вотчины родовые, пожалованные, приобретенные и т. д. [3, с. 277; 4, с. 4]. В отдельную категорию можно выделить церковные и монастырские вотчины [5, с. 61].

И как показывает анализ правовых актов Российского государства X–XVII веков, в данной сфере правового регулирования такого рода разделение имело под собой, помимо пути приобретения их в собственность, и другие причины для их разделения. Данные основания кроются в комплексе прав, предоставляемых их владельцам, и основных ограничений в распоряжении и пользовании данными земельными владениями.

При изложении данной работы были применены общие, общенаучные, частнонаучные и узкоспециализированные методы. В их числе: обобщение, сравнение, диалектический, логический и системные методы. Для рассмотрения отдельных аспектов проблемы использовались такие методы, как культурологический, исторический, аксиологический и другие методы. Из специальных методов – сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Вопрос о начале становления института частной собственности на землю в Русском государстве является достаточно дискуссионным, несмотря на довольно продолжительное обсуждение историками и правоведами. Данный временной отрезок отдельные авторы относят к X веку, ссылаясь на упоминание в «Повести временных лет» факта владения Великой княгиней Киевской Ольгой на праве частной собственности селом Ольжичи [6, с. 127]. В то же время в юридических исследованиях в данной области неоднократно высказывались мнения, что в Древней Руси не было частной собственности на землю, а существовало только общинное земледелие как один

из основополагающих принципов Русского государства [7, с. 6], при этом господствовавшая во времена Древней Руси общинная форма земледелия препятствовала возникновению частной собственности на землю [8, с. 49]. В рамках признания становления данного правового института в Русском государстве допускается возникновение права собственности на землю только с XVIII века, со времени правления Петра I и принятия им соответствующих указов в данной сфере [9, с. 7].

Подобный разброс мнений историков и юристов связан с отсутствием в нормативных актах Русского государства до XVIII века правовых норм, формирующих институт частной собственности на землю. В то же время анализ законодательства Древней Руси позволяет сделать другой вывод.

Например, упоминание в ст. 71 основополагающего судебного нормативного акта Древней Руси [10] – Пространной редакции «Русской правды» [11, с. 64–73] – «раззнаменование борти» историками права однозначно трактуется как уничтожение знаков частной собственности на границах участков леса с пчелиными бортями. А ст. 72 Пространной редакции «Русской правды» рассматривает нарушение используемых в то время знаков частной собственности, таких как «перетнеть бортную» – перерубить ограждение в лесу, «ролеиную разореть» – перепахать межу, «дворную тыном перегородить межу» – перегородить дворовую межу забором [12, с. 16].

Данные нормы вряд ли можно отнести к нормативно-правовому закреплению частной собственности на землю. Не подходит сюда и рассмотренное в Пространной редакции «Русской правды» (ст. 73) «дуб подотнеть знаменьныи или межьныи» – преступление, связанное с уничтожением дуба со знаками частной собственности либо стоящего на меже. Тем не менее наличие подобных правовых норм в наиболее значимом кодифицированном акте Древней Руси позволяет сделать вывод о существовании в то время на Руси общего первичного института частной собственности на землю, сложившегося в рамках обычного права. Из-за отсутствия писаных правовых норм в данной сфере сложно сделать полностью обоснованный вывод о размерах правомочий собственника земельного участка. Представляется, что правомочие собственника того периода в большей степени распространялось на возможности владения и пользования принадлежащим ему земельным наделом, но было ограничено по праву распоряжения. Это было связано со сложившейся достаточно сложной системой возникновения права собственности на земельные участки, которая не предполагала возможности бесконтрольного ими распоряжения, отчуждения и т. д.

Право собственности могло возникать, в том числе, путём жалования земель князем. Например, «Смоленская уставная грамота» [11, с. 213–217] Князя Ростислава Мстиславовича церкви Святой Богородицы и епископу, связанная с учреждением в Смоленске епископии, дата принятия которой относится историками ориентировочно к 1136 году [11, с. 212], предусматривала дарение князем епископии сёл, озер и сельскохозяйственных земель. В соответствии со ст. 7 церкви и епископу было передано село Дросенское «… со изгоями и с землей …и сел Ясеньское, и с бортником, и с землей, и с изгои…». Ст. 8 предусматривала передачу «…землю в Погоновичох Мойшиньскую …и озера Нимикорская ...и сеножатьми, и уезд княжь, и на Сверковых луках сеножати и уезд княжь, озеро Колодарское…».

Анализ данного нормативного акта позволяет сделать следующие выводы:

1. Понятие «уезд княжь» подразумевает передачу князем земель, которые принадлежат ему как вотчиннику [11, с. 219], соответственно, можно сделать вывод о существовании в Древнерусском государстве вотчинного и поместного земледелия уже в конце XI – начале XII века, а не с середины XIII века, как полагали некоторые историки права [13, с. 11];

2. Князь передавал в собственность епископии не только личную, вотчинную собственность, но и казённые земли, что противоречит высказываемому мнению, что «…в Древней Руси князь не владел землёй» [14, с. 41]. Переданные земельные участки становилась церковным вотчинным землевладением и выступали одним из действенных факторов единения церкви и государства.

Ещё один способ поучения права собственности на землю – в порядке судебного судопроизводства – устанавливала «Псковская судная грамота» [11, с. 331–342]. В соответствии со ст. 9 владеющий и пользующийся для земледелия в течение 4–5 лет получал возможность узаконить своё право на данный земельный участок. Для этого ему необходимо было пригласить в суд соседей по земельному участку, «…тому истцу сослаться на сосед человек на 4 или на 5…». В том случае, если «…соседи …, на коих шлются, да скажут, как прав перед Богом, что чист…» и нет других претендентов на данные земли, получал право собственности на данный земельный участок, который, по всей видимости, приобретал статус вотчинного землевладения.

Основные формы частной собственности на землю в Русском государстве в XVI–XVII веках и вопросы регулирования правоотношений на рынке крупных земельных владений, связанных с изменением правового положения феодальных вотчин и поместий, не могли не остаться без внимания законодателей.

Уже «Судебник 1550 года» декларировал право владельца на продажу вотчины и установил в ст. 85 порядок её обратного родового выкупа. Был определён состав ближайших родственников, которые имели на это право. А главное – нормативный акт установил правило добровольности процесса выкупа, «…а не полюбовно ему вотчины не выкупити» [15, с. 97–120].

Крупнейшими землевладельцами в тот период были высшие церковные иерархи и монастыри. Кроме того, необходимо учитывать, что монастырские и церковные земли не наследовались, соответственно, не дробилась по наследникам, являясь постоянным источником богатства церковной иерархии [16, с. 479]. С целью усиления контроля над церковными земельными владениями и ограничения их роста Церковно-Земским Собором 1551 года был принят ряд мер по регулированию правоотношений в данной сфере, большое влияние на решения которого оказала церковная практика [17, с. 68]. Сборник постановлений Церковно-Земского Собора 1551 года вошёл в историю под названием «Стоглав» [15, с. 253–379].

С одной стороны, Собор подтвердил неотчуждаемость церковных и монастырских земель, с другой – был установлен запрет на приобретение ими новых земель без разрешения царя. Впоследствии данные решения были подтверждены «Приговором Церковно-Земского собора 1580 года» [18, с. 26–28], который подписали не только присутствовавшие на Соборе высшие церковные иерархи, но и лично царь всея Руси Иван Грозный. В соответствии с Приговором была засвидетельствована неприкосновенность даже тех земель, «…которое место не утверждено крепостьми…», то есть не подтверждено соответствующими документами. В соответствии с нормативным актом было запрещено выкупать вотчины, ранее переданные монастырям, в том числе родственникам.

Также был подтверждён запрет на приобретение в любой форме церковью и монастырями новых земель: «…митрополиту, и владыкам и монастырям земель не покупати, и закладней не держати». В случае же выдачи незаконной закладной на вотчину земли конфисковывались. Завещать вотчины монастырям не возбранялось, но в этом случае земли должны были передаваться государству, «…а в деньгах ведает Бог да государь, как своих богомольцев пожалует».

В Русском государстве в XVI и XVII веках вопросами поместного и вотчинного землевладения ведал Поместный приказ [19, с. 139]. Все нормативные акты,

касающиеся данной сферы правового регулирования, заносились в так называемую Указную книгу Поместного приказа. Содержащиеся в нём нормативные акты достаточно показательно демонстрируют процесс совершенствования механизма правового регулирования поместного и вотчинного землевладения и его сближения.

Например, «От 20 марта 1620 года Указ о справе за женихами прожиточных поместий вдов и девиц» [20, с. 449] разрешал вдовам и дочерям, которые после смерти заслужившего поместье получали его часть в виде прожиточного поместья передавать его в качестве приданного, что придавало прожиточному поместью черты вотчины.

Также «От 7 февраля 1628 года Указ о продаже порожжих земель в вотчину с прописанием Указа 1573 года» [20, с. 461–463] Царь и Великий князь Иван Васильевич разрешил продажу «…порожжих…» (свободных) земель в вотчину, и при этом в нормативном акте содержался ряд существенных ограничений по их использованию. Например, купленные земли нельзя было передавать в дар монастырям, они после смерти владельца не передавались ни вдове, ни родственникам вотчинника в случае отсутствия у него детей. Но уже 16 февраля в следующем нормативном акте в данной сфере – «От 16 февраля 1628 года Указ о форме купчих грамот на вотчины, проданные из казны» [20, с. 463–464] – в связи с тем, что «…из тех порожжих земель челобитники бьют челом государю Царю и Великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси и отцу его, государево, Великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу…» данные ограничения были отменены. В купчие были добавлены положения о свободном пользовании принадлежащей им землёй, в том числе: продаже, дарении, отдаче в заклад и т. д., «… а не останетца у кого жены и детей и те вотчины в род их…».

Но наиболее значительным нормативным актом в сфере регулирования вотчинного и поместного землевладения того времени, входящим в Указную книгу Поместного приказа, является «От 17 декабря 1636 года Уложение о вотчинах и поместьях» [20, с. 470–477], многие положения которого вошли в Соборное уложение 1649 года [18, с. 83–257], в котором уделено значительное место рассмотрению механизма правового регулирования вотчинного и поместного землевладения. Например, XV главой уложения был определён статус вотчинника и помещика в отношении зависимых от него крестьян. Так, вотчинник имел право отпускать своих крестьян на волю, а «…ис поместей помещиком крестьян на волю отпускати не указано».

Кроме того, в Соборном уложении были подробно рассмотрены дальнейшие шаги сближения поместья и вотчины. Так, например, ст. 5 главы XVI предусматривала возможность обмена вотчин на поместья и наоборот. Основным условием здесь являлась предусмотренная ст. 6 регистрация в Поместном приказе. Продажа же поместных землевладений, в том числе своих, и перевод их в категорию вотчины в соответствии со ст. 9 главы XVI Уложения разрешался только с царского разрешения.

Также Соборное уложение (ст. 5 главы XVI) давало разрешение на свободный обмен поместьями «…по их полюбовному челобитью и по заручным (подписанным) челобитным». Сделка по взаимному согласию производилась и в случае неравноценного – «… лишнее немногие четверти …» – обмена.

Но практически сразу стали появляться вопросы и потребовались значительные корректировки, в связи с чем был принят новый нормативный акт. Точного его названия не сохранилось [21, с. 232–233], общепринятое его именование «Новоуказные статьи о поместьях 1676 года» [21, с. 233–244]. В соответствии со статьёй второй нормативного акта устанавливался разрешительный порядок совершения сделок с поместьями, в том числе их обмен.

Кроме того, в соответствии с нормативным актом имелся ряд ограничений, которые являлись препятствием к совершению сделки, а попытка обойти их давала повод к её расторжению. Так, например, по заявлениям родственников, участвующих

в обмене, и в первую очередь жен и детей, что «… меняют поместья … и вотчины плутовством и пьянством, а дети бьют челом на отцов своих, что они меняют поместья, не жалуючи их…», Поместный приказ получил право расторгать подобные сделки, возвращая их к первоначальному состоянию. Вскоре Новоуказными статьями о поместьях и вотчинах от 10 августа 1677 года данная правовая норма была расширена. Например, если участники сделки – «…плуты, глупы и пьяницы…», то сделка тоже не разрешалась либо, если она была уже совершена и «…буде по розыску…» выявлены данные обстоятельства, то сделка расторгалась[1].

Но полное сближение двух форм собственности на землю – вотчинного и поместного землевладения – и чёткое нормативное оформление института частной собственности на землю в России произошло уже при правлении Петра I и получило окончательное оформление в эпоху Императрицы Екатерины Великой [22, с. 92].

Рассмотрение вопросов в Русском государстве эволюции механизма правового регулирования частной собственности на землю в период до XVII века даёт возможность сделать вывод о более раннем становлении данного правового института, чем принято считать, отнеся его появление как минимум к концу XI – началу XII веков. Наделение владельца земельным участком могло происходить в том числе в виде пожалования его князем, что является показателем того, что уже в тот период князь являлся верховным распорядителем земельных наделов своего княжества.

Наличие двух форм частной собственности на землю – вотчинного и поместного землевладения – предполагало существование большого количества ограничений не только по праву распоряжения, но и по праву пользования, причём не только в отношении поместий, но и в отношении вотчин. Некоторые ограничения зависели также от формы приобретения вотчины, среди которых можно выделить родовые, пожалованные, приобретённые и т. д.

1. Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. 128 с.
2. Деханов С. А. Правовая дихотомия владения земельными участками (вотчина-поместье, лен-бенефиций) в России и западной Европе // Евразийская адвокатура. 2022. № 1(56). С. 12–16.
3. Козлов Д. В. Соотношение вотчины и поместья на земельные участки в русском праве // Вопросы российского и международного права, 2017. Том 7. № 1. С. 276–285.
4. Деханов С. А. Вотчины и поместья в российском гражданском праве: особенности закрепления и наследования // Наследственное право. 2018. № 3. С. 3–6.
5. Король А. Л. Проблема монастырского землевладения XV-XVI вв. // Богословско-исторический сборник. 2014. № 1(6). С. 59–76.
6. Блюменфельд Н. Ф. О формах землевладения Древней Руси. Одесса, 1884. 238 с.
7. Яненко Е. В. Земельные отношения в Древней Руси и их реформирование в Московском государстве: историко-правовой аспект: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. СПб., 2006. 26 с.
8. Дугарова С. Ж. Институт частной собственности на землю в русском праве: особенности возникновения и развития. В сборнике: Актуальные вопросы цивилистики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию юридического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 2019. С. 48–51.
9. Зуй Ю. В. Институт частной собственности на землю в российском государстве: Историко-правовой аспект: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 25 с.

[1] Новоуказные статьи о поместьях и вотчинах от 10 августа 1677 года [Электронный ресурс]. URL:http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/329014#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения 10.08.2023).

10. Боева М. А. Суд в Древней Руси // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2021. № 4(89). С. 16–22.
11. Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / под общей редакцией О. И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси.
12. Артамонова М. А., Безверхов А. Г., Юдина Т. Ф. Генезис охранительного законодательства дореволюционной России в сфере экологии: историко-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Том 8. № 1. С. 14–20.
13. Зейналов И.М. Становление и развитие поземельных отношений в России и их правовое регулирование: IX–XX вв. (историко-правовое исследование): автореф. дисс. … докт. юрид. наук. СПб., 2006. 31 с.
14. Блискавицкий А. А. Частная собственность на землю // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 9 (144). С. 39–49.
15. Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / под общей редакцией О. И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства.
16. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1981. 589 с.
17. Николин А. Церковь и государство (история правовых отношений). М., 1997. 430 с.
18. Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / под общей редакцией О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература. 1984. Том 3. Акты Земских Соборов.
19. Харченко А. В. Исследование в российской дореволюционной цивилистике и архивистике порядка регистрации прав на землю в Поместном приказе. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 136–146.
20. Памятники русского права. Выпуск пятый / под редакцией проф. Л. В. Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы. 1959.
21. Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / под общей редакцией О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература. 1984. Том 4. Законодательство периода становления абсолютизма.
22. Антонов В. Д., Балабаева М. С., Морозова А. А, Седова Н. П. Право собственности на землю в России: понятие, история становления // Ученые записки. 2023. № 3 (47). С. 92–95.

1. Veselovskij S. B. K voprosu o proishozhdenii votchinnogo rezhima. M., 1926. 128 s.
2. Dehanov S. A. Pravovaja dihotomija vladenija zemel'nymi uchastkami (votchina-pomest'e, len-beneficij) v Rossii i zapadnoj Evrope // Evrazijskaja advokatura. 2022. № 1(56). S. 12–16.
3. Kozlov D. V. Sootnoshenie votchiny i pomest'ja na zemel'nye uchastki v russkom prave // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava, 2017. Tom 7. № 1. S. 276–285.
4. Dehanov S. A. Votchiny i pomest'ja v rossijskom grazhdanskom prave: osobennosti zakreplenija i nasledovanija // Nasledstvennoe pravo. 2018. № 3. S. 3–6.
5. Korol' A. L. Problema monastyrskogo zemlevladenija XV-XVI vv. // Bogoslovsko-istoricheskij sbornik. 2014. № 1(6). S. 59–76.
6. Bljumenfel'd N. F. O formah zemlevladenija Drevnej Rusi. Odessa, 1884. 238 s.
7. Janenko E. V. Zemel'nye otnoshenija v Drevnej Rusi i ih reformirovanie v Moskovskom gosudarstve: istoriko-pravovoj aspekt: avtoref. diss. … kand. jurid. nauk. SPb., 2006. 26 s.
8. Dugarova S. Zh. Institut chastnoj sobstvennosti na zemlju v russkom prave: osobennosti vozniknovenija i razvitija. V sbornike: Aktual'nye voprosy civilistiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 25-letiju juridicheskogo fakul'teta Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Dorzhi Banzarova. Ulan-Udje, 2019. S. 48–51.
9. Zuj Ju. V. Institut chastnoj sobstvennosti na zemlju v rossijskom gosudarstve: Istoriko-pravovoj aspekt: avtoref. diss. … kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2004. 25 s.

10. Boeva M. A. Sud v Drevnej Rusi. // Nauchnyj vestnik Orlovskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'janova. 2021. № 4(89). S. 16–22.
11. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 tt. / pod obshhej redakciej O. I. Chistjakova. M., Juridicheskaja literatura. 1984. Tom 1. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi.
12. Artamonova M. A., Bezverhov A. G., Judina T. F. Genezis ohranitel'nogo zakonodatel'stva dorevoljucionnoj Rossii v sfere jekologii: istoriko-pravovoj analiz // Juridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2022.Tom 8. № 1. S. 14–20.
13. Zejnalov I.M. Stanovlenie i razvitie pozemel'nyh otnoshenij v Rossii i ih pravovoe regulirovanie: IX–XX vv. (istoriko-pravovoe issledovanie): avtoref. diss. … dokt. jurid. nauk. SPb., 2006. 31 s.
14. Bliskavickij A. A. Chastnaja sobstvennost' na zemlju. // Imushhestvennye otnoshenija v Rossijskoj Federacii. 2013. № 9 (144). S. 39–49.
15. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 tt. / pod obshhej redakciej O. I. Chistjakova. M., Juridicheskaja literatura. 1984. Tom 2. Zakonodatel'stvo perioda obrazovanija i ukreplenija Russkogo centralizovannogo gosudarstva.
16. Rybakov B. A. Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII–XIII vv. M., 1981. 589 s.
17. Nikolin A. Cerkov' i gosudarstvo (istorija pravovyh otnoshenij). M., 1997. 430 s.
18. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 tt. / pod obshhej redakciej O. I. Chistjakova. M.: Juridicheskaja literatura. 1984. Tom 3. Akty Zemskih Soborov.
19. Harchenko A. V. Issledovanie v rossijskoj dorevoljucionnoj civilistike i arhivistike porjadka registracii prav na zemlju v Pomestnom prikaze. // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. 2020. № 3. S. 136–146.
20. Pamjatniki russkogo prava. Vypusk pjatyj. / pod redakciej prof. L.V. Cherepnina. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoj literatury. 1959.
21. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 tt. / pod obshhej redakciej O. I. Chistjakova. M.: Juridicheskaja literatura. 1984. Tom 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovlenija absoljutizma.
22. Antonov V. D., Balabaeva M. S., Morozova A. A, Sedova N. P. Pravo sobstvennosti na zemlju v Rossii: ponjatie, istorija stanovlenija // Uchenye zapiski. 2023. № 3 (47). S. 92–95.

Информация об авторе

Иван Владимирович Евтушенко. Заместитель начальника правового отдела.
Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками (Росалкогольтабакконтроль).
125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 3 стр. 4.

Information about the author

Ivan V. Evtushenko. Deputy Head of the Legal Department.
Federal Service for Control of Alcohol and Tobacco Markets.
125993, Russia, Moscow, Miusskaya square, 3, building 4.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted March 13, 2023; approved after reviewing April 23, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343

ТАТУИРОВКИ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Зарубина Кристина Александровна
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Россия

kris1996z@mail.ru

Аннотация. В работе анализируется такой важный элемент криминальной субкультуры, как преступные татуировки. С помощью хронологического, сравнительно-правового метода, а также метода синтеза и анализа определено, что первые криминальные татуировки появились в России в дореволюционный период в качестве «наследия» такого метода «регистрации» и идентификации особо опасных преступников, используемого отечественными правоохранительными органами, как клеймение. В советский период «обычай» татуирования надёжно закрепляется в криминальной среде «профессионалов». «Визитной карточкой» профессиональных преступников становятся татуировки, наличие которых характеризовало внутренний мир преступников, их принадлежность к определённой криминальной «касте». В настоящее время татуировки не выполняют той же коммуникационной, идентификационной, стратификационной функции, как и в советское время, хотя и привлекают внимание сотрудников правоохранительных органов, а также представителей высшего преступного круга.

Ключевые слова: татуировка, «обычай» татуирования, криминальная субкультура, профессиональный преступник, профессиональная преступность, криминальный профессионализм, клеймение.

Для цитирования: Зарубина К. А. Татуировки, как элемент криминальной субкультуры: история и современность // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 28–35.

TATTOOS AS AN ELEMENT OF CRIMINAL SUBCULTURE: HISTORY AND MODERNITY

Kristina A. Zarubina
FGBOU VO «South-West State University», Kursk, Russia

kris1996z@mail.ru

Abstract. The paper analyzes such an important element of the criminal subculture as criminal tattoos. Using the chronological, comparative legal method, as well as the method of synthesis and analysis, it was determined that the first criminal tattoos appeared in Russia in the pre-revolutionary period, being the «legacy» of such a method of «registration» and identification of especially dangerous criminals used by domestic law enforcement agencies as branding. During the Soviet period, the «custom» of tattooing was firmly entrenched in the criminal environment of «professionals». Tattoos, the presence of which characterized the inner world of criminals, their belonging to a certain criminal «caste», become the «calling card» of professional criminals. Currently, tattoos do not perform the same communication,

identification, stratification function as in Soviet times, although they attract the attention of law enforcement officers, as well as representatives of the highest criminal circle.

Keywords: tattoo, «custom» of tattooing, criminal subculture, professional criminal, professional crime, criminal professionalism, branding.

For citation: Zarubina K. A. Tattoos as an element of criminal subculture: history and Modernity // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 28–35.

Многие современные исследователи относят криминальную субкультуру наряду с такими характеристиками, как наличие преступной специализации, квалификации, связей с криминальной средой, восприятие противоправной деятельности, как средства материального обогащения (источника дохода), к неотъемлемым признакам профессиональной преступности [1, с. 32–35]. Полагаем, что указанная точка зрения является вполне обоснованной, поскольку криминальная субкультура действительно идейно «связывает» преступников-профессионалов, ведущих свою антиобщественную деятельность в различных регионах, странах, а также представителей разных поколений профессиональных преступников, что делает криминальный мир «профессионалов» более консолидированным и монолитным. Кроме того, ценности криминальной субкультуры позволяют профессиональному преступному миру самодетерминироваться, создавая тем самым условия для устойчивого развития криминального профессионализма.

Криминальная субкультура представляет собой искажённую систему обычаев, ценностей, традиций, правил поведения, сформированную преступным сообществом. Причём формирование и развитие этой искажённой системы ценностей происходили в России ещё в дореволюционный период, время, когда профессиональная преступность стала выделяться как самостоятельный вид преступной деятельности. По точному утверждению учёного И. М. Мацкевича, криминальная субкультура представляла собой (и представляет до настоящего времени) слоёный пирог, где «каждый слой выглядит, как субкультура определённых групп, занятых конкретной криминальной деятельностью» [2, с. 11]. И отдельным «слоем» в этом «пироге» наряду с преступной иерархией, нормами, законами, обычаями, традициями преступного мира, уголовным жаргоном и некоторыми другими неотъемлемыми атрибутами были татуировки [3, с. 251–256] – особые «знаки отличия», наносимые на тело криминальными элементами и используемые ими для невербального обмена информацией, налаживания контакта между разными представителями преступного мира [4, с. 36–41].

Отдельные исследователи также справедливо называют татуировки стратификационным [5, с. 177–182] (или идентификационным [6, с. 120]) элементом криминальной субкультуры, позволяющим определить статус конкретного лица в преступной иерархии. Вследствие этого можно заключить, что у татуировки как внешнего атрибута криминальной субкультуры существует несколько функций: коммуникативная, идентификационная и стратификационная.

Примечательно, что утверждению данного элемента криминальной субкультуры в дореволюционный период в России способствовало существование особой первичной системы «регистрационного учёта» преступников – системы клеймения опасных криминальных элементов. Первоначально такие «опознавательные знаки» были необходимы не для того, чтобы скрыть какую-либо зашифрованную информацию, а, наоборот, выделить особо опасного преступника из остальной массы уголовников.

Ещё в ст. 5 Двинской уставной грамоты 1397 года была закреплена особая система «идентификации» опасных воров – нанесение на тело преступника

специального «пятна»[1]. В Именном указе «О клеймении преступников, которые, вместо смертной казни, будут подвергнуты другому наказанию и ссылке, и о делании клейма для сего с буквою В» от 3 мая 1691 г. устанавливалось, что лиц, приговорённых к смертной казни и освобождённых от данного вида наказания в связи с заменой его ссылкой, надлежало «пятнать»[2]. В Именном указе, данном Стрелецкому приказу «О наказании бежавших из ссылки преступников» от 22 января 1692 г. также учреждалось «пятнать» воров «за смертные вины»[3]. В 1746 году был издан новый Именной, объявленный генерал-полицмейстером Указ «О клеймении воров, разбойников и прочих уголовных преступников словом вор», в соответствии с которым воров, разбойников и «прочих злодеев», которым за совершение преступлений полагалась смертная казнь или вечная каторга, «пятнали». Их клеймили до окончания розыска следующими литерами: на лбу – литера «ВО», на правой щеке – буква «Р», на левой щеке – «Ъ». Примечательна цель введения данного новшества. Законодатель указывал, что подобное клеймение необходимо для отличия преступников «от прочих добрых и неподозрительных людей»[4].

Так, начиная с древности и вплоть до XIX века (отмена клеймения преступников в России датируется 1863 годом[5]) в российском государстве существовала «официальная» система татуирования особо опасных преступников. Полагаем, что именно эта традиция предопределила утверждение исследуемого элемента криминальной субкультуры в дореволюционной России как невербального коммуникативного средства обмена информацией между наиболее «матёрыми» преступниками.

Общеизвестно, что в России обычай татуирования преступники восприняли ещё в XIX веке и постепенно стали основными носителями татуировок. Особо распространены воровские наколки были среди каторжников Сахалина, а также криминального мира столичных городов – Москвы и Санкт-Петербурга. Татуировки имели скрытый смысл и указывали на принадлежность того или иного лица к определённой преступной группе или же к воровской «профессии». Особо стоит подчеркнуть, что татуированием занимались наиболее «маститые» криминальные элементы, для того чтобы выделить себя из «серой» массы преступников, «закрепляя» на теле своеобразные «фирменные знаки отличия». При этом наиболее распространены наколки были в среде каторжников ввиду того, что сроки заключения в этих местах были, как правило, продолжительными. Эти «опознавательные символы» на теле помогали обладателю быстрее наладить контакт с «коллегами» по «масти». Со временем татуировки приобретали распространённые значения, «рассказывали» об их обладателе больше, чем документы. По наколкам можно было определить количество судимостей, принадлежность лица к той или иной «касте», особенности характера, ранг в преступной иерархии и многое другое [7, с. 55–59]. Как отмечают отдельные исследователи, у российских преступников в дореволюционный период времени особо

---

[1] Двинская уставная грамота 1397 года [Электронный ресурс]. URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13622 (дата обращения 29.11.2023).

[2] О клеймении преступников, которые, вместо смертной казни, будут подвергнуты другому наказанию и ссылке, и о сделании клейма для сего с буквою В: именной указ от 3 мая 1691 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собрание первое. Т.3. СПб, 1830. Ст. 1404.

[3] О наказании бежавших из ссылки преступников: именной указ, данный Стрелецкому приказу от 22 января 1692 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собрание первое. Т.3. СПб, 1830. Ст. 143.

[4] О клеймении воров, разбойников и прочих уголовных преступников: именной, объявленный генерал-полицмейстером Указ от 9 июня 1746 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собрание первое. Т. 12. СПб, 1830. Ст. 9293.

[5] О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных: указ от 17 апр. 1863 г. № 59504 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1866.

распространены были татуировки в виде картин, якорей, обозначения имён. Причём некоторые «профессионалы» всё же отказывались от наколок в целях безопасности, а у иных – рисунки на теле были выполнены в высоко художественном стиле[1].

В советский период обычай татуирования надёжно закрепляется в криминальной среде «профессионалов». Неотъемлемой «визитной карточкой» профессиональных преступников становятся татуировки, наличие которых характеризовало внутренний мир преступников, их отношение к различным ценностям, нормам морали, образ жизни и принадлежность к определённой «касте». Примечательно, что в первые годы утверждения советской власти даже формируется специальная система регистрации правоохранительными органами татуировок криминогенного характера.

Расцвет «обычая» татуирования собственного тела среди преступников приходится на 30-е гг. XX в. В это время формируется достаточно жёсткая татуировочная иерархия [8, с. 27–30]. Вероятнее всего, это связано с формированием особой криминальной «касты», сообщества «воров в законе» – наиболее уважаемых и почитаемых в криминальной среде преступников. Интересно, что первоначально «воры в законе» использовали разные знаки «отличия». Это и рисунок орла с расправленными крыльями (символ величия и независимости) [9, с. 60], и изображение на груди сердца, пронзённого кинжалом (образ смерти за измену), и татуировки-звёзды под ключицами (обычно без каких-либо подписей) и на коленях (символ неповиновения власти – «вор в законе» никогда не должен был становиться на колени) [10, с. 65–66], и некоторые другие. Интересно, что одна из излюбленных татуировок «воров в законе» – это изображение храмов с многочисленными куполами, где число куполов символизировало количество судимостей. При этом сам образ церкви не был никак связан с религиозностью преступников. Дело в том, что первоначально советские «воры в законе» часто отбывали наказания в тюремных учреждениях, которые создавались на местах бывших церквей, отсюда и «сюжет» для татуировок [8, с. 27–30].

Нередко преступные татуировки обозначали определённые криминальные «профессии». Например, сердце, пробитое кинжалом и нанесённое на груди, или подключичные «звёзды» – это неотъемлемый «признак» «вора в законе», жук или паук без паутины на руке – карманника, а скрещенные стрела и ключ на предплечье или бедре – символ профессионального домушника[2]. По такой «наскальной живописи» можно было не только определить принадлежность того или иного лица к кругу «воров в законе», но и «прочитать» историю его криминального прошлого. Кроме того, татуировки указывали на нрав преступника, отбытый срок наказания, ранг в криминальной иерархии и даже сексуальную ориентацию [11, с. 73–75].

Так постепенно происходило «узаконивание» татуировок, а стихийное использование тату превращалось в строго регламентируемую самим сообществом уголовников пиктографически-идеографическую систему. Криминальные «рисунки» на теле содержали тайный смысл и позволяли «хозяину» быстрее устанавливать контакты со своими «коллегами» по «масти». При этом некоторые татуировки (например, символику «воров в законе») лицам, не имеющим отношения к этой «категории» преступников, было запрещено наносить под страхом смерти. Вследствие этого «носить» некоторые татуировки без «одобрения» высшего криминалитета было достаточно опасно.

---

[1] Профессиональная преступность: история и современность [Электронный ресурс]. URL: http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/08.htm (дата обращения 27.11.2023).

[2] Энциклопедия бандитских татуировок [Электронный ресурс]. URL: http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=760&lvl=05. (дата обращения 26.07.2023).

Примечательно, что во второй половине XX века число татуированных (например, по сравнению с 1920-ми гг.) значительно возрастает. Как отмечают исследователи В. Б. Малинин и К. З. Трапаидзе: «Ни в одной стране мира зэки не были настолько сине-фиолетовыми, как у нас» [7, с. 55–59]. Причём, чем больше у преступника было судимостей, тем «разрисованнее» становилось его тело.

Начиная с 1970-х гг. в СССР происходит распад криминальной системы татуировок в связи с постепенным исчезновением самой «воровской идеи» в уголовном мире. В это время преступные татуировки смешиваются с гражданскими, что наблюдается и в современном российском обществе. Кроме того, в «наскальной живописи» уголовников появляются совершенно не свойственные более раннему периоду мотивы. Так, например, в ранних татуировках советских профессиональных преступников нельзя было обнаружить никаких указаний на установление контактов с правоохранительными органами, поскольку это строго-настрого воспрещалось самим «воровским сообществом», однако ближе к распаду СССР в преступных татуировках появляется семантика взаимоотношений с властью (например, изображение географической карты СССР, опоясанной по границе колючей проволокой) [8, с. 27–30]. Вследствие этого можно заключить, что смысловое содержание татуировок в связи с распадом «воровской идеи» в криминальном мире также заметно меняется.

В настоящее время криминальные татуировки условно можно разделить на несколько групп в зависимости от содержания: информационно-иерархические (указывают на место преступника в уголовной иерархии); личностно-установочные (раскрывают биографию лица, а также его мировоззрение, например отношение к правоохранительным органам); сигнально-обособительные (служат для связи, установления контакта с другими незнакомыми данному лицу преступниками, принадлежащими к одному или разным преступным сообществам); воровские или тюремные (указывают на отбытие преступником срока в местах лишения свободы); профессиональные (свидетельствуют о принадлежности лица к какой-либо профессии); памятные (наносятся в память о каком-либо важном для данного лица событии в жизни); сексуально-эротические (указывают на сексуальную ориентацию лица) [11, с. 73–75].

При этом, как справедливо отмечают отдельные исследователи, современные татуировки не играют той коммуникативной роли, которая отводилась им в советский период. Среди мотивов нанесения татуировок среди осуждённых в настоящее время преобладает мотив «украшения» собственного тела, вследствие чего, по справедливому замечанию некоторых учёных, сегодня значительно изменилась функциональная нагрузка криминальных тату [12, с. 107–110]. К тому же современные преступники-профессионалы не так активно, как их советские «коллеги» татуируются, а, напротив, сводят с тела «старые рисунки», для того чтобы не обнаруживать себя и оставаться вне поля зрения правоохранительных органов [13, с. 133]. Хотя часть профессиональных преступников и в настоящее время поддерживает «культ татуировок», считая, что ни один «нательный рисунок», свойственный криминальным элементам, не может быть «набит» «гражданским» лицом. И за это сегодня вполне можно поплатиться жизнью. Например, с тела лиц, «незаконно» носящих татуировки, символизирующие принадлежность к «касте» «воров в законе» или «положенцев», такие опасные «рисунки» могут насильно срезать лезвием бритвы или ножом их «коллеги» по криминальному промыслу или даже убить за это.

Отдельно обратим внимание на то, что в настоящее время за те же криминальные татуировки, по сути, можно привлечь к уголовной ответственности. Например, некоторые исследователи справедливо указывают на то, что при обвинении

по ст. 210.1. (занятие лицом высшего положения в преступной иерархии) УК РФ – чрезвычайно спорной новелле современного уголовного законодательства – нередко проводят экспертизу (либо привлекают специалиста) для изучения на теле обвиняемого тюремных татуировок, относимых к типу «воровских». Подчёркивается, что отдельные криминальные «рисунки» (например, погоны в форме эполета, восьмиконечные звёзды, паук в паутине) указывают на принадлежность их обладателя к высшим преступным кругам [14, с. 66–70]. Некоторые исследователи прямо указывают на то, что экспертиза татуировок должна являться одним из главных способов сбора доказательной базы по данной категории дел [15, с. 26–29]. Подчеркнём, что в первом обвинительном приговоре по ст. 210.1. УК РФ обвиняемая сторона использовала, помимо прочих, такие средства доказывания, как протокол освидетельствования обвиняемого, в котором описаны татуировки, обнаруженные на теле, а также заключение судебной культурологической экспертизы, в которой сделан вывод о том, что обнаруженные татуировки набивают себе на теле представители так называемой высшей «воровской касты». Оперативные работники при этом дали показания, что обнаруженные татуировки могут себе позволить только преступники, находящиеся на высшей ступени криминальной иерархии [16, с. 43–51]. И хотя возможность, а главное целесообразность использования в качестве доказательств вины таких внешних признаков с целью привлечения к уголовной ответственности лица по ст. 210.1. УК РФ подвергается сомнению, по справедливому утверждению некоторых исследователей, такая «визитная каточка» на коже может стать отличной «подсказкой» для сотрудников правоохранительных органов [17, с. 233–240], в связи с чем «носить» криминальные татуировки сегодня достаточно опасно. Ведь если обладателя такого «знака отличия» не «привлекут» к «товарищеской» ответственности сами представители высшего криминального круга, то это могут сделать сотрудники правоохранительных органов по соответствующей статье УК РФ.

Таким образом, татуировка как важнейший элемент криминальной субкультуры с момента зарождения (от обычая клеймения особо опасных преступников в дореволюционный период в России) по настоящее время несёт значимую информационную функцию, являя собой особый «криминальный код», позволяющий преступникам одной «масти» устанавливать и поддерживать невербальные контакты между собой, идентифицировать своих «коллег» в преступной среде, возводить то или иное лицо в определённый криминальный «ранг». И если сегодня татуировка вошла в моду как обычное «украшение» тела лицами, совершенно не связанными с преступной средой, то в недалёком прошлом наколки имели важную коммуникационную, идентификационную, стратификационную роль. При этом следует отметить, что сегодня система татуирования не отличается такими же жёсткими правилами, как в советский период – время расцвета обычая криминального татуирования. Хотя многие представители высшего преступного круга по-прежнему воспринимают татуировки как важнейший источник информации так же, как и сотрудники правоохранительных органов (особенно в свете появления ст. 210.1 УК РФ). Таким образом, мы считаем, что желающим «украсить» своё тело тем или иным криминальным «рисунком» необходимо подходить к этому вопросу особо осторожно, поскольку за это, казалось бы, безобидное желание вполне можно поплатиться жизнью (если «набить» какой-то «неправильный» с точки зрения высшего криминалитета символ) или отправиться «за решётку».

---

1. Артемьев Н. С., Забелич А. А. Характеристика профессиональной преступности и личности профессионального преступника // АВБсП. 2017. № 1. С. 32–35.
2. Мацкевич И. М. Мифы преступного мира. М.: Проспект, 2014. 366 с.

3. Некрасов А. П., Кондрат И. Н., Третьяков И. Л. Субкультура в местах лишения свободы и историческое ее развитие // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4. С. 251–256.
4. Шалагин А. Е. Криминальная среда и ее общественная опасность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2(2). С. 36–41.
5. Барабанов Н. П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. № 2. С. 177–182.
6. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2001. 704 с.
7. Малинин В. Б., Трапаидзе К. З. История возникновения татуировок // Царскосельские чтения. 2015. № 19. С. 55–59
8. Грачёв М. А. Появление и эволюция криминальных татуировок в России // Юрислингвистика. 2022. № 23 (34). С. 27–30.
9. Бронников А. Г., Бронников Д. В. Татуировка за решеткой. Прикамский соц. ин-т, 2003. 64 с.
10. Балдаев Д. С., Судаков А.М. Татуировки заключенных. Изд-во «Лимбус-Пресс», 2001. С. 65–66.
11. Руденко И. Н. Татуировки в преступном мире и современной моде // Вестник магистратуры. 2018. № 1-2 (76). С. 73–75.
12. Гайдай М. К., Кашина Л. А. Татуировки и жаргон как наиболее наглядные проявления асоциальной девиантности несовершеннолетних // Вестник БГУ. 2012. № 14а. С. 107–110.
13. Максимовский Е. Г., Кашуба Г. Империя страха преступный мир, мафия, воры в законе, рэкет, шулеры, стукачи: незащищенный мир, христианское слово, поэзия лагерей, погубленные судьбы. Изд-во Зеленый Парус, 1992. 256 с.
14. Косьяненко Е. В., Кармановский М. С. Критический анализ положений ст. 210.1 УК РФ и практики ее применения // Научный портал МВД России. 2022. № 2(58). С. 66–70.
15. Грачёв М. А. К вопросу о построении методики установления принадлежности лица к высшей уголовной иерархии по пиктографическому криминальному письму // Юрислингвистика. 2021. № 21(32). С. 26–29.
16. Скобликов П. А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4(27). С. 43–51.
17. Шпаковский Ю. Г. «Визитная карточка» на коже, или подсказка криминалисту // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 2(78). С. 233–240.

1. Artem`ev N. S., Zabelich A. A. Xarakteristika professional`noj prestupnosti i lichnosti professional`nogo prestupnika // AVBsP. 2017. № 1. S. 32–35.
2. Maczkevich I. M. Mify` prestupnogo mira. M.: Prospekt, 2014. 366 s.
3. Nekrasov A. P., Kondrat I. N., Tret`yakov I. L. Subkul`tura v mestax lisheniya svobody` i istoricheskoe ee razvitie // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2005. № 4. S. 251–256.
4. Shalagin A. E. Kriminal`naya sreda i ee obshhestvennaya opasnost` // Ucheny`e zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 2(2). S. 36–41.
5. Barabanov N. P. Kriminologicheskij i psixologicheskij aspekty` kriminal`noj ideologii i obraza zhizni v kriminal`noj subkul`ture osuzhdenny`x // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2017. № 2. S. 177–182.
6. Pirozhkov V. F. Kriminal`naya psixologiya. M., 2001. 704 s.
7. Malinin V. B., Trapaidze K. Z. Istoriya vozniknoveniya tatuirovok // Czarskosel`skie chteniya. 2015. № 19. S. 55–59

8. Grachyov M. A. Poyavlenie i e`volyuciya kriminal`ny`x tatuirovok v Rossii // Yurislingvistika. 2022. № 23 (34). S. 27–30.
9. Bronnikov A. G., Bronnikov D. V. Tatuirovka za reshetkoj. Prikamskij socz. in-t, 2003. 64 s.
10. Baldaev D. S., Sudakov A.M. Tatuirovki zaklyuchenny`x. Izd-vo «Limbus-Press», 2001. S. 65–66.
11. Rudenko I. N. Tatuirovki v prestupnom mire i sovremennoj mode // Vestnik magistratury`. 2018. № 1-2 (76). S. 73–75.
12. Gajdaj M. K., Kashina L. A. Tatuirovki i zhargon kak naibolee naglyadny`e proyavleniya asocial`noj deviantnosti nesovershennoletnix // Vestnik BGU. 2012. № 14a. S. 107–110.
13. Maksimovskij E. G., Kashuba G. Imperiya straxa prestupny`j mir, mafiya, vory` v zakone, re`ket, shulery`, stukachi: nezashhishhenny`j mir, xristianskoe slovo, poe`ziya lagerej, pogublenny`e sud`by`. Izd-vo Zeleny`j Parus, 1992. 256 s.
14. Kos`yanenko E. V., Karmanovskij M. S. Kriticheskij analiz polozhenij st. 210.1 UK RF i praktiki ee primeneniya // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2022. № 2(58). S. 66–70.
15. Grachyov M. A. K voprosu o postroenii metodiki ustanovleniya prinadlezhnosti licza k vy`sshej ugolovnoj ierarxii po piktograficheskomu kriminal`nomu pis`mu // Yurislingvistika. 2021. № 21 (32). S. 26–29.
16. Skoblikov P. A. Pervy`j prigovor po obvineniyu v zanyatii vy`sshego polozheniya v prestupnoj ierarxii: osveshhenie v SMI i znachenie dlya pravoprimenitel`noj praktiki // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2020. № 4(27). S. 43–51.
17. Shpakovskij Yu. G. «Vizitnaya kartochka» na kozhe, ili podskazka kriminalistu // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2021. № 2(78). S. 233–240.

Информация об авторе

Кристина Александровна Зарубина. Кандидат исторических наук. Преподаватель кафедры теории и истории государства и права.
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».
305003, Россия, г. Курск, ул. 50 лет октября, д. 94.

Information about the author

Kristina A. Zarubina. Candidate of Historical Sciences. Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law.
South-West State University.
305003, Russia, Kursk, 50 let Oktyabrya str., 94.

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted December 8, 2023; approved after reviewing April 12, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 342.32

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

Цыбаков Дмитрий Леонидович
Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, Химки, Россия

d413839@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе состояния правового регулирования деятельности организаций частных военных и охранных подрядчиков. Рассматривается специфика законотворческого процесса обеспечения деятельности частных военных и охранных коммерческих организаций в современный период. К основным трудностям регулирования деятельности частных военных компаний (далее – ЧВК) автор относит отставание существующей нормативно-правовой базы от реального состояния сферы компетенции частного военно-охранного предпринимательства. Наиболее значимым и сложным аспектом признаётся неразрешённость вопроса о возможности передачи частным контрактным организациям некоторых функций публичной власти. Автором формулируется вывод о том, что приоритетом развития государственно-правовой отрасли должно оставаться создание условий для недопущения использования ЧВК в противоречащих российскому законодательству целях и формах.

Ключевые слова: государство, правовое регулирование, правовые отношения, ЧВК, ЧВОК, законопроект, доктрина, конвенция, Документ Монтрё.

Для цитирования: Цыбаков Д. Л. Проблемы правового регулирования деятельности частных военных компаний // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 36–44.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF PRIVATE MILITARY COMPANIES

Dmitry L. Tsybakov
The Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailik, Khimki, Russia

d413839@yandex.ru

Annotation. The purpose of the article is to analyze the state of legal regulation of the activities of private military and security contractor organizations. The specifics of the lawmaking process of ensuring the activities of private military and security commercial organizations in the modern period are considered. To the main difficulties in regulating the activities of private military companies (hereinafter - PMCs) the author attributes the lagging of the existing legal and regulatory framework from the real state of the sphere of competence of private military and security entrepreneurship. The most significant and difficult aspect is recognized as the unresolved issue of the possibility of transferring some functions of public authority to private contract organizations. The author formulates the conclusion that the

priority of the development of the state-legal sector should remain the creation of conditions to prevent the use of PMCs for purposes and forms contrary to the Russian legislation.

Keywords: state, legal regulation, legal relations, PMCs, PMCs, bill, doctrine, convention, Montreux Document.

For citation: Tsybakov D. L. Problems of legal regulation of the activities of private military companies // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 36–44.

В современной правовой теории актуализируется проблема девальвации государственной монополии института государства на законное насилие. В сфере правового регулирования происходят судьбоносные трансформации субъектного состава и функционального предназначения гуманитарного права или «права войны». Особую актуальность отмеченная проблема стала приобретать в период 2022–2024 гг. Помимо регулярных армий, активным участником конфликтов и локальных войн выступают различные парамилитарные формирования и негосударственные военизированные субъекты. Тем самым предопределяется передача или делегирование важных функций государственной власти частным органам и корпорациям.

Авторитарные режимы продолжает привлекать для участия в военных действиях многочисленных незаконных комбатантов, различные категории которых подробно дефинированы в юридической теории. С точки зрения большинства отечественных и зарубежных правоведов, физические лица подобного рода должны идентифицироваться в качестве международных преступников и подвергаться уголовному наказанию [1, с. 51]. Однако на практике происходит фактическая легализация современного наёмничества, основным механизмом чего в первых двух десятилетиях XXI столетиях выступает инструментарий применения частных военных компаний. В научной литературе и правоприменительной практике, а также в документообороте ООН и связанных с ней международных организациях такие субъекты также обозначаются в качестве частных военных и охранных компаний (ЧВОК).

Отмеченная тенденция стала проявляться ещё в процессе развёртывания локальных войн и немеждународных вооружённых конфликтов постбиполярного периода, когда вооружённое насилие со стороны ведущих мировых держав всё в большей степени применялось в формате различных «ассиметричных действий», проецируясь в деятельности коммерческих военизированных структур транснационального характера [2, с. 5]. Весомый объём функций в области обороны и безопасности в конфликтогенных регионах земного шара, где не сложились или были утрачены системы и практики правовых отношений, взяли на себя частные военные подрядчики. Важное значение для дальнейшего формирования нормативной основы работы мирового сегмента негосударственных военных и охранных услуг имеет осмысление доктрин и положений современного гуманитарного права [3, с. 56].

В правовой мысли констатируется, что в настоящее время многие из частных военных коммерческих агентств вышли за рамки своей юридически обоснованной деятельности и фактически выступают проводником экспансионистской политики отдельных государств или глобалистских акторов. Так, именно аффилированные с вооружёнными силами западных держав частные военные компании были отмечены в реализации планирования операций армии Хорватии «Буря» по захвату сербских национально-территориальных автономий в 1998 году. Наибольшие нарушения гуманитарного права с их стороны стали известны во время операции США и НАТО в Афганистане в 2011–2021 гг., а также во время гражданской войны в Ливии в 2011–2012 гг.

С началом делитимации публичной власти на Украине 2014 году ряд западных ЧВК более десяти лет оказывает содействие вооружённым формированиям киевского режима, особенно интенсивно выходя за пределы очерченных международным правом полномочий после начала Специальной военной операции Российской Федерации 2022 года. Отмеченный процесс отчасти затронул и российскую практику обеспечения национальных интересов государства в ближнем и дальнем зарубежье. При этом для обозначения ряда добровольческих формирований российского происхождения, действующих в стратегических регионах планеты, нередко также используется термин «ЧВК». Однако таковой не обладает юридически обоснованным содержанием ввиду того, что нормативно-правая база функционирования частного сектора оказания военно-охранных услуг на протяжении полутора десятилетий по-прежнему не обрела обоснованного содержания и не была санкционирована отечественным законодателем [4, с. 10]. За минувшее десятилетие в нижней палате российского парламента трижды рассматривались законопроекты, призванные легализовать частные военно-охранные компании в правовом поле. Заметный резонанс вызвали проекты федеральных законов № 620156 от 2012 года, № 630327-6 от 2014 г, проект Федерального закона № 952777-6 от 2015 года[1].

Характерно, что одной из главных причин отклонения перечисленных инициатив депутатским корпусом следует признать недостаточное использование при их составлении норм международного права. Помимо чего указывалось на несоответствие положений таких законопроектов статьям Конституции РФ: ч. 5 ст. 13, которая прямо запрещает деятельность общественных объединений, призывающих к созданию негосударственных вооружённых субъектов. Кроме того, ст. 71 Основного закона РФ называет задачи безопасности и обороны предметом исключительного ведения публичной власти. Кроме чего одобрение парламентом законодательных проектов, посвящённых частному военно-охранной деятельности, инициировало бы внесение поправок в широкий перечень актов национального законодательства.

Первые негосударственные субъекты, позиционировавшие своё участие в обеспечении безопасности личности, общества и государства с участием российских граждан, стали заявлять о себе начиная с 2003–2005 гг., оперируя в нестабильных районах Ближнего и Среднего Востока, Аденского пролива и побережья Тропической Африки. Практически все они имели регистрацию в качестве юридических лиц в зарубежных государствах. В связи с началом сирийских событий российские частные военные контракторы вышли на новый организационный уровень и практически стали ядром антитеррористической коалиции из различных военно-политических сил Сирийской Арабской Республики и сопредельных государств. В период Специальной военной операции отмечалась синхронная деятельность наиболее многочисленного из акторов подобного рода, известного под условным обозначением «ЧВК Вагнер» в шести африканских государствах и непосредственно в районах проведения СВО [5, с. 115]. Неурегулированность правового статуса конгломерата нескольких юридических лиц, действовавших под обозначением указанной организации, стала одной из причин попыток объявления её так называемой «частной армией» и последовавшего нарушения конституционного порядка Российской Федерации в июне 2023 года.

[1] «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний», «О частных военно-охранных компаниях», «О частной военно-охранной деятельности» [Электронный ресурс]: проекты Федер. законов Рос. Федерации № 620156, № 630327-6, № 952777-6. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Таким образом, имеет смысл обозначить ключевые проблемы, связанные с отставанием нормативно-правового регулирования и теоретико-правового обеспечения деятельности частных военных подрядчиков как в российской, так и в международной практике [6, с. 35]. Актуальными остаются задачи внедрения действенных механизмов контроля за деятельностью ЧВК/ЧВОК с целью предотвращения отрицательных как последствий их автономного функционирования, так и использования частных контракторов государствами и различными негосударственными субъектами [7, с. 125]. Обращение к ныне действующим правым доктринам показывает, что существующие в данной сфере документы обладают преимущественно рекомендательным характером, нуждаясь в дальнейшей официально-правовой детализации [8, с. 63]. Все акты, имеющие отношение к регулированию частной деятельности военных контракторов, имеет смысл выделить в две группы. Первая из них может быть названа «ограничительной», будучи призванной предотвратить преобразование частных подрядчиков в формирования международных наёмников. Вторая группа нормативных актов – регулирующая – предназначена для обеспечения профессиональной деятельности ЧВК в сфере обеспечения международной, региональной и национальной безопасности.

Категория нормативных актов «ограничительной» группы основана в первую очередь на положениях Женевских Конвенций[1]. Дополнительный протокол к ней даёт исчерпывающий перечень незаконных действий по организации наёмничества. Среди последних перечисляются вербовочная деятельность в зоне конфликта или за её границами; фактическое участие в военных действиях. Главной причиной для участия в военных действиях называется стремление получить личную выгоду. Важным критерием юридической идентификации намёмника признаётся территориальный: члены наёмных группировок не имеют гражданства или вида на жительство в стране, которая охвачена вооружённым конфликтом. Кроме того, для юридического признания наёмником такие субъекты не должны официально состоять в рядах вооружённых сил одной из сторон, вовлечённых в противостояние.

Другим системообразующим актом в области борьбы с наёмничеством следует признать Международную конвенцию, принятую в 1989 году резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН[2]. В законную силу она вступила в 2001 году и была подписана и ратифицирована 46 государствами. Характерно, что указанный документ существенно дополняет определение незаконной наёмной деятельности, относя к ней организацию свержения законного правительства, действия против конституционного порядка государства, а также посягательство на его территориальную целостность. Характерно, что, помимо признания недопустимости насильственных действий со стороны наёмников относительно национально-государственного суверенитета, Международная конвенция учреждает недопустимость для государств-участников обращения к вербовке и финансированию наёмников для противодействия реализации неотъемлемого права народов на законное национальное самоопределение.

Вместе с тем в научном сообществе распространено убеждение о недееспособности Конвенции в деле противодействия организованному наёмничеству. Как достаточно обоснованно заключает российский исследователь А. И. Никитин, подобные акты нацелены на противодействие в большей степени

[1] Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера [Электронный ресурс]. URL:https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540378/ (дата обращения 27.04.2024).

[2] Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (дата обращения 27.04.2024).

индивидуальной деятельности наёмника, а также решают задачи недопущения участия государственных институтов в привлечении наёмной вооружённой силы. При этом субъекты, пребывающие в качестве посредников между государством и физическими лицами, то есть коммерческие компании и корпорации, остаются вне сферы регулирования государственного законодательства [9, с. 206]. Тем самым обозначенные выводы указывают на вероятность трансформации организаций частных военных конктракторов в незаконные с точки современного права вооружённые объединения транснационального масштаба.

Очевидным доказательством весьма условных возможностей рассматриваемой Конвенции служит достаточно ограниченный круг государств, признавших её международную юрисдикцию. Из числа развитых государств к ней присоединились только Германия и Италия, а остальные участники Конвенции представлены в первую очередь развивающимися странами. Анализ теоретико-правовой базы, призванной предотвратить нарушения гуманитарного права со стороны ЧВК, может быть дополнен обращением к положениям Модельного закона Содружества Независимых Государств от 2005 года[1]. По сравнению с положениями Женевских конвенций и Конвенции в деле противодействия организованному наёмничеству примечательно дальнейшее увеличение перечня деяний, относимых данным актом к понятию незаконной деятельности негосударственных вооружённых объединений. Кроме ранее зафиксированных, к таковой положения Модельного закона относят подрыв экономических, правовых, финансовых основ национальной государственности, разрушение его территориальной целостности и базовой инфраструктуры, общественной и экологической безопасности. Равным образом к действиям наёмников оказались отнесены участия в террористических актах и покушениях, овладение ценными природными ресурсами, участие в иностранной оккупации территории страны и в незаконных депортациях её населения.

Наряду с расширенным толкованием конкретных деяний наёмников Модельный закон развивает положения о принадлежности физического лица к вооружённым силам, военной организации государства, являющегося участником конфликта как к условию, легализующему участие в военных действиях. Точно так же наёмником не может быть признано лицо, имеющее гражданство страны, в которой происходит вооружённое противостояние, или постоянно проживающее на её территории.

Важное значение в контексте настоящего исследования имеет признание правомерности участия в военных действиях при наличии гражданства не только государства, охваченного конфликтом, но и государства, участвующего в этих событиях. Таким же условием признаётся проживание физического лица на территории страны, где ведутся военные действия, или же на территории страны, которая официально принимает в них участие.

Из изложенного выше следует, что обвинения в наёмничестве не могут быть предъявлены сотрудникам ЧВК – гражданам Российской Федерации, например, оказывающим содействие группировке российской армии в период военной операции в Сирийской Арабской Республике в 2015–2024 гг. В данном случае соблюдается условие наличия у частных контракторов гражданства России, чей военный контингент официально привлечён к выполнению союзных обязательств перед сирийским правительством. В данном случае учитываются все основания для решения вопроса о наступлении юридической ответственности или отказе от обращения к ней [10, с. 19].

[1] О противодействии наемничеству. Модельный закон // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ. 2006 г. № 37.

Тем менее сравнительный обзор нормативных источников позволяет выделить ряд квалификационных признаков, которые являются общими для идентификации наёмников и сотрудников ЧВК/ЧВОК. К таковым следует отнести в первую очередь заинтересованность в материальной выгоде как основном мотиве своего присутствия в конфликтогенном регионе. Кроме того, частный военный контактор, как и наёмник, не должен официально состоять в вооружённых силах и правоохранительных органах той страны, где происходят военные действия или сохраняется военно-политическая нестабильность. Отметим, что обнаруженное сходство квалификационных признаков сочетается с наличием параметров, не совпадающих в характеристиках наёмников и служащих ЧВК. Прежде всего, для последних не установлено требование гражданства или постоянного проживания в стране, где разворачивается деятельность военно-охранной компании или организации. Однако основной критерий, обособляющий участников частных подрядных субъектов, – это недопущение их участия собственно в военных действиях. Следуя корпоративным документам военно-охранного предпринимательства, можно утверждать, что основные функции ЧВК/ЧВОК сводятся к оказанию, прежде всего, вспомогательных и обеспечивающих функций в деле урегулирования конфликтов и обеспечения вопросов безопасности. Прямое участие в войсковых операциях для частных контракторов не предусматривается.

Имеет смысл признать, что именно перспективы перехода служащих ЧВК от обучения, снабжения, консультирования и охраны к непосредственному присутствию в боевых порядках противоборствующих сторон формирует проблемное поле нормативно-правового регулирования работы частных военных подрядчиков. Ситуация в зонах нестабильности такова, что обстановка требует немедленного принятия решений для расширенного применения потенциала военно-охранных компаний. В случае эскалации военно-политической обстановки в районах их профессиональной деятельности обычным правилом становится вовлечение сотрудников ЧВК в военные действия. Тем более что наиболее часто военно-охранный бизнес выполняет свои контракты в странах «третьего мира» или на территории так называемых «несостоявшихся государств». Как правило, в таких регионах не имеется легитимных институтов публичной власти и действенного международного контроля за развитием социально-политических отношений. Тем самым частные подрядчики оказываются в ситуации, провоцирующей их на выход за рамки официально установленных полномочий и условий заключённых контрактов. В свою очередь, заинтересованные в проведении своей экспансии влиятельные акторы в лице мировых держав и транснациональных корпораций намеренно привлекают ЧВК/ЧВОК для установления контроля над стратегически важными районами земного шара. Частные подрядчики используются для проведения разного рода подрывных или стабилизирующих действий в тех случаях, когда привлечение регулярных армий противоречит «праву войны» и считается неприемлемым с учётом политических соображений. Вместе с тем реальность доказывает, что большая часть сотрудников частного военно-охранного сектора продолжает относиться к обеспечивающим, транспортным и консалтинговым структурам и не имеет объективных перспектив стать участником вооружённой борьбы.

Таким образом, основным проблемным вопросом теоретико-правового регулирования деятельности современных ЧВК становится невозможность предотвратить правовыми мерами их участие непосредственно в военных действиях и войсковых операциях. Осознание отмеченной проблемы прослеживается исходя из аналитической обработки нормативных актов, разработанных с участием представителей наиболее известных частных военно-охранных объединений.

К таковым следует отнести Документ (Конвенцию) Монтрё, опубликованный в 2008 году правительством Швейцарии и Международным комитетом Красного Креста. В его подготовке принимали активное участие эксперты из военно-охранных структур зарубежных юридических лиц и корпораций. Основной целью принятия указанного акта и развивающего его положения Международного кодекса поведения частных военных компаний в 2010 году было объявлено обеспечение условий для выполнения норм гуманитарного права в профессиональной работе частного военного сектора. Для продвижения задач принятого акта была предпринята попытка создания правового механизма в форме Международной ассоциации кодекса поведения ЧВОК. Этот факт не исправляет того обстоятельства, что принятые от имени Швейцарии и Международного Комитета Красного Креста нормативные акты имеют исключительно рекомендательный характер и не обладают юридической силой.

При сопоставлении Конвенции Монтрё от 2008 года с нормативными актами, призванными противодействовать распространению наёмничества, отмечается более широкий охват государств-разработчиков и участников отмеченного документа[1]. В числе 17 первых подписантов отмечались США, КНР, Великобритания, Франция и Германия. В последующем число членов Конвенции увеличилось до 56 государств, к которым присоединились Европейский союз и две международные организации – НАТО и ОБСЕ.

Следует также указать на наличие корпоративных актов ЧВК и ЧВОК, которые распространены в структуре наиболее известных субъектов подобного рода – Британской ассоциации частных военных и охранных компаний, Международной ассоциации операций по стабилизации, Американского общества промышленной безопасности. Заметным вкладом в урегулирование статуса участников правовых отношений легальной военной контрактной деятельности следует назвать выделение классификации государств как субъектов взаимоотношений с ЧВК и ЧВОК. Документ Монтрё от 2008 года устанавливает следующую типологию государств, причастных к сотрудничеству с объединениями частных военных подрядчиков. В качестве таковых обозначаются: государства-контрагенты, представляющие принимающую сторону, то есть те, кто непосредственно обращается к услугам ЧВК; государства, на территории которых действуют частные военно-охранные агентства; а также государства, где официально зарегистрированы ЧВК. Характерно, что для каждой категории предусматриваются особые формы юридических обязательств по исполнению норм гуманитарного права.

Наряду с очевидно позитивными моментами детализации деятельности ЧВК, структурной организации и определения сферы их ответственности Документ Монтрё со всей очевидностью содержит ряд положений, противоречащих нормам и принципам современного права. Например, включение в перечень задач военных подрядчиков такой функции, как «содержание под стражей заключённых», представляет потенциальные опасности не только для нарушения прав человека и гражданина, но и содержит оправдание посягательства на суверенные права независимых государств. Другая перечисленная в Документе Монтрё функция – «обслуживание и эксплуатация боевых комплексов» – ввиду возможности чрезвычайно широкой трактовки своего содержания может рассматриваться как попытка придать узаконенный характер наделению ЧВК возможностями по ведению военных действий.

[1] Документ Монтрё о соответствующих международно- правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта // Швейцарская Конфедерация. Федеральный департамент иностранных дел Швейцарии. Региональный информационный центр МККК в Москве. 2011.

Помимо указанных противоречивых с точки зрения гуманитарного права задач ЧВК, весьма ангажированными также представляются попытки Документа Монтрё поставить под сомнение статус института государства как основного субъекта права. Во-первых, в тексте данного акта обосновывается понятие «оккупирующая держава», к которым его учредители относят государства-наниматели ЧВК. Во-вторых, в документе разводятся понятия «государство-контрагент/наниматель» и «государство территориальной юрисдикции». Таким образом, предусматривается возможность одним международным субъектам действовать через нанятые ЧВК на территории другого субъекта, то есть в границах «государства юрисдикции». В развитие чего п. 13 Документа оговаривает вероятность частичной оккупации страны, где действуют частные военные контракторы.

В-третьих, Документ Монтрё предусматривает варианты включения ЧВК в состав регулярной армии, ополчений и других добровольческих отрядов в ситуации вооружённого противостояния, а также возможность создания на их основе «организованных вооружённых групп», принадлежащих одной из сторон конфликта, при выполнении таковой условий, принятых для формирований комбатантов.

Таким образом, оценка положений наиболее известных нормативных актов позволяет сделать вывод о неоднозначности ситуации в сфере регулирования деятельности частных военных и охранных компаний. В области государственного и конституционного права России и многих других государств ЧВК не легализованы как акторы государственно-гражданского взаимодействия. Наряду с чем попытки создания корпоративных кодексов частных военных подрядчиков отличаются намерениями делегирования им части функций, традиционно находящихся в сфере компетенции институтов публичной власти. Тем самым отмечаются попытки легализовать участие ряда ЧВК в осуществлении таких властно-распорядительных функций, как легальное насилие и узаконенное принуждение. Для преодоления отмеченного противоречия необходима дальнейшая разработка доктринальных основ государственного и конституционного права.

1. Дерман К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // Международный журнал Красного Креста: сборник статей. 2003. С. 51–87.
2. Небольсина М. А. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний. Сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав. М.: Издательство «Международные отношения», 2018. 240 с.
3. Остроухов Н. В. Взаимосвязь международного гуманитарного права и международного права прав человека // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6(181). С. 56–59.
4. Марков А. Ю. ЧВК как форма аутсорсинга функций Вооруженных Сил РФ: вопросы трудового права // Кадровик. 2023. № 2. С. 8–10.
5. Соколов Р. Н. Применение частных военных компаний в рамках СВО на Украине: обзор // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 2(2). С. 115–123.
6. Волжанин Д. А. ЧВК как инструмент влияния на международной политической арене // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 1(114). С. 33–38.
7. Слепенков В. А. Деятельность ЧВК на постсоветском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. Т. 1, № S(87). С. 125–130.
8. Камерон Л. Частные военные компании: их статус по международному гуманитарному праву и воздействие МГП на регулирование их деятельности // Международный журнал Красного Креста, том 88. 2006. № 863. С. 63–95.

9. Никитин А. Принципы и формы международно-правового регулирования частных военных и охранных компаний // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2(65). С. 193–206.
10. Алексеева Л. А. Этические основы принципов юридической ответственности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 13–19.

1. Derman K. Pravovoj status «nezakonny`x i (ili) ne pol`zuyushhixsya zashhitoj konvencij kombatantov» // Mezhdunarodny`j zhurnal Krasnogo Kresta: sbornik statej. 2003. S. 51–87.
2. Nebol`sina M. A. Regulirovanie deyatel`nosti chastny`x voenny`x i oxranny`x kompanij. Sravnitel`ny`j analiz politiki mezhdunarodny`x organizacij i mirovy`x derzhav. M.: Izdatel`stvo "Mezhdunarodny`e otnosheniya", 2018. 240 s.
3. Ostrouxov N. V. Vzaimosvyaz` mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava i mezhdunarodnogo prava prav cheloveka // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 6(181). S. 56–59.
4. Markov A. Yu. ChVK kak forma autsorsinga funkcij Vooruzhenny`x Sil RF: voprosy` trudovogo prava // Kadrovik. 2023. № 2. S. 8–10.
5. Sokolov R. N. Primenenie chastny`x voenny`x kompanij v ramkax SVO na Ukraine: obzor // Texnologii social`no-gumanitarny`x issledovanij. 2023. № 2(2). S. 115–123.
6. Volzhanin D. A. ChVK kak instrument vliyaniya na mezhdunarodnoj politicheskoj arene // Obshhestvo: politika, e`konomika, pravo. 2023. № 1(114). S. 33–38.
7. Slepenkov V. A. Deyatel`nost` ChVK na postsovetskom prostranstve // Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i social`no-e`konomicheskix nauk. 2022. T. 1, № S(87). S. 125–130.
8. Kameron L. Chastny`e voenny`e kompanii: ix status po mezhdunarodnomu gumanitarnomu pravu i vozdejstvie MGP na regulirovanie ix deyatel`nosti // Mezhdunarodny`j zhurnal Krasnogo Kresta, tom 88. 2006. № 863. S. 63–95.
9. Nikitin A. Principy` i formy` mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya chastny`x voenny`x i oxranny`x kompanij // Puti k miru i bezopasnosti. 2023. № 2(65). S. 193–206.
10. Alekseeva, L. A. E`ticheskie osnovy` principov yuridicheskoj otvetstvennosti // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 1(94). S. 13–19.

Информация об авторе

Дмитрий Леонидович Цыбаков. Профессор кафедры государственного и муниципального управления, доктор политических наук, доцент.
Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика.
141435, Россия, г. Химки, ул. Соколовская, 1А.

Information about the author

Dmitry L. Tsybakov. Professor of the Department of Public and Municipal Administration. Doctor of Political Sciences, Associate Professor.
The Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhaylik.
141435, Russia, Khimki, Sokolovskaya str., 1A.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted March 27, 2024; approved after reviewing May 13, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 342; 343

ПАСПОРТ ДЛЯ РУССКИХ ПОДДАННЫХ И ИНОСТРАНЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ «УСТАВА О ПАСПОРТАХЪ»

Шурухнов Николай Григорьевич[1], Шурухнова Диана Николаевна[2]
[1]Всероссийский государственный университет юстиции, Тула, Россия; Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия
[2]ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Москва, Россия

[1]matros49@mail.ru
[2]diana_shu@indox.ru

Аннотация. Представлены нормативные правовые акты значительного периода развития Российской империи (от Петра I до Николая II), которые регламентировали выдачу «проезжих грамот», паспортов для русских подданных и иностранных граждан. Перечисляются категории граждан, которым они выдавались, кто был ограничен в их получении, обозначается роль этих документов при перемещении населения в пределах империи и за границей. Рассмотрено содержание «Свода уставов о паспортах и беглых» и «Устава о паспортахъ», проведено их краткое сравнительно-правовое исследование. Даны виды ответственности за нарушение паспортных правил.

Ключевые слова: паспорт, вид на жительство, явка иноземцев в Россию, «проезжая грамота», постоянное место жительства, виды паспортов.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г., Шурухнова Д. Н. Паспорт для русских подданных и иностранцев в Российской Империи. Некоторые виды ответственности за нарушение «Устава о паспортахъ» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 45–51.

PASSPORT FOR RUSSIAN CITIZENS AND FOREIGNERS IN THE RUSSIAN EMPIRE. SOME TYPES OF LIABILITY FOR VIOLATION OF THE «CHARTER ON PASSPORTS»

Nikolai G. Shurukhnov[1], Diana N. Shurukhnova[2]
[1]All-Russian State University of Justice, Tula, Russia; Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
[2]Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

[1]matros49@mail.ru
[2]diana_shu@indox.ru

Abstract. The regulatory legal acts of a significant period of development of the Russian Empire (from Peter I to Nicholas II) are presented, which regulated the issuance of «travel certificates», passports... for Russian subjects and foreign citizens. The categories of citizens to whom they were issued, who were limited in receiving them are listed, and the role of these documents in the movement of the population within the empire and abroad is indicated. The contents of the «Code of Statutes on Passports and Fugitives» and the «Charter

on Passports» are presented, and a brief comparative legal study of them is carried out. Types of liability for violation of passport rules are given.

Keywords: passport; resident card; the appearance of foreigners in Russia; «travel certificate»; permanent residence; types of passports.

For citation: Shurukhnov N. G., Shurukhnova D. N. Passport for Russian citizens and foreigners in the Russian empire. Some types of liability for violation of the «Charter on Passports» // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 45–51.

Во все времена документы, удостоверяющие личность, выполняли несколько различных личных и государственных функций, в том числе правовых, правоохранительных, экономических, военных, ресурсных, налоговых. Их наличие позволяло построить избирательный процесс, реализовать активное и пассивное избирательное право гражданина. Велика роль паспорта или заменяющего его документа в правовом статусе личности, в решении личных вопросов гражданина. Наверное, нет другого такого документа, который имел бы не только обширное поле применения в обычной жизни, но и был незаменимым при пересечении границы, в экстремальных ситуациях, чрезвычайных обстоятельствах. Известна роль паспорта в полицейском надзоре за гражданами. В связи с введением рекрутской повинности и подушной подати Император России Пётр I в 1719 году издал указ о «Проезжих грамотах». Они использовались для передвижения внутри державы и были предшественником паспорта. В 1721 году императорским указом были введены обязательные паспорта для крестьян, временно покидавших пределы постоянного места жительства, к примеру при выезде из посада в другую местность на заработки. В 1724 году вышел царский «Плакат о зборе подушном и протчем», предписывавший таким крестьянам получать особое «прокормёжное письмо».

В России (уже в московском периоде) приезд иностранцев был «обставлен» некоторыми ограничениями. Пограничные воеводы могли пропускать иностранцев в пределы государства лишь с разрешения высшего правительства. Это было связано с указом Петра I «О явке иноземцам, приезжающим в Санкт-Петербург, для записи в Канцелярию Полицмейстерских дел» [1]. Акцентируя внимание на преемственности законодательства Российской империи, отметим, что приведённое положение позднее было закреплено в ст. 129 «Устава о паспортах» (1894 год). Она гласила: «Каждый иностранец, приехавший в Россию с законным паспортом, должен явиться в первом, лежащем на пути губернском городе к местному Губернатору и представить ему свой паспорт, с коим прибыл в Россию, получить взамен оного паспорта для жительства и переездов в Империи, по изложенном ниже сего для выдачи таковых паспортов основании». В примечании к данной статье содержалась установка о том, что «иностранцы, приезжающие морем в портовые города, получают паспорта на жительство в Империи от таможенных Градоначальников и Губернаторов, если они есть в сих городах» [2].

Исследователи считают, что указом от 31 августа 1719 г. Петр I возложил на полицию комплекс новых обязанностей по контролю и учёту приезжающих иностранных граждан и их документов. Это подтверждают положения Устава о паспортах и беглых [3] (ст. 280). В ней говорилось, что «колонисты, отлучающиеся в ближайшие селения и города для продажи продуктов, или вообще по своим потребностям получают на таковые отлучки билеты Сельских Приказов; те же из колонистов, кои имеют надобность ехать в отдаленные места на большие сроки, снабжаются их начальствами обыкновенными плакатными паспортами по правилам

в подробности определенных в Уставе о Колониях»[1].

Указанные граждане обязаны были предъявлять билеты на заставах и шлагбаумах, а по прибытии на место отдыха – соответствующим чинам полиции. «Полицейское начальство, отметив на паспорте явку, возвращает оные обратно» (ст. 328). «Объер-Полицеймейстеры наделялись правом высылки проживающих в столице без адресных билетов и подвергнутых за то взысканию, если они и после сего взыскания оказывались не имеющими упомянутых билетов» (ст. 430). Самый ранний документ учёта иностранцев, на который ориентировались и проверяли полицейские, была «проезжая грамота». Документ, официально введённый указом 1719 года, содержал комплекс персональных данных (имя, фамилия, откуда выехал, куда направляется, место жительства…). Более поздним документом полицейского учёта иностранцев была «подорожная грамота». Она исполняла ту же функцию, что и «проезжая грамота». Но выдавалась на проезд в Россию иностранцев высшими должностными лицами. В документе указывались имена и фамилии иностранцев, состав семьи, если они выезжали с семьей, чин, звание, место назначения, цель поездки.

В 1857 году Российской империей Александр II подписал «Свод уставов о паспортах и беглых» [3]. В нём были сконцентрированы многочисленные нормы, начиная со времени Петра Великого и ранее. Тот факт, что свод включал пять разделов, 27 глав, 741 статью и приложения, явно показывает его законодательную весомость. Пять его разделов содержали правила: «О паспортахъ внутри государства» – раздѣлъ первый; «О явкъ письменныхъ видовъ, билетовъ, и паспортовъ» – раздѣлъ второй; «О паспортахъ заграничныхъ» – раздѣлъ третий; «О безпаспортныхъ, бродягахъ и дезертирахъ, и о награжденіи за поимку ихъ» – раздѣлъ четвертый; «О взысканіяхъ, наказаніях и судопроизводствъ по дѣламъ объ укрывательствъ бѣглыхъ и дезертировъ» — раздѣл пятый. В первой главе «О постоянном месте жительства вообще» констатировалось обстоятельство, при котором никто не мог отлучаться от места своего постоянного жительства без узаконенного вида, или паспорта (ст. 1). Устав устанавливал и конкретные постоянные места жительства. Таковыми считались те места: «1) где кто обязан службою или состоит в ведомстве оной; 2) где находится недвижимое его имущество, в коем он городовых, или ревизских иметь водворение» (ст. 2).

«Постоянное жительство ремесленников и посадских полагалось там, где они записаны в цехи и посады и где платят государственные подати» (ст. 9). «Постоянное жительство государственных, удельных и помещичьих крестьян и дворовых людей полагается в тех поселениях и местах, где они записаны по ревизии в подушный оклад» (ст. 10). «Государственные и удельные крестьяне, приобретшие в уездных и губернских городах дома, могут иметь в оных жительство; для сего они быть снабжены видами от тех Волостных Правлений, в ведомстве коих находится по званию поселян».

Глава вторая первого раздела анализируемого документа предусматривала различные виды паспортов – бессрочные или срочные. Статьёй 40 устанавливалось правило, при котором бессрочные паспорта выдавались на свободное проживание, где пожелают: 1) чиновникам, уволенным от службы; 2) их вдовам и дочерям; 3) выслужившим узаконенное время нижним сухопутным и морским чинам и женам их; 4) казённым воспитанникам и пансионерам Херсонского Училища торгового мореплавания, выпущенным из оного со званием штурманов и штурманских помощников, срочные паспорта предназначались для лиц всех прочих состояний, куда-либо временно отлучающихся.

[1] Глава одиннадцатая Устава о паспорта и беглых: «О паспортахъ колонистовъ и другихъ переселившихся въ Россію иностранцевъ».

Анализируя архивные источники, делаем вывод о том, что существовало значительное количество законодательных актов Российской империи, которые в той или иной степени регламентировали (корректировали) паспорта, виды на жительство, паспортную систему. Для выработки предложений по усовершенствованию паспортной системы в 1869 году была учреждена паспортная комиссия. Её председателем стал статс-секретарь граф Д. М. Сольский[1]. Комиссия работала четверть века, предложения, разработанные ею и другими комиссиями, были реализованы только в 1895 году.

Государственный Совет 8 июня 1894 г. утвердил последнее Положение[2], которое также усилило роль паспорта как средства полицейского надзора. Вступил в действие документ «Книга для записывания засвидетельствований». Появился новый для Российской империи документ «Вид на жительство» (то же, что и паспорт, в те времена). Закон от 2 июня 1897 г. распространил Положение 8 июня 1894 г. о видах на жительство на всю Империю. Исключение составили губернии бывшего Царства Польского и Финляндии; а также лица, состоящие на действительной военной и морской службе; лица войскового сословия казачьих войск; финляндские обыватели; иностранные подданные проживающие в империи; лица, отбывающие за границу и оттуда возвращающиеся; лица римско-католического духовенства; инородцы; приисковые рабочие; скопцы; ссыльнопоселенцы и состоящие под полицейским надзором, учреждаемым по распоряжению административных властей. По отношению ко всем этим лицам, а также к обывателям губерний Царства Польского сохранили свою силу прежние узаконения о паспортах. Высочайше утвержденный 3 июля 1894 г. «Уставъ о паспортахъ» [2] говорит о том, что вид на жительство служит удостоверением личности, а равно и права на отлучку от места постоянного жительства в тех случаях, когда это право должно быть удостоверено (ст. 1). Устав о паспортах содержал нормы: «Объ видахъ на жительство внутри государства (раздѣлъ первый – 9 глав); «О паспортахъ заграничныхъ, пропускъ чрез границу и пограничныхъ сообщеніях» (раздѣл второй – 5 глав); приложения и 244 статьи.

Проводя сравнение с Уставом о паспортах и беглых, делаем вывод о том, что юридическая техника законодателей Российской империи продвинулась качественно вперёд (741 статья и 244). Этому в определённой степени способствовали и изменения, которые регулярно вносились в этот законодательный акт. К примеру, указ 1803 года установил действительные только в России «печатные» паспорта (вместо рукописных прокормежных и пропускных писем) для купцов, мещан и крестьян с целью борьбы с использованием фальшивых паспортов и участившимися случаями бегства крестьян. С просроченным паспортом никто и нигде проживать не мог под опасением взысканий и наказаний. Устав о наказаниях уголовных и исправительных (УоНУиИ) содержал комплекс норм (ст. 978–983), предусматривающих ответственность за нарушение правил выдачи видов на жительство и о наблюдении за установленными правилами. В ст. 982 прямо указывалось, что «полицейские чиновники за послабление в надзоре за исполнением правил о видах на жительство подвергаются: взысканиям и наказаниям по правилам, в разделе V сего Уложения постановленных, о преступлениях чиновников по службе «О преступлениях и проступках по службе

[1] Сольский Дмитрий Мартынович – граф (с 1902 г.) – русский государственный деятель, Статс-секретарь Его Императорского Величества (с 19 февраля 1864 г.).

[2] По «Положению о видах на жительство» 1895 г. паспорта выдавались: мещанам, ремесленникам, сельским обывателям (людям податных сословий). Они служили в качестве вида на жительство. Выдавались на срок до одного года независимо от наличия недоимок и согласия других лиц. Мещане, ремесленники и крестьяне получали от мещанских и ремесленных управ и волостных старшин паспорта на 5 лет, при наличии недоимки – с согласия общества и с непременной уплатой годового сбора ежегодно, а на 1 год, 6 или 3 мес. – независимо от наличия недоимок.

государственной и общественной» (ст. 329–505).

Статья 314 УоНУиИ предусматривала уголовно-правовые меры, при которых «иностранец, высланный по законному распоряжению власти, за границу, виновный в самовольном возвращении в Россию, подвергается: заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, с лишением некоторых по статье 50 сего Уложения особенных прав и преимуществ»[1]. Наказание возвышается одной степенью в случае самовольного возвращения в пределы России иностранца, уже наказанного по первой части сей статьи» [4].

Устав о наказаниях, налагаемых Мировыми судьями [5], содержал главу пятую «О нарушеніях Устава о Паспортахь» (ст. 58–64), в которой содержался комплекс наказаний за различные виды профильных правонарушений:

1) за неверное информирование о перемене жительства;

2) за дезинформацию полиции о сроках пребывания, выбытия;

3) за необъявленные содержателями гостиниц и тому подобных заведений о клиентах, прибывших и убывших из столицы;

4) за проживание в Санкт-Петербурге без внесения специальной платы на больницу чернорабочих или без внесения адресного сбора;

5) за отлучку или проживание без установленных видов там, где они требуются;

6) за удержание у себя человека без вида на жительство;

7) за проживание в городах (где это требуется) без внесения установленного больничного сбора лиц, обязанных к тому.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [4] содержало отделение пятое «О бродяжестве, укрывательстве беглых и нарушении постановлений о паспортах и других видах на жительство»:

I. О бродяжестве (ст. 950–954).

II. О проживательстве и отлучке от места жительства без установленных видов (ст. 955–957).

III. Об укрывательстве и водворении людей без установленных на жительство видов (ст. 958–974).

IV. О составлении подложных на жительство видов и проживательстве с видом подложным (ст. 975–977).

V. О нарушении правил выдачи видов на жительство и о наблюдении за исполнением сих правил (ст. 978–983). Не комментируя приведённые нормы, скажем только о том, что они предусматривают различные виды наказаний за посягательства на вид жительства. Сказанное дополним аргументом о том, что это неисчерпывающие уголовно-правовые источники того периода. Последующая отмена крепостничества неизбежно повлекла за собой ряд социальных последствий, включая изменение действующего законодательства [6]. Приведённое позволяет сделать вывод о том, что паспорта, виды на жительство, а ещё ранее «проезжие грамоты», «плакаты о зборе подушном ипротчем», «прокормёжные письма» выполняли несколько функций. Прежде всего, быть средством пополнения казны Российской империи, контроля правил исполнения видов на жительство, отслеживания малых и больших миграционных процессов населения. Паспорт и заменяющие его документы относятся к числу важнейших, имеющих значительную историю, которые меняли не только свой внешний облик, содержание, объёмность, но и позволяли населению решать комплекс личных вопросов – начиная от рождения и заканчивая смертью. На основе этих документов осуществлялось должное взаимодействие гражданина с государством и гражданским обществом.

[1] Они зависели от сословного положения иностранца.

1. Августа 31 день 1719 года Именной указ «О явке иноземцам, приезжающим в Санкт-Петербург для записи, в канцелярию полицеймейстерских дел» // ПСЗ РИ. Т. 5. 3420 с.
2. Уставъ о паспортахъ. Издание 1903 г. // Сводъ законовъ Российской империи. Том четырнадцатый. 96 с.
3. Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1857 года. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1857-1876. Т. 14: Уставы «О паспортах», «О предупреждении преступлений», «О цензуре», «О содержащихся под стражею» и «О ссыльных». Т. 14. 909 с.
4. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Т. XV. Изданіе 1885 г. 202 с.
5. Уставъ о Наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Изданіе 1885 года // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Т. XV. С. 230–234.
6. Алексеева Л. А., Гришин Н. С. Особенности профессиональной подготовки полицейских кадров Российской Империи в период с 1862 по 1917 гг. // В сборнике: История полиции Орловской области (к 300-летию российской полиции). Сборник материалов региональной научно-практической конференции. Под редакцией И. В. Кольжанова. 2018. С. 5–9.

1. Avgusta 31 den` 1719 goda Imennoj ukaz «O yavke inozemczam, priezzhayushhim v Sankt-Peterburg dlya zapisi, v kancelyariyu policejmejsterskix del» // PSZ RI. T. 5. 3420 s.
2. Ustav`` o pasportax``. Izdanie 1903 g. // Svod`` zakonov`` Rossijskoj imperii. Tom chety`rnadczaty`j. 96 s.
3. Rossiya. Zakony` i postanovleniya. Svod zakonov Rossijskoj Imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlenny`j: izdanie 1857 goda. SPb.: Tip. Vtorogo otd-niya Sobstv. e.i.v. kancelyarii, 1857-1876. T. 14: Ustavy`
«O pasportax», «O preduprezhdenii prestuplenij», «O cenzure», «O soderzhashhixsya pod strazheyu» i «O ssy`l`ny`x». T. 14. 909 s.
4. Ulozhenie o nakazaniyax`` ugolovny`x`` i ispravitel`ny`x`` // Svod`` Zakonov`` Rossijskoj Imperii. T. XV. Izdanie 1885 g. 202 s.
5. Ustav`` o Nakazaniyax``, nalagaemy`x`` Mirovy`mi Sud`yami. Izdanie 1885 goda // Svod`` Zakonov`` Rossijskoj Imperii. T. XV. S. 230-234.
6. Alekseeva L. A., Grishin N. S. Osobennosti professional`noj podgotovki policejskix kadrov Rossijskoj Imperii v period s 1862 po 1917 gg. // V sbornike: Istoriya policii Orlovskoj oblasti (k 300-letiyu rossijskoj policii). Sbornik materialov regional`noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pod redakciej I. V. Kol`zhanova. 2018. S. 5–9.

Информация об авторах

Николай Григорьевич Шурухнов. Профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности Тульского института (филиала) (РПА Минюста России). Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России. Доктор юридических наук, профессор.

Всероссийский государственный университет юстиции.

300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина, д. 104.

Диана Николаевна Шурухнова. Доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дивсциплин, кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова».
115054, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36.

Information about the authors

Nikolaj G. Shurukhnov. Professor of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities of the Tula Institute (branch) (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Leading researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow. Doctor of Sciences (Law), Professor.
All-Russian State University of Justice.
300026, Russia, Tula, Lenin Avenue., 104.

Diana N. Shurukhnova. Associate Professor of the Department of State-Law and Criminal Law. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.
115054, Russia, Moscow, Stremyannyi per., 36.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 27.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted April 1, 2024; approved after reviewing April 27, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 351.74

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОПАГАНДЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Афонин Вадим Вячеславович
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

vadim.afonin@mail.ru

Аннотация. В научной статье рассматривается вопрос совершенствования действующего административного законодательства, регламентирующего имеющуюся систему профилактической деятельности, осуществляемой структурными подразделениями Госавтоинспекции МВД России в области безопасности дорожного движения в Российской Федерации. Автором установлен ряд проблемных аспектов, пробелов в законодательстве в исследуемой сфере правоотношений, проанализированы мнения различных учёных, на основе чего предложены пути решения имеющихся проблем.

Ключевые слова: пропаганда, профилактика, дорожное движение, безопасность, участники, Госавтоинспекция, принцип.

Для цитирования: Афонин В. В. Актуальные вопросы функционирования системы пропаганды безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 52–60.

TOPICAL ISSUES OF FUNCTIONING OF THE ROAD SAFETY PROPAGANDA SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vadim V. Afonin
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

vadim.afonin@mail.ru

Annotation. The scientific article considers the issue of improving the current administrative legislation governing the existing system of preventive activities carried out by the structural units of the State traffic inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of road safety in the Russian Federation. The author established a number of problematic aspects, gaps in the legislation in the area of legal relations under study, analyzed the opinions of various scientists, and on the basis of which ways to solve existing problems were proposed.

Keywords: propaganda, prevention, traffic, safety, participants, traffic police, principle.

For citation: Afonin V. V. Topical issues of the functioning of the road safety propaganda system in the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2024. № 2(99). P. 52–60.

Проводя комплексный анализ актуальных вопросов функционирования системы пропаганды безопасности дорожного движения в Российской Федерации, стоит начать с общего понимания необходимости проведения профилактической работы. Так, деятельность по пропаганде безопасности дорожного движения предполагает наличие цели. Как и любая другая деятельность, пропаганда направлена на следующий результат – снижение травматизма от дорожно-транспортных происшествий и повышение дорожной грамотности населения. Такие цели разрабатываются путём изучения различных данных, собранных в ходе всесторонней оценки ситуации по безопасности дорожного движения. Цели являются отправной точкой для мониторинга эффективности пропаганды безопасности дорожного движения в решении поставленных задач [1, с. 32].

Согласно требованиям приказа МВД № 903 от 29.12.2018 «Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения»[1] пропагандой безопасности движения на дорогах называется деятельность уполномоченных на то субъектов по распространению знаний, которые касаются «вопросов обеспечения безопасности дорожного движения, разъяснения нормативно-правовых актов РФ, регламентирующих поведение участников дорожного движения. В настоящее время Государственная инспекция безопасности дорожного движения продолжает исполнять обязанности по пропаганде правомерного управления транспортными средствами и соблюдению всеми участниками дорожного движения общепринятых и законодательно закреплённых норм. Целями пропагандистской деятельности Госавтоинспекции МВД России являются: информирование граждан о своих функциях и задачах, разъяснение участникам дорожного движения действующего законодательства, способствование установлению отношений взаимопонимания и сотрудничества между ними и представителями органов внутренних дел. Пропаганда безопасности дорожного движения представляет собой объёмный комплекс мероприятий разной направленности, затрагивающий широкие общественные массы и имеющий своей целью минимизацию аварийно опасных ситуаций на дорогах [2, с. 41].

В течение нескольких десятков лет методы пропаганды менялись, но, как утверждает Е. Н. Ноговицина, неизменной считается направленная и регулярная деятельность по распространению информации о том, как обезопасить дорожное движение [3, с. 30]. Также считаем необходимым согласиться с точкой зрения И. А. Былинина, в соответствии с которой культура безопасности дорожного движения обязана лежать в основе профилактики среди участников данного движения и являться одним из наиболее значимых векторов в пропаганде данной безопасности [4, с. 52].

Помимо изученного выше ведомственного приказа, деятельность Госавтоинспекции по пропаганде безопасности дорожного движения регулируется Указом Президента России «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения»[2]. Этот документ утвердил положение о Государственной инспекции безопасности дорожного движения. В соответствии с представленными документами непосредственно Госавтоинспекция обладает прямой обязанностью и регламентацией работы по пропаганде безопасности дорожного движения, а также непосредственно отвечает за реализацию обозначенных мероприятий.

---

[1] Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Рос. Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 29 декабря 2018 г. № 903 // Документ опубликован не был

[2] О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения (вместе с «Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Рос. Федерации»): Указ президента Рос. Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 25, ст. 2897.

Так, в рамках реализации рассмотренных нами направлений Стратегии безопасности дорожного движения проводится много различных проектов, например: социальная акция под названием «Однозначно», детское движение «Безопасное колесо». Как мы видим, и средства массовой информации не остаются безучастными: на телеканалах, федеральных радиостанциях, интернете, печатных изданиях размещаются новостные и аналитические материалы.

Применительно к опыту Орловской области хотелось бы отметить следующее.

В апреле 2022 года в Орловской области стартовала федеральная образовательная программа для родителей «Детство без опасности». Проект реализовался ГУОБДД МВД России при поддержке Минздрава России и экспертного центра «Движение без опасности». Во время работы проекта медицинские сотрудники перинатальных центров несколько раз в неделю проводили тренинги по теме установки и использования сертифицированных детских удерживающих устройств, соблюдения «детского режима» на дороге (оптимальный скоростной режим, аккуратное вождение), а также обучали правилам перехода проезжей части дороги с коляской.

Стоит отметить, что в целом пропаганда безопасности дорожного движения представляет собой специальный вид организации психологического воздействия, применение которого в деятельности подразделений Госавтоинспекции направлено на формирование общности в интересах взаимопонимания общественности не только к работе правоохранительных органов, но и в отношении правомерного поведения.

Кроме сотрудников Госавтоинспекции, пропагандой безопасности дорожного движения занимаются сотрудники других подразделений полиции, например по делам несовершеннолетних. Статистика говорит нам о том, что большинство правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в области безопасности дорожного движения, являются дорожно-транспортными происшествиями, в которых участвовали двухколёсные транспортные средства, такие как мопеды, мотоциклы и т. д.

Тяжесть данных происшествий имеет большую степень, что обуславливается самим транспортным средством, которое влечёт более тяжкие травмы и большее количество пострадавших. Поэтому возникает необходимость анализа ситуации и поиска причин, способствующих совершению подобных правонарушений.

Данное положение характеризуется следующими возможными причинами: во-первых, мопеды и иные двухколёсные транспортные средства обладают более низкой ценой на рынке автотранспорта, что открывает широкий доступ к этому виду транспорта. Родители несовершеннолетних, не придавая приобретению мопеда большого значения в силу его стоимости, порой не осознают, какой опасности подвергают своих детей и других участников дорожного движения. Помимо этого, возможны случаи, когда несовершеннолетний самостоятельно приобретает двухколёсное транспортное средство ввиду его малой себестоимости и уже без контроля родителей становится участником дорожного движения, подвергая себя большей опасности. Отсутствие контроля со стороны взрослых, свободный доступ к двухколёсным транспортным средствам являются проблемами, препятствующими подразделениям ПДН осуществлять деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения, которые требуют адекватного решения.

Во-вторых, необходимо уведомить указанных лиц о том, что для управления мопедом требуется наличие специальной подготовки и водительское удостоверение определённой категории. Лишь в 2013 году в Федеральном законе Российской Федерации от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»[1] и Кодексе

[1] О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Российской Федерации об административных правонарушениях[1] были внесены изменения, которые установили новую категорию «М», наличие которой необходимо для управления мопедом. Данная законодательная регуляция была направлена на обеспечение безопасности участников дорожного движения и ограничение доступа к управлению транспортным средством несовершеннолетними. Несмотря на то, что указанное нововведение было принято уже давно, всё ещё остаются граждане, которые не слышали о данной новелле. Их незнание приводит к тому, что количество случаев дорожно-транспортных происшествий с участием несовершеннолетних водителей мопедов возрастает.

В-третьих, в сознании большинства людей бытует мнение, что мопеды в силу своих конструктивных особенностей (простота в управлении, неспособность развивать высокую скорость) не могут создавать источника повышенной опасности, и поэтому ими допускается возможность предоставления управления мопедом несовершеннолетнему, который не обладает достаточной подготовкой.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что важной проблемой, препятствующей подразделениям ПДН осуществлять эффективную деятельность, выступает недостаточная осведомлённость несовершеннолетних и их родителей. Поэтому для её решения инспекторам ПДН необходимо усилить работу по информированию граждан касательно данной проблемы.

Первое, что необходимо сделать, так это увеличить количество мероприятий, посвящённых правовой пропаганде правильного поведения на проезжей части, уделив при этом особое внимание двухколёсным транспортным средствам.

Второе, что, по нашему мнению, позволит понизить количество дорожно-транспортных происшествий и правонарушений в области безопасности дорожного движения с участием несовершеннолетних, – это введение новых учётных книг, содержащих в себе информацию о лицах, которые владеют двухколёсными транспортными средствами, но не имеют права на управление транспортным средством категории «М». Подобное нововведение должно положительно повлиять на профилактическую сторону деятельности подразделений ПДН, так как, обладая подобной информацией, можно эффективнее выполнять поставленные задачи по обеспечению безопасности дорожного движения.

Ещё одной значимой проблемой, которая служит причиной правонарушений в области безопасности дорожного движения, является правовой нигилизм родителей подростков. Он заключается в следующем: по достижении детьми определённого возраста (15–17 лет) родители предоставляют своим несовершеннолетним детям доступ к управлению транспортным средством, которые редко имеют представление о последствиях такого вождения, грозящего им и другим участникам дорожного движения смертельной опасностью.

Главную роль в недопущении этого должны играть родители, но в силу упомянутого выше нигилизма они этого не делают. Причин тому много, например, некоторые считают, что их ребенок уже взрослый и вполне способен самостоятельно управлять транспортным средством. Такие подростки редко имеют необходимую подготовку для управления соответствующим транспортным средством, а даже если и имеют, то недостаточный опыт управления ставит в опасность не только их, но и других участников дорожного движения.

Бороться с этой проблемой нужно оперативно и только с помощью использования комплексного подхода. Необходимость быстрого решения обуславливается тем, что такое нигилистическое отношение к нормам права у родителей несовершеннолетних может передаваться и им самим, что представляет

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

большую опасность для общества. Комплексный подход заключается в необходимости обеспечить целенаправленную работу с несовершеннолетними и их родителями, объяснить им, к чему может привести управление транспортным средством без должной подготовки и опыта. Помимо этого, полезным будет сотрудничество подразделений ПДН с образовательными организациями в целях профилактической работы с несовершеннолетними и их родителями.

Ещё одной немаловажной проблемой, по нашему мнению, является отсутствие занятости подростков в летний период. Актуальность проблемы всегда остаётся на высоком уровне: летом несовершеннолетние предоставлены сами себе, что значительно повышает количество правонарушений. Ослабление контроля со стороны родителей, образовательных организаций, социальных органов предоставляет подростку широкую свободу действий, однако отсутствие у него должного понимания о поведении на проезжей части подвергает его большой опасности.

Согласно официальной статистике ГИБДД[1], большинство дорожно-транспортных происшествий происходит именно в летнее время, когда подростки предоставлены сами себе. Решить эту проблему только увеличением профилактических и пропагандистских мероприятий не представляется возможным и с точки зрения экономии времени нецелесообразно. Минимизировать риски ДТП, которым подвергаются подростки, необходимо в тесном взаимодействии с другими ведомствами. А для этого требуется комплексный подход и большое количество времени для внесения корректив в законодательство, принятия новых межведомственных и ведомственных правовых актов либо внесения изменения в существующие. Ещё большего времени требует работа с несовершеннолетними и их родителями, так как избавиться от указанных проблем путём проведения единичных мероприятий не представляется возможным в силу того, что правосознание требует большого внимания.

В качестве важнейших мер, которые направлены на реализацию профилактической работы с участниками дорожного движения, относятся следующие условия [5, с. 84]:

1) внедрение в практику работы воспитательных методов и приёмов, имеющих воздействие на общественное сознание, применяемых для пропаганды безопасности дорожного движения среди граждан, органов, структур и иных хозяйствующих субъектов, в целях их уяснения, что факт надлежащего порядка организации дорожного движения возможен при достижении обществом определённого уровня государственного, общественного совершенства, а также при решении проблем обеспечения безопасности всех участников дорожного движения;

2) решение проблемы профилактики, проводимой уполномоченными органами, организациями среди владельцев транспортных средств путём применения к ним не только карательных мер (которые должны быть сведены к минимуму), но и иных приёмов и способов, которые направлены, прежде всего, на грамотную организацию социального обслуживания, развитие общества;

3) популяризация культуры дорожного движения среди владельцев транспортных средств, пешеходов путём применения таких методов, как пропаганда с помощью государственной системы телевидения, других СМИ. В данном направлении основной акцент должен быть сделан именно на правопонимание участников дорожного движения, пропаганду ответственного, дисциплинированного поведения при дорожном движении, пропаганду образцов правомерного поведения, повышение авторитета сотрудников подразделений ГИБДД МВД России;

[1] Материалы официального интернет-сайта «Статистика ДТП с пострадавшими детьми в возрасте до 18 лет в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 10.04.2024г.)

4) необходимый уровень концентрации усилий органов, осуществляющих пропаганду безопасности дорожного движения, приоритет решения таких проблем, которые связаны в первую очередь с устранением первопричин дорожно-транспортной аварийности и травматизма. Также необходимо решение по вопросу изменения подхода к обучению водителей и их допуска к управлению транспортными средствами; усиления мер ответственности за нарушение правил дорожного движения; совершения преступлений в сфере безопасности дорожного движения. Кроме того, не следует забывать о важности соблюдения прав и свобод человека и гражданина при решении конфликтных ситуаций, возникающих в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Необходимо учитывать также, что приоритет в выдаче разрешений на право управления транспортным средством лицу должен быть отдан не только по удовлетворительному состоянию его здоровья или по практическим познаниям в сфере управления транспортными средствами. Следует также принимать во внимание социально-правовой статус, поскольку именно в том случае, когда гражданин обладает достаточным уровнем социально-правового развития, он не способен ставить под угрозу благополучие и безопасность участников дорожного движения, а также иных лиц;

5) необходимый учёт и контроль мотивов, лежащих в основе волеизъявления большего числа владельцев транспортных средств, по вопросам обеспечения безопасности собственных жизни и здоровья, жизни и здоровья иных участников дорожного движения, сохранности транспортных средств в целях избежания финансовых затрат на ремонт транспортных средств. Таким образом, данное условие подразумевает усиление актуализации мотивов самосохранения и сохранения материальных средств;

6) условия, позволяющие органам, управомоченным на проведение пропаганды безопасности дорожного движения, отличить добросовестных участников дорожного движения от недобросовестных;

7) направленность действий на выяснение своевременности, целесообразности установки транспортных знаков, указателей, сужения зоны действия знаков и пр.

Стоит отметить, что в настоящее время необходимо создание научно-практического подразделения в системе службы ГИБДД МВД России, деятельность которого могла бы быть связана с разработкой программ, направленных на профилактическую работу владельцев транспортных средств

Полагаем, что следует согласиться с А. К. Костылевым [6, с. 38], который утверждает, что повышение качества профилактической работы в сфере обеспечения безопасности дорожного движения возможно только с использованием проведения научных исследований, экспериментов и всестороннего подхода к решению поставленных в рассматриваемой сфере проблем. Исходя из сложности задач, разнообразия применяемых форм пропаганды безопасности дорожного движения, можно сделать вывод, что эта деятельность считается значимой, серьёзной, необходимой и при этом довольно сложной, так как её результаты отражаются на снижении числа аварий на дорогах страны. Однако на сегодняшний день в рассматриваемой области выделяется ряд проблем, которые требуют регулирования, о чём говорят многие исследователи.

Сегодня деятельность по пропаганде безопасности движения на дорогах регламентируется множеством нормативных правовых актов разной юридической силы, обуславливая возникновение препятствий в вопросе реализации наиболее приемлемых форм взаимодействия между разными государственными и иными уполномоченными органами, а также условий эффективного управленческого воздействия на снижение числа аварий на дорогах. По данной причине считаем целесообразным сказать о необходимости унификации нормативного правового регулирования пропаганды безопасности дорожного движения для формирования единой организационной правовой системы регулирования пропаганды в виде самостоятельного правового акта. В данном акте предлагается закрепить основные

понятия пропаганды безопасности движения на дорогах, её субъектов, цели, задачи, принципы. Кроме того, утвердить полномочия субъектов пропаганды, формы их деятельности, порядок взаимодействия, формы отчётности, «а также предусмотреть не только ответственность за невыполнение (ненадлежащее выполнение) своих полномочий, но и определить механизм стимулирования».

Несмотря на вышесказанное, вопросы пропаганды всё ещё полно не отражены в Федеральном законе Российской Федерации от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»[1]. Помимо указанного, сегодня в России пропаганда безопасности дорожного движения относится только к полномочиям Госавтоинспекции. Однако в данной деятельности участвуют и другие органы государственной власти, местного самоуправления, средства массовой информации и пр. По данной причине законодателю нужно чётко установить и разграничить полномочия между органами публичной власти, утвердить порядок их взаимодействия, сформировать механизм стимулирования общественных объединений в реализации представленного вида деятельности. Указанное обуславливает необходимость изменения нормативного регулирования деятельности по пропаганде безопасности движения на дорогах. В частности, некоторые исследователи предлагают кодифицировать законодательные и правовые нормы, которые регулируют рассматриваемую деятельность, сформировав Кодекс пропаганды безопасности дорожного движения. При этом в данном Кодексе должны быть представлены:

1. Трактовки понятий пропаганды, включая термины, связанные с ней; представление о субъектах, объектах, задачах и принципах данной пропаганды;

2. Ведущие направления деятельности по пропаганде безопасности движения на дорогах;

3. Установленные обязанности ведущих субъектов пропаганды. К числу последних относят: ГИБДД, Министерство образования и науки, Министерство социального развития, органы местного самоуправления и пр.

4. Необходимо определить форму и степень участия различных общественных организаций в пропаганде;

5. Утверждённый в законодательстве механизм, а также различные критерии оценки реализации мероприятий по пропаганде безопасности движения на дорогах, которые позволят определить результативность данных мероприятий, включая оценку деятельности уполномоченных органов в рамках рассматриваемого вопроса;

6. Порядок финансирования работы по пропаганде безопасности движения на дорогах.

Как отмечает Ю. Н. Калюжный, пока в России не удаётся обеспечить «приемлемый» уровень безопасности дорожного движения [7, с. 12], в том числе и потому, что в настоящий момент нет чётких критериев оценки эффективности пропаганды безопасности дорожного движения. Сегодня зачастую применяется только критерий реализации проверок эффективности данной деятельности через частоту дорожно-транспортных происшествий. Возможно, лучше оценивать критерии до и после реализации мероприятий по пропаганде, при этом допустимо применение комбинированного сравнения, к примеру «до» и «после».

В системе же отчётности подразделений пропаганды нужно сместить ударение с количественных на качественные показатели. С целью указанного нужно периодически реализовывать социологические исследования и проводить опросы граждан для определения эффективности осуществляемых мероприятий. По справедливому утверждению Е. Г. Афониной, внесение изменений в ведомственные нормативные правовые акты о дополнении правового статуса Госавтоинспекции обязанностью участия в совместной деятельности с государственными и

[1] О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультанПлюс».

негосударственными органами и организациями в сфере образования по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма позволит на плановой и постоянной основе реализовывать профилактические, информационные, воспитательные мероприятия, направленные на снижение фактов дорожно-транспортных происшествий с участием детей и минимизацию негативных последствий от них [8, с. 40].

Итак, пропаганда и профилактика безопасности дорожного движения как особый вид предупредительной деятельности специально уполномоченных на то органов являются достаточно действенным инструментом, который оказывает положительное влияние на процедуру формирования правосознания и правового воспитания участников дорожного движения, а также всего общества в целом.

1. Афонин В. В. Приоритетные направления пропаганды безопасности дорожного движения // Современное состояние и перспективы обеспечения безопасности дорожного движения: теория и практика: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2020. С. 13–19.
2. Андреев П. Г. К вопросу реализации мероприятий по пропаганде безопасности дорожного движения // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Международная научно-практическая конференция / под общей редакцией А. И. Каплунова. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 595–598.
3. Ноговицина Е. Н. Роль ГИБДД в формировании правосознания участников дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2021. № 1. С. 338–342.
4. Былинин И. А. Некоторые аспекты повышения безопасности дорожного движения в современных условиях // Административное право и практика администрирования. 2019. № 4. С. 6–11.
5. Костылев А. К. К вопросу информационной составляющей обеспечения безопасности дорожного движения // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 25 марта 2016 года: в 3 ч. Ч. III / под ред. Ю. Е. Аврутина, А. И. Каплунова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2016. С. 155–156.
6. Костылев А. К. К вопросу информационной составляющей обеспечения безопасности дорожного движения // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 25 марта 2016 года: в 3 ч. Ч. III / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2016. 157 с.
7. Калюжный Ю. Н. Обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: концептуальные организационно-правовые основы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021. 454 с.
8. Афонина Е. Г. Полномочия как элемент компетенции органов внутренних дел в области предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 34–41.

1. Afonin V. V. Prioritetny`e napravleniya propagandy` bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Sovremennoe sostoyanie i perspektivy` obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: teoriya i praktika: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Oryol, 27 noyabrya 2020 goda. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii imeni V.V. Luk`yanova, 2020. S. 13–19.

2. Andreev P. G. K voprosu realizacii meropriyatij po propagande bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Aktual`ny`e problemy` administrativnogo i administrativno-processual`nogo prava (Sorokinskie chteniya): Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya (Sankt-Peterburg, 26 marta 2021 g.) / pod obshhej redakciej A. I. Kaplunova. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2021. S. 595–598.
3. Nogovicina E. N. Rol` GIBDD v formirovanii pravosoznaniya uchastnikov dorozhnogo dvizheniya // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya. 2021. № 1. S. 338–342.
4. By`linin I. A. Nekotory`e aspekty` povy`sheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v sovremenny`x usloviyax // Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2019. № 4. S. 6–11.
5. Kosty`lev A. K. K voprosu informacionnoj sostavlyayushhej obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Aktual`ny`e problemy` administrativnogo i administrativno-processual`nogo prava: materialy` ezhegodnoj Vseros. nauch.-prakt. konf. (Sorokinskie chteniya), 25 marta 2016 goda: v 3 ch. Ch. III / pod red. Yu. E. Avrutina, A. I. Kaplunova. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta MVD Rossii, 2016. S. 155–156.
6. Kosty`lev A. K. K voprosu informacionnoj sostavlyayushhej obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Aktual`ny`e problemy` administrativnogo i administrativno-processual`nogo prava: materialy` ezhegodnoj Vseros. nauch.-prakt. konf. (Sorokinskie chteniya), 25 marta 2016 goda: v 3 ch. Ch. III / pod red. Yu.E. Avrutina, A.I. Kaplunova. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta MVD Rossii, 2016. 157 s.
7. Kalyuzhny`j Yu. N. Obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii: konceptual`ny`e organizacionno-pravovy`e osnovy`: dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2021. 454 s.
8. Afonina E. G. Polnomochiya kak e`lement kompetencii organov vnutrennix del v oblasti preduprezhdeniya detskogo dorozhno-transportnogo travmatizma // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 1(98). S. 34–41.

Информация об авторе

Вадим Вячеславович Афонин. Доцент кафедры организации деятельности ГИБДД. Кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Vadim V. Afonin. Associate Professor of the Department of Organization of Traffic Police Activities. Candidate of Law Sciences
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel,. Ignatova st., 2.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted April 11, 2024; approved after reviewing May 16, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 351.81

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ (НАДЗОР) В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ

Былинин Игорь Александрович[1], Шкеля Олег Викторович[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Краснодарский юридический институт МВД России, Краснодар, Россия

[1]bylinin.igor@yandex.ru
[2]oleg_wkelia@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены современные положения федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения, представляющие собой систему комплексных мер и механизмов, осуществляемых органами государственной власти для обеспечения безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации. Федеральный контроль (надзор) направлен на предотвращение дорожно-транспортных происшествий, снижение их количества, повышение эксплуатационных качеств автомобильных дорог и улиц, а также удовлетворение состояния транспортных средств и их компонентов обязательным нормам. Соответствие положений федерального государственного контроля (надзора) в отдельных нормативных правовых актах позволит правильно применять меры реагирования в случаях нарушения обязательных требований законодательства организациями, осуществляющими свою деятельность в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: контроль (надзор), федеральный надзор, контрольно-надзорные функции, безопасность дорожного движения, государственные регистрационные знаки.

Для цитирования: Былинин И. А., Шкеля О. В. Федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения в условиях современной административно-правовой реформы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 61–70.

FEDERAL STATE CONTROL (SUPERVISION) IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC SAFETY IN THE CONDITIONS OF MODERN ADMINISTRATIVE AND LEGAL REFORM ADMINISTRATIVE AND LEGAL REFORM

Igor A. Bylinin[1], Oleg V. Shkelya[2]
[1]Orlovsky Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia
[2]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

[1]bylinin.igor@yandex.ru
[2]oleg_wkelia@mail.ru

Annotation. The article examines the current provisions of federal state control (supervision) in the field of road safety, which is a system of comprehensive measures and mechanisms carried out by government authorities to ensure road safety on the territory of the Russian Federation. Federal control (supervision) is aimed at preventing road accidents, reducing their number, improving the performance of highways and streets, as well as the compliance of vehicles and their components with mandatory standards. Compliance with the provisions of federal state control (supervision) in individual regulatory legal acts will make it possible to correctly apply response measures in cases of violation of mandatory legal requirements by organizations operating in the field of road safety.

Key words: control (supervision), federal supervision, control and supervisory functions, road safety, state registration marks.

For citation: Bylinin I.A., Shkelya O.V. Federal state control (supervision) in the field of road safety in the conditions of modern administrative and legal reform // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2024. № 2(99). P. 61–70.

На протяжении последних десятилетий продолжаются научные дискуссии учёных-административистов о соотношении терминов «контроль» и «надзор». В данном случае очень важное значение будет иметь название проверочной деятельности на законодательном уровне. Известно, что в правовом поле общественных отношений при осуществлении контрольно-надзорных функций в разных сферах жизни, а также и в области безопасности дорожного движения мы видим отсутствие одинакового подхода в применении терминологии. Возникающая проблема в соотношении терминов «контроль» и «надзор», на наш взгляд, имеет очень важное значение как с теоретической, так и с практической точки зрения. Так, с позиции теории права нет чёткого разграничения контрольной и надзорной деятельности, до настоящего времени в российском законодательстве этот вопрос остаётся открытым и требует путей решения.

Рассматриваемые противоречия будут являться необходимыми составляющими государственного управления общественных отношений. Они являются «соответствующими», которые будут эффективно воздействовать на общество в различных областях деятельности. Следует отметить, что только в процессе их применения можно понять, насколько эффективно работает государственное управление.

Сегодня актуальность проблемы разграничения понятий весьма ощутима, поэтому созрела необходимость совершенствования практики их реализации. Для выполнения задач по обеспечению безопасности дорожного движения требуется скорейшее разрешение вопросов по разграничению полномочных субъектов и закрепления на законодательном уровне. Для более полного раскрытия вопроса сущности «федерального контроля (надзора)» определим терминологическую основу, которая используется при характеристике контрольно-надзорной деятельности, рассматривая как институт государственного управления в области безопасности дорожного движения. Важно отметить, что сложившаяся теоретическая неопределённость понятий «контроль» и «надзор» в юридической литературе имеет некоторые сходства по способам обеспечения законности в разных сферах общественных отношений. Понятие «надзор» весьма обширное и имеет различные суждения, но, рассматривая предмет исследования, законодатель специально за его пределами оставил вопрос «прокурорского надзора», представляющего собой высшую ступень по способу обеспечения законности [1, с. 272].

Законодателем дано чёткое определение понятию «административный надзор» – это осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобождённым из мест лишения свободы, установленных судом временных

ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных федеральным законом.

Обращаясь к филологическому толкованию наших понятий, мы видим, что «контроль» представляет собой учёт, проверки каких-либо счетов, отчётности; «надзор» – наблюдение, деятельность, связанная с присмотром [2, с. 153]. В юридической литературе можно встретить и другие определения: «контроль» – наблюдение (надсмотр) с целью проверки; «надзор» – деятельность по осуществлению наблюдения (присмотром) с наложенной ответственностью за её ведение. Следовательно, можно сказать, что эти термины тождественны, а связывают их понятия «наблюдение» и «проверка».

Также необходимо подчеркнуть, что специальная юридическая литература за прошедшие годы не дала исчерпывающих ответов по рассматриваемому вопросу. В 1970-х годах «контроль» представлял собой одну из форм обеспечения законности, которая применялась в сфере управления, используя обязательные для исполнения указания. В отношении «надзора» понималось предупреждение нарушения законности, при этом допущенное нарушение предлагалось устранить, а нарушенное право – восстановить.

Важно отметить, что в то время надзорные органы были не вправе вмешиваться в административную деятельность органов управления, тогда как в полномочия контрольных органов это входило [3, с. 231]. Уже в 80-х годах прошлого столетия, рассматривая сложившееся противоречие, административисты сделали вывод, что контрольные органы проводят оценку работы подконтрольных органов как с точки зрения законности, так и целесообразности, чего нельзя сказать о надзорных органах. Тогда отмечали, что по результатам «контроля» применимы меры дисциплинарного воздействия, а по результатам «надзора» применялись административные меры.

Кроме того, «надзор» осуществляли государственные инспекции, которые вели наблюдение за исполнением обязательных требований и правил в разных сферах общественных отношений. Государственные инспекции, выполняющие функции надзора, были наделены государственно-властными полномочиями, поэтому давали указания на устранение выявленных нарушений, а также могли запретить выполнение определённых действий поднадзорных объектов и применить к ним меры административного воздействия [4, с. 270].

Рассматривая труды учёных-административистов на современном этапе, можно сделать вывод, что анализируемые нами термины отличаются друг от друга и имеют самостоятельность [5, с. 605]. Однако, подводя черту под различиями контрольной деятельности от надзорной, невозможно отождествлять эти понятия, они имеют определённые особенности: назначение, способы обеспечения законности и дисциплины в государственном управлении [6, с. 454]. В случаях применительно к полицейской деятельности необходимо указать, что контроль и надзор являются самостоятельными, так как имеют свои способы с присущими специфическими характерными чертами. Необходимо отметить, что такие выводы не всегда применимы к нормативным правовым актам, которые устанавливают разные аспекты контроля и надзора. Например, в Федеральном законе от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» (далее – ФЗ № 248-ФЗ) понятия «государственный надзор (контроль)» употребляются как равные[1].

[1] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Представляется, что контроль и надзор в области безопасности дорожного движения сегодня должны занимать одно из важных мест в обеспечении безопасности дорожного движения [7, с. 103]. Таким образом, в современных реалиях в условиях административной реформы наши дефиниции следует применять как равнозначные, на что указывает законодательное закрепление понятия «федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения». Пункт 8 ст. 1 ФЗ № 248-ФЗ содержит норму о том, что виды федерального государственного контроля (надзора) определены федеральным законодательством. Пункт 10 указанного закона предусматривает необходимость определить в федеральном законе о виде контроля наименование вида контроля с указанием его отнесения к федеральному государственному контролю (надзору). Рассматриваемым ФЗ № 248-ФЗ в ст. 17 указанные требования выполнены путём формулирования редакции ст. 30 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ (далее – ФЗ № 196-ФЗ)[1], определяющей вид и предмет контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения и иные вопросы. На данную проблему уже обращалось внимание В. В. Радчишиной, которая сделала вывод, что дальнейшее осуществление федерального контроля (надзора) требует дальнейшего системного и последующего изменения законодательства [8, с. 73].

Вместе с тем особенности правового регулирования в рассматриваемой сфере складываются таким образом, что профильный Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» в соответствии с вносимыми изменениями будет содержать только одну статью, реализующую правовое регулирование в отношении контрольно-надзорной деятельности в области безопасности дорожного движения. При этом данная статья является единственным элементом самостоятельной гл. V «Контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения». В предлагаемом законопроекте название главы и её единственной статьи совпадают, что с точки зрения юридической техники не вполне уместно.

Более того, названия гл. V и входящей в её состав ст. 30 Федерального закона № 196-ФЗ («Контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения») не вполне отражают содержание предлагаемых правовых норм, поскольку во всех пяти частях статьи речь идёт о «федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения», что может создать у правоприменителя определённые сложности с восприятием и применением указанных норм.

Возвращаясь к анализу положений п. 8 ст. 1 Федерального закона № 248-ФЗ, обратим внимание, что в соответствии с ними предполагаются два варианта федерального правового регулирования относительно установления видов государственного (контроля) надзора, а именно: либо путём принятия самостоятельного федерального закона о виде контроля, либо путём включения норм о федеральном государственном контроле (надзоре) в профильный для определённого вида правоотношений федеральный закон. В рассматриваемой области составители законопроекта пошли по второму пути. При этом представляется, что, поскольку контрольно-надзорные функции в рассматриваемой сфере ориентированы на внешнюю для уполномоченного органа исполнительной власти среду, базируются на реализации властной сущности в отношении организационно неподчинённых поднадзорных субъектов, они должны быть по возможности максимально определены на уровне федерального закона.

Отметим также, что авторами ранее проводились исследования законодательства в сфере государственного контроля (надзора) в части соблюдения

[1] О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 15 ноября 1995 г. № 196 - ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обязательных требований законодательства при эксплуатации транспортных средств. Некоторые положения контроля и надзора описаны в отдельных нормативных актах и разъяснены профильными ведомствами [9, с. 32]. В этом отношении предлагаемый к рассмотрению ФЗ № 248-ФЗ не содержит каких-либо изменений относительно нормативного закрепления на федеральном уровне правил и процедур федерального государственного контроля (надзора).

В современных условиях деятельности подразделений надзора Госавтоинспекции МВД России необходим упорядоченный алгоритм действий по проведению контрольно-надзорных мероприятий, который должен иметь законодательное закрепление о Порядке контроля (надзора) за организациями, осуществляющими деятельность по содержанию автомобильных дорог [10, с. 30].

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным:

а) изменить п. 3 ст. 17, используя следующую редакцию:

«Глава V. Федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения

Статья 30. Основы организации федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения»;

б) дополнить статью 17 законопроекта положениями, предлагающими внести дополнения в Федеральный закон № 196-ФЗ в части, касающейся введения ст. 30.1. следующего содержания:

«Статья 30.1. Общие требования к федеральному государственному контролю (надзору) в области безопасности дорожного движения

1. Обязательные требования к применению риск-ориентированного подхода.

2. Организация и проведение плановых и внеплановых документарных, дистанционных и выездных проверок.

3. Дистанционные формы федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения по каналам связи, обмен сведениями и документами по электронной почте, а также с использованием интернет-ресурсов»;

в) дополнить статью 17 законопроекта положениями, предлагающими внести дополнения в Федеральный закон № 196-ФЗ в части, касающейся введения ст. 30.2. следующего содержания:

«Статья 30.2 Порядок осуществления надзора в области обеспечения безопасности дорожного движения»

Федеральный государственный надзор включает в себя порядок исполнения возложенных на органы исполнительной власти Российской Федерации обязанностей:

– надзор за дорожным движением, включая использование технических средств и специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме;

– остановка транспортного средства, пешеходов;

– проверка при надзоре за участниками дорожного движения документов, номерных узлов и агрегатов, идентифицирующих транспортное средство, технического состояния на период эксплуатации по дорогам общего пользования;

– применение мер административного воздействия в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях;

– выезд на место дорожно-транспортного происшествия».

Для дальнейшего осуществления контроля (надзора) предлагаем принять меры к дальнейшему совершенствованию законодательства и подзаконных актов в рассматриваемой сфере, в частности определяющих: перечень и понятие каждого из применяемых контрольно-надзорных мероприятий, методов и форм осуществления контроля (надзора) и другие вопросы.

Необходимо отметить, что с принятием Федерального закона № 248-ФЗ понятийный аппарат существенно расширился. Предмет федерального контроля (надзора) охватывает не только деятельность организаций по соблюдению обязательных требований законодательства, но и актов, составляющих право Евразийского экономического союза, Европейских соглашений о международной дорожной перевозке опасных грузов от 30 сентября 1957 года (ДОПОГ/ADR) [11, с. 36].

Действие Федерального закона № 248-ФЗ стимулировало принятие новой редакции ст. 24 Федерального закона от 03.08.2018 № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – закон о регистрации ТС), регламентировало предмет федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью изготовителей государственных регистрационных знаков транспортных средств, который осуществляется в форме различных проверок, в том числе и внеплановых.

В свою очередь, Правила учёта, хранения и выдачи государственных регистрационных знаков транспортных средств не содержат требований к изготовлению государственных регистрационных знаков (и не могут содержать таких требований исходя из названия нормативного акта). Законом о регистрации ТС требования к изготовлению государственных регистрационных знаков транспортных средств установлены косвенно. Так, ст. 23 закона о регистрации ТС установлены только требования для приобретения статуса изготовителя государственных регистрационных знаков транспортных средств. Одним из таких требований является соблюдение юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем нормативных правовых актов, государственных стандартов, правил и технических норм, регламентирующих требования к изготавливаемой продукции (п. 5 ч. 2 ст. 23). Полагаем, что это единственное требование, которое можно отнести непосредственно к изготовлению государственных регистрационных знаков.

С изготовлением пластин государственных регистрационных знаков не возникает проблем, но ввоз автомобилей с нестандартным креплением знаков заставил владельцев обращаться за изготовлением к организациям. К сожалению, в регистрационных подразделениях Госавтоинспекции нестандартные пластины регистрационных знаков отсутствуют [12, с. 63]. Однако в современных условиях работы комплексы фотовидеофиксации успешно считывают административные правонарушения, допущенные автомобилями с нестандартными регистрационными знаками. Таким образом, проектируемой нормой предусматривается только один предмет государственного контроля (надзора) за изготовителями – соблюдение требований к изготовлению регистрационных знаков, тогда как по закону о регистрации ТС первостепенным требованием является приобретение статуса изготовителя государственных знаков ТС (ч. 4 ст. 23 закона о регистрации ТС), который оказался вне рамок правового поля.

Таким образом, считаем, что предполагаемую ч. 2 проектируемой ст. 24 закона о регистрации ТС необходимо изложить в следующей редакции:

«2) соблюдение изготовителями государственных регистрационных знаков транспортных средств обязательных требований к участию в изготовлении государственных регистрационных знаков транспортных средств и к их непосредственному изготовлению, учёту, хранению и выдаче».

В случае выявления сотрудниками Госавтоинспекции нарушения правил перевозки опасных грузов, связанных, например, с несоответствием конструкции требованиям ДОПОГ (Европейского соглашения о международной дорожной перевозке опасных грузов от 30 сентября 1957 года в редакции, применяемой с 1 января

2015 года), на водителя составляется протокол об административном правонарушении по ч. 1 ст. 12.21.2. КоАП РФ.

За совершение данного правонарушения в соответствии со ст. 27.13. КоАП РФ применяется задержание транспортного средства, то есть исключение транспортного средства из процесса перевозки грузов путём перемещения его в ближайшее специально отведённое охраняемое место (на специализированную стоянку).

В соответствии с ч. 1 ст. 27.13. КоАП РФ хранение транспортного средства на специализированной стоянке осуществляется до устранения причины задержания. Однако не всегда удаётся устранить причину задержания для транспортного средства, которое находится на охраняемой стоянке. Например, если транспортное средство не оснащено антиблокировочной системой, в условиях специализированной стоянки установить АБС не представляется возможным. Следовательно, устранить причину задержания транспортного средства также невозможно. Тем самым транспортное средство с опасным грузом будет находится на стоянке и создавать определённую угрозу, поскольку условий для хранения опасных грузов на стоянках для задержанных транспортных средств нет.

Помимо нарушений перевозки опасных грузов, сотрудники Госавтоинспекции сталкиваются с отсутствием в ряде муниципальных образований субъекта специализированных стоянок для задержания транспортных средств, нарушивших требования Правил дорожного движения Российской Федерации, что не позволяет обеспечить в полной мере пресечение нарушений правил эксплуатации, использования транспортного средства и управления транспортным средством соответствующего вида в соответствии со ст. 27.13. КоАП РФ. В этой связи считаем необходимым проработать вопрос о внесении дополнений в законы субъектов Российской Федерации по предоставлению возможности открытия муниципальных специализированных стоянок, финансируемых за счёт бюджетных ассигнований.

Решение проблемы в части реализации федерального надзора за безопасностью дорожного движения рассматривалось В. В. Афониным, который сделал вывод, что осуществление надзора должно иметь детализированный регламент действий сотрудников Госавтоинспекции [13, с. 63]

В соответствии с требованиями п.п. 5, 6 ст. 23 Федерального закона о регистрации ТС для включения в Реестр заявитель направляет почтовой связью либо представляет нарочным в подразделение Госавтоинспекции на региональном уровне заявление о включении в реестр и копии документов: подтверждающих наличие в собственности или на ином законном основании зданий, строений, сооружений либо помещений, позволяющих осуществлять изготовление регистрационных знаков; подтверждающих наличие в собственности или на ином законном основании оборудования, необходимого для изготовления регистрационных знаков, технических средств контроля за качеством изготовленной продукции; документов, подтверждающих обеспечение режима сохранности оборудования и государственных регистрационных знаков транспортных средств. Уполномоченным должностным лицом подразделения Госавтоинспекции на региональном уровне проводится проверка сведений, указанных в заявлении и представленных документах, на предмет их соответствия ч. 2 ст. 23 Федерального закона № 283-ФЗ.

Требования к помещениям, используемым для организации деятельности по изготовлению регистрационных знаков, определены Приказом МВД России от 18.12.2019 № 948 «Об установлении Правил учёта, хранения и выдачи государственных регистрационных знаков транспортных средств».

При этом сотрудниками Госавтоинспекции осуществляется исключительно проверка представленных документов. Оценка фактического соответствия помещений,

используемых юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями для размещения оборудования и хранения государственных регистрационных знаков, требованиями действующего законодательства не предусмотрена.

В целях оценки используемых помещений требованиям Правил предлагается предусмотреть возможность проведения выездных проверок сотрудниками Госавтоинспекции при поступлении заявок на включение в Реестр юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Осуществление контроля (надзора) занимает ведущую роль в обеспечении безопасности дорожного движения на федеральном уровне государственной власти [14, с. 23]. Отсутствие противоречий в нормативных документах в части федерального контроля (надзора) позволит наиболее действенно применять комплексные меры.

Таким образом, реализация федерального государственного контроля (надзора) в современных условиях проводимой административной реформы позволит улучшить эффективность и качество контроля за безопасностью дорожного движения. К положительным результатам следует отнести:

– прозрачность и ответственность должностных лиц в проведении проверок и мероприятий по контролю за соблюдением обязательных требований законодательства. Это поможет уменьшить коррупционные проявления и обеспечить более справедливое и законное вынесение решений по результатам проверок;

– эффективное использование ресурсов и средств для обеспечения безопасности дорожного движения. Оптимизация процессов контроля позволит сократить издержки и улучшить результативность деятельности контрольно-надзорных органов;

– использование современных технологий и методов контроля, повышающее эффективность работы контрольно-надзорных органов и помогающее оперативно реагировать на нарушения субъектами контроля.

1. Беляев В. П. Контроль и надзор в Российском государстве: монография // науч. ред. А. В. Малько. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 272 с.
2. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка // Том 2. С. 153, 401.
3. Административное право // Учебник под редакцией д.ю.н., проф. А. Е. Лунева: Юридическая литература, М. 1970. С. 230–232.
4. Административное право: Учебник под редакцией д.ю.н., проф. Ю. М. Козлова М.: Юридическая литература, 1985. С. 270–272.
5. Административное право Российской Федерации: Учебник М.: ЗЕРКАЛО, ТЕИС, 1996. С. 605–608.
6. Административное право: Учебник / Под. ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова, М.: Юрист. 2002. 454 с.
7. Майоров В. И. Контроль и надзор в сфере дорожного движения // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 2. С. 103–108.
8. Радчишина В. В. Проблемные вопросы при осуществлении государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8-1 (83). С. 72–75.
9. Былинин И. А. Особенности государственного контроля за деятельностью лиц, предоставляющих услуги каршеринга в парадигме современной административной реформы контроля и надзора // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 30–38.
10. Бирюкова С. Е., Сабинин А. А. Некоторые аспекты деятельности подразделений дорожного надзора Госавтоинспекции МВД России в контексте проводимой административно-правовой реформы // Актуальные вопросы административно-правовой деятельности органов внутренних дел: сборник статей профессорско-

преподавательского состава, курсантов и слушателей, Орел, 23 ноября 2023 года. Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2023. С. 27–30.
11. Былинин И. А. Контроль (надзор) за безопасностью дорожного движения в парадигме проводимой административной реформы // Административное право и практика администрирования. 2022. № 2. С. 26–37.
12. Миннебаев Р. Х. К вопросу о новых регистрационных знаках для авто и мототранспрта в РФ // Отечественная юриспруденция. 2018. № 06(31). С. 62–65.
13. Афонин В. В. К вопросу о проблемах осуществления федерального государственного надзора за безопасностью дорожного движения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3(57). С. 60–63.
14. Зейналов Ф. Н., Губенков О. Е., Михалева И. С. Об административно-правовом статусе экзаменатора и кандидата в водители в случае совершения ДТП при проведении экзамена на право управления транспортным средством // Административное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 19–25.

1. Belyaev V. P. Kontrol` i nadzor v Rossijskom gosudarstve: monografiya // nauch. red. A. V. Mal`ko. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2005. 272 s.
2. V. Dal`. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikorusskogo yazy`ka // Tom 2. S. 153, 401.
3. Administrativnoe pravo // Uchebnik pod redakciej d.yu.n., prof. A. E. Luneva: Yuridicheskaya literatura, M. 1970. C. 230–232.
4. Administrativnoe pravo: Uchebnik pod redakciej d.yu.n., prof. Yu. M. Kozlova M.: Yuridicheskaya literatura, 1985. S. 270–272.
5. Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii: Uchebnik M.: ZERKALO, TEIS, 1996. S. 605–608.
6. Administrativnoe pravo: Uchebnik/ Pod. Red. Yu. M. Kozlova, L. L. Popova, M.: Yurist. S. 2002. 454.
7. Majorov V. I. Kontrol` i nadzor v sfere dorozhnogo dvizheniya // Vestnik Ural`skogo instituta e`konomiki, upravleniya i prava. 2015. № 2. S. 103–108.
8. Radchishina V. V. Problemny`e voprosy` pri osushhestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2023. № 8-1 (83), S. 72–75.
9. By`linin I. A. Osobennosti gosudarstvennogo kontrolya za deyatel`nost`yu licz, predostavlyayushhix uslugi karsheringa v paradigme sovremennoj administrativnoj reformy` kontrolya i nadzora // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 30–38.
10. Biryukova S. E., Sabinin A. A. Nekotory`e aspekty` deyatel`nosti podrazdelenij dorozhnogo nadzora Gosavtoinspekcii MVD Rossii v kontekste provodimoj administrativno-pravovoj reformy` // Aktual`ny`e voprosy` administrativno-pravovoj deyatel`nosti organov vnutrennix del: sbornik statej professorsko-prepodavatel`skogo sostava, kursantov i slushatelej, Orel, 23 noyabrya 2023 goda. Orel: Orlovskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii imeni V. V. Luk`yanova, 2023. S. 27–30.
11. By`linin I. A. Kontrol` (nadzor) za bezopasnost`yu dorozhnogo dvizheniya v paradigme provodimoj administrativnoj reformy` // Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2022. № 2. S. 26–37.
12. Minnebaev R. X. K voprosu o novy`x registracionny`x znakax dlya avto i mototransprta v RF // Otechestvennaya yurisprudenciya. 2018. № 06(31). S. 62–65.
13. Afonin V. V. K voprosu o problemax osushhestvleniya federal`nogo gosudarstvennogo nadzora za bezopasnost`yu dorozhnogo dvizheniya // Vestnik

Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 3(57). S. 60–63.
14. Zejnalov F. N., Gubenkov O. E., Mixaleva I. S. Ob administrativno-pravovom statuse e`kzamenatora i kandidata v voditeli v sluchae soversheniya DTP pri provedenii e`kzamena na pravo upravleniya transportny`m sredstvom // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2020. № 2. S. 19–25.

Информация об авторах

Игорь Александрович Былинин. Старший преподаватель кафедры организации деятельности ГИБДД.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Олег Викторович Шкеля. Заместитель начальника кафедры безопасности дорожного движения.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Information about the authors

Igor Al. Bylinin. Senior lecturer of the department Chair of Organization of State Traffic Police Activities.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov str., 2.

Oleg V. Shkelya. Deputy Head of the Department of Road Safety.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya str., 128.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted March 26, 2024; approved after reviewing May 16, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 351.81

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ВЫЯСНЕНИЮ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Жбанова Светлана Александровна[1], Копыл Дмитрий Владимирович[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

[1]svetlanasamotina@mail.ru
[2]kopyl.kumvd@mail.ru

Аннотация. В статье подвергается анализу понятие «доказательства по делам об административных правонарушениях», специфика его применения при привлечении участников дорожного движения. Особое внимание уделяется общественным отношениям, складывающимися при сборе и использовании доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, применении мер обеспечения. Авторы рассматривают доказательства как совокупность процессуальных мероприятий, осуществляемых управомоченными субъектами, результатами действий которых выступает принятие решения о применении мер юридической ответственности к лицу либо же об отказе применения мер юридической ответственности. Это многогранный процесс, заключающийся в правомерном рассмотрении дела с последующим установлением истины.

Ключевые слова: доказательство, Госавтоинспекция, дорожное движение, обеспечение безопасности дорожного движения, производство по делам об административных правонарушениях, ответственность

Для цитирования: Жбанова С. А., Копыл Д. В. Обстоятельства, подлежащие выяснению при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 71–80.

THE CIRCUMSTANCES TO BE CLARIFIED DURING THE IMPLEMENTATION OF PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE REGION TRAFFIC

Svetlana Al. Zhbanova[1], Dmitry Vl. Kopyl[2]
[1]Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia
[2]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

[1]svetlanasamotina@mail.ru
[2]kopyl.kumvd@mail.ru

Abstract. The article analyzes the concept of evidence in cases of administrative offenses, the specifics of their application when involving road users, special attention is paid

to public relations that develop when collecting and using evidence in cases of administrative offenses in the field of traffic, the application of security measures. The authors consider evidence as a set of procedural measures carried out by authorized entities, the results of which are the decision to apply or refuse to apply such measures of legal responsibility to a person. This is a multifaceted process, which consists in a legitimate examination of the case and the subsequent establishment of the truth.

Keywords: evidence, State traffic Inspectorate, traffic, road safety, proceedings on administrative offenses, responsibility.

For citation: Zhbanova S. A., Kopyl D. V. Circumstances to be clarified during the implementation of proceedings on administrative offenses in the field of traffic // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 71–80.

Современные положения, регламентирующие порядок привлечения лица к ответственности, и претерпевание как закономерный итог определённых ограничений являются невозможными без предоставления сведений, подтверждающих виновность лица. Научно-технический прогресс охватывает все сферы жизнедеятельности человека, соответственно, технологии начинают играть роль незаменимого инструмента, используемого как в быту, так и в других областях, в частности в юриспруденции, в том числе в уголовных, административных и гражданских спорах.

Так, в XVII веке показания свидетеля выступали важнейшим источником, ведущим к изобличению истины произошедшего события. Именно данному виду доказательственных сведений отдавалось предпочтение среди фактов, подтверждающих или отрицающих причастность лица к совершённому как административному деянию, включающему в себя также и нарушения в сфере передвижения по дорогам в пешем порядке и с лошадьми, так и уголовному нарушению с наиболее серьёзными видами наказания. Согласно Соборному уложению 1649 года наряду с показаниями свидетелей доказательствами признавались письменные доказательства, крестное целование (разновидность свидетельских показаний), а также жребий.

Если же рассматривать современные аспекты применения релевантных фактов, выступающих объективацией действительности человеческих проступков, нельзя не упомянуть о технических средствах и сведениях, полученных с их помощью, а также дальнейшее их применение, выступающее в главенствующей роли при вынесении соответствующего решения в практической деятельности. Письменные документы, совместно с показаниями лиц, обладающих требуемой информацией, не теряют своего содержательного значения, выступая наряду с иными доказательствами. При этом законодатель не придаёт какому-либо из видов имеющихся сведений преимущественного значения, отмечая, что все доказательства равны друг перед другом. Дальнейшая их оценка относимости и допустимости на предмет рассматриваемого события ложится на правоприменителя.

Вопросы обеспечения безопасности дорожного движения являются перманентно актуальными. Уровень БДД напрямую влияет на экономическую, демографическую, миграционную ситуацию и представляет собой неотъемлемую составную часть национальной безопасности Российской Федерации [1, с. 59]. Несомненно, рассматриваемый нами вопрос, является составным элементом в организации деятельтности в этом направлении. Для того чтобы наиболее точно и полно раскрыть аспекты рассматриваемой темы, необходимо разобраться, что понимается под доказательствами. Законодатель разделяет доказательства в зависимости от сферы их применения. Здесь имеет значение вид используемого производства, ведь

в зависимости от сферы применяемых правоотношений мы будем использовать те или иные сведения в необходимой для этого оболочке[1]. Так, например, в уголовно-процессуальном кодексе имеется своё понятие рассматриваемой дефиниции, а также предъявляемые требования для корректного использования таковой. Естественно, доказательства, используемые в административном производстве, будут отличаться от вышеприведённых так же, как будут отличаться от гражданского, арбитражного и других типов производств. Как уже было упомянуто ранее, оболочка того или иного типа правоотношения выступает в роли разграничения использования доказательств, но законодатель делает акцент на подобии рассматриваемого понятия, указывая на то, что они в первую очередь являются «сведениями». Сведениями, которые в первую очередь несут в себе информационное значение, помогают вновь воспроизвести произошедшее событие с целью последующей проверки на предмет законности или же незаконности. Данная информация будет рассматриваться в рамках того или иного дела, определяемого в зависимости от типа производства, о чём говорилось ранее. На наш взгляд, законодатель характеризует «доказательства» как инструмент, посредством которого достигаются положения законности. Ведь данные сведения используются не в обособленном виде, их для начала нужно найти, придать их проверке, затем юридически правильно, опираясь на действующие нормы законодательства, оформить и грамотно использовать.

Доказывание характеризуется как сложный процесс, целью которого является установление истины по делу. Доказательствами при производстве по делам об административных правонарушениях выступают любые фактические данные, на основании которых управомоченный субъект, в производстве которых находится дело, устанавливает наличие или отсутствие события административного правонарушения, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Данное понятие закрепляется в ст. 26.2.[2] КоАП РФ. Управомоченными субъектами в данном случае выступают судьи, обладающие соответствующей компетенцией, органы, а также должностные лица, имеющие законодательно закреплённые властные полномочия. К так называемым «иным» обстоятельствам, но далеко не лишённым значимости относят: виновность лица; обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность; характер и размер ущерба, причинённого правонарушением; обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении, а также иные обстоятельства, выясняемые в каждом отдельно взятом случае, играющие значение для конкретно взятого дела. Стоит учесть, что вышеперечисленные сведения являются подтверждением неотвратимых гарантий со стороны государства на всестороннее, полное и объективное рассмотрение каждого дела. Законодатель устанавливает требования, которым должны отвечать доказательства. Ими выступают требования относимости и допустимости доказательств. Относимость – способность имеющихся сведений выступать с точки зрения принадлежности к произошедшим событиям. Проще говоря, относятся ли предоставленные доказательства к рассматриваемому дело, возможно ли именно с их помощью определить, обосновать либо же оспорить наличие или отсутствие обстоятельств. Так, например, не будут отвечать требованиям относимости сведения, полученные от свидетелей о нарушении гражданином ПДД, выразившееся в постановке транспортного средства в не установленном для этого месте, когда

[1] О безопасности дорожного движения: Федер. Закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 50, ст. 4873.

[2] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. Закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ст. 3128.

производство по делу об административном правонарушении, в свою очередь, проходит по факту управления гражданином автомобилем в нетрезвом состоянии. Допустимость представляет собой соблюдение законной формы получения требуемых доказательств [2, с. 288]. Правовая система Российской Федерации опирается на нормы права как незыблемый ориентир при совершении юридически значимых действий. Так и сведения, имеющие значение для находящегося в производстве административного дела, обязаны неукоснительно соответствовать нормативно-правовым актам, а также предъявляемым требованиям: возможность установления источника предоставляемой информации с последующей её проверкой; соблюдение правил сбора, а также фиксации при неукоснительном соблюдении прав и свобод человека и гражданина. Случаями нарушения требований допустимости могут выступать моменты получения доказательств с нарушением или же превышением имеющихся в обиходе управомоченного субъекта прав и обязанностей, составление доказательственной базы на основе сведений, составляющих слухи, догадки, размышления, предположения и иные данные, не представляющие конкретной информации. В неразрывной связи с принципами относимости и допустимости доказательств взаимодействует их последующая оценка. Оценка является контрольной инстанцией по присвоению обособленным имеющимся сведениям понятия «доказательства». Оценка заключается в мыслительном процессе, в результате которого полученная информация рассматривается со стороны относимости, допустимости, достоверности и достаточности с целью дальнейшего обоснования обстоятельств рассматриваемого дела уже при помощи полученных доказательств [3, с. 536]. Лицо, осуществляющее оценку, не должно быть подвержено никакому внешнему воздействию, но должно опираться лишь на имеющиеся обстоятельства дела и своё мировоззрение наряду с внутренними убеждениями, руководствуясь в совокупности с объективностью.

Производство по делам об административных правонарушениях можно рассматривать как стадию непосредственного применения норм права, выражающуюся в совокупности процессуальных мероприятий, осуществляемых управомоченными субъектами, результатами действий которых выступает принятие решения о применении мер юридической ответственности к лицу либо же отказе от применения мер юридической ответственности.

Это многогранный процесс, заключающийся в правомерном рассмотрении дела с последующим установлением истины, включающий в себя: 1) возбуждение производства; 2) всестороннее рассмотрение всех обстоятельств совершённого; 2) вынесение соответствующего наказания; 3) исполнение решения; 4) в некоторых случаях – пересмотр решения.

Сотрудник Госавтоинспекции является особым субъектом рассматриваемой деятельности, так как реализуемые им должностные обязанности напрямую связаны с поиском и сбором доказательств, фигурирующих в сфере дорожного движения, с последующим возбуждением производства по делу об административном правонарушении, его рассмотрением и принятием соответствующего государственно-властного решения [4, с. 462]. Согласно подпункту «З» пункта 11 Указа Президента № 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения»[1], обеспечение производства по делам об административных

[1] О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения: Указ Президента Рос. Федерации от 15 июня 1998 г. № 711: вместе с Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 25, ст. 2897; 2018. № 38, ст. 5835.

правонарушениях является прямой обязанностью Госавтоинспекции. Данная норма выступает как императив, закрепляющий за сотрудниками Государственной инспекции функцию по разрешению административных дел. Категория административных дел будет упираться в область обеспечения безопасности дорожного движения, вытекающая из первого пункта рассматриваемого нормативного акта. Связывая вышесказанное, методом индуктивного перехода можно сделать вывод о том, что доказательства являются важнейшим средством реализации всестороннего и полного протекания процесса производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения. Обеспечение безопасности дорожного движения не будет представляться возможным без грамотного сбора доказательственной базы и дальнейшего её использования в качестве основания для применения к нарушителю мер неблагоприятного воздействия.

Специфика рассматриваемой дефиниции заключается в неуклонном соблюдении норм действующего законодательства наряду с использованием тактических действий, позволяющих определить важнейшие моменты, которые в последующем будут иметь значение для рассмотрения дела. Для этого законодатель закрепляет за сотрудниками полиции широкий спектр компетенций, находящий своё отражение как в федеральном законодательстве, так и в ведомственных нормативных актах[1].

При анализе понятия, относящегося к доказательству, обратимся к ст. 26.2. КоАП РФ. Во второй части рассматриваемой нормы указывается наиболее распространённая форма использования сведений – протокол об административном правонарушении. Именно данный процессуальный документ выступает основным средством фиксации как административных правонарушений в целом, так и правонарушений, совершаемых в области дорожного движения, в частности. Можно выделить следующие доказательства:

1) объяснения лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении;

2) показания потерпевшего;

3) показания свидетелей;

4) заключения эксперта;

5) вещественные доказательства;

6) протоколы (к примеру, о направлении на медицинское освидетельствование);

7) показания специальных технических средств;

8) иные документы (к примеру, план-схема ДТП).

Все вышеперечисленные виды доказательств не имеют заранее установленной силы и считаются равнозначными по отношению друг к другу.

Объяснения лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, показания потерпевшего, свидетелей законодатель определяет как сведения, обладающие необходимой значимостью для имеющегося в производстве дела об административном правонарушении. Основным критерием данных сведений выступает то, что они должны раскрывать какие-либо обстоятельства произошедшего события либо констатировать отсутствие таковых. Сведения могут предоставляться в любой форме – устной или письменной. Однако устная форма является правом предоставления сведений для одних субъектов и обязанностью фиксации в определённом императивном порядке – для других. На наш взгляд, словесное выражение информации с последующим её переносом на бумажный носитель и приобщением к делу в установленным законом порядке выступает

[1] О полиции: Федер. Закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

реализацией механизма обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина, предписываемых конституцией, а также иными нормативными документами. Необходимо сказать, что КоАП[1] предопределяет возможность указанных лиц давать объяснения по существу разбираемого дела. По отношению к свидетелям данное является как правом, так и обязанностью. Помимо этого, при получении показаний свидетель может не давать показаний против себя самого, своего супруга и близких родственников; выражать свои показания на родном языке или на том, которым владеет; в бесплатном порядке пользоваться помощью переводчика; делать замечания по поводу правильности занесения его показаний в протокол. Данный вид доказательств широко используется при производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения. Информация, полученная от водителей, нарушивших правила дорожного движения, а также иных водителей составляет массив сведений, добываемых в первую очередь при сборе доказательств. Данный вид рассматриваемых доказательств может использоваться и используется на любой стадии производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.

Вещественными доказательствами, находящими применение при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, являются различные орудия совершения противоправного деяния, в том числе и предметы. Так, не исключаемыми в данной группе доказательств будут выступать орудия или предметы, на которых остались какие-либо следы, свидетельствующие о произошедшем событии. Вещественные доказательства имеют материальною оболочку, а не находятся в сознании кого-либо из участников производства. Данный факт предоставляет возможность не только внимательно осмотреть имеющийся предмет, но и потрогать его, ощутить в своих руках для полного выяснения обстоятельств, имеющих значение для рассматриваемого дела. Обязательным условием использования данного вида необходимых сведений выступает документальное фиксирование. Вышесказанное предполагает, что содержательное значение, заключающееся в предметах, требуется переносить в письменный формат. Это может быть осуществлено с помощью отметки в протоколе об административном правонарушении или же в любом документе по применению мер обеспечения. Например, при незаконном внесении изменений в конструкцию транспортного средства или же незаконном его переоборудовании сведениями, свидетельствующими о противоправности действий лица, а также несущими в себе доказательственный характер, будет выступать транспортное средство как вид вещественного доказательства [5, с. 204].

Также не секрет, что существуют ситуации, в которых изъятие вещественного доказательства не представляется возможным ввиду объективных факторов. В таких случаях предметы подробнейшим образом фиксируются в процессуальных документах с указанием их отличительных особенностей, позволяющих идентифицировать среди других. Делая акцент на особенность области дорожного движения, следует отметить, что в соответствии со ст. 28.1.1. КоАП РФ в обязанность сотрудника Госавтоинспекции входит составление протокола осмотра места совершения ДТП с отражением сведений о вещественных доказательствах и дополнительных способах их фиксации. Обособленные документы или же иные письменные сведения могут выступать в качестве информации, необходимой для всестороннего и объективного рассмотрения

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. Закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ст. 3128.

дела. В тех случаях, если необходимость документа по делу определяется справочными или удостоверительными данными, он выступает письменным доказательством.

При широком спектре знаний, имеющихся в обиходе субъектов производства по делам об административных правонарушениях, возникают моменты, когда мыслительной базы лица, рассматривающего дело, становится недостаточно, а от разрешения поставленных вопросов зависит установление истины по делу. В таких случаях прибегают к такому виду доказательства, как заключение эксперта. В его основе лежит экспертиза, предполагающая под собой мыслительную деятельность, заключающуюся в проведении исследования компетентным лицом, обладающим специальными познаниями в определённой сфере. Основанием производства экспертизы выступает соответствующее определение о назначении экспертизы. Проводя параллель с уголовно-процессуальным судопроизводством, в движении которого затрагиваются наиболее значимые права человека и гражданина, при необходимости использования специальных познаний компетентное лицо также может назначить экспертизу, но путём вынесения соответствующего постановления. На наш взгляд, различием процессуальных документов при назначении смежных мероприятий законодатель пытается указать на значимость общественных отношений, происходящих при уголовном производстве, а также на закономерный результат, как нередко бывает, – ограничение конституционных прав осуждённого лица [6, с. 127]. Тем не менее не стоит легкомысленно относиться к группе правоотношений, подпадающих под административное законодательство, за нарушение которых также следует наказание, не столь императивное как в уголовном законодательстве, но и не столь лёгкое, чтобы правонарушитель претерпеванием мог осознать содеянное. Итак, в зависимости от находящегося в производстве дела экспертиза может проводиться, если необходимы специальные знания в науке, технике, искусстве или ремесле. Эксперт выступает участником производства по делу об административном правонарушении. Он наделяется правами и обязанностями в соответствии со ст. 25.9. КоАП РФ. Закономерным итогом проведения специальных исследований выступает заключение эксперта, воспринимаемое, в свою очередь, источником доказательств. В сфере дорожных правоотношений специальные познания часто обладают спросом при дорожно-транспортных происшествиях, разрешение которых требует проведения автотехнических экспертиз. В определении необходимо отразить: что послужило основанием назначения экспертизы; сведения, касающиеся эксперта или же наименование учреждения, в котором должна быть проведена экспертиза; круг вопросов, поставленных для разрешения перед экспертом; перечень материалов, предоставляемых в распоряжение эксперта. Стоит учесть, что заключение эксперта не является обязательным при рассмотрении, а выступает источником доказательств, рассматриваемым наравне со всеми, по внутреннему убеждению компетентного лица[1]. Следует заметить, что ряд учёных склонен утверждать, что сами правонарушители являются объектами исполнительного производства, поскольку на них оказывается воздействие государственными органами для достижения цели административного наказания [7, с. 104].

Наиболее распространённым способом получения доказательств выступает их немедленная фиксация в момент совершения того или иного правонарушения. Доказательственная база, на которую в последующем будет опираться субъект производства по делу, зависит от грамотных и слаженных действий лиц, фиксирующих

[1] О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 марта 2005 г. № 5. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

обстоятельства совершённого. В случаях, когда немедленное отражение необходимых сведений не представляется возможным или же в иных обстоятельствах, законодатель вводит такие понятия, как поручение и запрос. Под запросом понимают изданные компетентным лицом требования, предполагающие предоставление необходимых сведений, относящихся к рассматриваемому делу и имеющих значение для него. Поручением признаётся направленное соответствующему субъекту требование о совершении определённых действий с целью установления доказательств по административному делу. Запрос или поручение направляется территориальному органу, располагающему требуемыми сведениями, или же должностному лицу соответственно. Общий срок исполнения – не позднее пятнадцати дней со дня получения запроса или же поручения. В случаях умышленного невыполнения либо ненадлежащего исполнения законодатель устанавливает административную ответственность, предусмотренную ст. 17.7. КоАП РФ.

Таким образом, современное правовое регулирование производства по делам об административных правонарушениях, в частности оценки соответствующих доказательств, способствует формированию обвинительной практики. Полагаем, что сложившаяся практика противоречит общим принципам российского права и приводит к несправедливому привлечению граждан и юридических лиц к административной ответственности [8, с. 44].

В результате проведённого исследования мы выяснили, что современные аспекты применения релевантных фактов, выступающих объективацией действительности человеческих проступков, нуждаются в стойкой потребности технических средств и в сведениях, полученных с их помощью, а также в дальнейшем их применении, выступающем в главенствующей роли при вынесении соответствующего решения в практической деятельности. Письменные документы совместно с показаниями лиц, обладающих требуемой информацией, не теряют своего содержательного значения, выступая наряду с иными доказательствами. Законодатель разделяет доказательства в зависимости от сферы их применения. Здесь имеет значение вид используемого производства, ведь в зависимости от сферы применяемых правоотношений мы будем использовать те или иные сведения в необходимой для этого форме. На наш взгляд, законодатель характеризует «доказательства» как инструмент, посредством которого достигаются положения законности. Ведь данные сведения используются не в обособленном виде – их для начала нужно найти, придать их проверке, затем юридически правильно, опираясь на действующие нормы законодательства, оформить и грамотно использовать.

Доказывание, в свою очередь, характеризуется как сложный процесс, целью которого является установление истины по делу. Доказательствами при производстве по делам об административных правонарушениях выступают любые фактические данные, на основании которых управомоченный субъект, в производстве которого находится дело, устанавливает наличие или отсутствие события административного правонарушения, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Обеспечение безопасности дорожного движения не будет представляться возможным без грамотного сбора доказательственной базы и дальнейшего её использования в качестве основания для применения к нарушителю мер неблагоприятного воздействия.

Наиболее распространённым способом получения доказательств выступает их немедленная фиксация в момент совершения того или иного правонарушения. Доказательственная база, на которую в последующем будет опираться субъект производства по делу, зависит от грамотных и слаженных действий лиц, фиксирующих обстоятельства совершённого.

Развитие современного мира невозможно без использования цифровых технологий, оказывающих значимое влияние на различные сферы социальной действительности. Современные государства самостоятельно формируют и реализуют национальную политику, связанную с внедрением цифровых технологий в отдельные общественные сферы [9, с. 52]. Статья 11 ФЗ № 3 «О полиции»[1] предоставляет возможность данной системе органов при выполнении возложенных на неё задач и функций пользоваться достижениями науки и техники как средствами содействия осуществления законности в государстве. Часть 3 данной нормы говорит о возможности использования полицией технических средств, в том числе средств аудио-, фото- и видеофиксации, при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, что точечно конкретизирует тактику распоряжения управомоченными субъектами предоставленными правами.

1. Затолокин А. А. Современные вызовы безопасности дорожного движения и пути их преодоления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 59–66.
2. Административное право / А. М. Волков, А. Дугенец. М.: ИД ФОРУМ: ИНФРА-М. 2015. 288 с.
3. Административное право: учебник / Под ред. А. И. Каплунова. М.: ДГСК МВД России. 2011. 536 с.
4. Организация деятельности служб и подразделений полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: учебник для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.В. Гордиенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 462 с.
5. Пеньшин Н. В. Служба ГИБДД: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки бакалавров 230301 «Технология транспортных процессов» / Н. В. Пеньшин, В. С. Горюшинский. Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015. 204 с.
6. Административный процесс: учебное пособие / Галузо В. Н., Волкова В. В., Хахалева Е. В. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право. 2012. 127 с.
7. Жбанова С. А., Шкеля О. В. Проблемы реализации института исполнения постановлений о наложении административных наказаний в области безопасности дорожного движения и пути их преодоления // Общество и право. 2022. № 2(80). С. 102–106.
8. Дерюга Н. Н., Дерюга А. Н. Оценка доказательств по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс, 2023, № 8. С. 43–45.
9. Калюжный Ю. Н. Цифровые технологии как новые возможности обеспечения безопасности дорожного движения // Административное право и процесс, 2021, № 11. С. 52–54.

1. Zatolokin A. A. Sovremenny`e vy`zovy` bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i puti ix preodoleniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 59–66.
2. Administrativnoe pravo / A.M. Volkov, A.. Dugenecz. M.: ID FORUM: INFRA-M. 2015. 288 s.
3. Administrativnoe pravo: uchebnik / Pod red. A.I. Kaplunova. M.: DGSK MVD Rossii. 2011. 536 s.

[1] О полиции: Федер. Закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

4. Organizaciya deyatel`nosti sluzhb i podrazdelenij policii po oxrane obshhestvennogo poryadka i obespecheniyu obshhestvennoj bezopasnosti: uchebnik dlya studentov, obuchayushhixsya po special`nosti «Yurisprudenciya» / pod red. V.V. Gordienko. M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2012. 462 s.
5. Pen`shin N. V. Sluzhba GIBDD: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po napravleniyu podgotovki bakalavrov 230301 «Texnologiya transportny`x processov» / N. V. Pen`shin, V. S. Goryushinskij. Tambov: Izd-vo FGBOU VPO «TGTU», 2015. 204 s.
6. Administrativny`j process: uchebnoe posobie / Galuzo V.N., Volkova V.V., Xaxaleva E.V. M.: YuNITI-DANA; Zakon i pravo. 2012. 127 s.
7. Zhbanova S. A., Shkelya O. V. Problemy` realizacii instituta ispolneniya postanovlenij o nalozhenii administrativny`x nakazanij v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i puti ix preodoleniya // Obshhestvo i pravo. 2022. № 2(80). S. 102–106.
8. Deryuga N. N., Deryuga A. N. Ocenka dokazatel`stv po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax // Administrativnoe pravo i process, 2023, № 8. S. 43–45.
9. Kalyuzhny`j Yu. N. Cifrovy`e texnologii kak novy`e vozmozhnosti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Administrativnoe pravo i process, 2021, № 11. S. 52–54.

Информация об авторах

Светлана Александровна Жбанова. Заместитель начальника кафедры организации деятельности ГИБДД. Кандидат экономических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Дмитрий Владимирович Копыл. Старший преподаватель кафедры безопасности дорожного движения.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Information about the authors

Svetlana Al. Zhbanova. Deputy Head of the Department of Organization of traffic police activities. Candidate of Economic Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of Ministry of interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov st., 2.

Dmitry V. Kopyl. Senior lecturer at the department of road safety.
Krasnodar university of the ministry of internal affairs of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya st., 128.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted February 12, 2024; approved after reviewing May 16, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.97

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДИНАМИЧНО РАЗВИВАЮЩЕМСЯ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Кобец Петр Николаевич
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия

pkobets37@rambler.ru

Аннотация. Актуальность настоящей работы вызвана развитием технологий искусственного интеллекта, ставящих перед обществом ряд проблем, среди которых основополагающей является проблематика правосубъектности этих систем. В процессе анализа различных точек зрения и подходов отечественных и зарубежных правоведов и экспертов по данному вопросу убедительно доказано, что пока не имеется серьёзных оснований по признанию правосубъектности робототехники, функционирующей на основе указанных технологий. В заключение делается вывод о том, что в настоящее время искусственный интеллект не может быть наделён правосубъектностью.

Ключевые слова: новые технологии, робототехника, цифровое общество, правовое регулирование, правосубъектность, законодательные основы, противоправная деятельность, законотворчество, юридическая ответственность.

Для цитирования: Кобец П. Н. Анализ подходов к проблеме правосубъектности систем искусственного интеллекта в динамично развивающемся цифровом обществе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 81–87.

ANALYSIS OF APPROACHES TO THE PROBLEM OF LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN A DYNAMICALLY DEVELOPING DIGITAL SOCIETY

Peter N. Kobets
National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia, Moscow, Russia

pkobets37@rambler.ru

Abstract. The relevance of this work is caused by the development of artificial intelligence technologies, which pose a number of problems to society, among which the fundamental problem is the legal personality of these systems. In the process of analyzing the various points of view and approaches of domestic and foreign legal scholars and experts on this issue, it has been convincingly proved that so far there are no serious grounds for recognizing the legal personality of robotics operating on the basis of these technologies. In conclusion, it is concluded that artificial intelligence cannot currently be endowed with legal personality.

Keywords: new technologies, robotics, digital society, legal regulation, legal personality, legislative framework, illegal activities, lawmaking, legal liability.

For citation: Kobets P. N. Analysis of approaches to the problem of legal personality of artificial intelligence systems in a dynamically developing digital society // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 81–87.

Бурно развивающаяся четвёртая промышленная революция требует особого внимания к вопросам применения вновь возникающих информтехнологий в деятельности общества и государства [1, с. 221]. Эти новые технологии, заметно выделяющиеся среди остальных, активно внедряются во многие сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе актуализируют экзистенциальные вопросы, связанные с ролью робототехники в современном мироустройстве. Также немаловажно, что в процессе формирования современного цифрового общества происходит динамичное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), быстро преобразующих социальную реальность, которые, в свою очередь, вызывают необходимость адаптировать к этим процессам все правоприменительные и правоохранительные системы [2, с. 115]. Ещё не так давно подобные проблемы выглядели как плод воображения фантастов, став сегодня абсолютно реальными и, более того, требующими ответов на многие непростые вопросы.

По большей части это обусловлено тем, что развитие рассматриваемых технологий определило перед обществом ряд проблем, среди которых особое место занимают вопросы, связанные с их правовым регулированием и правовой охраной, ну и, конечно же, юридической ответственностью в процессе деятельности и принимаемых решений системами, использующими в своей работе технологии ИИ. Причём основополагающим вопросом, требующим научной проработки, является проблематика правосубъектности этих систем. И как показал предварительный анализ данного предмета обсуждения, специалистами уже собран серьёзный эмпирический материал для дальнейшего исследования имеющих место непростых вопросов с целью оценки разнообразных правовых последствий, которые могут возникнуть при внедрении робототехники, использующей рассматриваемые технологии.

Анализируя научную проработанность указанной проблематики, хотелось бы отметить, что в настоящее время эти вопросы всё чаще отражаются в трудах российских и зарубежных правоведов и исследователей. Особенно интересными среди немалого массива проработанных источников нам показались научные работы следующих специалистов: Д. С. Аулова, Е. В. Ананевич, А. В. Афанасьевской, А. П. Васильева, Ю. С. Балалаевой, И. Р. Бегишева, Е. Д. Борулевой, О. С. Болотаевой, О. В. Брянцевой, И. И. Брянцева, П. С. Бусыгиной, Н. И. Бурак, Д. В. Булатова, С. А. Грипич, Ю. Д. Денисова, Н. В. Дулатовой, Ю. В. Забайкина, А. И. Звягиной, Д. Д. Зубцова, И. Р. Иблаева, А. М. Игитова, В. П. Камышанского, В. В. Коленцовой, А. В. Кокина, А. Х. Кунаева, О. М. Куницкой, Т. В. Ковалева, Д. А. Лунькина, В. Д. Матеровой, Д. А. Матанцева, А. И. Медведева, П. М. Морхата, А. И. Муртазина, П. В. Несмачной, А. Д. Померанца, Г. А. Решетниковой, Е. А. Рыжковой, П. А. Рустамова, А. Л. Савенка, В. С. Савиной, А. В. Степановой, Ж. У. Тлембаевой, Н. И. Турлыгина, Ю. С. Харитоновой, А. В. Шуляк, С. И. Шуткина и т. д.

Сегодня немало в отечественной и зарубежной литературе разнообразных точек зрения и о правосубъектности технических устройств, использующих данные технологии. Рассматривая обозначенную проблему, часть экспертов склонна полагать, что «искусственный интеллект возможно определять в качестве электронного лица в виде децентрализованных автономных организаций, которые управляются при помощи умных контрактов (smart contracts)» [3, с. 38]. Другие же специалисты определяют носителей искусственного интеллекта как «электронных лиц, обладающих

разумом и способностями по принятию осознанных и не основанных на заложенном создателем такой машины, робота, программы алгоритме решений и в силу этого наделённым рядом прав и обязанностей» [4, с. 358]. Отдельные учёные идут ещё дальше и утверждают, что роботы могут быть определены в качестве цифровых личностей, при этом отмечая, что следует делать различие между электронными лицами и электронными индивидами, и, по их мнению, они должны рассматриваться в качестве базовой составляющей электронных лиц [5, с. 87].

При этом некоторые исследователи полагают, что к правам электронных лиц необходимо отнести право на жизнь, для этого электронному лицу следовало бы разработать ряд специальных критериев, которые бы могли гарантировать это право. И уж совсем необычной является позиция исследователей, размышляющих о том, что «электронные лица должны будут претендовать на защиту от различных модификаций и нарушений целостности информации в хранилище данных и программном коде, которые могут привести к деформации личности или уничтожению искусственного интеллекта» [6, с. 71].

У ещё одних экспертов на данную проблему совершенно противоположная, но заслуживающая особого внимания точка зрения, с которой мы полностью солидарны. В частности, они уверены, что правосубъектность электронных лиц нельзя сопоставлять с правосубъектностью людей, поскольку электронные лица не могут обладать интернациональностью, способностями ощущения на себе последствий собственного действия либо бездействия. Кроме того, они не могут руководствоваться в своей деятельности моральными и этическими догмами, поэтому их нельзя привлекать к различным видам ответственности. И поскольку они не могут нести самостоятельную ответственность за причинённый вред, в соответствии с действиями электронных лиц ответственность может возлагаться на разработчика программного обеспечения ИИ или же на производителя [7, с. 49].

Важнейшим аспектом рассматриваемой проблематики являются действия робототехники, причинившие смерть человеку. Рост автоматизации производства увеличивает число фактов причинения вреда человеку со стороны робототехники, в том числе и его гибели. Подобные факты случаются все регулярнее и вызваны нарушением корректной работы робототехники вопреки заданным настройкам. Как правило, такие инциденты квалифицируются как несчастные случаи без привлечения к уголовной ответственности разработчиков, создателей и владельцев данной робототехники. Смертельные случаи на объектах промышленных предприятий, в которых виновна робототехника, свидетельствуют об определённом уровне автономизации этих систем, при котором не существует абсолютного контроля за их работой, поэтому и исключены все виды ответственности лиц, их разрабатывающих либо являющихся собственниками. Вследствие этого сегодня так остро стоит на повестке вопрос, связанный с необходимостью установления виновных в совершении правонарушений, а также возложения необходимых мер ответственности за сбои в работе интеллектуальных систем.

Совершенно очевидно, что в скором будущем задачей учёных и правоведов, конечно же, будут являться вопросы, связанные с мерами юридической ответственности исследуемых технологий. Во многом сложившееся положение дел в указанной области обусловлено перспективными проблемными ситуациями, связанными с субъектами ответственности в случае нарушения правоотношений в сфере ИИ. Поэтому, анализируя данную проблематику, следует согласиться с большинством исследователей, полагающих, что по мере развития самостоятельных систем, основанных на рассматриваемых технологиях, неизбежно должно происходить

перераспределение полноты ответственности с субъектов – участников отношений в сфере ИИ.

Кроме того, следует отметить, что отечественными экспертами по вопросам привлечения к различным мерам и видам ответственности в данной сфере высказываются разнообразные позиции, в частности относительно того, кого необходимо привлекать за причинение вреда в случае инцидентов, связанных с робототехникой, использующей новые технологии: владельца системы, работающей на основе этих технологий, её разработчиков, пользователей либо иных лиц. И как отмечают отечественные специалисты, и с этим, конечно же, сложно не согласиться, происшествия, случающиеся с техническими устройствами, работающими на основе данных технологий, как правило, на сегодняшний день во многом связаны с несовершенными алгоритмами, требующими своей доработки для дальнейшего бесперебойного и безаварийного их использования. В этой связи, по мнению специалистов, логично привлекать к различным мерам ответственности лиц, разрабатывающих указанные системы [8, с. 468].

Одним словом, мы солидарны с позицией учёных, которые придерживаются общего понимания сложившихся в теории уголовного права подходов к субъектам преступлений и соответствующих положений технических нормативных правовых актов по применению техники, использующей технологии ИИ. Мы также полностью разделяем научную точку зрения отечественных специалистов, которыми акцентируется внимание на том, что в современных условиях чрезвычайно сложно говорить о возможности рассматривания ИИ субъектом преступления [9, с. 156].

В этой связи также важно отметить, что правоспособность имеет прямую взаимосвязь с дееспособностью субъектов права. Отечественные учёные различают специальную, ограниченную и отсутствие дееспособности. Ими также отмечается, что дифференциация дееспособности носителей ИИ предполагает некое техническое регулирование и их классификацию в зависимости от того, насколько развиты их нейросети [11, с. 45]. Кроме того, часть экспертов уверена в том, что ИИ как минимум необходимо относить не к субъектам, а к квазисубъектам права, так как роботизированные системы не могут являться субъектами права: они не имеют воли, не обладают собственными интересами в правовом смысле, не способны к формированию субъективных отношений к совершаемым действиям, не несут юридической ответственности, поскольку у них нет чувства вины [12, с. 68]. Одним из критериев отечественные правоведы также считают потенциальные возможности воплощения в жизнь субъективных прав и юридических обязанностей, а также совершения законных и противоправных поступков.

Определяя правосубъектность ИИ, нельзя не учитывать и личностный аспект, поэтому следует согласиться с позицией относительного того, что робототехника не может быть признана субъектом права, поскольку она не может являться личностью [13, с. 85]. Между тем ряд исследователей, рассуждая по данному вопросу, убедительно утверждают, что «определение правового статуса робототехники и юридических лиц очень схоже, поскольку их правовой статус, в сущности, является юридической фикцией» [14, с. 23].

Некоторые специалисты, пытаясь обосновать точку зрения по поводу признания правоспособности робототехники, утверждают, что юридические лица являются имуществом, правоспособность которых признана законодательно, и в этой связи необходимо наделение робототехники статусом субъекта права [15, с. 15]. Среди исследователей данной проблематики также распространена позиция относительно того, что рассматриваемые технологии «автономны и могут посредством своих действий приобретать субъективные права и юридические обязанности» [16, с. 52].

Указанное утверждение высказывается авторами в связи с важностью мер по контролю над функционированием ИИ, который способен действовать автономно.

Ряд отечественных исследователей также полагает, что правоспособность робототехники, функционирующей на основе рассматриваемых технологий, в первую очередь определяется возможностью её функционально-целевого назначения. И поэтому технологии, работающие на основе ИИ, могут быть в пределах правового пространства как в качестве объектов права, так и как электронные лица, которые наделены полной правосубъектностью [17, с. 168].

Авторами также отмечается, что технологии, работающие на основе ИИ, в обязательном порядке должны быть под контролем их собственников, пользователей, которые воплощают в жизнь субъективные права и юридические обязанности и при этом могут совершать не только правомерные, но и противоправные действия. Поэтому как пользователи, так и собственники могут приобретать различные права и обязанности робототехники, функционирующей на основе исследуемых технологий [18, с. 58].

Подытоживая проведённое исследование, важно отметить, что субъекты права должны иметь собственные правовые интересы, устремления, притязания. Робототехника, функционирующая при помощи ИИ, чтобы реализовывались её правовые интересы, в обязательном порядке должна обладать собственной автономной правовой волей, определяющей и формирующей её интересы. В то же время её наличие не признаётся на законодательном уровне; не признаёт наличия правовой воли у робототехники также и правовое сообщество, а механизмы по её формированию пока что сложно определить. Кроме того, чтобы утвердить самостоятельную правовую заинтересованность в данном вопросе, в первую очередь следовало бы разграничить интересы всех субъектов рассматриваемой сферы, среди которых разработчики, собственники и владельцы интеллектуальных систем. И вообще, существует ли необходимость защиты интересов робототехники, работающей на основе ИИ, от правовых интересов её разработчиков и производителей? Пока что не имеется серьёзных оснований по признанию правосубъектности данной робототехники, поскольку она не способна к самостоятельному определению того, что именно является социально-правовыми ценностями.

Таким образом, можно с уверенностью указать на то, что в настоящее время ИИ никак не может быть наделён правосубъектностью. Не исключено, что в какой-то далёкой перспективе со временем его и наделят возможностями участия в отдельных правоотношениях в интересах человека при условиях, когда у него будут способности и возможности волеизъявления, позволяющие стать полноправным участником правоотношений. А пока что нет никаких технических, юридических, а также этических оснований, чтобы наделять его правосубъектностью.

---

1. Батоев В. Б. Использование технологии искусственного интеллекта в судебной деятельности: оперативно-розыскной аспект // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 220–228.
2. Кобец П. Н. Совершенствование правового регулирования в сфере использования технологий искусственного интеллекта // Философия права. 2023. № 3(106). С. 112–118.
3. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.
4. Ужов Ф. В. Искусственный Интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360.

5. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1(253). С. 85–102.
6. Котлярова В. В., Шемякина М. А. Права искусственного интеллекта // Дневник науки. 2019. № 5(29). С. 71.
7. Морхат П. М. Ответственность третьих лиц за совершение юнитами искусственного интеллекта, причиняющих вред // Государственная служба и кадры. 2018. № 3. С. 47–49.
8. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 461–476.
9. Савенок А. Л. Причинение вреда беспилотным автомобилем: проблемы квалификации // Вестн. Академии МВД Респ. Беларусь. 2018. № 2. С. 153–156.
10. Павлова Л. В. Научно-технические достижения и вопросы правового регулирования с учетом ценностных оснований (постановка проблемы на примере уголовно-правовой охраны общественных отношений) // Право.Ьу. 2020. № 2 (64). С. 63–69.
11. Камышанский В. П., Корецкий А. В. Понятие и правовой статус носителей искусственного интеллекта // Власть Закона. 2019 . № 1(37). С 42–50.
12. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019..208 с.
13. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // Государство и право. 2018. № 9. С. 79–88.
14. Серова О. А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы // Гражданское право. 2018. № 3. С. 22–24.
15. Ибрагимов Р., Сурагина Е. Право машин. Как привлечь робота к ответственности // Корпоративный юрист 2017. № 11. С 10–17.
16. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Т. 6. № 55 . С 46–62.
17. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис . ... докт. юрид. наук. М. , 2018. 420 с.
18. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 208 с.

1. Batoev V. B. Ispol`zovanie texnologii iskusstvennogo intellekta v sudebnoj deyatel`nosti: operativno-rozy`sknoj aspekt // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 1(94). S. 220–228.
2. Kobecz P. N. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya v sfere ispol`zovaniya texnologij iskusstvennogo intellekta // Filosofiya prava. 2023. № 3(106). S. 112–118.
3. Yastrebov O.A. Pravosub``ektnost` e`lektronnogo licza: teoretiko-metodologicheskie podxody` // Trudy` Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2018. T. 13. № 2. S. 36–55.
4. Uzhov F. V. Iskusstvenny`j Intellekt kak sub``ekt prava // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2017. № 3. S. 357–360.
5. Xabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyax cifrovoj real`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 1(253). S. 85–102.
6. Kotlyarova V. V., Shemyakina M. A. Prava iskusstvennogo intellekta // Dnevnik nauki. 2019. № 5(29). S. 71.

7. Morxat P. M. Otvetstvennost` tret`ix licz za sovershenie yunitami iskusstvennogo intellekta, prichinyayushhix vred // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2018. № 3. S. 47–49.
8. Mosechkin I. N. Iskusstvenny`j intellekt i ugolovnaya otvetstvennost`: problemy` stanovleniya novogo vida sub``ekta prestupleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2019. T. 10. № 3. S. 461–476.
9. Savenok A. L. Prichinenie vreda bespilotny`m avtomobilem: problemy` kvalifikacii // Vestn. Akademii MVD Resp. Belarus`. 2018. № 2. S. 153–156.
10. Pavlova L. V. Nauchno-texnicheskie dostizheniya i voprosy` pravovogo regulirovaniya s uchetom cennostny`x osnovanij (postanovka problemy` na primere ugolovno-pravovoj oxrany` obshhestvenny`x otnoshenij) // Pravo.`u. 2020. № 2 (64). S. 63–69.
11. Kamy`shanskij V. P., Koreczkij A. V. Ponyatie i pravovoj status nositelej iskusstvennogo intellekta // Vlast` Zakona. 2019 . № 1(37). S 42–50.
12. Ponomareva E. V. Sub``ekty` i kvazisub``ekty` prava: teoretiko-pravovy`e problemy` razgranicheniya: dis … kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2019..208 s.
13. Filipova I. A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: regulirovanie v Rossii, inostranny`e issledovaniya i praktika // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 9. S. 79–88.
14. Serova O. A. Roboty` kak uchastniki cifrovoj e`konomiki: problemy` opredeleniya pravovoj prirody` // Grazhdanskoe pravo. 2018. № 3. S. 22–24.
15. Ibragimov R., Suragina E. Pravo mashin. Kak privlech` robota k otvetstvennosti // Korporativny`j yurist 2017. № 11. S 10–17.
16. Arxipov V. V., Naumov V. B. Iskusstvenny`j intellekt i avtonomny`e ustrojstva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototexnike // Trudy` SPII RAN. 2017. T. 6. № 55 . S 46–62.
17. Morxat P. M. Pravosub``ektnost` iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual`noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovy`e problemy`: dis . ... dokt. yurid. nauk. M. , 2018. 420 s.
18. Ponomareva E. V. Sub``ekty` i kvazisub``ekty` prava: teoretiko-pravovy`e problemy` razgranicheniya: dis … kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2019. 208 s.

Сведения об авторе

Петр Николаевич Кобец. Главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности. Доктор юридических наук, профессор.
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

Information about the author

Peter N. Kobets. Chief Researcher of the center for organizational support of scientific activities. Doctor of Juridical Sciences, professor.
National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia.
121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., b. 1, 25.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted November 23, 2023; approved after reviewing April 5, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 342.98

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ НА ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВАХ ДПС ГИБДД

Литвинов Артём Валерьевич[1], Андреев Петр Геннадьевич[2], Огородников Максим Анатольевич[3]
[1,3]Омская академия МВД России, Омск, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]artyom_hawk@mail.ru
[2]petya.and@yandex.ru
[3]azz.85@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена правовым и организационным (тактическим) аспектам осуществления преследования транспортных средств, водители которых не выполнили законное распоряжение (требование) сотрудника, осуществляющего надзор за соблюдением участниками дорожного движения законодательства о безопасности дорожного движения, и пытаются скрыться с места происшествия. На основе анализа научной литературы и правоприменительной практики выполнено обоснованное изыскание вероятных направлений по совершенствованию законодательства с целью недопущения подобных нарушений со стороны участников дорожного движения.

Ключевые слова: транспортные средства, органы внутренних дел, специальные сигналы, правовая основа, преследование, принудительная остановка, крайняя необходимость.

Для цитирования: Литвинов А. В., Андреев П. Г., Огородников М. А. Правовые и организационные аспекты осуществления преследования транспортных средств в условиях применения специальных сигналов на транспортных средствах ДПС ГИБДД // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 88–97.

LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS THE PURSUIT OF VEHICLES IN THE CONDITIONS OF USING SPECIAL SIGNALS ON TRAFFIC POLICE VEHICLES

Artyom V. Litvinov[1], Peter G. Andreev[2], Maxim A. Ogordnikov[3]
[1,3]Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]artyom_hawk@mail.ru
[2]petya.and@yandex.ru
[3]azz.85@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the legal and organizational (tactical) aspects of the pursuit of vehicles whose drivers did not comply with a legal order (requirement) an employee supervising the observance by road users of the legislation on road safety, and trying to escape from the scene of the accident. Based on the analysis of scientific literature and law enforcement practice, a reasonable search was carried out for probable directions for improving legislation in order to prevent such violations by road users.

Keywords: vehicles, internal affairs agencies, special signals, legal basis, harassment, forced stop, extreme necessity.

For citation: Litvinov A.V., Andreev P.G., Ogorodnikov M.A. Legal and organizational aspects the pursuit of vehicles in the conditions of using special signals on traffic police vehicles // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 88–97.

Одной из мер, применяемых сотрудниками ДПС ГИБДД в ходе осуществления надзора за дорожным движением, является остановка транспортного средства[1]. При этом нередки случаи, при которых водители транспортных средств не выполняют законные требования сотрудников полиции. В связи с этим сотрудниками принимаются меры по передаче информации оперативному дежурному, другому наряду, после чего осуществляется преследование транспортного средства, водитель которого не выполнил требование сотрудника полиции об остановке [1, с. 153; 2 с. 126]. Причины, по которым происходят подобные ситуации, в большинстве своём связаны с нарушением требований законодательства водителями транспортных средств, в частности: управлением транспортным средством в состоянии опьянения, проезд на запрещающий сигнал светофора, превышение установленной скорости движения, отсутствие права управления транспортным средством и т. д. Принимая во внимание статистику дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) с участием служебных транспортных средств ДПС ГИБДД на территории Омской области, стоит отметить, что свыше 30 % ДТП происходит в результате осуществления преследования транспортных средств, в каждом четвёртом таком ДТП водителей патрульных автомобилей признают виновными.

В ходе осуществления преследования водителем, управляющим транспортным средством с нанесённой на наружной поверхности транспортного средства цветографической окраской, должна быть обеспечена подача специальных световых и звуковых сигналов, а требование об остановке обязаны выполнить с применением громкоговорящей установки [3, с. 593]. Нельзя не отметить тот факт, что преследование выполняется, как правило, со скоростью движения транспортного средства, превышающей установленную скорость, сопровождается проездами на запрещающий сигнал светофора и т. д. Все указанные «нарушения» со стороны патрульного экипажа являются вынужденной мерой для обеспечения цели преследования. Кроме того, подобные «нарушения» могут быть обоснованы и допустимы только в условиях обеспечения безопасности дорожного движения. Законодателем (приказ МВД России от 02.05.2023 № 264 (далее – Порядок надзора за участниками дорожного движения)) установлена рекомендация по применению громкоговорящей установки с целью обеспечения безопасности участников дорожного движения посредством их оповещения о следовании патрульного автомобиля.

[1] Об утверждении порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Полагаем, что данное положение имеет статус рекомендации, а не обязанности, поскольку применение громкоговорящей установки в отношении участников дорожного движения (исключая преследуемое лицо) в ходе преследования обусловлено высокой степени психоэмоциональной загруженности водителя транспортного средств в условиях подачи специальных световых и звуковых сигналов, а в ряде случае попросту отсутствием возможности её применения в связи с быстроизменяющейся дорожной обстановкой [4, с. 84–86].

Деятельность по преследованию неразрывно связана с принудительной остановкой транспорта, которая имеет ряд возможных вариантов реализации: с применением специальных средств, временным ограничением движения транспортных средств на отдельных участках дорог, посредством размещения патрульного автомобиля с включёнными специальными световыми и звуковыми сигналами, размещения на проезжей части грузовых автомобилей (Порядок надзора за участниками дорожного движения) [1, с. 153–154].

Решение о принудительной остановке транспорта может быть принято с учётом определённых подготовительных мероприятий или, иными словами, реализации тактики осуществления преследования [5, с. 115–121], в ходе которой необходимо установить количество пассажиров в преследуемом транспортном средстве, их месторасположение, предполагаемое состояние водителя и возможность установления с ним контакта, наличие и оценку появления оснований для законного применения огнестрельного оружия, интенсивность движения и отсутствие скопления граждан, возможный маршрут движения и т. д. Таким образом, осуществление процесса преследования требует от водителя, управляющего автомобилем оперативной службы, высокого профессионального мастерства в связи с большими рисками создания ДТП.

Законодательство Российской Федерации не предусматривает применение патрульного автомобиля в качестве средства для нанесения ударов по преследуемому транспортному средству, за исключением случаев по их расположению на проезжей части. Данное ограничение в условиях преследования обусловлено целым комплексом возможных негативных последствий в результате такого применения, начиная от причинения преследуемому и преследующему автомобилям материального ущерба в результате их повреждения и заканчивая возможной потерей управления, в ходе которой могут пострадать в том числе и иные участники дорожного движения.

Дискуссии по поводу целесообразности применения тех или иных способов принудительной остановки транспорта ведутся по сей день. Ряд авторов придерживается точки зрения о том, что блокирование преследуемого транспортного средства в противовес применению огнестрельного оружия является более безопасным способом принудительной остановки транспорта [6, с. 723]. Безусловно, при выполнении всех тактических приёмов по блокированию транспортного средства подобного эффекта действительно можно достичь, поскольку очень часто в условиях применения оружия присутствует явная угроза причинения вреда иным участникам дорожного движения, находящимся как в преследуемом транспортном средстве (помимо водителя), так и вне его. Более того, в условиях использования огнестрельного оружия, как полагают авторы [7, с. 37], не может применяться институт крайней необходимости [8, с. 37–39; 9, с. 69–71] в связи с тем, что сотрудники осознают создание опасности в результате его применения.

Риски возникновения ДТП в некоторых случаях вызывают отказ от осуществления преследования, например: в условиях выезда на дорогу с явными недостатками улично-дорожной сети, наступлением законных обязанностей по выполнению второго раздела ПДД в случае появления статуса участника ДТП. В научном сообществе полагают, что указанные причины являются следствием

отсутствия особого правового статуса сотрудника ДПС ГИБДД при выполнении преследования. Отмеченная авторами проблема является весьма серьёзной, т. к., по сути, обязывает в результате столкновения с преследуемым транспортным средством «по вине» сотрудников полиции возместить ущерб, полученный в результате ДТП [6, с. 722].

Как отмечает В. В. Похмелкин [10, с. 14], о форме вины в результате ДТП может свидетельствовать характер противоправного деяния, предшествующее и последующее поведение лица, его совершившего, обстановка происшедшего, а также другие фактические данные. Указанные положения должны быть подвергнуты тщательной проверке, проанализированы и сопоставлены. Рассуждая на тему применения института крайней необходимости в условиях производства по делу об административном правонарушении, В. В. Похмелкин отмечает, что подобный институт крайне редко применяется сотрудниками ГИБДД и судьями [10, с. 14]. При этом для наступления крайней необходимости должен быть выполнен ряд условий: инициирование в рамках судебного рассмотрения привлекаемым к административной ответственности вопроса о наступлении крайней необходимости; наличие опасности, на предотвращение которой было направлены действия лица; допущение водителями нарушения ПДД, которое послужило реакцией на противоправные действия других участников дорожного движения; причинённый вред меньше предотвращённого вреда. Отмеченное наступление опасности (угрозы) должно быть реальным, а не мнимым или предполагаемым.

В рамках исследования выполнен подбор и последующий анализ наиболее типовых случаев рассмотрения дел об административных правонарушениях, в ходе которых осуществлялось преследование транспортных средств. Назначение административного наказания должно быть направлено на предупреждение совершения новых правонарушений и должно отвечать принципам административной ответственности согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП)[1]. Ответственность по ч. 1. ст. 19.3. КоАП РФ влечёт наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до четырех тысяч рублей, либо административный арест на срок до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от сорока до ста двадцати часов. Все рассматриваемые дела по невыполнению законного требования сотрудника полиции об остановке транспортного средства характеризуются тем, что водитель игнорирует требования об остановке и пытается скрыться. В связи с этим осуществляется преследование данного автомобиля с включением специальных световых и звуковых сигналов, требования об остановке подаются с помощью громкоговорящей установки. При этом, как правило, акцентируется внимание на неоднократной подаче требований об остановке в связи с тем, что водителю должно быть предоставлено время и возможность на выполнение указанных законных распоряжений.

Рассмотрим одно из типичных дел об административных правонарушениях по ч. 1. ст. 19.3. КоАП РФ, в материалах дела которого содержится информация о том, что водителем были не выполнены требования об остановке, а после остановки водитель пытался скрыться. Какие-либо иные особенности, связанные с принудительной остановкой транспорта, созданием угрозы жизни и здоровью граждан, а также помех для движения, в материалах дела отсутствуют, водителю назначено административное

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

наказание в виде административного ареста на срок 7 суток[1]. При рассмотрении другого дела для преследования задействованы два экипажа. Остановить водителя транспортного средства, пытавшегося скрыться, удалось только после совершения ДТП с участием одного из экипажей. К водителю применена физическая сила, поскольку им была предпринята попытка скрыться с места ДТП, протащив на своём автомобиле одного из сотрудников полиции. Водителю назначено административное наказание в виде административного штрафа в виде 3000 рублей[2]. Преследование осуществлялось с применением специального светового и звукового сигнала к водителю транспортного средства, который отказывался от выполнения законных требований сотрудников полиции об остановке, допуская неоднократно нарушения Правил дорожного движения (далее – ПДД)[3], создавая угрозу другим участникам дорожного движения. Назначено наказание в виде административного ареста сроком на 14 суток[4]. В ходе преследования не справился с управлением, допустив столкновение с патрульным автомобилем, и осуществил съезд с дороги. Водителю назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 3 500 рублей[5]. Во время преследования водителем игнорировались требования об остановке, допускалось значительное превышение установленной скорости движения, осуществлял в нарушение ПДД выезд на полосу встречного движения, создавая угрозу для жизни и здоровья иным участникам дорожного движения. В отношении преследуемого транспортного средства было применено огнестрельное оружие: три предупредительных выстрела, один по колесу, однако и при таких обстоятельствах водителем были продолжены попытки скрыться. После отсутствия технической возможности продолжать движение водителем был остановлен автомобиль и совершена попытка уйти от преследования в пешем порядке. Водителю назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 2 000 (двух тысяч) рублей[6].

На наш взгляд, заслуживает внимания ещё одно делу, рассмотренное Ялуторовским районным судом Тюменской области по ст. 12.24. КоАП РФ. Обстоятельства дела указывают на осуществление экипажем ДПС ГИБДД преследования транспортного средства, водителем которого были допущены неоднократные грубые нарушения ПДД. В отношении преследуемого транспортного средства применено огнестрельное оружие, после чего водитель увеличил скорость движения и совершил выезд на полосу встречного движения. В результате неоднократных резких перестроений, а также создания помех для движения встречным транспортным средством со стороны преследуемого патрульный автомобиль во избежание лобового столкновения с автомобилем одного из участников дорожного движения вынужден был резко вернуться на полосу попутного направления движения. Водитель патрульного автомобиля потерял управление с последующим съездом в кювет и опрокидыванием. В обоснование виновности лица, скрывшегося от преследования патрульного экипажа, судом принято во внимание нарушение

[1] Номер дела: 5-10/2024. Дата начала: 05.02.2024. Дата рассмотрения: 05.02.2024 Суд: Волосовский районный суд Ленинградской области. Судья: Красильников А.В.

[2] Номер дела: 5-2/2024. Дата начала: 29.01.2024. Дата рассмотрения: 29.01.2024. Суд: Бейский районный суд Республики Хакасия. Судья: Путинцева О.С.

[3] О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Номер дела: 5-45/2024. Дата начала: 13.01.2024. Дата рассмотрения: 13.01.2024. Суд: Гатчинский городской суд Ленинградской области Судья: Семенченко Н.В.

[5] УИН: 12RS0008-01-2024-000019-28 Дата начала: 31.12.2023 Дата рассмотрения: 31.12.2023 Суд: Медведевский районный суд Республики Марий Эл Судья: Иванова Л.Н.

[6] Номер дела: 5-34/2023 УИН: 19RS0006-01-2023-000735-26 Дата начала: 27.11.2023 Дата рассмотрения: 27.11.2023 Суд: Бейский районный суд Республики Хакасия Судья: Максимова Ю.В.

водителем пунктов 6.11., 8.11., 11.3., 10.5., а также абз. 7 п. 2.7. ПДД. Примечательным, по нашему мнению, кажется указание судом на нарушение, выразившееся в наличии признаков опасного вождения[1]. Водителю назначено наказание в виде лишения права управления транспортными средствами на срок один год десять месяцев.

На сегодняшний день существует практика привлечения к административной ответственности водителей, управляющих транспортными средствами с нанесённой на их наружной поверхности и включёнными специальными сигналами, по ст. 12.15. ч. 1 КоАП РФ, осуществляющих преследование транспортных средств, в ходе которого ДТП происходит в результате резкого снижения скорости преследуемого автомобиля. Вместе с тем при указанных обстоятельствах не всё так однозначно. Так, например, в ходе рассмотрения Сысольским районным судом Республики Коми дела[2], учитывались обстоятельства, связанные с дорожно-метеорологическими особенностями проезжей части, необходимости применения при этом световых указателей поворота и технической возможности остановиться у водителя, управляющего патрульным автомобилем.

Таким образом, осуществление преследования транспортных средств имеет особый порядок реализации. Данный порядок включает наступление оснований для осуществления преследования, выполнение процедуры реализации преследования по применению специальных световых и звуковых сигналов и громкоговорящей установки, реализацию особых тактических приёмов по преследованию с целью получения наиболее полной информации о водителе и пассажирах преследуемого транспортного средства, выбор способа принудительной остановки преследуемого транспортного средства в случае неоднократного невыполнения законного распоряжения об остановке.

Помимо порядка реализации процесса преследования, безусловно, вызывает вопросы сложившаяся судебная практика по привлечению к ответственности за невыполнение законного распоряжения сотрудника полиции об остановке, выполняющего преследование транспортного средства: отсутствие единого подхода в части назначения наказания в ходе всесторонней и надлежащей оценки материалов дела, назначение административного штрафа в случае неоднократного отказа от выполнения законного распоряжения сотрудника полиции об остановке и создания угрозы жизни и здоровью участников дорожного движения. Действительно, ранее мы приводили примеры весьма неоднозначной квалификации дел по ст. 19.3. КоАП РФ, когда в одних случаях назначался в качестве административного наказания административный арест при отсутствии наступления условий применения оружия, в других случаях имело место применение оружия для остановки транспортного средства путём его повреждения, причинения вреда здоровью в результате ДТП, создание угрозы жизни и здоровью граждан, что в совокупности или по отдельности не способствовало назначению более строго административного наказания, чем административный штраф. Полагаем, что ч. 1. ст. 19.3. КоАП требует дополнения ч. 1. 2. – «Неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица органов внутренних дел, уполномоченных на осуществление функций по надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства о безопасности дорожного движения, в связи с исполнением им служебных обязанностей или воспрепятствованию исполнения им служебных обязанностей влечёт

[1] Номер дела: 5-169/2022 УИН: 72RS0028-01-2022-000962-39 Дата начала: 04.07.2022. Дата рассмотрения: 01.09.2022 Суд: Ялуторовский районный суд Тюменской области Судья: Калинина В. А.

[2] Номер дела: 12-27/2023 УИН: 11RS0017-01-2023-000252-25 Дата начала: 31.03.2023. Дата рассмотрения: 29.05.2023 Суд: Сысольский районный суд Республики Коми Судья: Фомина Г. Д.

административный арест на срок до пятнадцати суток либо обязательные работы на срок от сорока до ста двадцати часов». А также дополнить примечанием к ч. 1.2. ст. 19.3. КоАП – «Повторное совершение административного правонарушения влечёт лишение права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет или наложение административного штрафа на лиц, в отношении которых в соответствии с настоящим Кодексом уже назначена более строгая санкция в виде лишения права управления транспортными средствами в размере до тридцати тысяч рублей».

В обоснование указанного предложения отметим, что транспортное средство является источником повышенной опасности, в условиях преследования такая опасность для участников дорожного движения является реальной и влечёт назначение административного наказания в виде административных штрафов за совершение отдельных административных правонарушений, предусмотренных гл. 12 КоАП РФ. Подобная мера вполне оправдана, т. к. административный арест, лишение права управления транспортными средствами, принудительные работы являются более строгими административными наказаниями [11, с. 222–225].

Предупреждение подобных правонарушений и деликтного поведения граждан, способствующих невыполнению законного требования об остановке транспортного средства в порядке осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения законодательства о безопасности дорожного движения, создания опасности для участников дорожного движения, возможно при условии присвоения сотруднику полиции особого правового статуса [6, с. 721–722] путём внесения соответствующих изменений в № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»[1]. Поддерживая обозначенную инициативу, предлагаем абз. 5 ч. 3 ст. 24 «Права и обязанности участников дорожного движения» № 196-ФЗ после слов «и (или) груза в результате дорожно-транспортного происшествия» дополнить словами «…, за исключением случаев наступления указанных последствий при преследовании в условиях неоднократного невыполнения законных требований об остановке транспортного средства и создания угрозы жизни, здоровья и имуществу граждан, организаций, учреждений …».

В пользу особого правового статуса и отсутствия преимущества в движении у водителя преследуемого транспортного средства по смыслу абз. 2 ч. 14 Постановление пленума ВС РФ № 20 от 19.06.2019[2] говорит то, что при возникновении признаков опасного вождения согласно абз. 7 п. 2.7 ПДД, что является наиболее вероятным развитием событий, водитель преследуемого транспортного средства следует в нарушение траектории и режимов движения, установленных основными положениями ДТП.

Учитывая вышеперечисленные организационные и правовые аспекты осуществления деятельности сотрудников ДПС ГИБДД по преследованию транспортных средств, наличие института крайней необходимости и возможности его применения, полагаем, что условия, при которых наиболее вероятно наступление данных событий, могут возникнуть при наличии оснований для применения

[1] О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25 июня 2019 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

огнестрельного оружия по п. 1. ч. 3. ст. 23 № 3-ФЗ «О полиции»[1]. Однако, учитывая то, что данные условия могут наступить при осуществлении преследования в населённом пункте и наличии при данных обстоятельствах запрета по ч. 6 с. 23 № 3-ФЗ «О полиции», на наш взгляд, оправданным будет осуществление блокирования преследуемого транспортного средства даже в условиях движения.

1. Иванова Е.С., Рязанцев Е.Н. Особенности тактических действий и соблюдения мер личной безопасности сотрудников ДПС ГИБДД при преследовании и остановке транспортных средств. В сборнике: Актуальные проблемы деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования). Материалы межведомственной научно-практической конференции (26 февраля 2019 года). Составители: А.В. Вашкевич, А.В. Ефимовский. Санкт-Петербург, 2019. С. 152–156.
2. Губенков А.О. Некоторые тактические особенности задержания подозреваемых, передвигающихся на транспортных средствах, сотрудниками Госавтоинспекции. Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования // Орловский юридический институт внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова. 2021. № 1(4). С. 125–128.
3. Ильин Ю.И. Реализация требований ПДД РФ И ФЗ № 3 «О полиции» сотрудниками полиции при осуществлении преследования с использованием патрульного транспорта лица, подозреваемого в совершении преступления // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 14. С. 591–594.
4. Андреев П.Г. Особенности влияния степени восприятия окружающей информации водителем транспортного средства на общие условия безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1(82). С. 82–86.
5. Казинский Н.Е. Особенности проведения специальной операции по задержанию преступников с использованием транспортных средств в различных условиях // Транспортное право и безопасность. 2017. № 12(24). С. 104–121.
6. Тырышкин В.В. Проблемы правового регулирования деятельности подразделений дорожно-патрульной службы полиции по преследованию транспортных средств. В сборнике: Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (23 марта 2018 года). Под общей редакцией Ю. Е. Аврутина, А. И. Каплунова // Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 720–724.
7. Ишигеев В. С., Лапша В. Л. Обоснованный риск и применение оружия // Законность. 2022. № 4 (1050). С. 36–38.
8. Федотова Ю.Г. Крайняя необходимость как основание освобождения от административной ответственности: проблемы юридической квалификации // Российский судья. 2023. № 5. С. 36–41.
9. Федотова Ю. Г. Проблемы прекращения производства по делу об административном правонарушении и освобождения от административной ответственности // Современное право. 2023. № 8. С. 67–74.
10. Похмелкин В. В. Проблемы применения мировыми судьями законодательства об административных правонарушениях в области дорожного движения: научно-практическое пособие // Юридический Дом «Юстицинформ». Москва, 2019, 200 с.

[1] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Андреев Д. С. Строгость административного наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 2(33). С. 217–232.

1. Ivanova E.S., Ryazancev E.N. Osobennosti takticheskix dejstvij i soblyudeniya mer lichnoj bezopasnosti sotrudnikov DPS GIBDD pri presledovanii i ostanovke transportny`x sredstv. V sbornike: Aktual`ny`e problemy` deyatel`nosti po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya). Materialy` mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoj konferencii (26 fevralya 2019 goda). Sostaviteli: A.V. Vashkevich, A.V. Efimovskij. Sankt-Peterburg, 2019. S. 152–156.
2. Gubenkov A.O. Nekotory`e takticheskie osobennosti zaderzhaniya podozrevaemy`x, peredvigayushhixsya na transportny`x sredstvax, sotrudnikami Gosavtoinspekcii. Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya // Orlovskij yuridicheskij institut vnutrennix del Rossijskoj Federacii imeni V.V. Luk`yanova. 2021. № 1(4). S. 125–128.
3. Il`in Yu.I. Realizaciya trebovanij PDD RF I FZ № 3 «O policii» sotrudnikami policii pri osushhestvlenii presledovaniya s ispol`zovaniem patrul`nogo transporta licza, podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya // Alleya nauki. 2017. T. 2. № 14. S. 591–594.
4. Andreev P.G. Osobennosti vliyaniya stepeni vospriyatiya okruzhayushhej informacii voditelem transportnogo sredstva na obshhie usloviya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2020. № 1(82). S. 82–86.
5. Kazinskij N.E. Osobennosti provedeniya special`noj operacii po zaderzhaniyu prestupnikov s ispol`zovaniem transportny`x sredstv v razlichny`x usloviyax // Transportnoe pravo i bezopasnost`. 2017. № 12(24). S. 104–121.
6. Ty`ry`shkin V.V. Problemy` pravovogo regulirovaniya deyatel`nosti podrazdelenij dorozhno-patrul`noj sluzhby` policii po presledovaniyu transportny`x sredstv. V sbornike: Aktual`ny`e problemy` administrativnogo i administrativno-processual`nogo prava. Sbornik statej po materialam ezhegodnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (23 marta 2018 goda). Pod obshhej redakciej Yu. E. Avrutina, A. I. Kaplunova // Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2018. S. 720–724.
7. Ishigeev V. S., Lapsha V. L. Obosnovanny`j risk i primenenie oruzhiya // Zakonnost`. 2022. № 4 (1050). S. 36–38.
8. Fedotova Yu.G. Krajnyaya neobxodimost` kak osnovanie osvobozhdeniya ot administrativnoj otvetstvennosti: problemy` yuridicheskoj kvalifikacii // Rossijskij sud`ya. 2023. № 5. S. 36–41.
9. Fedotova Yu. G. Problemy` prekrashheniya proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii i osvobozhdeniya ot administrativnoj otvetstvennosti // Sovremennoe pravo. 2023. № 8. S. 67–74.
10. Poxmelkin V. V. Problemy` primeneniya mirovy`mi sud`yami zakonodatel`stva ob administrativny`x pravonarusheniyax v oblasti dorozhnogo dvizheniya: nauchno-prakticheskoe posobie // Yuridicheskij Dom «Yusticinform». Moskva, 2019, 200 s.
11. Andreev D. S. Strogost` administrativnogo nakazaniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2018. № 2(33). S. 217–232.

Информация об авторах

Артём Валерьевич Литвинов. Доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях. Кандидат технических наук, доцент.

Омская академия МВД России.

644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, 7

Петр Геннадьевич Андреев. Старший преподаватель кафедры организации деятельности ГИБДД.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Максим Анатольевич Огородников. Доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях. Кандидат биологических наук.
Омская академия МВД России.
644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, 7

Information about the authors

Artyom V. Litvinov. Associate Professor of the Department of Internal Affairs in special conditions. Candidate of Technical Sciences, docent.
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
644092, Russia, Omsk, Komarova Ave., 7.

Peter G. Andreev. Senior lecturer of the Department of Organization of traffic police activities.
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.
302027, Russia, Orel, Ignatova str., 2.

Maxim A. Ogorodnikov. Associate Professor of the Department of Internal Affairs in special conditions. Candidate of Technical Sciences, docent.
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
644092, Russia, Omsk, Komarova Ave., 7.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted March 12, 2024; approved after reviewing May 16, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 349:681

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ИНФОРМАЦИЮ

Матросова Лидия Дмитриевна[1], Борисова Ольга Васильевна[2], Василенко Вера Викторовна[3], Завьялова Наталья Юрьевна[4]

[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Краснодарский краевой суд, Краснодар, Россия
[3]Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
[4]Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

[1]itdovd@gmail.com
[2]v2598359@ gmail.com
[3]t9288487681@gmail.com
[4]zavyalovan1@rambler.ru

Аннотация. Повышение уровня развития цифровизации и информационных технологий является ключевым фактором реализации инновационной политики государства, в связи с этим многие исследователи и учёные сосредоточены на изучении влияния информационно-коммуникационных технологий на экономический рост и ускорение развития технологической сферы общества. Однако одновременно с положительными эффектами использование информационных технологий в практической деятельности порождает и высокие риски, связанные со сложностью или даже невозможностью в некоторых случаях ограничить посягательства на права граждан. В статье авторы анализируют положительные и отрицательные аспекты влияния цифровых технологий на реализацию права граждан на информацию и акцентируют внимание на некоторых проблемах в этой сфере, требующих выработки незамедлительных государственных решений.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровизация, право на информацию, ограничение права на информацию, обеспечение права на информацию, угроза причинения вреда.

Для цитирования: Матросова Л. Д., Борисова О. В., Василенко В. В., Завьялова Н. Ю. Цифровые технологии в реализации конституционного права граждан на информацию // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 98–106.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS TO INFORMATION

Lidiya D. Matrosova[1], Olga V. Borisova[2], Vera V. Vasilenko[3], Natalya Yu. Zavyalova[4]

[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Krasnodar Regional Court, Krasnodar, Russia
[3]Kuban State University, Krasnodar, Russia
[4]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

[1]itdovd@gmail.com
[2]v2598359@ gmail.com
[3]t9288487681@gmail.com
[4]zavyalovan1@rambler.ru

Abstract. Increasing the level of development of digitalization and information technology is a key factor in the implementation of the state's innovation policy, in this regard, many researchers and scientists focus on studying the impact of information and communication technologies on economic growth and accelerating the development of the technological sphere of society. However, at the same time with positive effects, the use of information technologies in practical activities generates high risks associated with the complexity or even impossibility of the use of information and communication technologies. with the difficulty or even impossibility in some cases to limit infringements on the rights of citizens. In the article the authors analyze the positive and negative aspects of the impact of digital technologies on the realization of citizens' right to information and focus on some problems in this area that require the development of immediate government solutions.

Keywords: information technology, digitalization, right to information, restriction of the right to information, ensuring the right to information, threat of harm.

For citation: Matrosova L. D., Borisova O. V., Vasilenko V. V., Zavyalova N. Yu. Digital technologies in the implementation of the constitutional right of citizens to information // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 98–106.

Стремительное развитие и внедрение цифровых и информационных технологий, в том числе в области искусственного интеллекта, всё больше преображают наш мир. Современные технологические продукты присутствуют практически во всех сферах жизни общества – от «умных помощников» в телефонах до алгоритмов, используемых при решении стратегических задач государства, проведении космических исследований. В условиях информационного общества главным ресурсом, существенно влияющим на все протекающие процессы, становится сама информация. Важной чертой такого общества является формирование и активное применение единого информационного пространства, построенного на основе информационно-телекоммуникационных сетей. Это способствовало усилению потенциальных возможностей экономики и образования, расширило горизонты человеческого общения, вывело на новую ступень возможности развития промышленности государства и нации в целом [1, с. 57].

Однако наряду с новыми возможностями, открывшимися с информационно-техническим прогрессом, такими как ускорение поиска, обработки и передачи информации, увеличение объёма её хранения, сокращение времени на сложные технические расчёты, снижение стоимости логистических цепочек и прочими удобствами от использования IT-технологий, многократно возросла и вероятность возникновения угроз информационной безопасности как для отдельных граждан, организаций, так и для целых государств. Бесконтрольное использование достижений из области цифровых и информационных технологий может привести не только к нарушению конфиденциальности, но и к дискриминации, насилию, нарушениям прав лиц, в том числе к посягательствам на такие основополагающие ценности, как право на здоровье, жилище, благоприятную окружающую среду, занятость, свободу собраний, выражение мнений, на безопасность в целом. Миллионы людей ежедневно обмениваются сообщениями по всему миру, но немногие задумываются о том, что происходит с сообщением, когда его отправляют, в отличие от преступников, которые

при выборе средств общения всегда ориентируются на определённые критерии, главными из которых являются анонимность использования и регистрации, а также шифрование передаваемых данных [2, с. 13]. В связи с этим развитие и внедрение информационных технологий и интеллектуальных систем требуют постоянного и всё более пристального внимания государства к области прав человека с точки зрения их обеспечения и реализации. Особенно важно обеспечить права, прописанные в Конституции Российской Федерации (далее – РФ), ст. 2 которой чётко возлагает на государство такую обязанность.

Одним из важнейших прав граждан, зафиксированных в Основном законе, является право на информацию. Как указано в п. 4 ст. 29 Конституции РФ, это право предполагает возможность «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Примечательно, что в законодательстве СССР право на информацию и право доступа к ней не упоминались. Впервые в отечественной истории это право, а также право на беспрепятственное выражение своих мнений и убеждений были установлены в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. (ч. 1 и ч. 2 ст. 13), а в 1992 году внесены и в содержание Основного закона [2, с. 212].

Как и любое другое право, право на информацию имеет ряд ограничений. Прежде всего, ограничения связаны с тем, что его осуществление «…не должно нарушать права и свободы других лиц» п. 3 ст. 17 Конституции РФ. В частности, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ уточняет, что каждый может свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, но только законными способами.

Что же это за способы? В принципе, это могут быть любые способы, кроме запрещённых законом. Так, процессуальные законы ч. 3 ст. 26.2.[1], ч. 3 ст. 55^{2} и ч. 1 ст. 75^{3} констатируют, что доказательствами по делу могут быть любые полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Законными способами получения информации являются, например, приобщение к делу доказательств по делу по ходатайству заинтересованных лиц, истребование сведений в официальном порядке, протоколирование процессуальных уполномоченных должностных лиц и т. д. Не являются допустимыми доказательства, полученные, к примеру, путём хищения. Недопустимо также и искажение информации, на основании которой выносятся официальные решения. Отметим, что законными должны быть не только действия по «получению – передаче – изменению» информации, но и сами носители информации тоже должны быть легитимными. Так, запрещено использовать в частных интересах сети связи, предназначенные для нужд органов государственной власти, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка (ч. 1 ст. 16)[4].

Другой пример: нельзя размещать рекламную информацию на знаках дорожного движения, их опорах и любых иных приспособлениях, участвующих в регулировке

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.
[2] Гражданский процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
[3] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.
[4] О связи: Федер. закон Рос. Федерации от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895. Ч. 1. Ст. 16.

дорожного движения (ч. 3 ст. 19)[1].

Ещё одно ограничение связано с тем, что праву на информацию противостоят право на неприкосновенность частной жизни и сопряжённое ему право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, регламентированные ст. 23 Конституции РФ: между названными правами и правом на информацию предполагается чёткая «граница», так как объективно действия с информацией (получать, хранить, передавать, распространять и др.) либо можно осуществлять, либо нельзя, третьего варианта быть не может.

Отсюда следует, что государство, обязанное защищать права человека и гражданина (как провозглашено в ст. 2 Конституции РФ), должно установить необходимые критерии, позволяющие разграничить информацию на категории: доступную для неопределённого круга лиц; информацию, предоставляемую по соглашению лиц, участвующих в соответствующих отношениях; информацию, доступную для ограниченного круга лиц; закрытую информацию[2].

При этом важно понимать, что информация любой из указанных категорий не может быть скрыта от государства в лице его уполномоченных органов, поскольку в таком случае оно не сможет обеспечить охрану и контроль того, что не идентифицировано. Анализируя всю информацию, которая может находиться в обороте, государство дифференцирует её на категории с учётом того, может ли её свободный доступ причинить вред тем или иным общественным отношениям, в связи с чем оборот такой информации может быть ограничен или запрещён. Это, например, относится к сведениям, раскрывающим планы применения Вооружённых Сил Российской Федерации, к сведениям экстремистской направленности, к личной информации и так далее[3]. Однако даже если информация не относится к категории, составляющей тайну, не является конфиденциальной и не запрещена к распространению, её передача при определённых условиях также способна нанести вред. Так, выведанная у ребенка информация о его родителях, доме, где он живёт, ближайших планах его семьи может быть использована злоумышленниками в преступных целях. В противоправных целях может быть реализована и ставшая известной информация о подготавливаемых политических публичных мероприятиях, о политических или коммерческих предпочтениях людей, о том, в каких банках они имеют вклады, о родственных связях лиц и т. п. Кроме того, при несанкционированном доступе к информации есть вероятность удаления её части, внесения изменений, не отражающих объективную реальность, либо иных искажений.

Таким образом, некоторая информация, попавшая в оборот, может принести вред её обладателю и (или) иным субъектам. Значит, задача обладателя – не допустить её распространения или передачи другим лицам в случае возникновения угрозы причинения вреда (как самому обладателю информации, так и третьим лицам). Поскольку информация как объект гражданского оборота имеет нематериальную природу, её защита отличается особенностью: без участия государства невозможно оградить её обладателя от несанкционированного доступа.

Обеспечение права на защиту информации, как и других прав человека, государство осуществляет разными методами, способами и в разных формах. В последние годы в этой деятельности государство всё больше использует цифровые

[1] О рекламе: Федер. закон Рос. Федерации от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12, ст. 1232.
[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31. Ч. 1, ст. 3448.
[3] Об утверждении сведений, отнесенных к государственной тайне: Указ Президента Рос. Федерации от 30 ноября 1995 года № 1203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 49, ст. 4775.

технологии в тандеме с правовым регулированием. Этот симбиоз уже позволил качественно решить многие задачи охраны правопорядка, в том числе в режиме реального времени, автоматизировать высокоскоростной анализ в кластерах *bigdata*, внедрить алгоритмы динамического распознавания угроз на этапе применения технологий обмена данными [4, с. 455].

Естественно, остановить научно-технический прогресс невозможно и нелогично. При высокой эффективности и устойчивости математических моделей, реализованных в решениях разного рода задач цифровой обработки данных, возрастает динамика интереса применения уже апробированных разработок к оптимизации решений задач с высокими показателями информационных трафиков. Отдельной категорией в таком смысле выступает, например, цифровизация деятельности судебной власти. Здесь преемственность рабочих технологий и алгоритмов представляет особый интерес по причине важности обеспечения конституционного права граждан на информацию не только для получения доступа к регламентам и постановлениям, но и, например, с целью обеспечения прав на защиту и оспаривание.

Потому применительно к вопросам правовой (в том числе судебной) практики в данной работе цифровые технологии предлагается условно разделить на две категории:

1. Технологии, позволяющие автоматизировать процессы, связанные с поиском, получением, передачей, производством и распространением информации.

2. Технологии, заменяющие человека на уровне искусственного интеллекта в принятии юридически значимых решений.

Казалось бы, развитие научно-технического прогресса до такой его стадии, как цифровизация, должно повысить качество реализации права на информацию, но по факту реализации, оказывается, не всё так однозначно.

Автоматизация оборота информации между любыми её субъектами решает многие задачи, описанные выше и в других наших работах [5, с. 171–172; 6, с. 134–135]. Однако сама по себе цифровизация требует наличия технически сложных инструментов и навыков владения ими, а также способностей контролировать их работу. В связи с этим снова возникает вопрос о доступности, достоверности и безопасности информации в условиях цифровизации.

Важно отметить, что ст. 19 Конституции РФ гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. При этом Российская Федерация, являясь государством демократическим и социальным, должна создать условия для реализации закреплённых в Конституции РФ прав, в том числе права на информацию, независимо от имущественного положения и уровня грамотности.

Влияние на научно-технический прогресс отдельно взятым лицом фактически невозможно. Независимо от предпочтений пользователей в итоге любой результат взаимодействия человека, государства и общества имеет свое цифровое овеществление или, по крайней мере, цифровой след, который и обуславливает возможность реализации человеком своих прав. В этом смысле право на информацию приобретает более существенное значение, поскольку от качества его реализации зависит и возможность пользования иными правами и свободами.

Алгоритмы построения программ, которые обеспечивают цифровизацию, непрозрачны и не доступны для понимания большинству граждан, которые являются лишь пользователями таких программ. Но каким образом гарантирована законность и объективность построения таких алгоритмов, а также насколько они защищены

от внешнего воздействия заинтересованной в этом стороны? Ведь информация представляет ценность, если она объективна и достоверна, а в ином случае конституционное право на информацию превращается в декларацию.

Человек в условиях цифровизации и влияния на него нарастающих объёмов информации зачастую не может управлять процессом накопления информации о себе, следить за её достоверностью, влиять на её распространение.

Если же говорить о второй категории цифровых технологий, которые заменяют человека в принятии решений (так называемый искусственный интеллект), то угроз для человечества в их развитии ещё больше. Решение, принятое искусственным интеллектом, априори считается достоверным. Возникает вопрос: как оспорить такое решение, если непонятно, как искусственный интеллект пришёл к определённому результату? Внедрение искусственного интеллекта во все ветви власти, с одной стороны, оптимизирует процессы взаимодействия человека с государством, преследует задачи сделать власть открытой, прозрачной и доступной, но с другой – ставит определённый невидимый барьер между ними, умаляющий информационную доступность для той категории граждан, которая не владеет цифровыми технологиями на уровне пользователя, что, безусловно, ущемляет права этих граждан [7, с. 86–88]. Решение данной проблемы также является задачей государства в связи с неизбежным переходом общества на новую ступень развития, характеризующуюся цифровизацией всех видов деятельности человека.

Подобные сомнения мы встречаем и в рассуждениях представителей европейской юриспруденции. Так, Лоуренс Дайвер и Полин Макбрайд указывают на «высокие риски», связанные с использованием информационных технологий и искусственного интеллекта в юридической практике, вплоть до нарушения принципов законности и верховенства закона [8, с. 9].

В настоящее время невозможно полностью отказаться от прежних привычных человеку форм поиска, получения, передачи, производства и распространения информации с целью не декларативного, а реального обеспечения конституционного права на информацию, предусмотренного п. 4 ст. 29 Конституции РФ.

Между тем внедрение передовых цифровых технологий в какую-либо сферу должно сопровождаться юридическим закреплением гарантий их прозрачности и доступности для каждого гражданина. В этой связи приобретает значение тесное взаимодействие инженеров-математиков, создающих цифровые технологии, и отраслевых юристов.

Одной из важнейших концепций развития информационных цифровых технологий в правовой сфере является создание многоуровневых нейронных сетей глобального искусственного интеллекта, имеющего прямое сопряжение со всей цифровой экосистемой государства, что следует из необходимости подробного правового регулирования взаимоотношений разных сторон и контрагентов. Но, безусловно, существует необходимость дальнейшего усовершенствования законодательства и применения новых технологий в области защиты информации для поддержания конфиденциальности данных в современном цифровом мире [9, с. 9].

Устойчивость такой цифровой экосистемы может и должна быть обеспечена не только регламентированием доступа к информации, но и определением ответственности за любое правонарушение в области информационной защиты. В связи с этим возникает ряд базовых вопросов моделирования уровней нейросетей искусственного интеллекта, на которые в настоящий момент невозможно дать однозначные ответы, например: каким образом обеспечить своевременность доступа к оцифрованной информации любого гражданина с любым уровнем знаний и навыков в сфере современных технологий, если законом не предусмотрена ответственность за отсутствие доступа

к высокотехнологичным способам информационного обмена данными? каким образом организовать идентификацию личности при получении цифровой информации с целью недопущения доступа к ней сторонних лиц? каковы права сторон в случае отсутствия взаимнооднозначного информационного трафика? и т. п.

Вопросы и противоречия в данном случае лишь подтверждают актуальность проблемы реализации конституционного права граждан на информацию при современном уровне развития цифровых технологий и цифровизации общества.

1. Лысенко Е. С. Борьба с преступностью в условиях развития информационного общества // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4(93). С. 57–64.
2. Сарычев А. В., Архипцев И.Н., Сополева Д.М. Проявление экстремизма в «Даркнете» и меры борьбы с ним // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 209–217
3. Колесников Е. В. Развитие информационных прав граждан в Российской Федерации и Республике Казахстан: конституционный аспект // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 13–16.
4. Борисова О.В. О совершенствовании Уголовного кодекса Российской Федерации с учетом цифровизации преступной деятельности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Прогресс и преемственность в Российском уголовном праве». Краснодар, 2021. С. 452–458.
5. Василенко В.В., Сафронов А.П., Смыслов А.А., Цепляев Д.П., Марковский А.Н. Бигармоническое сглаживание изображений // Интеллектуализация обработки информации: Тезисы докладов 13-й Международной конференции, г. Москва 2020 г. М.: Российская академия наук, 2020. С. 171–173.
6. Борисова О.В., Василенко В.В. Вектор развития судебной власти в условиях цифровизации // II Международная научно-практическая конференция «Современные тенденции развития управления и производства в условиях цифровизации», 21-22 ноября 2022 г. г. М.: Вестник Академии управления и производства, вып. 4. С. 133–138.
7. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
8. Дайвер Л. Цифровые технологии и правовая аргументация: влияние статистических юридических технологий на право // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 3(13). С. 8–22.
9. Семенов Е. Ю. Регулирование обработки персональных данных в России: юридические и технические аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 69–77.

1. Ly`senko E. S. Bor`ba s prestupnost`yu v usloviyax razvitiya informacionnogo obshhestva // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 4(93). S. 57–64.
2. Sary`chev A. V., Arxipcev I.N., Sopoleva D.M. Proyavlenie e`kstremizma v «Darknete» i mery` bor`by` s nim // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 3(96). S. 209–217
3. Kolesnikov E. V. Razvitie informacionny`x prav grazhdan v Rossijskoj Federacii i Respublike Kazaxstan: konstitucionny`j aspekt // Rossijskaya yusticiya. 2019. № 1. S. 13–16.
4. Borisova O.V. O sovershenstvovanii Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii s uchetom cifrovizacii prestupnoj deyatel`nosti // Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem «Progress i preemstvennost` v Rossijskom ugolovnom prave». Krasnodar, 2021. S. 452–458.

5. Vasilenko V.V., Safronov A.P., Smy`slov A.A., Ceplyaev D.P., Markovskij A.N. Bigarmonicheskoe sglazhivanie izobrazhenij // Intellektualizaciya obrabotki informacii: Tezisy` dokladov 13-j Mezhdunarodnoj konferencii, g. Moskva 2020 g. M.: Rossijskaya akademiya nauk, 2020. S. 171–173.
6. Borisova O.V., Vasilenko V.V. Vektor razvitiya sudebnoj vlasti v usloviyax cifrovizacii // II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Sovremenny`e tendencii razvitiya upravleniya i proizvodstva v usloviyax cifrovizacii», 21-22 noyabrya 2022 g. g. M.: Vestnik Akademii upravleniya i proizvodstva, vy`p. 4. S. 133–138.
7. Xabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyax cifrovoj real`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 1. S. 85–102.
8. Dajver L. Cifrovy`e texnologii i pravovaya argumentaciya: vliyanie statisticheskix yuridicheskix texnologij na pravo // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. 2022. № 3(13). S. 8–22.
9. Semenov E. Yu. Regulirovanie obrabotki personal`ny`x danny`x v Rossii: yuridicheskie i texnicheskie aspekty` // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 3(96). S. 69–77.

Сведения об авторах

Лидия Дмитриевна Матросова. Начальник кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел. Кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Ольга Васильевна Борисова. Заместитель председателя суда.
Краснодарский краевой суд.
350063, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красная, 10.

Вера Викторовна Василенко. Доцент кафедры функционального анализа и алгебры факультета математики и компьютерных наук. Кандидат физико-математических наук.
Кубанский государственный университет.
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Наталья Юрьевна Завьялова. Доцент кафедры специальных дисциплин. Кандидат юридических наук.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Information about the authors

Lidya D. Matrosova. Chief of the Department of Information technologies in Ministry of Internal Affairs. Candidate of Juridical Sciences, dozent.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova str., 2.

Olga V. Borisova. Deputy Chairman of the Court.
Krasnodar Regional Court.
350063, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, Krasnaya str., 10.

Vera V. Vasilenko. Associate Professor, Department of Functional Analysis and Algebra, Faculty of Mathematics and Computer Science. Candidate of Physical and Mathematical Sciences.
Kuban State University.
350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, Stavropolskaya str., 149.

Natalya Yu. Zavyalova. Associate Professor of the Department of Special Disciplines. Candidate of Legal Sciences.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
350005, Russia, Krasnodar region, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 128.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted February 13, 2024; approved after reviewing May 15, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 347.78

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АВТОРСТВА ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Семенов Евгений Юрьевич
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

itdovd@gmail.com

Аннотация. Современные технологии искусственного интеллекта все более широко проникают в различные сферы человеческой деятельности, в том числе и в область творчества. В последние годы стали появляться произведения, созданные искусственным интеллектом, которые вызывают интерес и споры в обществе. В данной научной статье рассматриваются правовые и этические аспекты признания произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, общественным достоянием. Авторы анализируют текущую законодательную базу и подходы к регулированию интеллектуальной собственности в контексте бурного развития технологий искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется вопросам авторства, трансформации творческой деятельности человека и роли автора в создании произведений с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной деятельности.

Для цитирования: Семенов Е. Ю. Юридический анализ авторства произведений, созданных искусственным интеллектом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 107–114.

LEGAL ANALYSIS OF THE AUTHORSHIP OF WORKS ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Evgeny Y. Semyonov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

itdovd@gmail.com

Abstract. Modern artificial intelligence technologies are increasingly penetrating various spheres of human activity, including the field of creativity. In recent years, works created by artificial intelligence have begun to appear, causing interest and controversy in society. This scientific article examines the legal and ethical aspects of recognizing works created with the help of artificial intelligence as public domain. The authors analyze the current legislative framework and approaches to regulating intellectual property in the context of the rapid development of artificial intelligence technologies. Particular attention is paid to issues of authorship, the transformation of human creative activity and the role of the author in creating works using artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, copyright, intellectual property, results of intellectual activity.

For citation: Semyonov E. Yu. Legal analysis of authorship of works created by artificial intelligence // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 107–114.

В современном мире некоторые элементы правоотношений, не обладающие правосубъектностью, способны порождать результаты деятельности, сопоставимые с произведениями. Ярким примером данного феномена является «творчество» систем искусственного интеллекта. Целесообразно изначально отметить, что именно будет пониматься под данным термином в нашей статье. В соответствии с определением Всемирной организации интеллектуальной собственности: «Искусственный интеллект (ИИ) – это научный раздел в области информационных технологий, в рамках которого осуществляется разработка машин и систем, способных выполнять задачи, рассматриваемые с позиции человеческого интеллекта с ограниченным вмешательством человека или без него». В узком смысле этот термин относится к «методам и приложениям, запрограммированным для выполнения отдельных задач»[1].

На данный момент отсутствует чёткое нормативно-правовое регулирование этого процесса как в международных соглашениях, так и в национальных правовых системах. Возникают вопросы о том, могут ли такие результаты быть охраняемыми авторским правом и также кто именно будет считаться автором сгенерированного результата.

Теоретически авторскими правами на «такие» результаты, сопоставимые с произведениями, могут быть наделены следующие лица:

- человек, разрабатывающий программу, на которой основано приложение ИИ;
- лицо, организующее работу ИИ-приложения, производящего интеллектуальный труд (например, инвестор проекта);
- пользователь приложения ИИ;
- само приложение ИИ;

Возможны и промежуточные модели: соавторство ИИ и человека и так называемое фиктивное авторство.

В рамках настоящего исследования представляется целесообразным также рассмотреть вопрос о возможности превращения произведений, созданных на основе ИИ, в общественное достояние и полного выведения таких произведений из сферы действия авторского права.

Ни один из этих подходов пока не получил единодушной поддержки. Более того, как заметил один специалист, все эти концепции «имеют как достоинства, так и недостатки. Ни одна из них не является полностью адекватной или полностью ошибочной, и полноценная реализация любой из них потребует малой или крупной реформы действующего законодательства, в том числе права интеллектуальной собственности» [1, с. 395].

1. Разработчик приложения, в котором используются средства ИИ

Этот подход может показаться довольно простым, поскольку он требует применения к интеллектуальным произведениям, создаваемым при помощи ИИ, уже существующих критериев авторского права. В данном случае ИИ трактуется просто как инструмент, который автор использует для создания новых интеллектуальных произведений – модель, хорошо известная юриспруденции.

[1] Artificial Intelligence and Intellectual Property [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/about-ip/en/frontier_technologies/ai_and_ip.html (дата обращения: 20.03.2024).

Такой подход изложен, например, в законопроекте об изменениях в ст. 1228 ГК РФ, внесённом в Государственную Думу в 2020 году депутатом А. Кобилевым [2, с. 1].

В то же время важно отметить, что автор приложения ИИ во многом предопределяет его работу, но не вносит вклада в итоговый результат. По этой причине его нельзя рассматривать как автора произведений, созданных приложением ИИ, что привело бы к совершенно новому подходу, при котором авторские права распространялись бы на группу интеллектуальных произведений, которые автор не создавал, поскольку он только подготовил инструмент для пользователя.

Такая ситуация означала бы стимулирование создания приложений ИИ, а не создание интеллектуальных произведений, т. е. автора стимулировали бы к созданию новых версий приложений ИИ (которые впоследствии могут создать ещё большее количество новых интеллектуальных произведений), но не создавать новые работы более высокого качества, так как он не участвует в процессе применения этих приложений ИИ.

В свою очередь, это может негативно повлиять на общество в целом и на лиц, использующих ИИ в частности, поскольку последние не получат никаких прав на произведения, созданные их компаниями. В действительности покупатели программного обеспечения обычно рассчитывают владеть правами на продукты, которые они создают с помощью этого программного обеспечения, и существующая концепция авторских прав согласуется с этой точкой зрения.

В то же время обсуждаемый здесь подход неизбежно привёл бы к рыночным монополиям, поскольку права на огромное количество созданных произведений должны быть предоставлены нескольким ведущим разработчикам ИИ, а не множеству конкурирующих лиц, использующих ИИ в своей работе. Более того, разработчики ИИ уже получают достаточную компенсацию от продажи прав на свои продукты.

2. Лицо, организующее разработку приложения ИИ и генерацию им интеллектуальных произведений

Эта модель уже используется в Великобритании и США, а также признана некоторыми другими странами, включая Новую Зеландию. Однако она не распространяется на пользователей ИИ, которые выполняют лишь технические функции. Роль организатора в процессе создания интеллектуального произведения действительно очень важна и заслуживает поощрения. Организаторы обеспечивают необходимую координацию, ресурсы и инфраструктуру для успешного создания и распространения интеллектуального произведения. Они также могут вносить значительный вклад в развитие интеллектуальной деятельности путём вложений средств.

Однако важно найти баланс между поощрением организационной деятельности и защитой прав тех, кто вкладывает свои ресурсы в развитие интеллектуальной деятельности. Это может включать в себя предоставление определённых прав инвесторам, чтобы стимулировать инвестиции в интеллектуальное произведение.

Ограничение охраны авторских произведений только на основе вложенных средств может быть нецелесообразным и несправедливым, так как некоторые сферы деятельности могут не требовать крупных инвестиций, но всё равно способны создавать интеллектуальные произведения с определённой степенью ценности. Вместо этого при выборе данной модели следует рассматривать различные факторы, включая организационный вклад, инвестиции и роль ИИ в создании конкретного произведения, для определения охраноспособности. В итоге важно разработать специальные нормы и правовые механизмы, которые учитывают роль организаторов и инвесторов в создании интеллектуальных произведений, чтобы обеспечить честное и справедливое вознаграждение и поощрение всех участников творческого процесса.

3. Пользователь приложения ИИ

Пользователь ИИ – это человек, который непосредственно запускает выполнение задачи и определяет её параметры. Такая деятельность, по нашему мнению, позволяет ему претендовать на определённые права в отношении созданного произведения, однако произвести оценку его вклада в конечный результат произведения на практике представляется не всегда возможным. Предложения о предоставлении прав пользователям ИИ вносятся и российскими специалистами [3, с. 75–85]. Тем не менее следует иметь в виду, что роль пользователя ИИ может варьироваться от оказания основного воздействия на создаваемую интеллектуальную работу до выполнения чисто механических функций путём ввода в систему необходимых параметров. Если в деятельности пользователя ИИ присутствует творческая составляющая, он признаётся автором и по действующему законодательству. Таким образом, проблема возникает, когда пользователь ИИ выполняет чисто техническую работу. Наделение такого лица правами на созданные произведения не может предоставить ему никакого поощрения, поскольку, как было отмечено выше, по роду своей деятельности он лишь выполняет техническую функцию.

Без сомнения, такие права будут стимулировать работодателя пользователя ИИ. Работодатель получит права от своих работников, так как произведения создаются в рамках трудовых отношений, а получение прав на произведения побудит его больше использовать ИИ и производить более качественную продукцию. Однако поскольку первоначальные права предоставляются работникам случайным образом в силу технического характера их деятельности, введение этого дополнительного усложнения представляется совершенно необоснованным. В этом отношении данный подход не имеет преимуществ перед моделью, описанной в предыдущем разделе.

Такая стратегия может негативно повлиять на пользователя, побуждая его искать программное обеспечение, которое сделает всю работу за него, вместо того чтобы самостоятельно создавать новые интеллектуальные произведения. Конечно, назвать это общественно полезным не представляется возможным.

4. Приложение ИИ

В целом правовая доктрина достаточно негативно отнеслась к идее закрепления прав на интеллектуальные произведения за самим приложением ИИ. Суть дела даже не в том, что компьютеры сегодня не способны самостоятельно защищать свои права. Следует отметить, что отсутствие человека не является препятствием для предоставления прав юридическому лицу – примером может служить институт юридических лиц. Тем не менее для этого требуется признание дееспособности и деликтоспособности такого лица, что нуждается в тщательном обосновании. В истории права введение таких субъектов всегда вытекает из необходимости ограничения ответственности коммерческой деятельности, что и могло служить основанием в данном случае, поскольку деятельность ИИ может причинить вред другим лицам.

В то же время признание лица ответственным требует наличия у него определённого имущества – в противном случае оно будет просто использовано владельцами ИИ-приложения для ухода от ответственности. Таким образом, приложение ИИ должно считаться ответственным за свою деятельность и способным осуществлять эту деятельность от своего имени и получать прибыль от этой деятельности. Вместе с тем остаётся неясным, даст ли введение такого юридического лица, как ИИ, какие-либо преимущества перед существующим институтом юридического лица. Скорее всего, это только ещё более усложнит дело, не дав в настоящее время никаких положительных результатов. Это объясняет, почему данная модель сегодня не рассматривается специалистами всерьёз. Однако в будущем ситуация может измениться.

5. Соавторство между ИИ и человеком

Стимулирование соавторства может заинтересовать широкую группу участников, создающих интеллектуальные произведения, например программистов и пользователей. В науке высказывались предложения считать программиста и пользователя соавторами, даже если они не прямо сотрудничали в создании произведения [4, с. 252]. Преимущества этой модели обманчивы, так как она объединяет недостатки вышеупомянутых моделей: стимулирует пользователей к заимствованию чужих продуктов без существенного вклада и способствует появлению монополий разработчиков ИИ. Такой подход не соответствует практике регулирования соавторства в авторском праве, где соавторами считаются только те, кто совместно осуществляет творческую деятельность. Другая модель предполагает соавторство между пользователем и ИИ-приложением. Впервые такая модель была предложена Управлением по оценке технологий Конгресса США в 1986 году, которое обратило внимание на сложность компьютерных программ и интерактивный характер вычислений [5]. Но явных преимуществ такой подход не даёт. Учитывая, что деятельность человека и искусственного интеллекта нельзя оценивать по одним и тем же критериям (в том числе из-за их совершенно разной организации), соотнесение прав человека и ИИ может значительно усложнить юридические подходы, а ИИ сама не нуждается в стимулах (по крайней мере сегодня).

6. Фиктивное авторство

Учитывая, что в большинстве стран авторское право распространяется только на авторов-людей, одним из способов решения проблемы в рамках существующего законодательства будет выбор временного автора. Например, в британском праве организатор создания произведения фактически признаётся автором, аналогичный подход существует в Новой Зеландии и т. д.

Другим вариантом этой модели является разработанная Т. Батлером концепция, призывающая суды выбирать в качестве его вымышленного автора человека, внёсшего наибольший вклад в создание произведения.

Следует, однако, сказать, что эта модель концептуально не определяет, кого следует называть фиктивным автором, и поэтому предлагает только то преимущество, что сохраняет привычный подход, предполагающий, что у каждого интеллектуального произведения есть автор. Поэтому может быть проще ввести независимый механизм охраны в рамках смежных прав без какой-либо ссылки на статус автора.

7. Признание произведений, созданных ИИ, общественным достоянием и выведение из правового поля

Основания для отказа от защиты авторских прав на интеллектуальные произведения, созданные ИИ, включают отсутствие творчества (в нынешнем понимании) искусственного интеллекта. В результате в России и во многих других странах авторским правом охраняются только интеллектуальне произведения, созданные человеком, как мы отмечали выше. Поскольку искусственный интеллект не требует каких-либо стимулов для работы, обычно считается, что это даёт возможность разрешить бесплатное использование произведений, созданных ИИ (или при условии оплаты расходов на эксплуатацию оборудования за счёт пользователя).

Другая версия этого подхода заключается в том, чтобы сделать произведения, созданные ИИ, общественным достоянием [6, с. 216]. Причина того, чтобы сделать интеллектуальную работу общественным достоянием, а не оставить её полностью незащищённой, состоит в том, чтобы сохранить ограниченный общественный контроль над её использованием. Однако в случае с произведениями, созданными при помощи ИИ, необходимо определить условия их использования в законе: ведь необходимо защищать интересы лиц, причастных к созданию этих объектов, и авторов

произведений, используемых в процессе. Тем не менее основная проблема этой модели заключается в том, что она устраняет стимулы для разработки новых интеллектуальных произведений пользователями ИИ. С одной стороны, это не позволяет владельцу ИИ-приложения извлекать все экономические выгоды из созданных произведений; с другой стороны, это побуждает его скрывать использование ИИ и вместо этого приписывать работу вымышленному автору. Недавний опрос экспертов по ИИ показал, что более 65 % из них считают, что компьютерные программы, в том числе программы ИИ, вносят основной вклад в создание современных произведений (музыки, фильмов, программного обеспечения и т. д.) [7, с. 82–92].

Очень важно отметить, что широкое применение искусственного интеллекта сопряжено с риском исключения человека из творческой деятельности и установления новых (и реальных) монополий на рынке ИС со стороны разработчиков и пользователей ИИ. Передача созданных ИИ произведений в общественное достояние лишь усугубит эту проблему, а не решит её, так как операторы искусственного интеллекта начнут скрывать его использование в своих произведениях, приписывая их физическим лицам, которые вносят лишь формальный вклад в их создание.

Следует также принимать во внимание экономические последствия общественного достояния. В связи с этим интересно рассмотреть модель, разработанную профессором Арти Каур Раи из юридического факультета Университета Сан-Диего. Он выделяет четыре категории общественных издержек, связанных с созданием и развитием ИС: (1) трудовые и капитальные затраты на разработку произведения, исключая расходы на передачу прав («чистые затраты на разработку»), (2) расходы на передачу прав («транзакционные издержки»), (3) затраты, возникающие в результате снижения стимулов для участия в соответствующей творческой деятельности в результате контроля над фундаментальными исследованиями одним правообладателем («творческие издержки»), и (4) расходы на разработку исследований, ведущих к созданию произведения («изобретательские затраты»). В зависимости от соотношения этих четырёх видов затрат можно определить целесообразность помещения данного произведения в общественное достояние. Например, Рай поддерживает подход некоторых университетов США к поощрению приватизации интеллектуального произведения, если трансакционные и творческие издержки низки, и препятствовать его приватизации, если эти издержки высоки. Здесь «чистые затраты на разработку» и «затраты на изобретение» следует измерять как суммы, необходимые для возмещения соответствующих затрат [8].

Например, университет, делающий революционное открытие в медицине, имеет, как правило, высокие изобретательские и транзакционные издержки (для компенсации затрат на разработку открытия), а также высокие творческие издержки (патент может помешать разработке всей области науки). По этой причине для общества было бы вполне целесообразно сделать такое открытие достоянием общественности.

Попробуем применить этот подход к интеллектуальным произведениям, созданным ИИ. Чистые затраты на разработку являются средними на первом этапе применения ИИ и быстро падают после этого, потому что искусственный интеллект способен давать большое количество результатов за короткий промежуток времени. Транзакционные издержки невелики: одно произведение может быть лицензировано для ряда пользователей с довольно низкими затратами. В то время как затраты на творчество зависят от вида произведения. В сфере авторских прав они, как правило, достаточно низки из-за отсутствия препятствий для создания аналогичных произведений другими лицами. Затраты на изобретение также достаточно малы. Ясно, что в рамках этой модели предоставление интеллектуальных произведений, созданных

ИИ в качестве общественного достояния, не снизит социальных издержек, а лишь оттолкнёт людей от применения искусственного интеллекта.

Проведённое исследование подходов к оценке вопроса авторского права в отношении произведений, создаваемых при помощи искусственного интеллекта, свидетельствует о том, что, несмотря на их разнообразие, лишь немногие из этих моделей стимулируют создание и использование новых интеллектуальных произведений. Наиболее перспективной моделью видится наделение правами на произведённое ИИ произведение организатору процесса его создания.

Права на произведения, созданные ИИ, должны быть более ограничены, чем традиционные исключительные авторские права, чтобы защитить интересы авторов-людей. При этом у любого лица, профессионально занимающегося созданием ИС, должен быть выбор – использовать ИИ для создания интеллектуального произведения с меньшими затратами при получении достаточно ограниченного права на относительно короткий срок или нести большие издержки за создание интеллектуального произведения человеком-автором с получением прав на более длительный срок. Можно предположить, что со временем потребители будут всё больше ценить интеллектуальные произведения, созданные людьми (подобно ценности, придаваемой сегодня уникальным товарам ручной работы). По этой причине представляется целесообразным на законодательном уровне обязать производителей указывать, использовался ли ИИ для создания произведения. Это позволит потребителям выбирать между книгами и фильмами, созданными людьми и машинами.

В заключение отметим, что наделять правами приложения ИИ сегодня бессмысленно. В то же время представляется весьма перспективным закрепление за организатором прав на использование ИИ для создания интеллектуальных произведений. Тем не менее такая модель не является абсолютно новой для права ИС (достаточно вспомнить о правах производителей фонограмм, организаций эфирного и кабельного вещания и создателей баз данных). Таким образом, включение искусственного интеллекта в сферу ИС требует не реконструкции правовой базы, а лишь адаптации существующих подходов.

---

1. Михович Е. А. Правовой режим произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта // Скиф. 2022. № 5(69). С. 390–396.
2. Шестоперов Д. Что написано софтом // Коммерсант. 2020. Ноябрь. 11. С. 1.
3. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2/2019. С. 75–85.
4. Мартьянова Е. Ю. К вопросу об определении субъекта авторства в отношении произведений, созданных искусственным интеллектом // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 241–256.
5. M. Luz Castro Pena, Adrián Carballal, Nereida Rodríguez-Fernández, Iria Santos, Juan Romero, Artificial intelligence applied to conceptual design. A review of its use in architecture, Automation in Construction, Volume 124, 2021.
6. Орлова Т. Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 204–221.
7. Морхат П. М. Система искусственного интеллекта как субъект авторского и патентного права // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2018. № 3. С. 82–92.
8. Rai A. (1999) Regulating scientific research: Intellectual property rights and the norms of science. Northwestern University Law Review, no 1, S. 77–152.

1. Mixovich E. A. Pravovoj rezhim proizvedenij, sozdanny`x s pomoshh`yu iskusstvennogo intellekta // Skif. 2022. № 5(69). S. 390–396.
2. Shestoperov D. Chto napisano softom // Kommersant. 2020. Noyabr`. 11. S. 1.
3. Somenkov S.A. Iskusstvenny`j intellekt: ot ob``ekta k sub``ektu ? Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2/2019. S. 75-85.
4. Mart`yanova E. Yu. K voprosu ob opredelenii sub``ekta avtorstva v otnoshenii proizvedenij, sozdanny`x iskusstvenny`m intellektom // Permskij yuridicheskij al`manax. 2019. № 2. S. 241–256.
5. M. Luz Castro Pena, Adrián Carballal, Nereida Rodríguez-Fernández, Iria Santos, Juan Romero, Artificial intelligence applied to conceptual design. A review of its use in architecture, Automation in Construction, Volume 124, 2021.
6. Orlova T. E. Avtorskoe pravo na rezul`taty` deyatel`nosti iskusstvennogo intellekta // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2022. № 21. S. 204–221.
7. Morxat P. M. Sistema iskusstvennogo intellekta kak sub``ekt avtorskogo i patentnogo prava // Kopirajt. Vestnik Rossijskoj akademii intellektual`noj sobstvennosti i Rossijskogo avtorskogo obshhestva. 2018. № 3. S. 82–92.
8. Rai A. (1999) Regulating scientific research: Intellectual property rights and the norms of science. Northwestern University Law Review, no 1, S. 77–152.

Информация об авторе

Евгений Юрьевич Семенов. Профессор кафедры информационных технологий в деятельности ОВД. Кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Evgeniy Y. Semenov. Professor of the chair of Information Technology in the Organs of internal affairs. PhD in Law, Associate Professor.
Orel Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted March 20, 2024; approved after reviewing May 15, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343.2

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА: К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ

Бадиков Дмитрий Алексеевич[1], Елисеева Карина Александровна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]ОП «Одоевское» МО МВД России «Белевский», Тульская область, Россия

[1]dibad008@yandex.ru
[2]karina.eliseeva.01@mail.ru

Аннотация. В постоянно развивающемся мире всё большую актуальность приобретают высокие технологии, модернизированные средства получения, обработки, передачи и удаления информации, вместе с которыми возрастает и число совершаемых противоправных действий. Статистические данные объективно отражают стремительный рост указанных преступлений. Одним из широко распространённых и постоянно развивающихся противоправных деяний в рассматриваемой сфере является мошенничество с использованием электронных средств платежа, которое с каждым днём прогрессирует, а способы его совершения выходят на новый, технологически усовершенствованный уровень.

Ключевые слова: мошенничество, электронные средства платежа, хищения, преступления с банковскими картами.

Для цитирования: Бадиков Д. А., Елисеева К. А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: к вопросу о некоторых способах совершения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 115–123.

FRAUD USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT: ON THE ISSUE OF CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS

Dmitry A. Badikov[1], Karina A. Eliseeva[2]
[1]Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia
[2]OP «Odoevskoe» MO of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Belevsky», Tula region, Russia

[1]dibad008@yandex.ru
[2]karina.eliseeva.01@mail.ru

Abstract. In a constantly developing world, high technologies, modernized means of receiving, processing, transmitting and deleting information are becoming increasingly relevant, along with which the number of illegal actions is increasing. The statistical data objectively reflect the rapid growth of these crimes. One of the widespread and constantly developing illegal acts in this area is fraud using electronic means of payment, which is

progressing every day, and the methods of its commission are reaching a new, technologically advanced level.

Keywords: fraud, electronic means of payment, theft, crimes with bank cards.

For citation: Badikov D. A., Eliseeva K. A. Fraud using electronic means of payment: on the issue of some methods of commission // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 115–123.

Достаточно бурное развитие и широкое распространение информационно-телекоммуникационных технологий в жизнедеятельности современного общества, естественно, оказывает благоприятное влияние на его развитие. Вместе с тем статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности в 2023 году свидетельствуют о том, что за отчётный период с января по декабрь 2023 года было зарегистрировано на 29,7 % больше уголовно наказуемых деяний с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, чем за тот же период в 2022 году[1]. Отдельные вопросы защиты уголовно-правового киберпространства на современном этапе являются объектом исследования различных авторов [1, с. 107]. Электронные средства платежа имеют широкую сферу применения в современном обществе, однако в силу новизны и ещё недостаточной изученности они становятся способом, а иногда и объектом некоторых преступных посягательств, одним из которых является хищение (мошенничество) с использованием электронных средств платежа [2, с. 267].

В состав уголовно-правовой и криминалистической характеристики общественно опасных деяний с использованием электронных средств платежа входят данные о способах подготовки, совершения и сокрытия хищений денежных средств, а также информация о предмете посягательства, обстановке его совершения, личности преступника и механизме образования следов. Проведённый анализ отдельных элементов характеристики преступлений в сфере электронных средств платежа даёт основания полагать, что уголовно-правовой состав совершения рассматриваемых деяний имеет немаловажное значение для его исследования.

Уголовно-правовую характеристику мошенничества с использованием электронных средств платежа необходимо традиционно рассматривать посредством исследования таких объективных признаков преступления, как объект и объективная сторона. Применительно к исследуемой ситуации в качестве родового объекта нужно рассматривать общественные отношения в сфере экономики по производству, перераспределению и потреблению материальных и нематериальных благ. Видовым объектом в данном случае являются общественные отношения собственности, непосредственным объектом – собственность физических или юридических лиц. Предметом мошенничества с использованием электронных средств платежа является имущество и право на него [3, с. 49].

Обязательным условием уголовной ответственности в исследуемой ситуации выступает причинно-следственная связь между совершённым деянием и его последствиями. То есть состав является материальным.

Объективная сторона заключается в хищении денежных средств путём обмана уполномоченного лица организации, в которой происходит денежный расчёт.

Рассматриваемый вид мошенничества может быть совершён различными способами, например с помощью обмана или злоупотребления доверием. Исходя из

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 15.02.2024).

анализа юридической литературы, под обманом следует понимать предоставление ложных сведений или информации, сокрытие истинных фактов, а также совершение действий, направленных на введение в заблуждение владельца какого-либо имущества [4, с. 199]. В данном случае в качестве имущества в основном выступают денежные средства, представленные в электронном виде. Обман состоит в выдаче мошенника за законного владельца платёжной карты. Подобным образом работник организации вводится в заблуждение относительно добросовестности плательщика. В свою очередь, злоупотребление доверием можно понимать как использование доверительных отношений с владельцем электронных денежных средств либо с лицом, которое имеет право распоряжения ими, с корыстной целью (в основном с целью завладения и обращения в свою пользу или пользу третьих лиц).

Важной особенностью объективной стороны данного вида преступления является место его совершения, которым признаётся место расположения подразделения банка или иной организации, в которой был зарегистрирован счёт или велся учёт денежных средств.

В силу того, что указанные преступления в основном совершаются группой лиц, они зачастую находятся на расстоянии друг от друга. Именно в этом заключается сложность раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений.

При этом чаще всего изменяется территориальная подсудность ввиду того, что преступление совершено лицами, находящимися в разных регионах[1]. Данное обстоятельство несколько осложняет процесс расследования. Это обусловлено тем, что, кроме необходимости установить местоположение всех лиц, причастных к совершению преступления, нужно правильно определить подсудность. Сама подсудность представляет собой рассмотрение конкретных уголовных дел определённым судом.

Уголовно-правовая характеристика данного вида преступления включает в себя также субъективные признаки, к которым относятся субъект и субъективная сторона.

Мы поддерживаем мнение авторов, которые указывают, что, исходя из положений ст. 159.3. Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), субъектом мошенничества с использованием электронных средств платежа выступает вменяемое лицо, которое достигло на момент совершения преступления возраста шестнадцати лет [5, с. 67]. Однако стоит учитывать, что в ч. 3 ст. 159 предусматривается наличие специального субъекта, а именно лица, занимающего определённую должность и использующего своё служебное положение в целях совершения преступления. Под служебным положением в данном случае стоит понимать статус лица, осуществляющего профессиональную деятельность и обладающего какого-либо рода обязательствами, ограничениями, правилами служебного поведения, а также ответственностью.

В свою очередь, субъективная сторона указанного вида преступления представлена в виде прямого умысла с интеллектуальной и волевой составляющей. То есть лицо осознаёт общественную опасность своего деяния, то есть мошенничества электронными средствами платежа, предвидит наступление негативных последствий и сознательно желает их наступления. Умысел в этом случае может быть как заранее обдуманным, то есть лицо, прежде чем совершить деяние, вело тщательную подготовку к нему и рассматривало конкретные способы его совершения, так и внезапно возникшим, при котором конкретной подготовки не было и лицо могло внезапно

[1] Олейник Е. Н. Проблематика отграничения кражи имущества с банковского счета от мошенничества с использованием электронных средств платежа [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-otgranicheniya-krazhi-imuschestva-s-bankovskogo-scheta-ot-moshennichestva-s-ispolzovaniem-elektronnyh-sredstv-platezha (дата обращения: 26.02.2024).

пожелать совершить мошенничество. Второй вид умысла, применимо к рассматриваемому виду преступления, возникает в основном в ситуации, не предвидимой субъектом.

Важную роль здесь играет корыстная цель – обязательный признак хищения, выраженный в стремлении субъекта обогатить себя или других лиц за счёт совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа. Обогащение может быть в виде обращения имущества в свою пользу или в пользу других лиц, а также в виде распоряжения имуществом как собственным.

Кроме того, при определении корыстной цели возникает множество вопросов, так как состав сам по себе имеет некоторые сложности в его квалификации. Например, когда деяние лица состоит из альтруистических или эгоистических поступков, его квалификация, прежде всего, зависит от наличия причинно-следственной связи между деянием и личной выгодой субъекта. В случае если последняя чётко вытекает из совершённого правонарушения и побуждений лица, его корыстная заинтересованность здесь однозначна.

Таким образом, следует констатировать, что рассмотренные нами основные аспекты и сущность субъективных признаков мошенничества с использованием электронных средств платежа играют значимую роль в квалификации данного состава преступления. Это объясняется тем, что важно установить, кто является субъектом его совершения, является ли данное лицо вменяемым и дееспособным, достигшим возраста 16 лет, либо же преступление было совершено группой лиц, а также характер преступного умысла, был ли он корыстным.

Помимо основного состава мошенничества с использованием электронных средств платежа, существует также квалифицированный, который отличается характерными для него признаками, характером и сроками уголовной ответственности, установленной чч. 2, 3 и 4 ст. 159.3. УК РФ. Целесообразно их проанализировать. Часть 2 вышеуказанной статьи закрепляет санкцию за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа группой лиц по предварительному сговору, что равно причинению значительного ущерба гражданину. Под группой лиц в данном случае следует понимать двоих и более лиц, совместно совершающих преступление, то есть выступающих в роли исполнителей объективной стороны.

Общественная опасность рассматриваемого преступления повышается при участии в нём нескольких лиц. Это обусловлено увеличением сил и возможностей заинтересованных преступников совершить противоправное деяние. Предварительный сговор здесь выражается в заранее оговорённом плане действий и распределении ролей между участниками.

Что касается второй части данного квалифицирующего признака, а именно значительного ущерба, то он представляет собой материального рода убытки, составляющие значительную часть финансового состояния гражданина. Они определяются посредством установления имущественного положения потерпевшего лица, а также его внутреннего отношения к похищенным электронным средствам. Согласно примечанию к ст. 159 УК РФ сумма значительного ущерба не должна составлять менее десяти тысяч рублей.

Ещё одним квалифицирующим признаком мошенничества с использованием электронных средств платежа, согласно ч. 3 ст. 159.3, является совершение этого деяния лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере. Как уже отмечалось ранее, под служебным положением в данном случае стоит понимать статус лица, осуществляющего профессиональную деятельность и обладающего какого-либо рода обязательствами, ограничениями, правилами служебного поведения, а также ответственностью. К таковым можно отнести,

например, должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных органов, служащих организаций, не являющихся государственными органами, и других лиц. Само использование служебного положения можно представить в виде совершения каких-либо действий, которые выходят за пределы установленных полномочий, злоупотребления ими. Крупный размер в этом случае установлен законодателем и составляет двести пятьдесят тысяч рублей.

Сущность следующего квалифицирующего признака, отражённого в ч. 4 ст. 159.3., заключается в совершении мошенничества с использованием электронных средств платежа организованной группой, а также в особо крупном размере. Под организованной группой в данном случае следует понимать устойчивое формирование лиц, заблаговременно объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Указанное объединение отличается от группы лиц характерной устойчивостью, которая также может характеризоваться продолжительной преступной деятельностью, неоднократностью совершения преступлений, длительностью подготовки к ним.

Анализируя групповой признак, необходимо отметить, что в условиях современного общества участились случаи использования «дропов» при совершении рассматриваемого вида преступлений. Указанная проблема освещается на официальном сайте УМВД России по Липецкой области в статье «Подросток и дроперство». Согласно информации, представленной на сайте, данный термин происходит от английского слова «drop», что дословно переводится как «бросать, капать»[1]. На данный момент он не закреплён в законодательных актах Российской Федерации, однако его смысл имеет значение при рассмотрении преступного деяния. Дроп – это лицо, использующее принадлежащий ему банковский счёт (банковскую карту) с целью вывода средств, полученных путём мошенничества. Средства, поступающие на счёт, дроп обналичивает в банкоматах, переводит на другие счета или конвертирует в криптовалюту. Зачастую лица, совершающие подобного рода преступления, используют несколько дропов для осуществления умысла, которыми руководит «дроповод». Дроповод – это лицо, осуществляющее контроль над дропами, координирующее их действия, устанавливающее определённые места обналичивания денежных средств и предоставлющее инструкции по отработке преступной цепочки. В данном случае для определения вида каждого из соучастников необходимо исходить из умысла. Так, например, дроп может выступать в роли пособника, дроповод – в роли организатора, подстрекателя или одного из исполнителей.

Что касается суммы ущерба в особо крупном размере, то она считается таковой, если превышает один миллион рублей.

Рассмотренные выше аспекты, касающиеся сущности электронных средств платежа и уголовно-правовой характеристики мошенничества, совершённого с их использованием, выступают основой для изучения способов подготовки и совершения указанного вида преступлений.

Проанализировав некоторые криминалистические учения нашего времени по данной теме, например: Г. Г. Зуйкова, Р. С. Белкина, И. Ф. Герасимова, Н. П. Яблокова и других, можно прийти к выводу, что сущность способа совершения преступления заключается в некой совокупности действий, объединённых общим замыслом по подготовке, совершению и сокрытию преступления, сопряжённых с использованием орудий и средств [6, с. 232].

[1] Подросток и дроперство [Электронный ресурс]. URL: https://48.мвд.рф/document/40004687 (дата обращения: 15.02.2024).

Исходя из этого определения, следует отметить, что событие совершённого преступления может быть разным в зависимости от умысла и вида деяния, а способ, в свою очередь, выступает как полноструктурным, так и неполноструктурным. В первом случае он включает в себя сразу действия по подготовке, совершению и сокрытию преступления, во втором случае содержит их отдельно и в разном сочетании. Кроме того, способ совершения характеризуется определёнными признаками, такими как индивидуальная определённость, относительная устойчивость и возможность отображения следов.

Криминалистическая значимость способа совершения преступления, прежде всего, заключается в специфике самого деяния. Здесь стоит учитывать особенности подготовки к совершению, сокрытию следов преступления, которые позволят детально изучить информацию о поведении субъекта и сделать выводы о механизме производства деяния в целом. Кроме того, эти данные будут служить основой для выявления каких-либо личностных качеств, а также орудий и средств, используемых при этом.

Особого внимания в современном информационно развитом обществе требует изучение способов хищения с использованием электронных средств платежа. Однако ввиду достаточно быстрого течения времени и прогресса научные исследования в данной сфере только начинают проводиться. Безусловно, мошенничества с использованием электронных средств платежа рассматривались ранее в контексте с преступлениями, касающимися информационной сферы, компьютерных технологий и экономики [7, с. 57].

Одной из первых классификаций способов совершения преступлений в сфере электронных средств платежа является классификация Ю. В. Гаврилина. Она была основана, прежде всего, на форме контакта субъекта с электронным средством платежа и информацией, связанной непосредственно с ним. Согласно такой классификации выделялось несколько способов:

1) способы непосредственного доступа к электронному средству платежа путём физического контакта с носителем информации;

2) путём дистанционного доступа к электронному средству платежа и платёжной информации, при котором непосредственное воздействие происходит при помощи информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

3) объединённые (смешанные) способы, выражающиеся как в непосредственном, так и в дистанционном контакте одновременно [8, с. 82].

В связи с тем, что хищения денежных средств, совершённые с использованием электронных средств платежа, представляют собой особую группу преступлений, посягающих на собственность (в основном денежные средства), можно предположить, что классификация Ю. В. Гаврилина применима и к данной категории преступлений.

В силу того, что рассматриваемые группы преступлений совершаются в основном с применением специальных технических устройств, необходимо учитывать тот факт, что их создание и настройка требуют определённого времени. В основном они предназначены для считывающих информацию о владельце электронных денежных средств, перехватывающих каналы связи клиента с банком-эмитентом, а также создающих на них искусственные помехи, которые способствуют получению дополнительной возможности завладеть средствами путём обмана или злоупотребления доверием. При этом основная опасность данного вида преступления состоит в удалённом его совершении. Это означает, что лицо, совершающее преступление, имеет возможность, находясь в любом месте, где имеется сотовая или иная связь, выполнить действия, входящие в объективную сторону состава, и путём

обмана или злоупотребления доверием похитить у лица электронные денежные средства.

Прежде всего, данная возможность связана с развитием сети Интернет и цифровизации в современном мире, ведь сейчас существует множество способов совершить какие-либо денежные операции с помощью удалённого доступа [9, с. 14]. Вместе с тем продвижение новых технологий и способов совершения такого рода мошенничества не позволяет так же быстро устанавливать законодательные основы их пресечения. Именно поэтому возникает множество проблем и пробелов в праве, влекущих за собой неверную квалификацию содеянного либо вовсе отсутствие факта привлечения к уголовной ответственности.

Резюмируя всё вышесказанное, необходимо отметить, что, несмотря на зафиксированное ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД Российской Федерации уменьшение количества зарегистрированных мошенничеств с использованием электронных средств платежа на 66,2 %[1] в 2023 году по сравнению с 2022 годом, вопрос об особенностях уголовно-правовой характеристики и квалификации рассматриваемого вида преступлений по сей день остаётся актуальным, ведь именно анализ её элементов позволяет идентифицировать и отграничить его от иных смежных составов преступлений в современный период развития высоких технологий.

1. Семенов В. Р. О некоторых вопросах уголовно-правовой защиты киберпространства Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 106–111.
2. Чаплыгина В. Н., Черкасова Е. А., Рудов Д. Н. Особенности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 267–271.
3. Пасынков Н. С. Проблемы квалификации специальных видов мошенничества // Правовая грамотность как основа развития гражданского общества: сборник статей Международной научно-практической конференции, Саратов, 15 ноября 2019 года. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2019. С. 48–56.
4. Панков Д. М. Злоупотребление доверием как разновидность обмана при совершении мошенничества // Приоритетные направления развития науки в современном мире: Сборник статей по материалам I международной научно-практической конференции, Уфа, 13 мая 2019 года. Том Часть 2. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2019. С. 197–202.
5. Амелина А. А. Хищения с использованием электронных средств платежа: проблемы разграничения // Влияние современных информационных технологий на регулирование общественных отношений: проблемы теории и практики: Сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, молодых ученых, студентов, аспирантов, Курск, 25–26 октября 2018 года / Отв. ред. С.В. Маньшин. Курск: Курский государственный университет, 2019. С. 66–71.
6. Дудников А. Л. Криминалистическое понятие «способ преступления» // Проблемы законности. 2012. № 120. С. 232–242.
7. Смагоринский П. П. Криминалистическая характеристика хищений чужого имущества, совершенных с использованием пластиковых карт, и ее применение в следственной практике: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2020. 286 с.

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 15.02.2024).

8. Гаврилин Ю. В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в экономической сфере: теоретические, организационно-тактические и методические основы: моногр. Тула. 2019. 82 с.
9. Третьяк М. И. Проблема законодательной регламентации преступлений против собственности в сфере высоких технологий // Законность. 2020. № 7. С. 41–46.

1. Semenov V. R. O nekotory`x voprosax ugolovno-pravovoj zashhity` kiberprostranstva Rossijskoj Federacii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 3(96). S. 106–111.
2. Chaply`gina V. N., Cherkasova E. A., Rudov D. N. Osobennosti rassledovaniya moshennichestva s ispol`zovaniem e`lektronny`x sredstv platezha // Sovremenny`j ucheny`j. 2023. № 1. S. 267–271.
3. Pasy`nkov N. S. Problemy` kvalifikacii special`ny`x vidov moshennichestva // Pravovaya gramotnost` kak osnova razvitiya grazhdanskogo obshhestva: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Saratov, 15 noyabrya 2019 goda. Saratov: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Ae`terna», 2019. S. 48–56.
4. Pankov D. M. Zloupotreblenie doveriem kak raznovidnost` obmana pri sovershenii moshennichestva // Prioritetny`e napravleniya razvitiya nauki v sovremennom mire: Sbornik statej po materialam I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ufa, 13 maya 2019 goda. Tom Chast` 2. Ufa: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Nauchno-izdatel`skij centr «Vestnik nauki», 2019. S. 197–202.
5. Amelina A. A. Xishheniya s ispol`zovaniem e`lektronny`x sredstv platezha: problemy` razgranicheniya // Vliyanie sovremenny`x informacionny`x texnologij na regulirovanie obshhestvenny`x otnoshenij: problemy` teorii i praktiki: Sbornik tezisov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, molody`x ucheny`x, studentov, aspirantov, Kursk, 25–26 oktyabrya 2018 goda / Otv. red. S.V. Man`shin. Kursk: Kurskij gosudarstvenny`j universitet, 2019. S. 66–71.
6. Dudnikov A. L. Kriminalisticheskoe ponyatie «sposob prestupleniya» // Problemy` zakonnosti. 2012. № 120. S. 232–242.
7. Smagorinskij P. P. Kriminalisticheskaya xarakteristika xishhenij chuzhogo imushhestva, sovershenny`x s ispol`zovaniem plastikovy`x kart, i ee primenenie v sledstvennoj praktike: dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2020. 286 s.
8. Gavrilin Yu. V. Rassledovanie prestuplenij, posyagayushhix na informacionnuyu bezopasnost` v e`konomicheskoj sfere: teoreticheskie, organizacionno-takticheskie i metodicheskie osnovy`: monogr. Tula. 2019. 82 s.
9. Tret`yak M. I. Problema zakonodatel`noj reglamentacii prestuplenij protiv sobstvennosti v sfere vy`sokix texnologij // Zakonnost`. 2020. № 7. S. 41–46.

Информация об авторах

Дмитрий Алексеевич Бадиков. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Карина Александровна Елисеева. Следователь отделения по расследованию преступлений, совершенных на территории Одоевского района МО МВД России «Белевский» ОП «Одоевское».
ОП «Одоевское» МО МВД России «Белевский».
301440, Россия, Тульская область, п. Одоев, ул. Карла Маркса, 26.

Information about the authors

Dmitry A. Badikov. Associate Professor of the Department of Criminology and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs, Candidate of Law.

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

302027, Russia, Orel, Ignatova str., 2.

Karina A. Eliseeva. Investigator of the Department for the investigation of crimes committed on the territory of the Odoevsky district of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Belevsky» OP «Odoevskoye».

OP «Odoevskoe» MO of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Belevsky».

301440, Russia, Tula region, Odoev village, Karla Marxa str., 26.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted February 26, 2024; approved after reviewing May 16, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.2/7

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОМУ ОБЩЕСТВУ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Баранчикова Марина Вячеславовна[1], Кирюхина Юлия Валерьевна[2]
[1]Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]marina-baranchikova@yandex.ru
[2]kir-julia2006@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и сущность современной коррупции, представляющей собой комплексное деструктивное явление, одну из угроз национальной безопасности России. Авторами раскрываются подходы к определению «коррупция», понятию «коррупционные преступления» в законодательстве, юридической науке и статистических обзорах. Анализируются перечень и признаки коррупционных преступлений, обосновывается их опасность и социальные последствия. Отдельное внимание уделяется влиянию коррупционных преступлений на имидж органов внутренних дел и их опасности для правоохранительной сферы.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, противодействие коррупции, антикоррупционное мировоззрение, злоупотребление должностными полномочиями, имидж органов внутренних дел.

Для цитирования: Баранчикова М. В., Кирюхина Ю. В. Коррупция как угроза безопасности современному обществу: уголовно-правовой и социологический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 124–131.

CORRUPTION AS A SECURITY THREAT TO MODERN SOCIETY: CRIMINAL LAW AND SOCIOLOGICAL ASPECTS

Marina V. Baranchikova[1], Yulia V. Kiryukhina[2]
[1]St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia
[2]Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia

[1]marina-baranchikova@yandex.ru
[2]kir-julia2006@yandex.ru

Abstract. The article examines the features and essence of modern corruption, which is a complex destructive phenomenon, one of the threats to Russia's national security. The authors reveal approaches to the definition of "corruption", the concept of "corruption crimes" in legislation, legal science and statistical reviews. The list and signs of corruption crimes are analyzed, their danger and social consequences are substantiated. Special attention is paid to the impact of corruption crimes on the image of internal affairs bodies and their danger to the law enforcement sphere.

Keywords: corruption, corruption crimes, anti-corruption, anti-corruption worldview, abuse of office, image of internal affairs bodies.

For citation: Baranchikova M. V., Kiryukhina Yu. V. Corruption as a security threat to modern society: criminal law and sociological aspects // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 124–131.

Позитивные отношения между общественностью и правоохранительными органами имеют решающее значение для эффективной работы государства. Граждане полагаются на полицию в вопросах своей безопасности, а та, в свою очередь, рассчитывает на поддержку и взаимодействие граждан, стремится к поддержанию высокого уровня доверия и завоеванию авторитета. Оптимизации развития современного общества во многом препятствует существование коррупции как явления, имеющего социально-правовую природу, противоречащего законным основам его становления.

В последние годы в Российской Федерации был принят целый ряд нормативных правовых актов и документов стратегического планирования, направленных на противодействие коррупции. Антикоррупционное законодательство постоянно совершенствовалось, оптимизировался контроль за его неукоснительным исполнением. В Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» неоднократно вносились изменения, его положения уточнялись и дополнялись.

16 августа 2021 года президентом Российской Федерации был утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы, где подчеркивается, что он реализуется путем осуществления мероприятий, направленных на предупреждение коррупции и борьбу с ней, а также на минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений[1]. На расширенном заседании коллегии МВД России 2 апреля 2024 года В. В. Путиным отмечалось сохранение наступательности в противодействии коррупции. Важнейшей задачей определена «принципиальная, последовательная борьба с коррупцией, которая отравляет общество, крадет деньги, необходимые для обороны страны, для ее движения вперед в экономике, социальной сфере»[2]. Сегодня имеются качественные позитивные тенденции в формировании антикоррупционного мировоззрения и привития негативного отношения к коррупции, чему немало способствовала активная антикоррупционная политика [1, с. 347].

Ежегодно в общем числе официально зарегистрированных преступлений наблюдается незначительная доля коррупционных преступлений. Однако это объясняется их высокой латентностью, заинтересованностью в сокрытии своих противоправных действий как со стороны лиц, получающих незаконное вознаграждение или оказывающих посреднические услуги в получении взятки, так и лиц, предоставляющих данное вознаграждение. К сожалению, вред, приносимый коррупционными преступлениями всем отраслям экономики нашей страны и в целом жизнедеятельности людей, огромен. Независимо от количественных результатов криминологической оценки коррупционной преступности, ее состояние вызывает обоснованную тревогу прежде всего в социальном плане.

---

[1] О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 16 августа 2021 г. № 478. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Расширенное заседание коллегии МВД [Электронный ресурс]. URL: www. kremlin.ru (дата обращения: 07.04.2024).

Крайне негативную реакцию у населения вызывает коррумпированность правоохранительной системы [2, с. 40]. Особую опасность представляет собой данное прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения в органах внутренних дел, поскольку именно эти органы призваны вести борьбу со взяточничеством на всех уровнях государственного управления. Коррумпированность правоохранительных органов не позволяет эффективно противодействовать тем процессам, которые реально угрожают безопасности личности, общества и государства [3, с. 5].

Отсутствие государственного подхода к вопросу об ограничении неконтролируемого потока негативных фактов о коррупционных преступлениях сотрудников полиции обосновывает необходимость в изменении ориентиров. Важно пересмотреть роль средств массовой информации как агента социализации в обществе [4, с. 21, 23]. Для противодействия коррупции важно осуществление контроля за освещением дел данной категории, перенесение акцента на положительные результаты и ее профилактику. Злоупотребление должностными полномочиями, превышение ими и получение взятки представляют угрозу для российского общества, ослабляют и даже изменяют направления государственного влияния на многие сферы его жизни. Коррупция является одним из самых сложных социальных явлений [5, с. 114].

Нагляднее определить реальный масштаб проблемы распространенности коррупции позволяет обращение не только к статистическим данным, но и к результатам социологических исследований. Опросы населения демонстрируют представление о коррупции как о реальной угрозе безопасности современному российскому обществу. Соответственно, борьба с ней начинается с оценки идеологии населения. Сегодня «идеологическая база представляет собой интегрирующую мощь антикоррупционной политики», результаты опроса россиян об уровне развития идеологии антикоррупционной политики приводят к выводу, что 56 % респондентов считают, что она не развита, а 28 % – недостаточно хорошо развита [6, с. 93].

Коррупция разрушает доверие населения к государственной системе, государственным органам, должностным лицам и служащим. Ее рост в различных эшелонах власти и государственного управления называют криминогенным фактором современной теневой экономики [7, с. 57; 8]. Будучи негативным социальным явлением, коррупция получает широкое распространение в системе публичного управления, противоречит его задачам, отвлекает общественные ресурсы, расходует их в противоправных целях.

О рассматриваемом общественно опасном деянии вполне справедливо говорят как о «социальной эпидемии», так как коррупция представляет собой комплексное деструктивное явление, одну из угроз национальной безопасности России, отрицательно влияющих не только на общий уровень законности и правопорядка, но и на экономические, социальные, культурные, международные отношения как внутри российского общества, так и на межгосударственном уровне. Реализация антикоррупционной политики включает значительное количество сфер деятельности и должна рассматриваться не только как государственная деятельность, но и как социальный феномен [9, с. 213].

Поскольку коррупция существует на всех уровнях глобального иерархического социального пространства, необходимо обратить внимание и на ее влияние на международные отношения России. Только разрешив коррупционную проблему как основную внутреннюю угрозу, российское государство сможет адекватно отвечать на внешние вызовы, соотносить свои действия с интересами населения, осуществлять межгосударственное сотрудничество, стабилизировать экономическую и социальную сферы. Противодействие коррупции нужно осуществлять за счет государственно-

правовых и социальных инструментов. Дополнительным антикоррупционным направлением может стать использование результатов уголовно-правовых и социологических исследований в оптимизации ее правовой базы. Е. В. Сальников отмечает низкую степень влияния юридической науки на совершенствование законодательства в России [10]. Коррупцию признают сложным, многоаспектным социокультурным феноменом, затрагивающим все сферы экономики и общества, обостряющим социальные противоречия и напряженность, который трансформируется, видоизменяется одновременно с протекающими социальными процессами, преобразованиями в жизнедеятельности людей [11, с. 348].

Одним из проявлений коррупции являются коррупционные преступления. Их понятие и система законодательно не определены. В 2013 году депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации И. А. Яровой был внесен законопроект изменений в уголовное законодательство, в соответствии с которым Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) мог быть дополнен ст. 14.1 «Понятие коррупционного преступления». Под коррупционным преступлением предлагалось понимать «совершенное с прямым умыслом из корыстных побуждений лицом, подпадающим под признаки, предусмотренные частью первой примечания к ст. 201 или частями первой-четвертой примечания к ст. 285 УК РФ, запрещенное УК РФ под угрозой наказания общественно опасное деяние, предусмотренное частью второй и третьей настоящей статьи»[1]. При этом чч. 2 и 3 рассматриваемой статьи должны были содержать перечень 47 статей УК РФ, которые сразу или при наличии каких-либо дополнительных критериев относились бы к коррупционным преступлениям. Однако в дальнейшем данный законопроект был отозван автором, и хотя он не был реализован, стал понятен взгляд законодателей на содержание термина «коррупционное преступление».

Определение понятию «коррупция» дается в основном нормативном правовом акте в указанной сфере – Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[2]. Однако в нем не расшифровывается понятие «коррупционное преступление», несмотря на то, что законодатель и использует их перечень в данном нормативном акте. Нормативно закрепленный термин «коррупция» включает в себя перечисление действий граждан, которые почти полностью совпадают с названием отдельных статей УК РФ: дача и получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп. Очевидно, что эти преступления будут относиться к числу коррупционных, а вот вопрос о включении в этот перечень иных статей УК РФ остается открытым, поскольку указано на иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения. Интересным в этой связи является тот момент, что в качестве одного из проявлений коррупции в вышеназванном законе фигурирует «злоупотребление служебным положением», однако статьи с аналогичным названием в УК РФ в настоящее время нет, а есть ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями», которую нельзя считать полностью совпадающей.

В целом, отнесение тех или иных преступлений к категории коррупционных в настоящее время осуществляется на основании совместного Указания Генеральной

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями [Электронный ресурс]: проект Федер. закона Рос. Фекдерации № 292869-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прокуратуры Российской Федерации № 401/11 и МВД России № 2 от 19.06.2023[1]. Данным указанием утвержден перечень № 23 преступлений коррупционной направленности, обозначены их признаки и виды. В соответствии с этим Перечнем преступление можно признать коррупционным только в случае его совершения надлежащим субъектом с прямым умыслом, обязательного наличия у субъекта корыстного мотива и во взаимосвязи с его служебным положением.

Термин «коррупционное преступление» употребляется в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), основным из которых является постановление «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 года[2]. Однако данное понятие не расшифровывается, а Пленум ограничивается лишь перечислением отдельных статей УК РФ, отмечая при этом, что указанный перечень не является исчерпывающим.

Интересно, что рассматриваемое постановление Пленума ВС РФ включает в перечень коррупционных преступлений среди прочего и ст. 304 «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» УК РФ, в то время как данная статья отсутствует в перечне коррупционных преступлений, утвержденном совместным Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России, и в статистические данные как коррупционное не входит. Зачастую в качестве синонима понятия «коррупционное преступление» исследователи используют «должностное преступление». Это обусловлено тем, что в Уголовном кодексе РСФСР такие преступления, как дача и получение взятки, и аналогичные им входили в гл. 7 «Должностные преступления». В указанный период коррупционные преступления связывались законодателем исключительно с исполнением государственных обязанностей, в том числе и с осуществлением распорядительных функций на государственных предприятиях, о чем свидетельствовало примечание к ст. 170 Уголовного кодекса РСФСР. В эту главу входило всего шесть статей – со 170 по 175, то есть перечень коррупционных преступлений в советский и ранний постсоветский периоды был не очень широк. При этом получение взятки (без каких-либо оговорок), а также дача взятки и посредничество во взяточничестве (при наличии отягчающих обстоятельств), наравне с убийством и причинением тяжких телесных повреждений, относились к категории тяжких преступлений.

В результате анализа определений и признаков коррупционного преступления можно говорить, что их обязательными признаками являются: установление ответственности за них в УК; непосредственное участие в их совершении специального субъекта; характерное коррупционное поведение. Существуют разные элементы данного поведения, в том числе использование служебного (должностного) положения, полномочий, публичного статуса, злоупотребление ими, а также подкуп специального субъекта в активном виде.

И. А. Савенко предложены признаки, присущие коррупционным преступлениям [12, с. 25]: направленность на подрыв авторитета как государственной власти в целом, так и отдельных ее структурных подразделений, включая органы местного самоуправления, а также службы в коммерческих и иных организациях; связь

[1] О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Рос. Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс]: указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 г. № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с получением вознаграждения либо иных нематериальных благ и преимуществ, которое носит противоправный характер; направленность на использование должностного или служебного положения как механизма достижения корыстной или некорыстной цели и обеспечения групповых или узкогрупповых интересов; наличие прямого умысла; субъектом является лицо, обладающее признаками должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, наделенное на законном основании властными полномочиями, организационно-управленческими или административно-хозяйственными функциями.

Основная часть коррупционных преступлений на сегодняшний день входит в гл. 23 и 30 УК РФ. То есть, в отличие от советского периода, в настоящее время коррупционные преступления вышли из рамок исключительно государственных правоотношений и не менее часто встречаются и в области частных коммерческих управленческих решений. Основным признаком, по которому преступления будут относиться к категории коррупционных, будет являться наличие у преступника особого статуса (должностного положения), который незаконно им используется в целях получения какой-либо выгоды как материального, так и нематериального характера для себя лично либо для своего ближайшего окружения (личного, служебного). При этом к категории коррупционных преступлений следует относить преступления, в которых в качестве обязательного признака либо отягчающего обстоятельства указано «использование лицом своего служебного положения».

Таким образом, несмотря на широкий круг нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность по противодействию коррупции, понятие «коррупционное преступление» на сегодняшний день законодательно не закреплено. При этом взгляд исследователей на объем преступлений, включаемых в рассматриваемое понятие в настоящее время, существенно различается. Для расчета статистических данных об объеме выявленных и расследованных коррупционных преступлений судами Судебным департаментом при ВС РФ и правоохранительными органами в настоящий момент используются Указания Генпрокуратуры России и МВД России о перечне статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности, издаваемые ежегодно.

Основным признаком, по которому преступления относятся к категории коррупционных, является наличие у преступника особого статуса (служебного, должностного положения), который с прямым умыслом незаконно им используется в целях получения выгоды материального характера для себя лично либо для своего ближайшего окружения (личного, служебного). Соответственно, к категории коррупционных преступлений относятся в том числе преступления, которые хотя и не входят в гл. 23 или 30 УК РФ, но в которых в качестве обязательного признака либо отягчающего обстоятельства указано «использование лицом своего должностного (служебного) положения».

---

1. Бавсун М. В, Стебенева Е. В. Трансформация личности преступника в постиндустриальном обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 4. С. 340–351.
2. Баранчикова М. В. Коррупционные преступления в органах внутренних дел: проблемы квалификации и предупреждения: монография. Орел: ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. 99 с.
3. Баранчикова М. В., Качалов В. В. Социальная опасность коррупционных преступлений сотрудников органов внутренних дел // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2015. Т.1. № 5. С. 40–41.

4. Боева М. А., Кирюхина Ю. В. Влияние манипулятивного воздействия средств массовой информации на формирование образа современного сотрудника полиции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 1(74). С. 20–23.
5. Еремин Р. В. О мерах по борьбе с коррупцией // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 114–120.
6. Иванова А. А. Коррупция и система противодействия: учебное пособие. Нижний Новгород, 2022. 108 с.
7. Коробов А. А. Криминогенные факторы современной теневой экономики // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 2(71). С. 52–55.
8. Меркулов П. А. Совершенствование социальных технологий формирования позитивного имиджа органов внутренних дел // Коммуникология. 2023. Т. 11, № 3. С. 148–161.
9. Павлова Е. В. Административно-правовые средства реализации антикоррупционной политики // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 213–214.
10. Сальников Е. В. Истоки кризисных явлений в современной российской юридической науке // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 3(78). С. 58–65.
11. Стебенева Е. В. Феномен коррупции в социальной матрице современного общества // Российский девиантологический журнал. 2023. № 3(3). С. 346–361.
12. Савенко И. А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с коррупционной преступностью: науч.-практ. пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. 25 с.

1. Bavsun M. V, Stebeneva E. V. Transformaciya lichnosti prestupnika v postindustrial`nom obshhestve // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2023. T. 17. № 4. S. 340–351.
2. Baranchikova M. V. Korrupcionny`e prestupleniya v organax vnutrennix del: problemy` kvalifikacii i preduprezhdeniya: monografiya. Orel: OrYuI MVD Rossii im. V.V. Luk`yanova, 2015. 99 s.
3. Baranchikova M. V., Kachalov V. V. Social`naya opasnost` korrupcionny`x prestuplenij sotrudnikov organov vnutrennix del // Vestnik obrazovatel`nogo konsorciuma Srednerusskij universitet. Seriya: Yurisprudenciya. 2015. T.1. № 5. S. 40–41.
4. Boeva M. A., Kiryuxina Yu. V. Vliyanie manipulyativnogo vozdejstviya sredstv massovoj informacii na formirovanie obraza sovremennogo sotrudnika policii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2018. № 1(74). S. 20–23.
5. Eremin R. V. O merax po bor`be s korrupciej // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 114–120.
6. Ivanova A. A. Korrupciya i sistema protivodejstviya: uchebnoe posobie. Nizhnij Novgorod, 2022. 108 s.
7. Korobov A. A. Kriminogenny`e faktory` sovremennoj tenevoj e`konomiki // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2017. № 2(71). S. 52–55.
8. Merkulov P. A. Sovershenstvovanie social`ny`x texnologij formirovaniya pozitivnogo imidzha organov vnutrennix del // Kommunikologiya. 2023. T. 11, № 3. S. 148–161.
9. Pavlova E. V. Administrativno-pravovy`e sredstva realizacii antikorrupcionnoj politiki // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2019. № 3. S. 213–214.

10. Sal`nikov E. V. Istoki krizisny`x yavlenij v sovremennoj rossijskoj yuridicheskoj nauke // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2020. T. 26. № 3(78). S. 58–65.
11. Stebeneva E. V. Fenomen korrupcii v social`noj matrice sovremennogo obshhestva // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2023. № 3(3). S. 346–361.
12. Savenko I. A. Ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie problemy` bor`by` s korrupcionnoj prestupnost`yu: nauch.-prakt. posobie. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2016. 25 s.

Информация об авторах

Марина Вячеславовна Баранчикова. Заместитель начальника кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Юлия Валерьевна Кирюхина. Преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат социологических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Marina V. Baranchikova. Deputy Head of the Department of Criminal Law. Candidate of Law, Associate Professor.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, Saint-Petersburg, Letchik Pilyutova str. 1.

Yulia V. Kiryukhina. Lecturer at the Department of Social and Humanitarian Disciplines. Candidate of Sociology.
Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.
302027, Russia, Orel, Ignatova str., 2.

Статья поступила в редакцию 07.04.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted April 7, 2024; approved after reviewing May 16, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОЧНОЙ СТАВКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Бондарева Анастасия Анатольевна
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Аннотация. В статье автором рассмотрены особенности производства очной ставки в процессе расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства на примере ст.ст. 322^1, 322^2, 322^3 УК РФ. На основании анализа эмпирических данных, полученных в результате изучения следственной практики, приведён перечень лиц, между которыми проводилась очная ставка. Сформулированы рекомендации, направленные на повышение результативности производства очной ставки при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства.

Ключевые слова: преступление, следственное действие, очная ставка, показания, существенные противоречия, миграционное законодательство, мигрант.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя начальника кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации А. В. Варданяна.

Для цитирования: Бондарева А. А. Особенности производства очной ставки при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 132–138.

FEATURES OF CONTACT DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF VIOLATION OF MIGRATION LEGISLATION

Anastasiya A. Bondareva
Barnaul Law Institute of the MIA of Russia, Barnaul, Russian Federation,

anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Abstract. In the article, the author examines the features of confrontation in the process of investigating crimes in the field of violation of migration legislation, using the example of Art. 322^1, 322^2, 322^3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of empirical data obtained as a result of studying investigative practice, the author provides a list of persons between whom the confrontation was conducted. Recommendations have been formulated aimed at increasing the effectiveness of confrontations in the investigation of crimes in the field of violation of migration legislation.

Keywords: crime, investigative action, confrontation, testimony, significant contradictions, migration legislation, migrant.

Cratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor, head of the department of Criminalistics and Operational Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation A. V. Vardanyan.

For citation: Bondareva A. A. Features of contact during the investigation of crimes in the field of violation of migration legislation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 132–138.

Процесс предварительного расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства нередко требует производства такого следственного действия, как очная ставка. Ст. 192 УПК РФ предусмотрено, что следователь вправе при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц провести очную ставку, содержанием которой является последовательный допрос ранее допрошенных лиц в присутствии друг друга для установления причин выявленных противоречий и по возможности их преодоления.

Проведённое нами исследование показало[1], что в ходе предварительного расследования уголовных дел данной категории очная ставка всего проводилась в 20 % случаев. Полагаем, что к причинам небольшой доли производства данного следственного действия относятся следующие: следователем не были обнаружены существенные противоречия в допросах лиц; противоречия в допросах были, но они не являлись существенными; противоречия были существенными, но очная ставка не проводится из тактических соображений. Нельзя не согласиться с Я. М. Мазуниным и П. Я. Мазуниным в том, что очную ставку необходимо проводить только тогда, когда противоречия касаются существенных обстоятельств по делу и иными способами имеющиеся противоречия в показаниях ранее допрошенных лиц устранить не удалось [1, с. 24–25]. По результатам проведённого анкетирования 128 сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания МВД России установлено, что при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства в 20 % случаев у следователей (дознавателей) наибольшие затруднения вызывает производство очной ставки, поскольку данное следственное действие характеризуется сложным организационно-тактическим и психологическим характером и требует тщательной подготовки и организации. Успешное производство очной ставки должно быть не только основано «на точном соблюдении нормативных требований уголовно-процессуального законодательства, тактических криминалистических рекомендаций, но и на использовании возможностей оказания психологического воздействия на участников уголовного судопроизводства» [2, с. 95]. Эффективность очной ставки определяется применением тактических приёмов, к которым можно отнести: определение очерёдности допроса; максимальную детализацию показаний; предъявление доказательств.

Одним из основополагающих аспектов подготовительного характера является определение участников очной ставки. Так, материалы уголовных дел о преступлениях в сфере нарушения миграционного законодательства свидетельствуют, что очная ставка проводилась между следующими категориями лиц:

– принимающей стороной, осуществившей фиктивную постановку на учёт по месту пребывания/регистрацию по месту жительства, и мигрантом, фиктивно

[1] Изучено 142 уголовных дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 322^1, 322^2, 322^3 УК РФ и иными смежными общественно опасными деяниями, совершенными с вышеназванными по совокупности.

пребывающим (проживающим) по адресу. Исходя из процессуального статуса участников, речь идёт, соответственно, о подозреваемом (обвиняемом) и свидетеле;

– мигрантом и лицом, заключившим фиктивный гражданско-правовой договор на выполнение работ с мигрантом. Исходя из процессуального статуса участников, речь идёт, соответственно, о свидетеле и подозреваемом (обвиняемом);

– лицом, выполняющим посреднические функции по оформлению миграционных документов, и лицом, заключившим гражданско-правовой договор на выполнение работ с мигрантом (фиктивно). Исходя из процессуального статуса участников, речь идёт, соответственно, о свидетеле и подозреваемом (обвиняемом);

– лицом, осуществляющим незаконную постановку на миграционный учёт мигранта или способствующим её осуществлению, и лицом, обратившимся за данной услугой. Исходя из процессуального статуса участников, речь идёт, соответственно, о подозреваемом (обвиняемом) и свидетеле;

– лицом, осуществляющим подделку миграционных документов, и лицом, обратившимся за данной услугой. Исходя из процессуального статуса участников, речь идёт, соответственно, о подозреваемом (обвиняемом) и свидетеле;

– лицом, обеспечивающим незаконное пребывание мигранта, и лицом, являющимся очевидцем совершения преступления. Исходя из процессуального статуса участников, речь идёт, соответственно, о подозреваемом (обвиняемом) и свидетеле;

– членом организованной группы, преступная роль которого заключалась в поиске принимающей стороны для осуществления незаконной постановки на миграционной учёт мигранта, и принимающей стороной, осуществляющей данные незаконные действия за денежное вознаграждение. Исходя из процессуального статуса участников, речь идёт, соответственно, о подозреваемом (обвиняемом) и свидетеле;

– должностным лицом органов государственной власти, осуществляющим незаконную постановку на миграционный учёт мигранта или способствующим её осуществлению, и лицом, обратившимся за данной услугой. Исходя из процессуального статуса участников, речь идёт, соответственно, о подозреваемом (обвиняемом) и свидетеле;

– должностным лицом органов государственной власти, осуществляющим незаконную постановку на миграционный учёт мигранта или способствующим её осуществлению, и его коллегой по службе (работе). Исходя из процессуального статуса участников, речь идёт, соответственно, о подозреваемом (обвиняемом) и свидетеле;

– должностными лицами органов государственной власти, являющимися соучастниками группы лиц по предварительному сговору, организованной группы. Исходя из процессуального статуса участников, речь идёт, соответственно, о подозреваемых (обвиняемых);

– соучастниками группы лиц по предварительному сговору, организованной группы. Исходя из процессуального статуса участников, речь идёт, соответственно, о подозреваемых (обвиняемых);

– иными лицами, в чьих показаниях имеются противоречия.

Примером производства очной ставки между членом организованной группы, преступная роль которого заключалась в поиске принимающей стороны для осуществления незаконной постановки на миграционной учёт мигранта, и принимающей стороной, осуществляющей данные незаконные действия за денежное вознаграждение, в показаниях которых имеются существенные противоречия относительно осуществления незаконной деятельности и получения за неё денежного вознаграждения, является следующее уголовное дело. В ходе производства очной ставки обвиняемая М. подтвердила ранее данные ей показания и сообщила, что она в декабре 2018 года познакомилась с гражданином Л. и предложила ему осуществлять

постановку на учёт иностранных граждан сроком до 1 года за денежное вознаграждение в размере 1 500 рублей за каждого мигранта, при этом обговорив, что иностранные граждане фактически проживать по адресу не будут. На её предложение гражданин Л. ответил согласием. В ходе очной ставки свидетель Л. опровергнул показания обвиняемой М. и сообщил, что фиктивную постановку иностранных граждан не осуществлял и денежное вознаграждения от обвиняемой не получал, а также добавил, что он предоставлял места для проживания иностранным гражданам и они действительно проживали у него и оплачивали 2 200 рублей за каждый месяц проживания[1].

Примером производства очной ставки между должностным лицом органов государственной власти, осуществляющим незаконную постановку на миграционный учёт мигранта или способствующим её осуществлению, и его коллегой по службе (работе), в показаниях которых имеются существенные противоречия относительно осуществления незаконной деятельности и превышения должностных полномочий в связи с постановкой на миграционный учёт иностранных граждан, является следующее уголовное дело. В ходе производства очной ставки между обвиняемой Д. и свидетелем Р. последняя подтвердила ранее данные ей показания на допросе. Гражданка Р. сообщила, что с гражданкой Д. она знакома на протяжении 15 лет, они являлись коллегами и работали вместе в паспортно-визовом Управлении ГУВД по Новосибирской области, затем в УФМС России по Новосибирской области. На вопрос следователя об исполнении должностных обязанностей гражданкой Б. последняя пояснила, что осуществляла постановку на миграционный учёт иностранных граждан, прибывших на территорию РФ в визовом порядке от юридических лиц. Также обвиняемая сообщила, что в своей деятельности она руководствовалась миграционным законодательством и при возникновении спорных вопросов действовала по указанию руководителя отдела гражданки Р. В свою очередь, гражданка Р. ответила, что указания гражданке Д. относительно исполнения её должностных обязанностей по постановке на миграционный учёт иностранных граждан она не давала, о том как последняя ставила на учёт иностранных граждан, не требуя у принимающей стороны договор аренды жилого помещения (является обязательным документом при осуществлении постановки на учёт), ей ничего неизвестно[2].

Данный пример показывает, что производство очной ставки с участием обвиняемой, являвшейся сотрудницей УФМС России по Новосибирской области и имеющей многолетний стаж службы (13 лет), малоэффективно. Противоречия в показаниях допрашиваемых лиц так и не были преодолены, и каждый участник не изменил своей ранее выраженной позиции. Тем не менее производство очной ставки является важным следственным действием, способствующим установлению обстоятельств дела. Даже если участники очной ставки твёрдо стоят на своих показаниях, следователь может сделать определённые выводы, исходя из характера противоречий лиц, их внешнего поведения в ходе очной ставки. Считаем справедливым мнение А. А. Закатова о том, что «…цель очной ставки заключается не в устранении противоречий, а в выяснении истинного положения вещей. Недостаточно добиться того, чтобы допрашиваемые давали одинаковые показания в отношении тех обстоятельств, о которых они ранее давали противоречивые сведения. Важно выяснить, чьи показания соответствуют действительности» [3, с. 144]. Поскольку в процессе производства данного следственного действия следователь наблюдает за поведением участвующих лиц, это позволяет ему сделать предварительный вывод о том, являются

[1] Архив Дзержинского районного суда г. Новосибирска. Дело № 1-1(43)/2022.
[2] Архив Дзержинского районного суда г. Новосибирска. Дело № 1-209/2018.

ли сообщаемые тем или иным лицом сведения ложными или истинными. Следует согласиться с отдельными авторами, высказывающимися о том, что при производстве очной ставки следователю необходимо применять технические средства, позволяющие зафиксировать производство данного следственного действия, поскольку аудио- и видеозаписи могут дать немало ценной информации следователю [4, с. 75]. В связи с чем на подготовительном этапе очной ставки следователю (дознавателю) необходимо определиться со способом фиксации и техническими средствами, которые будут применяться при производстве следственного действия.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об определении последовательности дачи показаний участниками очной ставки. Его тактическое решение лежит в рамках подготовки, основным содержанием которой выступает анализ существа показаний, их относимость, допустимость и достоверность. В своём выражении подготовка действий строится на плане производства очной ставки, включающем разработку перечня вопросов и вариантов вопросов на них, имеющихся в показаниях противоречий, подготовку вещественных доказательств в целях их предъявления в сочетании с вопросами. Наиболее качественно очная ставка осуществляется тогда, когда следователь моделирует её ход. Считаем справедливым мнение А. В. Варданяна о том, что в ходе производства очной ставки необходимо «…предоставить возможность первому изложить показания лицу, чьи показания воспринимаются критически. После этого слово для подтверждения либо аргументированного опровержения прозвучавших показаний передать лицу, чьи показания считаются правдивыми» [5, с. 6–7].

Учитывая особенности расследования преступлений данной категории, а именно то, что участниками уголовного судопроизводства являются мигранты, выступающие в качестве свидетелей по уголовным делам, видится, что при подготовке к производству данного следственного действия следователь (дознаватель) должен учитывать особенности правового статуса иностранного гражданина, ограниченность срока его пребывания на территории РФ, языковой барьер. Так, следователю в соответствии со ст. 18 УПК РФ необходимо привлекать переводчика к участию в следственном действии. Для достижения назначения уголовного судопроизводства важное значение имеет компетентность переводчика [6, с. 51]. Решая вопрос о вынесении постановления о назначении переводчика, следователь должен приобщить к материалам уголовного дела документы, удостоверяющие компетенцию этого лица (например, свидетельство о прохождении обучения соответствующему иностранному языку), что следует из ст. 169 УПК РФ. Для успешного производства следственного действия целесообразно приглашать переводчика, владеющего знаниями в области юриспруденции, что позволит более точно осуществить перевод.

Рассматривая рабочий этап очной ставки, важно учитывать пространственное расположение участвующих в ней лиц. В этом случае пространственное расположение приобретает значение тактического фактора. Следует отметить, что участники очной ставки могут договориться о даче ложных показаний не только до производства следственного действия, но и в ходе очной ставки. Поэтому если существует опасность сговора между участниками, то необходимо их пространственно отделить друг от друга, например, разместить между ними переводчика, через которого даже негромкой речью они не смогут передать информацию. Мы согласны с мнением С. В. Швеца о том, что «…при проведении допроса лица, не владеющего языком судопроизводства, речевые высказывания, которые воспринимает следователь, принадлежат не допрашиваемому, а переводчику. И если по смысловому наполнению речевые произведения допрашиваемого и их перевод совпадают, то по остальным языковым критериям – нет. В этом случае на первое место выступает умение следователя воспринимать и интерпретировать невербальные сигналы

допрашиваемого» [7, с. 36]. Наблюдение и оценка следователем (дознавателем) невербальных проявлений в ходе производства очной ставки позволяет распознать и преодолеть ложь. В этой связи осуществление видеозаписи способствует не только минимизации таких типичных упущений, как искажения при передаче и интерпретации речевой информации [8, с. 4], но также позволяет следователю в последующем более внимательно изучить видеозапись, обращая внимание на мимику, жесты, эмоции допрашиваемых лиц.

Таким образом, при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства важное значение имеет производство очной ставки, результаты которой способствуют устранению противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, а также выяснению действительных обстоятельств, что может значительно повлиять на ход расследования уголовных дел указанной категории преступлений.

---

1. Мазунин Я. М., Мазунин П. Я. Особенности очной ставки при расследовании деятельности организованных преступных формирований // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2(57). С. 24–27.
2. Харламова Н. Д., Бадиков Д. А. Тактические аспекты применения приемов психологического воздействия при производстве допроса и очной ставки // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2019. № 2(79). С. 92–95.
3. Закатов А. А. Тактика проведения очной ставки // Криминалистика: учебник под ред. А.А. Закатова. 2-е изд., доп. перераб. М.: ИМЦГУК МВД России, 2003. 432 с.
4. Кустов А. М., Кокорев Р. А. Проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности // Труды Академии Управления МВД России. 2018. № 1(45). С. 73–77.
5. Варданян А. В. Очная ставка и ее тактический потенциал для повышения результативности расследования преступлений в сфере земельных правоотношений // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 1.
6. Чаплыгина В. Н. Участие переводчика в производстве допроса иностранного гражданина при расследовании преступлений в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2. С. 50–53.
7. Швец С. В. Криминалистическая тактика следственных и судебных действий в условиях использования перевода: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2014. 57 с.
8. Варданян А. В., Ларионов И. А. Правовые и тактико-криминалистические особенности проведения следственных действий с участием мигрантов в контексте проблемы формирования системы полных и непротиворечивых доказательств по уголовным делам об организации незаконной миграции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 3–9.

1. Mazunin Ya. M., Mazunin P. Ya. Osobennosti ochnoj stavki pri rassledovanii deyatel'nosti organizovannyh prestupnyh formirovanij // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2015. № 2 (57). S. 24–27.
2. Harlamova N. D., Badikov D. A. Takticheskie aspekty primeneniya priemov psihologicheskogo vozdejstviya pri proizvodstve doprosa i ochnoj stavki // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2019. № 2 (79). S. 92–95.

3. Zakatov A. A. Taktika provedeniya ochnoj stavki // Kriminalistika: uchebnik pod red. A.A. Zakatova. 2-e izd., dop. pererab. M.: IMCGUK MVD Rossii, 2003. 432 c.
4. Kustov A. M., Kokorev R. A. Problemy primeneniya videozapisi pri rassledovanii prestuplenij protiv lichnosti // Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii. 2018. № 1(45). S. 73–77.
5. Vardanyan A. V. Ochnaya stavka i ee takticheskij potencial dlya povysheniya rezul'tativnosti rassledovaniya prestuplenij v sfere zemel'nyh pravootnoshenij // Baikal Research Journal. 2022. T. 13. № 1.
6. Chaplygina V. N. Uchastie perevodchika v proizvodstve doprosa inostrannogo grazhdanina pri rassledovanii prestuplenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 2. S. 50–53.
7. Shvec S. V. Kriminalisticheskaya taktika sledstvennyh i sudebnyh dejstvij v usloviyah ispol'zovaniya perevoda : avtoref. diss. ... doktora yurid. nauk. Krasnodar, 2014. 57 c.
8. Vardanyan A. V., Larionov I. A. Pravovye i taktiko-kriminalisticheskie osobennosti provedeniya sledstvennyh dejstvij s uchastiem migrantov v kontekste problemy formirovaniya sistemy polnyh i neprotivorechivyh dokazatel'stv po ugolovnym delam ob organizacii nezakonnoj migracii // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2016. № 2-2. S. 3–9.

Информация об авторе

Анастасия Анатольевна Бондарева. Адъюнкт кафедры криминалистики.
Барнаульский юридический институт МВД России.
656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

Information about the author

Anastasiya A. Bondareva. Adjunct.
Barnaul Law Institute of the MIA of Russia.
656038, Russia, Barnaul, Chkalova str., 49.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted April 10, 2024; approved after reviewing May 15, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.14

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Вологина Елена Вильгельмовна[1], Голоманчук Эйда Владимировна[2], Бирюков Святослав Юрьевич[3]

[1]Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

[2]Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия

[3]Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

[1]vologina-e@mail.ru
[2]golomachuk-ev@ranepa.ru
[3]Bir.slav@yandex.ru

Аннотация. Данная работа освещает важность и сущность этапа предварительной проверки, выполняемого правоохранительными органами при получении сообщений о преступлениях. Акцент делается на месте и значении этого процесса в эффективном расследовании и обеспечении соблюдения закона. Статья помогает понять значение предварительной проверки как важной стадии правоохранительных процедур и позволяет правоохранительным органам эффективно оценивать и обрабатывать сообщения о потенциальных преступлениях с целью улучшения качества расследования и обеспечения справедливости в правосудии. Авторы приходят к выводу, что предварительная проверка направлена на получение достоверной информации о событии, его характеристиках, месте и времени совершения, обстоятельствах и последствиях преступления.

Ключевые слова: сообщение о преступлении, предварительная проверка, информация о преступлении.

Для цитирования: Вологина Е. В., Голоманчук Э. В., Бирюков С. Ю. Сущность и значение предварительной проверки сообщений о преступлениях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 139–146.

THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF PRELIMINARY VERIFICATION OF CRIME REPORTS

Elena V. Vologina[1], Eida V. Golomanchuk[2], Svyatoslav Yu. Biryukov[3]

[1]Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

[2]Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

[3]Volgograd State University, Volgograd, Russia

[1]vologina-e@mail.ru
[2]golomachuk-ev@ranepa.ru
[3]Bir.slav@yandex.ru

Abstract. This work highlights the importance and essence of the preliminary verification stage performed by law enforcement agencies when receiving reports of crimes. The emphasis is on the place and importance of this process in effective investigation and enforcement of the law. The article helps to understand the importance of pre-screening as an important stage of law enforcement procedures and allows law enforcement agencies to effectively assess and process reports of potential crimes in order to improve the quality of investigations and ensure fairness in justice. The authors conclude that the preliminary check is aimed at obtaining reliable information about the event, its characteristics, place and time of commission, circumstances and consequences of the crime.

Keywords: crime report, preliminary check, information about the crime.

For citation: Vologina E. V., Golomanchuk E. V., Biryukov S. Yu. The Essence and significance of preliminary verification of crime reports // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 139–146.

Основополагающей и обязательной стадией в уголовном судопроизводстве является возбуждение уголовного дела. Отечественное законодательство долгое время не выделяло её в отдельную самостоятельную стадию. Учёные-правоведы придерживались мнения, что такая стадия, как предварительная проверка сообщений о преступлении, не относится к процессуальной деятельности [4, с. 113]. Они по-разному обосновывали свою точку зрения, но в основном акцентировали внимание на том, что это ключевая, важнейшая основа уголовного процесса, без которой в принципе невозможно никакое дальнейшее производство, но полноценный объём следственных действий появляется только после того, как проверка прошла и уголовное дело возбуждено.

На сегодняшний день правоохранительными органами проверяются буквально тысячи сообщений о преступлениях, поступающих и от граждан (физических лиц), и от организаций (юридических лиц), а также размещённых в средствах массовой информации и в социальных сетях и поступивших иными способами.

Например, В. В. Степанов, анализируя процессуальные и криминалистические вопросы проверки заявлений и сообщений о совершённых или подготавливаемых преступлениях, определял предварительную проверку заявлений и сообщений о преступлениях как «деятельность уполномоченных уголовно-процессуальным законом лиц, направленную на обнаружение признаков преступления и иных обстоятельств для своевременного и обоснованного решения вопроса о возбуждении уголовного дела или принятия иных мер» [7, с. 11]. По мнению А. Н. Ильина, «предварительная проверка сообщения о преступлении – это процесс приёма и регистрации информации о предполагаемом преступном событии, выявления в ней фактических данных, указывающих на признаки преступления, а также сбора дополнительных сведений о следах преступного события и иных его признаках, необходимых для принятия предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством решения по сообщению о преступлении» [1, с. 9]. В. О. Лапин отдельно обращает внимание на необходимость обеспечивать исключение фактов преждевременного афиширования хода и результатов и т. д. [5, с. 92].

Мы же считаем, что предварительная проверка сообщения о преступлении представляет собой начальный этап осуществления уголовного преследования, при котором проводятся некоторые следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия, направленные на выявление и проверку сведений, указанных в сообщении или заявлении о совершённом или готовящемся преступлении. Путём сбора и анализа представленной информации, свидетельских показаний, документов и

других данных проводится оценка достоверности сообщения о преступлении.

В ходе предварительной проверки правоохранительные органы стремятся установить лиц, которые могут свидетельствовать о событии или быть причастными к преступлению, что непосредственно позволяет определить тактику и направления производства дальнейших следственных действий.

Предварительная проверка также включает сбор первичных доказательств, которые могут помочь в раскрытии преступления, а также может содержать фото- или видеоматериалы, показания очевидцев, физические улики и другую информацию, которая может быть полезной при осуществлении предварительного следствия. Этот сбор также имеет определённые правила и последовательность, особенно если учесть, что сейчас большая часть видеоматериалов мгновенно появляется в социальных сетях, в том числе в телеграм-каналах, часто даже до того, как в правоохранительные органы поступит сообщение о преступлении и будет назначена проверка.

Следует учитывать то, что необходимо установить все конкретные обстоятельства преступления и направить результаты в строгом соответствии с Инструкциями следователю и дознавателю. Заранее сложно, а порой и невозможно предсказать, какие именно обстоятельства и как придётся проверять и устанавливать, при этом малейшее упущение уже на этой стадии может привести к непоправимым последствиям. Например, если нужно истребовать какие-то документы, а их перечень будет составлен неполно и (или) недостоверно, то у преступника появится возможность и время на их уничтожение. Конечно, это зависит от характера деяния – проверочные мероприятия, связанные с преступлениями в сфере распространения некротических средств или с использованием электронных средств оплаты, с мошенническими действиями или с применением насилия, отличаются кардинально.

Нужно отметить, что, по данным МВД России, в 2023 году сохранилась тенденция к снижению количества зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений, их стало на 1 % меньше [10]. Но это не значит, что уменьшается количество сообщений о преступлении.

Этапы предварительной проверки сообщения о преступлении могут варьироваться в зависимости от юрисдикции и специфики правоохранительных органов. Так, К. А. Лахтина считает, что структура процесса такой проверочной деятельности должна состоять из трёх этапов, в число которых входит анализ сведений, изложенных в сообщении о преступлении, сбор дополнительной информации и анализ всех сведений, которые могут охарактеризовать событие преступления [6, с. 355].

Характеризуя сущность предварительной проверки, важно учитывать следующие аспекты:

- её понятие – определение и объяснение процесса оценки достоверности и значимости сообщения о преступлении до начала полноценного расследования;
- её значение – важность и польза проведения подробной предварительной проверки для эффективного использования ресурсов правоохранительных органов и предотвращения ошибочных решений;
- основные этапы предварительной проверки – шаги, которые следует предпринять при проведении предварительной проверки, включая сбор информации, проверку правомерности, анализ возможных доказательств и оценку рисков;
- критерии оценки достоверности, которыми можно руководствоваться при оценке достоверности и значимости сообщения о преступлении, включая источник информации, её конкретность и дополнительные подтверждающие данные;
- спецификацию разных типов преступлений – есть очевидные особенности предварительной проверки в отношении конкретных видов преступлений, таких как кражи, грабежи, насильственные преступления и другие;

- процедуру передачи дела в орган предварительного следствия – критерии и особенности принятия решения о передаче дела для расследования после завершения предварительной проверки.

Сущность предварительной проверки сообщений о преступлениях заключается в первоначальной оценке достоверности и значимости полученной информации о потенциальных преступлениях перед тем, как начать полноценное расследование.

Значение предварительной проверки состоит в том, что она даёт возможность оптимально распределить ресурсы правоохранительных органов, уделять должное внимание серьёзным и достоверным случаям преступных действий, а также обеспечить своевременное и эффективное реагирование на возможные правонарушения. Предварительная проверка позволяет достичь различных целей, в том числе экономии ресурсов, квалификации наиболее серьёзных преступлений с привлечением к ним особого внимания, предотвращения ошибок, установления фактов, сбора доказательств и т. д. [2, с. 39]. Так, проведение предварительной проверки помогает исключить ложные сообщения о преступлениях или о малозначительных деяниях, что позволяет избежать излишнего использования ресурсов правоохранительных органов при расследовании незначительных инцидентов.

Предварительная проверка позволяет уделить приоритетное внимание случаям, требующим немедленного реагирования, что даёт возможность сосредоточить усилия на более серьёзных преступлениях и организовать соответствующие ресурсы. Обязательная предварительная проверка сообщений о преступлениях способствует уменьшению вероятности совершения ошибок при принятии решений о начале расследования. Благодаря ей устанавливаются факты и события преступления, что инициирует справедливое и объективное рассмотрение информации о преступлениях.

Важной задачей предварительной проверки является обеспечение безопасности лиц, сообщивших о преступлении. В некоторых случаях люди могут опасаться возможных агрессивных реакций в отношении них или мести. Предварительная проверка может помочь оценить риски и принять меры для защиты лиц, сообщивших о преступлении [8, с.139]. Отдельно отметим, что крайне важно не разглашать данные, которые стали известны в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении [3, с. 13]. То лицо, которое принимает сообщение о преступлении, если такое принятие обусловлено его непосредственными обязанностями, закреплено в административном регламенте и (или) должностной инструкции, регистрирует его и выдаёт тому, кто его сделал, документ на корешке талона с условием личной подписи заявителя, с указанием и времени, и места, и точной даты поступления сообщения.

С целью исключения случаев укрытия преступления от учёта, а также правильности исчисления сроков принятия поступившего заявления о преступлении поступившее заявление (рапорт, заявление о явке с повинной) подлежит обязательной регистрации в книге учёта заявлений и сообщений о преступлении с указанием конкретного времени.

Предварительная проверка включает сбор информации, дополнительные свидетельства и установление фактов, которые могут существенно помочь в дальнейшем расследовании и на судебной стадии. Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Одной из составных частей сущности стадии предварительной проверки являются способы её проведения. Эти способы закреплены в действующем УПК. Часть 1 ст. 144 УПК РФ гласит: «Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершённом

или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в её производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Ввиду невозможности в десятидневный срок установить основания для возбуждения уголовного дела и для отказа в возбуждении дела законодатель предусмотрел возможность продления указанного срока до 30 суток. По ходатайству следователя руководитель следственного органа вправе продлить этот срок, а по ходатайству дознавателя – прокурор. Продление данного срока может быть разрешено при необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-разыскных мероприятий. В ходатайстве обязательно необходимо сослаться на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления.

Сроки проверки сообщений о преступлениях, предусмотренные ст. 144 и 146 УПК РФ, исчисляются со дня поступления первого сообщения об указанном преступлении, за исключением сообщений о преступлениях, переданных с учётом территориальности в другой орган по подследственности, срок проверки которых определяется со дня их поступления по подследственности, а для сообщений о совершённых или готовящихся преступлениях, полученных из иных источников, – со дня регистрации рапорта об обнаружении признаков преступления, если этот рапорт не был направлен с учётом территориальности в другой орган по подследственности.

Срок проверки истекает в 24 часа последних суток со дня приёма сообщения о преступлении. Конечно, всем лицам, которые тем или иным способом участвуют в проведении уголовно-процессуальных действий, разъясняются детали их правового статуса (совокупность прав, обязанностей и ответственности), предоставляются максимально подробные и детализированные объяснения по поводу статуса.

Следователь или иное лицо, которое непосредственно проводит проверку сообщения о преступлении, может проводить и документальные проверки, и ревизии, как мы отмечали, учитывая их особенности и заведомо планируя их детали и последовательность. Осмотр места происшествия (и осмотр трупа) может проводиться в рамках проверки сообщения о преступлении и до возбуждения уголовного дела. Надо помнить про 24 часа последних суток, в течение которых исчерпывается срок проведения проверки.

Перечислив способы проведения предварительной проверки сообщения о преступлении, следует выделить один из основных, такой как получение объяснения. Данный способ подразумевает под собой получение информации от лиц, имеющих какое-либо отношение к совершённому или готовящемуся деянию, должностными лицами, представляющими правоохранительные органы. В ходе предварительной проверки сообщения о преступлении объяснения могут содержать в себе информацию и разъяснения, полученные от очевидцев, пострадавших, подозреваемых и других лиц,

имеющих сведения о происшествии. Они могут быть собраны в форме письменных показаний, записей опросов и так далее.

Объяснения обычно направлены на получение более полной картины происшествия, выяснение обстоятельств, уточнение деталей и установление фактов, которые могут быть важными для расследования преступления. Все зафиксированные объяснения имеют юридическую значимость и могут быть использованы в дальнейшем. Лица, у которых были получены объяснения, имеющие значение для расследования, должны быть допрошены после возбуждения уголовного дела, это придаст их показаниям доказательственное значение. При получении объяснений представители правоохранительных органов могут задавать вопросы, чтобы уточнить хронологию событий, описание преступления, физические характеристики лиц, связанных с происшествием, приметы возможных преступников и любую другую информацию, которая может быть полезной для выявления подозреваемых и установления обстоятельств дела.

Важно отметить, что объяснения могут быть получены как отчуждённым способом (например, путём письменных заявлений), так и в ходе опросов, которые проводятся компетентными уполномоченными лицами. При этом соблюдение прав и процедур по защите информации и законных интересов всех участников является важной составляющей получения этих объяснений.

Следует отметить тот факт, что законодатель никак не регламентирует то, что лица, дающие объяснения по уголовному делу, наделены одинаковыми процессуальными правами и обязанностями независимо от их участия и осведомленности о случившемся происшествии. Тем не менее указанные лица до момента возбуждения уголовного дела не имеют процессуального статуса свидетеля или подозреваемого. Из этого следует, что в полномочия данных лиц не входит обязанность давать показания, как, допустим, в обязанности свидетеля; никто из них не может быть привлечён к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний. При этом затрагивается целый ряд конституционных и процессуальных прав и свобод граждан, что зачастую на практике приводит к их нарушению. Применять угрозы, в том числе связанные с вполне реальным и обоснованным наступлением уголовной ответственности, недопустимо, как и невозможно вынуждать гражданина отвечать на вопросы вне процессуального статуса или уже в нём [9, с. 139]. При этом проверка должна быть проведена максимально полно и подробно.

На основании ст. 145 УПК РФ по результатам рассмотрения сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа принимают одно из следующих решений: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела или о передаче сообщения по подследственности.

Таким образом, предварительная проверка сообщений о преступлениях играет важную роль в эффективной работе правоохранительных органов, позволяя оптимизировать использование ресурсов, концентрироваться на серьёзных делах и обеспечивать справедливость в правосудии. Основной целью предварительной проверки является объективное, точное и полное выяснение обстоятельств преступления, определение дальнейших шагов расследования и в случае подтверждения преступления – возбуждение уголовного дела.

---

1. Ильин А. Н. Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 223 с.

2. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования // LexRussica (Русский закон). 2015. Т. 104. № 7. С. 37–42.
3. Кутазова И. В. К вопросу о неразглашении данных предварительной проверки сообщения о преступлении // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014. № 1(26). С. 13–15.
4. Лавров В. П. Проблемы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских условиях // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4(44). С. 111–114.
5. Лапин В. О. Предварительная проверка сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности: криминалистический аспект // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1(61). С. 90–100.
6. Лахтина К. А. Проблемные вопросы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских реалиях // Молодой ученый. 2019. № 21(259). С. 354–356.
7. Степанов В. В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972. 142 с.
8. Ушаков А. Ю., Чаплыгина В. Н. Проблемы реализации права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела // Аграрное и земельное право. 2019. № 8(176). С. 136–140.
9. Чаплыгина В. Н., Черкасова Е. А., Рудов Д. Н. К вопросу о процессуальном порядке проверки сообщений о преступлении в органах внутренних дел // InternationalLawJournal. 2023. Т. 6. № 1. С. 136–141.

1. Il`in A. N. Taktika predvaritel`noj proverki soobshheniya o prestuplenii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. 223 s.
2. Kalyuzhny`j A. N., Chaply`gina V. N. Proverka soobshhenij o prestupleniyax: puti sovershenstvovaniya // LexRussica (Russkij zakon). 2015. T. 104. № 7. S. 37–42.
3. Kutazova I. V. K voprosu o nerazglashenii danny`x predvaritel`noj proverki soobshheniya o prestuplenii // Vestnik Barnaul`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 1(26). S. 13–15.
4. Lavrov V. P. Problemy` predvaritel`noj proverki soobshhenij o prestupleniyax v sovremenny`x rossijskix usloviyax // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 4(44). S. 111–114.
5. Lapin V. O. Predvaritel`naya proverka soobshhenij o prestupleniyax v sfere predprinimatel`skoj deyatel`nosti: kriminalisticheskij aspekt // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 1(61). S. 90–100.
6. Laxtina K. A. Problemny`e voprosy` predvaritel`noj proverki soobshhenij o prestupleniyax v sovremenny`x rossijskix realiyax // Molodoj ucheny`j. 2019. № 21(259). S. 354–356.
7. Stepanov V. V. Predvaritel`naya proverka pervichny`x materialov o prestupleniyax. Saratov, 1972. 142 s.
8. Ushakov A. Yu., Chaply`gina V. N. Problemy` realizacii prava na zashhitu v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2019. № 8(176). S. 136–140.
9. Chaply`gina V. N., Cherkasova E. A., Rudov D. N. K voprosu o processual`nom poryadke proverki soobshhenij o prestuplenii v organax vnutrennix del // InternationalLawJournal. 2023. T. 6. № 1. S. 136–141.

Информация об авторах

Елена Вильгельмовна Вологина. Доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел. Кандидат юридических наук, доцент.

Волгоградская академия МВД России.

400075, Россия, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Эйда Владимировна Голоманчук. Доцент кафедры конституционного и административного права, кандидат юридических наук.

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

400066, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8.

Святослав Юрьевич Бирюков. Доцент кафедры процессуального права и криминалистики. Кандидат юридических наук, доцент.

Волгоградский государственный университет.

400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Information about the authors

Elena V. Vologina. Associate professor at the criminal procedure department of the training and scientific complex of preliminary investigation in law-enforcement bodies. Candidate of juridical sciences, docent.

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

400075, Russia, Volgograd, Historicheskaya str. 130.

Eida V. Golomanchuk. Associate professor at the department of constitutional and administrative law, Candidate of juridical sciences.

Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

400066, Russia, Volgograd, Gagarina str., 8.

Svyatoslav Yu. Biryukov. Associate Professor of the Department of Procedural Law and Criminalistics. Candidate of Law, Associate Professor.

Volgograd State University.

400062, Russia, Volgograd region, Volgograd, Universitetsky avenue, 100.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted February 16, 2024; approved after reviewing April 25, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.12

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА, СООТНОШЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

Гришин Андрей Владимирович[1], Денисов Сергей Анатольевич[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

[1]ronsove@bk.ru
[2]denisov_61@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отдельных проблем понятийного аппарата, соотношения и реализации уголовно-процессуальных функций. Даётся общая характеристика понятия и видов уголовно-процессуальных функций; характеристика конкретных уголовно-процессуальных функций, имеющих первостепенное значение для развития эффективного и справедливого правосудия. Проводится комплексный анализ отдельных функций, раскрывается их сущность, анализируется взаимосвязь системы уголовно-процессуальных функций. Объектом рассмотрения выступают также общественные отношения, которые возникают при реализации конкретных функций в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальные функции, защита, обвинение, разрешение дела по существу, уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Гришин А. В., Денисов С. А. Некоторые проблемы понятийного аппарата, соотношения и реализации уголовно-процессуальных функций // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 147–160.

SOME PROBLEMS OF CONCEPTUAL APPARATUS, RELATIONSHIP AND IMPLEMENTATION OF CRIMINAL PROCEDURE FUNCTIONS

Andrey Vl. Grishin[1], Sergey A. Denisov[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, St. Petersburg, Russia

[1]ronsove@bk.ru
[2]denisov_61@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of individual problems of the conceptual apparatus, the relationship and implementation of criminal procedural functions. The article provides a general description of the concept and types of criminal procedural functions; characteristics of specific criminal procedural functions that are of paramount importance for the development of effective and fair justice. A comprehensive analysis of individual functions is carried out, their essence is revealed, and the relationship between the system of criminal procedural functions is analyzed. The object of consideration is also the

social relations that arise during the implementation of specific functions in criminal proceedings.

Keywords: criminal process, criminal procedural functions, defense, prosecution, resolution of the case on the merits, criminal proceedings.

For citation: Grishin A. V., Denisov S. A. Some problems of the conceptual apparatus, correlation and implementation of criminal procedural functions // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2024. № 2(99). P. 147–160.

На современном этапе развития уголовного судопроизводства Российская Федерация (далее – РФ) идёт по пути выстраивания законных и объективных гарантий для граждан от необоснованного ограничения их прав и свобод, уравновешивания их возможностей в достижении истины по уголовному делу и повышения качества самого правосудия. Так, Президент РФ В. В. Путин на расширенной коллегии Генеральной прокуратуры РФ высказал следующее по данному поводу: «Нужно и впредь добиваться того, чтобы все приговоры, которые выносятся в ходе <…> уголовного процесса, были объективными и справедливыми, полностью соответствовали норме закона»[1].

Одной из нормативно закреплённых гарантий справедливого правосудия выступает ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, которая закрепляет состязательность и равноправие сторон как неотъемлемые элементы судопроизводства. Указанные элементы судопроизводства раскрываются в ч. 2 ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК): «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо».

Указанные функции, составляющие базис уголовного судопроизводства, что подтверждается Конституцией РФ и УПК РФ, являются основными направлениями отправления правосудия, которые и задают вектор достижения объективно обоснованного результата по уголовному делу, потому и являются очень важными категориями уголовного процесса.

При этом, несмотря на довольно длительную историю существования нынешней формы уголовного судопроизводства, вопрос о его функциях является недостаточно изученным, что способствует появлению новых научных исследований, возникновению научных споров между процессуалистами. Вдобавок в теории уголовного процесса нет устоявшейся точки зрения к определению сущности функций уголовного процесса и их классификации, что требует детального анализа.

Актуальность выбранной темы исследования подтверждается и тем фактом, что законодатель придаёт термину «уголовно-процессуальные функции» характер «легальности», включая его в УПК РФ, ведь именно от восприятия данной категории самими законодателем и субъектами уголовного процесса зависит эффективность решения поставленных перед ними задач уголовного судопроизводства.

Через функции уголовного процесса, которые представляют собой способы реализации поставленных перед уголовно-процессуальным законодательством задач в деятельности уголовного судопроизводства, можно раскрыть основные черты данной отрасли права, рассмотрев каждую функцию самостоятельно, в особенности отдельного внимания заслуживают функции обвинения и защиты.

[1] Путин требует законных и справедливых приговоров суда [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2021/03/17/putin-trebuet-zakonnyh-i-spravedlivyh-prigovorov-suda.html. (дата обращения: 01.04.2023).

Хотя функции уголовного процесса и существуют отдельно друг от друга, но постоянно между собой взаимодействуют, что определяет эталон деятельности данного процесса, обозначает её специфику. Такое соотношение имеет свои особенности, что также требует анализа в теории уголовного процесса.

Уголовное судопроизводство представляет систему правоотношений по раскрытию и расследованию преступления, а также по рассмотрению уголовного дела в суде через деятельность уполномоченных лиц. Довольно чётко сущность данной отрасли права прослеживается в её функциях, которые оказывают эффективное воздействие на законное и объективное отправление правосудия.

Прежде чем уяснить сущность функций уголовного процесса и раскрыть их классификацию, необходимо проанализировать понятие функций в целом.

Функция является довольно масштабной категорией, которая находит применение не только в юридических науках, её используют математика, биология, физика и другие области человеческого познания. В нашем случае более приемлемым определением функции является следующее, предложенное С. И. Ожеговым: «работа, производимая органом, организмом» [1, с. 746]. В условиях уголовного процесса такая работа связана с его назначением в рамках УПК РФ и определяется через принцип состязательности.

Что касается определения уголовно-процессуальной функции, то в теории имеются различные точки зрения по этому вопросу в силу большого значения для уголовного процесса её функций. Хотя сам законодатель и отмечает данную категорию в УПК РФ (ч. 2 ст. 15), в которой отмечается, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела разделены между собой и не могут быть возложены на один и тот же субъект уголовного судопроизводства, однако глобального решения вопроса по сущности и количеству уголовно-процессуальных функций в теории так и нет.

Некоторые авторы определяют уголовно-процессуальные функции как направленность деятельности субъектов уголовного процесса и как роль участников уголовного процесса, а также их специальное назначение [2, с. 72]. Направленность связана с содержанием и задачами деятельности уголовно-процессуальных субъектов. Роль же сводится к конкретному статусу субъекта уголовного процесса, который законодатель закрепил за конкретными участниками для достижения целей уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, наиболее приемлемой характеристикой функции уголовного процесса является её раскрытие через отдельные направления деятельности уголовно-процессуальных субъектов, связанной с конкретными задачами и целями этих субъектов и направленной на решение конкретной цели [3, с. 41], [4, с. 32].

Ведь именно направленность деятельности субъектов уголовного судопроизводства связана с «удовлетворением процессуального интереса, которым такая деятельность обусловлена» [5, с. 87].

Если говорить о количестве функций уголовного процесса, то сначала стоит отметить, что, как упоминалось ранее, функции реализуются через состязательность уголовного судопроизводства, то есть назначение состязательности находит своё отражение в конкретных функциях, которых в соответствии с ч. 2 ст. 15 УПК РФ существует три: функции защиты, функция обвинения и функция разрешения дела по существу. Названные функции, как процессуальная деятельность, строго разделены между собой и распределены по конкретным субъектам.

Однако в теории уголовного процесса всё не так однозначно относительно количества функций. Приведём несколько точек зрения по данному аспекту:

– существуют три функции, связанные с основными направлениями деятельности: защиты, обвинения и разрешения дела по существу;

– существуют четыре функции, вдобавок к вышесказанному ещё рассматривается функция предварительного расследования;

– существует столько функций, сколько и участников процесса, в соответствии с их компетенцией [6, с. 22].

Также, к примеру, такими процессуалистами, как В. М. Колодко, В. Н. Шпилевым, было выделено около десяти функций уголовного судопроизводства, каждая из которых представляла процессуальный интерес каждого участника (представителя, переводчика, понятого, прокурора и так далее) [7, с. 144].

Некоторые авторы, такие как З. З. Зинатуллин и Т. З. Зинатуллин, выделяли целые группы функциё по своему предназначению: функции уголовного преследования; функции, направленные на защиту прав и свобод участников уголовного разбирательства; функции, связанные с осуществлением уголовного правосудия; функции, направленные на решение воспитательных вопросов [8, с 51].

Как можно проследить, нет единого мнения о количестве функций в уголовном судопроизводстве, что вызывает их необоснованное расширение, не даёт конкретики по данному вопросу. В большинстве своём некоторые авторы выделяли функции в соответствии с компетенцией должностных лиц, раскрывали их деятельность, не обращая внимание на её содержание, что является ошибочным.

Пытаясь найти золотую середину в определении количества функций уголовного судопроизводства и анализируя как труды вышеназванных авторов, так и легальную позицию законодателя на их количество надлежит отметить, что некоторые авторы в попытке максимально точно определить уголовно-процессуальные функции большое внимание концентрировали на деятельности каждого участника процесса (например, свидетеля, специалиста), так как считали, что любой участник уголовного процесса является обладателем конкретной функции. Однако это излишнее трактование уголовных функций, ведь нельзя проводить тождество между направленностью деятельности и компетенцией отдельных участников уголовного процесса. К чему тогда вообще выделять термин «функции»? Специалист, к примеру, лишь способствует реализации функций уголовного судопроизводства, но никак не определяет новую функцию этого процесса.

Так, если уделить внимание процессуальному интересу, под которым понимается связанное с реализуемой функцией целевое отношение конкретного субъекта уголовного процесса к уголовно-процессуальному решению или действию [9, с. 78], то в соответствии с УПК РФ выделяются четыре группы субъектов уголовно-процессуальных отношений, которым свойственна конкретная функция:

– сторона обвинения (прокурор, следователь, начальник следственного органа, дознаватель, потерпевший, гражданский истец и т. д.);

– сторона защиты (подозреваемый, обвиняемый, их представители, защитник, гражданский ответчик и т. д.);

– сторона, осуществляющая разрешение дела по существу (суд);

– сторона, содействующая правосудию (свидетель, эксперт, специалист и т. д.).

Такое деление функций в соответствии с распределением по процессуальному интересу определённых групп субъектов по уголовно-процессуальному законодательству, как мы считаем, максимально приближено к самой сути функций уголовного процесса по реализации назначения и способствованию осуществления состязательности сторон.

Функция обвинения заключается в уголовно-процессуальной деятельности, направленной на изобличение лица, виновного в совершении преступления, и поддержание предъявленного ему обвинения в суде. Обвинение связано с уголовным преследованием, которое переплетено с установлением истинной причастности какого-

либо лица к совершённому преступлению. С помощью данной функции уголовно-процессуальное законодательство осуществляет защиту наиболее важных общественных отношений (жизнь и здоровье граждан, собственность, государственный строй).

Функция защиты проявляется в деятельности по опровержению подозрения и обвинения путём выдвижения фактов, устраняющих вину конкретного лица, а также защите прав и законных интересов участников процесса. Через данную функцию реализуется назначение уголовного судопроизводства – предотвращение наказания невиновного, защита личности от незаконного ограничения его прав и свобод.

Функция разрешения дела связана с рассмотрением судом уголовного дела по существу путём исследования имеющихся доказательств и установление по ним фактических обстоятельств дела. Окончательная форма проявления объективной состязательности – это реализация функций обвинения и защиты.

Окончательная функция – содействие правосудию. Данная функция не закреплена законодательно, однако вытекает из процессуального закрепления отдельной группы субъектов в УПК РФ и выступает гарантом стороны защиты в уравновешивании прав сторон, так как сторона защиты не обладает такой компетенцией по сбору, например, доказательств по уголовному делу, как сторона обвинения [10, с. 30]. По нашему мнению, эта функция также важна для обеспечения конституционного принципа состязательности современного уголовного судопроизводства РФ.

Таким образом, функции уголовного процесса представлены отдельными направлениями деятельности субъектов уголовного судопроизводства, определенной задачами и целями этих субъектов и направленной на удовлетворение процессуального интереса. В теории уголовного процесса нет устоявшегося мнения на определение и классификацию уголовно-процессуальных функций, однако исходя из анализа УПК РФ следует выделять четыре главные функции: защиты, обвинения, разрешения дела (осуществление правосудия), содействие правосудию. Функции уголовного процесса являются условием полноценной реализации назначения самого процесса, а также выступают гарантом соблюдения конституционного принципа состязательности и равноправия сторон.

Функция обвинения в уголовном процессе.

Как было отмечено ранее, уголовный процесс имеет, как нам видится, четыре основные функции, одной из которых является функция обвинения или, как её ещё называют, функция уголовного преследования. Именно данная функция во взаимодействии с функцией защиты обеспечивает состязательность сторон, объективность всего уголовного процесса, а также нахождение истины по уголовному делу.

Функция обвинения – это направленная деятельность по изобличению виновных в совершении преступления лиц, а также по материальной формулировке обвинение к конкретному лицу. Однако обвинение также включает и сбор оправдательных фактов по уголовному делу в целях достижения вынесения справедливого приговора или же освобождения от уголовной ответственности. У данной функции есть свой законодательно определённый круг субъектов, а реализуется она через конкретные полномочия, закреплённые УПК РФ.

Однако стоит внести предельную ясность по поводу начала осуществления функции обвинения в уголовном судопроизводстве. Так, обвинение начинается с момента привлечения лица в качестве обвиняемого при наличии достаточных доказательств для обвинения, а вся деятельность до этого момента не может являться реализацией функции обвинения в силу того, что до этого момента обвинительный уклон не так выражен из-за отсутствия необходимых и достаточных доказательств для обвинения [11, с. 93]. До этого момента в большей степени идёт подготовка реализации

назначения уголовного судопроизводства, что подтверждается и определением Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 104-О, в соответствии с которым функция обвинения проявляется в «возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде»[1].

К числу субъектов реализации данной функции гл. 6 УПК РФ относит следующих лиц: прокурора, следователя, руководителя следственного органа, дознание, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, а также представителей. Однако, как было упомянуто выше, начало выполнения функции обвинения в уголовном процессе связано с моментом привлечения в качестве обвиняемого лица, подозреваемого в совершении преступления, следовательно, и субъекты обвинения, которые будут задействованы до этого момента, ещё не реализуют данную функцию.

Если рассматривать полномочия субъектов функции обвинения уголовного судопроизводства в соответствии с УПК РФ, то следует рассмотреть, к примеру, задачи следователя, которые выражаются в следующем:

– производство доказывания;

– обоснование в соответствии с УПК РФ и применение мер принуждения в целях обеспечения полноценной уголовно-процессуальной деятельности;

– принятие промежуточных и итоговых решений;

– обеспечение прав участников уголовного процесса.

Функция прокурора, выступающего в качестве субъекта обвинения, носит спорный характер. Он является и субъектом уголовного преследования в силу наличия возможности утверждать обвинительный акт или обвинительное заключение при направлении дела в суд, и одновременно не может осуществлять само предварительное расследование, так как после реформации уголовно-процессуального законодательства в 2007 году и введения такого субъекта, как руководитель следственного органа, сузились полномочия и прокурора по осуществлению функции обвинения[2]. В большей степени прокурор по нынешнему законодательству поддерживает обвинение в стадии судебного разбирательства, от которого может отказаться или изменить его, а также осуществляет прокурорский надзор, хотя в ст. 21 УПК РФ и закреплено положение о том, что прокурор также осуществляет уголовное преследование, что создаёт неопределённость в понимании роли прокурора по реализации функции обвинения.

Уделяя внимание прокурорскому надзору как основной функции прокурора, следует отметить, что по своей сути и в соответствии с УПК РФ он не выделяется как отдельная функция уголовного процесса, но является важным средством в законной реализации уголовно-процессуальной функции обвинения, хотя и направлен он не на изобличение виновных лиц в совершении преступления.

Прокурор не реализует в полной мере функцию обвинения, а только способствует ей. Он проверяет законность и обоснованность уголовного преследования путём анализа полученных доказательств в ходе предварительного расследования, то есть эффективность его работы полностью зависит от деятельности таких субъектов, как дознаватель, следователь [12, с. 74]. Так, прокурор через проверку законности

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокси-тогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 УПК РФ: определение КС Рос. Федерации от 6 марта 2003 г. № 104-0 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения 03.12.2023).

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собр. законодательства Рос.Федерации. 2007. № 24, ст. 2830.

и поддержания государственного обвинения в суде и реализует функцию обвинения в уголовном процессе.

Таким образом, уголовно-процессуальная функция обвинения (уголовного преследования) представляет направленную деятельность по изобличению виновных лиц и формулировке им обвинения, также она может включать и сбор оправдательных фактов с целью вынесения справедливого решения. В соответствии с УПК РФ функция обвинения имеет конкретный момент своего начала, конкретный круг субъектов, а также закрепляет их полномочия по её реализации. Вдобавок функция обвинения включает такую подфункцию, как прокурорский надзор, который играет не менее важную роль.

Функция защиты в уголовном процессе.

Наряду с функцией обвинения следует уделить внимание и функции защиты, так как именно в результате их взаимодействия в конечном счете и возможно справедливое правосудие. Через эту функцию происходит защита прав, свобод и законных интересов подозреваемых, обвиняемых, которые выстраивают защитную позицию на предъявленное обвинение.

Функция защиты реализуется в условиях, когда права и свободы лица, которое обладает любым правовым статусом, затрагиваются или ставятся под угрозу обвинительными действиями субъектами обвинения [13, с. 81]. В названном случае указанная функция осуществляется в рамках возбуждённого уголовного дела до вынесения решения судом надзорной инстанции, за исключением случаев, когда дело возбуждается без подозреваемого. Также, например, когда следователь нарушает правила проверки сообщения о преступлении в соответствии со ст. 144 УПК РФ, лицо, право которого нарушено, может тоже воспользоваться правом на защиту, в чём и будет реализовываться уголовно-процессуальная функция защиты.

Субъекты указанной функции закреплены в гл. 7 УПК РФ, которая выделяет:

– лиц, заинтересованных в защите собственных прав и законных интересов (обвиняемый, потерпевший, гражданский ответчик и т. д.);

– лиц, защищающих права и интересы других лиц (представитель потерпевшего или гражданского ответчика, защитник и т. д.).

Содержание функции защиты можно проследить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 291, в соответствии с которым она включает в себя право:

– пользоваться помощью защитника;

– защищаться лично, а также с помощью законного представителя методами и средствами, не запрещёнными законом;

– возражать против обвинения;

– заявлять ходатайства и отводы;

– давать объяснения и показания на родном языке или на языке, которым владеет;

– участвовать в исследовании доказательств и судебных прениях и т. д.

Вышеназванное содержание функции защиты воплощает процессуальные возможности субъектов защиты для того, чтобы огородить личность от незаконного и необоснованного ограничения её прав и свобод.

Названная функция в уголовно-процессуальной системе имеет направленность на реализацию назначения уголовного процесса, противоположна обвинению,

[1] О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Рос. газ. 2015. 17 июл. № 150.

обособлена, направлена на опровержение обвинения, а также иных последствий уголовного преследования, имеет одинаковый механизм воздействия на доказательный процесс со стороной обвинения, а также имеет процессуальные гарантии [14, с. 61]. Всё вышеназванное является её структурными признаками в теории уголовного процесса, которые и выделяют функцию в системе уголовно-процессуальных функций.

Неотъемлемым элементов функции защиты выступает оказание квалифицированной юридической помощи, которая является сложной структурной частью названной функции в силу того, что защиту интересов лиц, права и законные интересы которых в потенции нарушаются, осуществляют иные лиц, для которых защита интересов других лиц является профессией. Такая деятельность дополнительно регулируется Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[1].

Также стоит отметить, что в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П2 защита прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве может быть осуществлена любыми мера стороной обвинения, что обеспечивает реализацию государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод гражданина. Такое понимание функции защиты направлено на соблюдение конституционных положений, что обеспечивает верховенство закона и соблюдение прав и свобод граждан в условиях уголовного судопроизводства.

Таким образом, уголовно-процессуальная функция защиты выражается в опровержении подозрения и обвинения, выявлении обстоятельств, которые исключают факт преступности и наказание противоправного деяния и так далее. Вся такая деятельность направлена на защиту лиц, права и законные интересы которых затрагиваются или ставятся под угрозу обвинительными действиями субъектами обвинения. Содержание функции защиты закреплено Пленумом Верховного Суда РФ, а признаки данного структурного элемента в системе уголовного процесса можно проследить в самой теории данной отрасли. Функция защиты может быть реализована и стороной обвинения. Также функция имеет свой круг субъектов, которые обладают своей спецификой.

Взаимосвязь системы уголовно-процессуальных функций.

Уголовно-процессуальная деятельность представляет систему конкретных элементов, которые находятся во взаимодействии с целью достижения реализации назначения уголовного судопроизводства, такое взаимодействие трудно отрицать, подвергать его сомнению. Так, нельзя отрицать связь между функциями этой системы, которые выступают в качестве процессуальных «звеньев», однако, чтобы придать конкретики в анализе сущности уголовно-процессуальных функций, надлежит проанализировать и характер этой связи.

Как уже упоминалось ранее, главным началом осуществления функций уголовного процесса является принцип равноправной состязательности, который является гарантом установления объективной истины по уголовному делу. В соответствии с этим принципом, как отмечает В. М. Бозров, уголовно-процессуальные

[1] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/– (дата обращения 25.12.2023).

[2] По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 27, ст. 2804.

функции как отдельные направления деятельности пребывают в состоянии размежевания, однако вместе с тем они взаимодействуют между собой [15, с. 96].

Определять связь следует с начала осуществления функций уголовного процесса, а именно функции обвинения, когда следователь выносит решение о привлечении лица в качестве обвиняемого и осуществляет деятельность по изобличению подозреваемого, обвиняемого в содеянном преступлении. Необходимо проследить за деятельностью прокурора, который ход действия следователя не определяет, однако осуществляет прокурорский надзор, который хоть и не определяется обвинительной деятельностью, но тесно связан с функцией обвинения.

Надзор и обвинение – единое явление, ведь следователь (дознаватель) для утверждения своей обвинительной деятельности направляет прокурору обвинительное постановление (обвинительный акт) для его утверждения. После же проверки прокурором данного документа он осуществляет поддержку обвинения в суде. В данном случае прослеживается связь между надзором как подфункцией обвинения и самим обвинением как отдельным направлением деятельности.

Защита и обвинение находятся в состоянии социального конфликта, противоборства сторон для отстаивания своего процессуального интереса. Однако в большей мере это противоборство осуществляется в стадии судебного разбирательства, в досудебной стадии эти функции направлены на сбор фактических обстоятельств дела каждой из сторон для подтверждения своих убеждений в суде по поводу виновности или невиновности лица. Можно проследить разную деятельность сторон, которая даже не переплетается, но по своей сути цель у данных функций одна – достижение истины по делу, осуществление законного правосудия. Стоит отметить, что данное противоборство возможно только в случае активности участников уголовного судопроизводства.

Вышеназванный спор стороны обвинения и защиты относительно виновности подсудимого решается путём предоставления суду соответствующих уголовно-процессуальных доказательств, которые соответствуют относимости, допустимости и достаточности, а также их непосредственного исследования. Данная деятельность осуществляется в рамках компетенций должностных лиц, которыми в соответствии с УПК в равной степени наделены стороны обвинения и защиты.

Однако в теории уголовного процесса высказываются мысли о том, что, хотя противоборство и имеется в стадии судебного производства, до этой стадии идёт лишь сбор доказательств по делу, при котором функция защиты реализуется не в полной мере в силу того, что сторона обвинения обладает большей компетенцией по сбору доказательств, что нарушает принцип равноправия сторон [16, с. 109]. Так, например, у адвоката отсутствует право на истребование информации о соединениях между абонентами и/или абонентскими устройствами через ходатайство в суд.

Что касается осуществления функции разрешения по делу (правосудия), то в соответствии с определением Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2528-О правосудие осуществляется только судом, это его прерогатива, по которой он осуществляет функцию правосудия на основе свободной оценки доказательств исходя из внутренних убеждений, руководствуясь законом и в условиях действия принципа состязательности и равноправия сторон[1]. Такое понимание отделяет функцию

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тихонова Федора Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части 2 статьи 30.6 Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: определение Конституционного суда Рос. Федерации от 25 октября 2018 г. № 2528-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

разрешения дела от иных функций и не допускает её возложение на иные органы, кроме суда.

При осуществлении спора между стороной обвинения и стороной защиты по вопросу виновности подсудимого право выбора правильной точки зрения принадлежит суду. Взаимосвязь функции обвинения и защиты с функцией правосудия прослеживается в оценке аргументов, предъявленных сторонами по факту виновности или невиновности подсудимого и подкрепленных конкретными доказательствами в совокупности с целью вынесения законного и обоснованного решения по делу.

Также судья при поступлении материалов уголовного дела в суд изучает их на предмет выявления существенных нарушений, допущенных следователем в досудебном производстве, которые делают невозможным судебное разбирательство в силу его неопределённости для разрешения по существу. В данном случае прослеживает такая роль суда, как контрольная, в случае если прокурор при утверждении обвинительного постановления (заключения, акта) что-либо упустил.

Функция содействия правосудию же направлена на «сообщение или получение доказательственной информации, оказание консультативной, технической или иной помощи сторонам и суду, должностным лицам и государственным органам участниками процесса, не наделёнными властными полномочиями, привлекаемыми к участию в процессуальных действиях в соответствии с УПК РФ» [17, с. 793]. Такой вспомогательный характер находится в непосредственной взаимосвязи с основными уголовно-процессуальными функциями, что также способствует наряду с основными функциями реализации назначения уголовного судопроизводства.

Нельзя не упомянуть определённые проблемы взаимосвязи функций уголовного процесса в условиях особого производства [18, с. 120], в соответствии с которыми суд выносит решение без исследования и оценки доказательств, собранных в рамках уголовного дела, если обвиняемый согласен с предъявленным обвинением.

Суд оценивает доказательства, собранные органами предварительного расследования, без учёта мнения стороны защиты по поводу обоснованности или доказанности собранных доказательств, что влияет на снижение качества правосудия [19, с. 47–48]. Такой порядок является исключением из правил, что определяется отступлением от принципа состязательности сторон, а впоследствии и осуществления классической модели функций уголовного процесса.

Таким образом, уголовно-процессуальные функции как элементы системы находятся в определённой взаимосвязи, хотя и разделены между собой. Существует как связь отдельных функций, так и подфункций. Связь защиты и обвинения носит состязательный характер, эти функции находятся в состоянии противоборства, несмотря на то, что направлены на достижение единой цели. Функция правосудия выносит решение по убеждениям о виновности подсудимого противоборства функции обвинения и защиты. В условиях особого производства по уголовному делу наблюдается отступление от классической системы функций уголовного процесса, отсутствует функция защиты [18, с. 123].

В заключение стоит отметить, что уголовно-процессуальные функции являются важным элементом уголовного процесса и их изучение способствует пониманию сущности этой отрасли, её назначения для защиты прав и свобод человека и гражданина. Уголовно-процессуальная функция представляет отдельное направление деятельности уголовно-процессуальных субъектов, связанное с конкретными задачами и целями этих субъектов и направленное на решение конкретной цели, заданной в соответствии с процессуальным интересом. Однако некоторые авторы, так как нет законодательной трактовки, определяли функции через роли участников уголовного

судопроизводства, что является ошибочным вследствие расширительного толкования количества таких функций.

Раскрытие данной функции можно проследить через такой важный принцип уголовного процесса, как равноправная состязательность (ст. 15 УПК РФ), в соответствии с которым функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на одного и того же субъекта. Такой принцип является частью конституционного начала, заложенного в ст. 123 Конституции РФ.

В теории уголовного процесса нет также и устоявшегося мнения насчёт количества данных функций. Если же анализировать УПК РФ по данному вопросу, то следует выделить следующие функции:

– функция обвинения, направленная на изобличение лица, виновного в совершении преступления;

– функция защиты, направленная на опровержение обвинения и защиту прав и интересов лиц, участвующих в деле;

– функция разрешения дела (правосудие), связанная с рассмотрением дела по существу;

– функция содействия правосудию, связанная с вспомогательным характером по рассмотрению дела.

Функция обвинения является «движущей силой» уголовного процесса и направлена на изобличение виновных в совершении преступления лиц, а также на материальную формулировку обвинения к конкретному лицу. Также указанная функция включает и сбор оправдательных фактов по уголовному делу в целях достижения вынесения справедливого приговора. Сама функция начинает свою реализацию с момента привлечения лица в качестве обвиняемого, а до этого момента происходит подготовка к её реализации.

Круг субъектов определён гл. 6 УПК РФ и включает в себя следующих лиц: прокурора, следователя, руководителя следственного органа, дознание, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, а также представителей. Отдельного внимания заслуживают прокурор и следователь.

Подфункцией обвинения выступает прокурорский надзор, направленный на проверку законности и обоснованности уголовного преследования путём анализа полученных доказательств в ходе предварительного расследования.

Функция защиты вступает в процессуальный спор с функцией обвинения, отсюда и вытекает реализация принципа состязательности. Сама по себе функция обращена к защите прав, свобод и законных интересов подозреваемых, обвиняемых.

Субъектами данной функции выступают две группы лиц: лица, заинтересованные в защите собственных прав и законных интересов; и лица, привлекаемые к защите прав и законных интересов своих клиентов.

Теория уголовного процесса содержит конкретные признаки функции защиты, а Пленум Верховного Суда РФ раскрывает следующие формы осуществления функции защиты:

– пользоваться помощью защитника;

– защищаться лично, а также с помощью законного представителя методами и средствами, не запрещёнными законом;

– возражать против обвинения;

– заявлять ходатайства и отводы и т. д.

Как системные элементы уголовно-процессуальные функции находятся во взаимосвязи, которая связана с таким принципом уголовно-процессуальной

деятельности, как равноправная состязательность, в соответствии с которым указанные функции отделены друг от друга, но находятся в постоянном взаимодействии.

Такая связь существует как с подфункциями уголовного процесса (надзор и обвинение), так и с самими функциями между собой. Например, защита и обвинение для отстаивания своего собственного интереса находятся в противоборстве по уголовному делу, хотя преследуют одну цель – установление объективной истины по делу. До стадии судебного разбирательства, в которой функции и находятся в состоянии противоборства, наличествует лишь сбор доказательств по делу, в котором защита и обвинение не равны.

Функция правосудия обособлена, и связь можно наблюдать только в плане выбора судом позиции, которую представляет обвинение и защита. Также при поступлении материалов уголовного дела в суд судья оценивает возможность допущенных ошибок по отношению к сбору доказательств, в чём и прослеживается контрольное полномочие суда по разрешению дела.

Функция содействия правосудию носит вспомогательный характер и, хотя не закреплена законодателем, имеет непосредственную связь со всеми функциями уголовного процесса.

Также в уголовном судопроизводстве имеются определённые проблемы, как отмечают некоторые процессуалисты, по поводу реализации принципа состязательности в рамках особого производства, несмотря на то, что это и является исключением из правил.

---

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / 17-е изд., доп. М.: Русский язык, 1985. 800 с.
2. Исупова Е. А. Проблемы определения уголовно-процессуальных функций // Наука в XXI веке: современное состояние, проблемы и перспективы. 2019. С. 71–74.
3. Гришин А. В., Гришина М. В. Актуальные проблемы, связанные с осуществлением расследования преступлений, совершенных коммерческими (торговыми) представителями либо контрагентами в случае злоупотреблений правом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 3(68). С. 40–42.
4. Гришин А. В., Гришина М. В. Уголовно-процессуальная политика государства по противодействию преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: современные проблемы реализации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 3(76). С. 32–35.
5. Мазюк Р. В. О дуалистической природе уголовно-процессуальных функций // Сибирский юридический вестник. 2017. №. 4. С. 82–88.
6. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: изд-во Ленинград. университета, 1963. 172 с.
7. Михайлова Т. Н. Развитие концепции уголовно-процессуальных функций в отечественной доктрине уголовного процесса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. №. 1. С. 138–149.
8. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальные функции: Учеб. пособие; М-во образования Рос. Федерации. Удмурт. гос. ун-т. Ижевск: Детектив-информ, 2002. 240 с.
9. Мазюк Р. В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. №. 4(18). С. 76–84.

10. Латыпов В. С. Оказание содействия правосудию как гарант состязательности сторон в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2020. №. 3. С. 29–35.
11. Мамонтова Д. О. К вопросу о функции обвинения в российском уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 2. С. 91–94.
12. Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов / В. А. Лазарева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2022. 284 с.
13. Лагуткина Н. Б. Каморникова Е.С. Функция обвинения в современном российском уголовном процессе // Современные проблемы уголовного права и процесса: Сборник научных трудов 60-ой студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 25 апреля 2020 года / Под редакцией В. Е. Степенко. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2020. С. 79–86.
14. Буянтуев С. О. Понятие и содержание функции защиты в российском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 02 апреля 2021 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 60–66.
15. Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. 96 с.
16. Авдеева А. Д., Царебулев Я. Ю. К вопросу о реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве по уголовному делу // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №. 3-2 (42). С. 108–111.
17. Латыпов В. С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 786–796.
18. Быданцев Н. А., Якубина Ю. П. Дифференцированные формы уголовно-судебных производств как обеспечение реализации принципа справедливости в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 4(97). С. 119–127.
19. Липатникова А. А. Проблема реализации принципа состязательности в особом порядке судебного разбирательства // Проблемы науки. 2021. № 7(66). С. 47–48.

Информация об авторах

Андрей Владимирович Гришин. Профессор кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Сергей Анатольевич Денисов. Профессор кафедры уголовного права. Доктор юридических наук, профессор.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

Information about the authors

Andrey V. Grishin. Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Candidate of sciences (Law). Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Sergey A. Denisov. Professor of the Department of Criminal Law. Doctor of Law. Professor.
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia
198206, Russia, St. Petersburg, Letchik Pilyutov St., 1.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted April 1, 2024; approved after reviewing May 15, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДИСТАНЦИОННЫМ МОШЕННИЧЕСТВАМ В КИТАЕ

Дамирчиев Эмин Исахан оглы[1], Васюков Виталий Федорович[2]
[1]Московский государственный институт международных отношений МИД России (МГИМО), Москва, Россия
[2]Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, Москва, Россия; Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, России

[1]damirchiyev@mail.ru
[2]vvf0109@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье авторами на основе изучения специализированной литературы рассматриваются вопросы противодействия дистанционным мошенничествам, совершаемым на территории Китайской Народной Республики, определяются основные проблемы противодействия, приводятся меры, способствующие преодолению таких проблем. Кроме того, затрагивается опыт создания специализированных подразделений китайской полиции, которые занимаются раскрытием мошенничеств, совершаемых с использованием информационных и телекоммуникационных технологий.

***Ключевые слова*:** противодействие, мошенничество, информационные технологии, сеть Интернет, мессенджеры, Китай.

Для цитирования: Дамирчиев Э. И., Васюков В. Ф. Некоторые вопросы противодействия дистанционным мошенничествам в Китае // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 161–167.

SOME ISSUES IN COUNTERING REMOTE FRAUD IN THE CHINA

Emin I. Damirchiev[1], Vitaly F. Vasyukov[2]
[1]Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO), Moscow, Russia
[2]Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia; All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

[1]damirchiyev@mail.ru
[2]vvf0109@yandex.ru

Abstract. In this article, the authors, based on the study of specialized literature, consider the issues of countering remote fraud committed on the territory of the People's Republic of China, identify the main problems of countering, and provide measures to help overcome such problems. In addition, the experience of creating specialized units of the Chinese police, which are engaged in the disclosure of frauds committed using information and telecommunications technologies, is touched upon.

Keywords: counteraction, fraud, information technology, Internet, instant messengers, China.

For citation: Damirchiev E. I., Vasyukov V. F. Some issues in countering remote fraud in the China // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 161–167.

Растущее значение телекоммуникаций в современном обществе привело к тому, что пользователи мобильных устройств стали стремиться не просто быть на связи, а быть на связи в любое время и в любом месте. Ставши неотъемлемой частью жизни человека, мобильные устройства получили центральное место в механизме преступленных проявлений дистанционного характера, о чем свидетельствуют современные исследования правоведов [1, 2, 3, 4, 5].

Схемы обмана с использованием информационных технологий приобретают новые трансрегиональные формы сотрудничества между преступными формированиями, которые совершенствуют навыки внушения и манипулирования жертвами по всему миру.

Китайская Народная Республика (далее – КНР, Китай), имеющая самое большое количество пользователей мобильных устройств и сети Интернет в мире, а также крупнейший рынок электронной коммерции, столкнулась с серьезными проблемами в сфере противодействия телекоммуникационным и онлайн-мошенничествам (далее – дистанционное мошенничество). Несмотря на изменение общего количества уголовных дел, зарегистрированных органами общественной безопасности в период с 2017-го по 2021 год, наблюдается постоянный рост числа зарегистрированных случаев дистанционного мошенничества. По данным Министерства общественной безопасности КНР, в 2020 году в Китае было возбуждено в общей сложности 927 000 уголовных дел, при этом раскрыто всего 256 000 рассматриваемых преступлений[1]. В результате этих преступлений КНР был нанесен финансовый ущерб в размере 35,37 млрд китайских юаней [6]. В полицейской практике Китая дистанционные мошенничества разделяются на 48 видов, реализация которых происходит по различным сценариям. Наиболее распространенными являются мошенничества: 1) в сфере онлайн-продаж; 2) с использованием лжеситуаций с родственниками; 3) с подменой аккаунтов и дальнейшими просьбами о помощи [7].

Механизм кибермошенничества в КНР видоизменяется в условиях появления новых технологий и программных продуктов. Так, например, начиная с 2020 года большинство мошенничеств совершается с использованием приложений мгновенного обмена сообщениями – *WeChat* и *QQ*, которые установлены практически во всех мобильных устройствах граждан этой страны.

Мошенники используют различные способы обмана китайских граждан при совершении покупок в сети Интернет. Например, они могут выдавать себя за представителей службы поддержки интернет-магазина, утверждая, что у товара возникли проблемы с качеством, и просить жертву добавить их в *WeChat* или *QQ* для оформления возврата. Таким образом, они отвлекают жертву от официальной платформы и совершают мошеннические действия. Кроме того, злоумышленники могут выдавать себя за сотрудников службы поддержки конкретной платформы онлайн-покупок, указывая на то, что жертва по ошибке была зарегистрирована как владелец сайта-фальшивки; они просят отказаться от него, чтобы избежать

[1] Ministry of Public Security 2021. National public security organs in China cracked 256,000 cases of telecom and internet fraud. Available from [Электронный ресурс]. URL: https://app.mps.gov.cn/gdnps/pc/content.jsp?id=7633791&mtype= (дата обращения: 01.05.2024).

автоматического взимания платы. Подобная тактика основана на возможном побуждении чувства тревоги у жертв по случаю возможного списания денег со счета.

Другая распространенная ситуация: фигурант выдает себя за курьера или представителя службы поддержки клиентов курьерской компании. Жертве объясняется, что посылка утеряна или повреждена, а стоимость посылки следует компенсировать. В отдельных случаях злоумышленником указывается на то, что с посылкой возникли проблемы при проверке правоохранительными органами, а жертва подозревается в незаконной деятельности. После этого потерпевшему предлагается помощь в передаче дела «сотрудникам органов общественной безопасности» и сообщается о необходимости перевода денежных средств на «безопасный счет».

В Китае деятельность мошенников напрямую зависит от сферы торговли персональными данными. Например, отдельные группы мошенников покупают персональные данные тысяч абонентов и пользователей (за одного абонента оплачивается в среднем пять юаней). На продаже информации специализируются в том числе продавцы-консультанты в такой крупной корпорации, как *Alibaba*.

Сотрудники китайских правоохранительных органов столкнулись с большим количеством мошенничеств, связанных с романтическими отношениями. Как правило, злоумышленники создают в сети Интернет ложные личности, чтобы завязать с жертвой романтические отношения. При таких схемах часто используются платформы социальных сетей или приложения для обмена сообщениями (*WeChat, QQ*), чтобы найти потенциальных жертв романтических афер. После установления контакта с жертвой ей навязываются различные сайты с азартными играми и инвестиционными платформами, которые способствуют выманиванию денежных средств.

Для обозначения романтических афер в полицейской среде обычно используется термин *ShaZhuPan* (杀猪盘), что переводится как «афера с разделкой свиней». Термин применяется для описания безжалостного и расчетливого подхода мошенников, которые устанавливают на протяжении нескольких недель (месяцев) доверительные отношения с жертвой («откармливают свинью»), а затем в конечном итоге используют их в своих интересах. Мошенники часто выдают себя за богатых и успешных людей на популярных платформах социальных сетей или в приложениях для знакомств, таких как *Soul, Momo, Tantan* и т. п. Жертвами подобного обмана чаще всего становятся женщины в возрасте от сорока до пятидесяти лет.

Как правило, в течение десяти дней – двух недель мошенники пытаются установить доверительные отношения со своими жертвами. Завоевав доверие жертвы, мошенники обманом заставляют женщину вложить крупную сумму денег в якобы суперприбыльный проект. В одном из таких случаев у китайской женщины из бизнес-среды было похищено 2,6 млн юаней.

Мошенничество под названием «набор персонала» – еще один вид дистанционного мошенничества, часто встречающийся в китайской полицейской практике. Под таким мошенничеством подразумевается преступление, связанное с использованием рекрутинговых веб-сайтов, чатов в мессенджере *QQ*, в которых размещаются объявления о работе с частичной занятостью (например, для повышения продаж и доверия к магазинам на платформах электронной коммерции) и высоким доходом в качестве приманки. После успешного заманивания жертв подозреваемые используют различные предлоги (большая конкуренция, «последняя возможность» и т. д.) для того, чтобы соискатель несуществующей вакансии перевел денежные средства сотруднику рекрутинговой компании для бронирования позиции.

В разъяснениях Верховного народного суда КНР и Верховной народной прокуратуры КНР по некоторым вопросам, касающимся конкретного применения

закона при рассмотрении уголовных дел о мошенничестве, указаны руководящие принципы правоприменения в отношении преступлений, связанных с дистанционными мошенничествами: если сумма похищенных денег превышает 3000 юаней, деяние квалифицируется как преступление – в таких случаях правоохранительные органы провинций и уездов обязаны возбудить уголовное дело; если ущерб составил меньше указанной суммы, возбуждается административное производство.

После возбуждения уголовного дела на первом этапе уполномоченным сотрудником замораживаются банковские счета потерпевшего и останавливаются операции по ним. Далее проводится «отслеживание денежного следа», затем запрашиваются данные у операторов связи для установления абонента, который контактировал с потерпевшим. Кроме того, изучаются информационные ресурсы, где была размещена информация, послужившая приманкой для жертв.

Раскрытие дистанционных мошенничеств осложняется тем, что в подавляющем большинстве злоумышленники находятся на территории других государств и используют шлюзы *GOIP*, позволяющие соединять сети сотовой связи и интернет-телефонии. С помощью специальных устройств – SIM-боксов, организуется работа нескольких сотен сим-карт, благодаря которым устанавливается контакт мошенников с жертвами. При этом подельники фигурантов устанавливают оборудование на территории Китая, однако сами фигуранты пользуются таким оборудованием удаленно, находясь вне юрисдикции китайских правоохранительных органов.

Чаще всего мошеннические звонки поступают с территории Мьямны, где преступным синдикатом были созданы крупнейшие колл-центры («фермы»), работниками которых в том числе становятся похищенные и удерживаемые против воли китайские граждане. В связи с осложнившейся политической ситуацией с 2021 года северные и восточные районы Мьямны контролируются не правительством, а местными вооруженными силами самообороны, с которыми и были достигнуты договоренности о размещении колл-центров. Следует отметить, что в августе 2023 года была проведена международная операция по вызволению из рабства китайских граждан, находящихся на территории Мьянмы, в ходе которой домой было возвращено более 4 тысяч человек [9].

В своем исследовании Дж. Цюй и Х. Ченг указывают еще на одну проблему, с которой приходится сталкиваться китайскому правоприменителю – «недостаточный опыт сотрудников полиции раскрытия телекоммуникационного и кибер мошенничества». Подчеркивается и то, что правоохранительные органы до сих пор не имеют комплексных программ обучения для эффективного противодействия таким преступлениям [8].

В свою очередь, руководством КНР принимаются определенные меры по противодействию дистанционным мошенничествам. Так, в 2015 году в китайских территориальных подразделениях полиции были созданы специализированные отделы, занимающиеся раскрытием и расследованием мошенничеств в сфере телекоммуникаций. В состав таких отделов вошли полицейские из подразделений технических расследований, кибербезопасности, а также уголовного розыска, которые напрямую сотрудничают с банками, телекоммуникационными и технологическими компаниями.

При реализации общенациональных полицейских операций «Сломанная карта» («*断卡*») и «Великая стена 2» («*长城2号*») были отработаны методы генерирования оповещений о поступающих звонках из-за рубежа. При начале разговора «иностранного» абонента информационная система автоматически анализирует голоса говорящих лиц и определяет фразы противоправного характера. Вызову присваивается

оценка, и если она достигает определенного порога, система идентифицирует звонок как мошеннический и подает сигнал тревоги сотруднику полиции.

В сентябре 2022 года полиция Гонконга инициировала запуск приложения для мобильных устройств «*Scameter*». Цель приложения – помочь населению выявить мошенников в Интернете. При поступлении подозрительных звонков, сообщений любой пользователь приложения *Scameter* может проверить номер счета, номер телефона, адрес электронной почты для того, чтобы узнать, есть ли указанные данные в «черном списке». Информация в приложение *Scameter* поступает из полиции, банковских организаций, а также от компаний, занимающихся кибербезопасностью[1].

Также был значительно оптимизирован порядок обработки заявлений о дистанционных мошенничествах. Для этого в каждой провинции Китая был создан Центр по борьбе с мошенничеством, а подразделения таких центров были сформированы в каждом городе и уезде. Главной задачей центра стало создание своего рода единого портала, с помощью которого потерпевшие могут получать экстренную помощь после совершенных мошеннических действий. Между тем одной из функций центра стала профилактическая деятельность, направленная на повышение осведомленности населения о новых формах обмана, пропаганду методов противодействия гражданами таким преступлениям.

Таким образом, изучение китайской литературы свидетельствует о том, что проблемы противодействия дистанционным мошенничествам на протяжении нескольких лет стали решаться на общегосударственном уровне, при этом китайские власти подчеркивают важность популяризации среди населения различных методов проверки достоверности получаемой в Сети информации.

В завершение статьи представляется важным подчеркнуть, что в условиях, когда деятельность мошеннических колл-центров, находящихся на территории Украины, ежегодно приносит многомиллиардный ущерб десяткам миллионов российских граждан, изучение иностранного опыта противодействия рассматриваемой категории преступлений может сформировать базис для создания условий соразмерного отражения «телефонных атак», ставших угрозой безопасности национального масштаба.

1. Ермакова А. Л., Чаплыгина В. Н. Фишинг как распространенное киберпреступление современности // Закон и право. 2022. № 2. С. 149–151.
2. Морозова Н. В. Некоторые особенности расследования компьютерных преступлений // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ. В 2-х частях. Орел, 2022. С. 240–245.
3. Колычева А. Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 172–179.
4. Криминалистика (общие положения, техника.тактика): учебник для вузов / М. М. Горшков [и др.]; под редакцией А.А. Кузнецова, Я.М. Мазунина. М., 2022. 400 с.
5. Каширгов А. Х., Семенов Е. А. Некоторые вопросы противодействия преступлениям, совершенным с использованием IT-технологий // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9 (160). С. 309–310.

[1] Illicit Financial Flows from Cyber-enabled Fraud. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Methodsandtrends/illicit-financial-flows-cyber-enabled-fraud.html (дата обращения: 01.05.2024).

6. Han B. Individual Frauds in China: Exploring the Impact and Response to Telecommunication Network Fraud and Pig Butchering Scams. Ph.D. thesis. University of Portsmouth. 2023. URL.:https://researchportal.port.ac.uk/en/studentTheses/individual-frauds-in-china-exploring-the-impact-and-response-to-t (дата обращения 01.05.2024).
7. Xinhua Net. Judicial Big Data: Cyber Fraud Crime Remains a «Social Scourge». 2019. November 19. URL:http://www.xinhuanet.com/politics/2019-11/19/c_1125249902.htm (дата обращения 01.05.2024).
8. Qu, J., Cheng, H. Policing telecommunication and cyber fraud: Perceptions and experiences of law enforcement officers in China. Crime Law Soc Change 2024. URL: https://doi.org/10.1007/s10611-024-10143-z (дата обращения 01.05.2024).
9. Wang F. Victim-offender overlap: the identity transformations experienced by trafficked Chinese workers escaping from pig-butchering scam syndicate. Trends Organ Crim. 2024. URL.:https://doi.org/10.1007/s12117-024-09525-5 (дата обращения 01.05.2024).

1. Ermakova A. L., Chaply`gina V. N. Fishing kak rasprostranennoe kiberprestuplenie sovremennosti // Zakon i pravo. 2022. № 2. S. 149–151.
2. Morozova N. V. Nekotory`e osobennosti rassledovaniya komp`yuterny`x prestuplenij // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo - uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu prinyatiya UPK RSFSR 1922 g., 20-letiyu dejstviya UPK RF. V 2-x chastyax. Orel, 2022. S. 240–245.
3. Koly`cheva A. N. Perspektivy` vnedreniya iskusstvennogo intellekta v raskry`tie i rassledovanie prestuplenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 3 (92). S. 172–179.
4. Kriminalistika (obshhie polozheniya, texnika.taktika): uchebnik dlya vuzov / M. M. Gorshkov [i dr.]; pod redakciej A.A. Kuzneczova, Ya.M. Mazunina. M., 2022. 400 s.
5. Kashirgov A. X., Semenov E. A. Nekotory`e voprosy` protivodejstviya prestupleniyam, sovershenny`m s ispol`zovaniem IT-texnologij // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 9 (160). S. 309–310.
6. Han B. Individual Frauds in China: Exploring the Impact and Response to Telecommunication Network Fraud and Pig Butchering Scams. Ph.D. thesis. University of Portsmouth. 2023. URL.:https://researchportal.port.ac.uk/en/studentTheses/individual-frauds-in-china-exploring-the-impact-and-response-to-t (data obrashheniya 01.05.2024).
7. Xinhua Net. Judicial Big Data: Cyber Fraud Crime Remains a «Social Scourge». 2019. November 19. URL:http://www.xinhuanet.com/politics/2019-11/19/c_1125249902.htm (data obrashheniya 01.05.2024).
8. Qu, J., Cheng, H. Policing telecommunication and cyber fraud: Perceptions and experiences of law enforcement officers in China. Crime Law Soc Change 2024. URL: https://doi.org/10.1007/s10611-024-10143-z (data obrashheniya 01.05.2024).
9. Wang F. Victim-offender overlap: the identity transformations experienced by trafficked Chinese workers escaping from pig-butchering scam syndicate. Trends Organ Crim. 2024. URL.:https://doi.org/10.1007/s12117-024-09525-5 (data obrashheniya 01.05.2024).

Информация об авторах

Эмин Исахан оглы Дамирчиев. Преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Кандидат юридических наук, кандидат политических наук.

Московский государственный институт международных отношений МИД России (МГИМО).

119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

Виталий Федорович Васюков. Главный научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения Научного центра БДД МВД России. Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Доктор юридических наук, профессор.

Научный центр БДД МВД России.

121293, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поклонная, 17.

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

117638, Российская Федерация, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, кор. 1.

Information about the authors

Emin I. Damirchiev. Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology. Candidate of Legal Sciences, Candidate of Political Sciences.

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO).

76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Vitaly F. Vasyukov. Chief Researcher of the Department for Studying Problems of Regulatory Legal and Analytical Support of the Scientific Center for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology at the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Doctor of Law, Professor.

Research Center for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

17 Poklonnaya str., Moscow, 121293, Russian Federation.

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

2 Azovskaya str., bld 1, Moscow, 117638, Russian Federation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted April 22, 2024; approved after reviewing May 20, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.13

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Долгачева Оксана Игоревна[1], **Кудряшова Елена Семеновна**[2]
[1,2]Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

[1]oksana.dolgachewa@yandex.ru
[2] uvd95@yandex.ru

Аннотация. Цифровизация затронула многие сферы развития общественных отношений, включая судопроизводство, но в уголовном процессе распространения пока не получила. Авторы вступают в оживлённые дискуссии о применении искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Разработанные уголовно-процессуальные стандарты правоприменения, являясь определённым алгоритмом расследования преступлений в форме дознания и предварительного следствия, могут быть включены в систему правового регулирования предварительного расследования и дальнейшего судебного производства, в том числе с подключением ресурсов цифровой платформы. В наибольшей степени приспособлена к формализации и использованию искусственного интеллекта для определения оптимальной «траектории движения уголовного дела» модель дознания в сокращённой форме. Цифровая платформа государства должна стать основой формирования уголовно-процессуального стандарта правоприменения, который должен быть доступен каждому и должен соблюдаться участниками процесса.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, уголовно-процессуальный стандарт правоприменения, искусственный интеллект.

Для цитирования: Долгачева О. И., Кудряшова Е. С. О возможности применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 168–175.

ON THE POSSIBILITY OF APPLYING DIGITAL TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Oksana I. Dolgacheva[1], **Elena S. Kudryashova**[2]
[1,2]Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

[1]oksana.dolgachewa@yandex.ru
[2] uvd95@yandex.ru

Abstract. Digitalization has affected many spheres of development of social relations, including legal proceedings, but it has not yet spread in criminal proceedings. The authors enter into lively discussions on the application of artificial intelligence in criminal proceedings. The developed criminal procedural standards of law enforcement, being a certain algorithm for the investigation of crimes in the form of inquiry and preliminary investigation, can be included in the

system of legal regulation of preliminary investigation and further judicial proceedings, including with the connection of digital platform resources. The model of inquiry in a shortened form is the most adaptable to formalization and the use of artificial intelligence to determine the optimal "trajectory of the criminal case". The digital platform of the state should become the basis for the formation of a criminal procedural standard of law enforcement, which should be publicly available to everyone and observed by participants in the process.

Keywords: digitalization, digital technology, criminal procedural standard of law enforcement, artificial intelligence.

For citation: Dolgacheva O. I., Kudryashova E. S. On the possibility of application of digital technologies and artificial intelligence in criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 168–175.

То, что раньше нельзя было представить даже в общих чертах, в настоящее время выглядит как обычная реальность. Технологии молниеносно развиваются и модернизируются, также и окружающий нас мир совершенствуется. Уголовный процесс не стал исключением.

Сейчас невозможно представить, чтобы основные процессуальные документы – протоколы следственных и иных процессуальных действий, в частности протоколы допросов участников досудебного уголовного судопроизводства – были бы изготовлены не с помощью технических средств (на компьютере), а заполнены вручную. Но в конце 90-х – начале 2000-х годов всё было иначе. Обвинительные заключения и акты изготавливались на механических печатных машинках (в лучшем случае – электрических). Если возникала необходимость в значительном количестве копий итогового процессуального документа по уголовному делу по числу основных заинтересованных участников, то приходилось дважды печатать на машинке один и тот же текст, при этом никаких исправлений вносить было нельзя, в противном случае повторно нужно печатать новый лист.

Думается, что приведённый нами пример расследования одного уголовного дела будет показательным. В 2001 году в производстве следователя одного из районных следственных управлений находилось уголовное дело по обвинению главного бухгалтера ЖЭКа в совершении 83 эпизодов преступной деятельности, предусмотренных ст. 160 УК РФ. В следственном подразделении в наличии не имелось ни одного компьютера. В целях экономии временных затрат следователем в течение трёх дней был напечатан текст обвинительного заключения в 190 листов формата А-4 на компьютере, который находился только в подразделении БЭП. Представляется, что такой текст с описанием аналогичных деяний был бы изготовлен на пишущей машинке за время, значительно превышающее этот период.

Не будем многословно рассуждать о применении искусственного интеллекта в судопроизводстве – это уже неотвратимый процесс. Конечно, любые новейшие технологии имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Вескими доводами необходимости и важности применения искусственного интеллекта служат обоснования учёных и практиков о снижении нагрузки на должностных лиц органов предварительного расследования и суда, внутреннего контроля их деятельности, информационно-документальном, экспертно-аналитическом, организационном и ином обеспечении судопроизводства [1, с. 80]. Среди неблагоприятных факторов совершенно справедливо выделяют технологические риски сбоя программ и систем, взлом серверов, баз данных, то есть всё то, что представляет собой материальную основу для обеспечения работы искусственного интеллекта [2, с. 32].

В своих исследованиях современные учёные различных стран ссылаются на нормы Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях[1].

Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судопроизводстве неоднозначен. Например, во Франции при действующем законодательстве о цифровых трансформациях судебной системы не применяются программы по анализу судебных решений по уголовным делам. Кроме того, высказываются опасения, что судьи и адвокаты выступают в роли «приложений» к компьютерным платформам и алгоритмам. Аргентина использует цифровую программу для моделирования судебных решений по гражданским и административным делам. В Китае с 2019 года функционирует платформа «мобильного суда» с запущенными приложениями для подачи заявлений в электронном формате, мобильными электронными судебными процессами и микросудами, которая охватывает все этапы судебных процессов при первоначальном разрешении и рассмотрении дел.

В России технология искусственного интеллекта широкого распространения пока не получила. Но это, как мы понимаем, лишь вопрос времени. Утверждённая Указом Президента РФ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта[2], Концепция развития технологий машиночитаемого права[3] и другие разработанные нормативные акты уже являются уверенными шагами в пользу мира технологии искусственного интеллекта.

Несколько лет активно работает государственная автоматизированная система (ГАС) «Правосудие», позволяющая автоматически распределять дела, формировать дело в цифровом формате, принимать документы онлайн, направлять извещения. Также в России реализована возможность подачи через портал государственных услуг документов в электронном виде по гражданским и административным делам. В Москве и Санкт-Петербурге такая услуга возможна уже и через МФЦ. Вместе с тем остаётся нерешённым вопрос об аналогичной подаче процессуальных документов по уголовным делам и делам об административных правонарушениях.

Следующим важным шагом стала разработанная программа суперсервиса «Правосудие онлайн», включающая возможность дистанционного участия в судебных процессах через портал госуслуг. Этот суперсервис будет введён в действие с 2024 года. Электронные системы для судов общей юрисдикции, включая мировых судей, действуют только в нескольких регионах, но дальнейшая работа направлена на интеграцию всех судов. Участники судопроизводства смогут подключаться к судебным процессам дистанционно, необходимости их личного участия уже не будет[4].

Неоднозначный опыт применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве зарубежных стран предполагает взвешенный, обстоятельный подход к решению этих важнейших проблем в любом прогрессивном обществе.

---

[1]Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях [Электронный ресурс]. URL:https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4 (дата обращения: 29.01.2024).

[2] О развитии искусственного интеллекта в Рос. Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

[3]Концепция развития технологий машиночитаемого права [Электронный ресурс]. URL:https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402785971/?ysclid=lrylo8ydtg612169582/ (дата обращения: 28.01.2024).

[4]Суперсервис «Правосудие онлайн» заработает с 2024 года [Электронный ресурс]. URL:https://tass.ru/obschestvo/18933765?ysclid=lru69ey6rh433574030 (дата обращения: 28.01.2024).

А. С. Анисимова и М. П. Спиридонова рассуждают о том, что в уголовном судопроизводстве не могут применяться технологии искусственного интеллекта, объясняя свою позицию спецификой их рассмотрения. Продолжая развивать свои взгляды, приходят к закономерному выводу, что при вынесении приговора судьи делают выводы, не только исходя из буквы закона, но и руководствуясь своим внутренним убеждением. А нормы уголовного закона устанавливают определённые понятия оценочного характера, которые в каждом конкретном случае анализируются служителем Фемиды. Как внутреннее убеждение, как совесть, так и оценочные суждения не могут быть подвластны искусственному интеллекту [3, с. 162].

Этой же позиции придерживается и О. В. Мичурина, по мнению которой, оценка совокупности имеющихся доказательств по уголовному делу по внутреннему убеждению должностного лица не лишена недостатков именно по причине субъективизма индивида. Однако и искусственный интеллект достойной альтернативой не является в силу того, что разработан человеком, его сознанием. «Никакого универсального алгоритма, который был бы пригоден на все случаи доказывания, не существует». Останется внутреннее убеждение лица, производящего расследование или судебное рассмотрение уголовного дела ровно «столько, сколько предполагается существовать человеку как сознательному существу» [4, с. 68].

Рядом учёных делается вывод о невозможности их применения в судопроизводстве по уголовным делам в силу специфики их рассмотрения, а также по семейным делам и делам о компенсации морального вреда; а целесообразность использования обосновывается при рассмотрении дел в порядке приказного, особого производства, а также категорий дел об административных правонарушениях, допускающих автоматическое рассмотрение [3, с. 162].

К такому же выводу приходит и А. Ю. Афанасьев, который обосновывает невозможность применения искусственного интеллекта в современных условиях имеющимися проблемами в уголовно-процессуальной, уголовно-правовой, криминалистической сферах, отсутствием междисциплинарных разработок и рядом других. Тем не менее он считает, что в дальнейшем это может произойти при оптимизации всех процедур в уголовном процессе, включая системные усилия многочисленных учёных, практиков, но лишь после обращения к сферам, опережающим юриспруденцию [5, с. 574].

Е. В. Корчаго считает, что в суде при рассмотрении уголовного дела в особом порядке допустимо прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон при помощи устройства, наделённого искусственным интеллектом, при соблюдении двух условий: отсутствии изменений фактических обстоятельств, отказа в необходимости исследования собранных по делу доказательств [6, с. 182].

Согласимся с высказыванием О. В. Химичевой о том, что использование IT-технологий в уголовном процессе, несомненно, имеет ценность для дальнейшего развития на любых этапах судопроизводства, способно преломить недостатки, трудности и пробелы правового регулирования. Наука же, в свою очередь, должна обнаружить проблемы, осознать их и предоставить оптимальные способы их разрешения [7, с. 194].

Думается, что модернизация уголовного досудебного производства является неотвратимым, но длительным процессом. Разумеется, должна быть выстроена структурированная научная концепция, включающая в себя исторические корни, анализ опыта зарубежных стран, современное состояние развития общественных отношений, выявление проблем правоприменения, комплексное изучение смежных отраслей и платформ применения. В случае неполноты, непродуманности цифровая платформа не сможет эффективно функционировать без ущемления интересов

участников уголовного процесса, что, в свою очередь, неминуемо приведёт к затруднению доступа граждан к правосудию, появлению новых проблем, которые неизбежно нужно будет разрешать в кратчайшие сроки.

Е. П. Гришина, С. В. Тасаков считают, что дальнейшая модернизация уголовного судопроизводства, связанная с применением цифровых технологий, состоит в «повышении уровня технического оснащения следственных и судебных органов, а также во внесении необходимых дополнений в законодательство при уточнении их правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации» [8, с. 84].

По мнению С. В. Зуева, внешняя форма уголовного судопроизводства в недалёком будущем изменится вследствие применения информационных технологий. Причём в обязательном порядке должны будут учтены основные требования принципа процессуальной экономии, среди которых выделяют следующие: рациональность, простоту, быстроту, обоснованность и достаточность при внесении тех или иных изменений в процессуальную форму. Как и многие другие учёные и правоприменители, он считает, что цифровизация вне всякого сомнения позволит решить уже существующие проблемы, связанные с упрощением процедур, снижением бумажного документооборота, сокращением процессуальных сроков, увеличением электронного документооборота. Вместе с тем появятся новые проблемы. Современный уголовный процесс утратит привычную для нас форму. Однако сомнений об оправданности информационных технологий уже не возникает. Мы с наименьшими потерями сможем воплотить в уголовное судопроизводство искусственный интеллект при его законодательном регулировании и применении опыта других стран, учитывая национальные стратегии развития современного общества [9, с. 103].

В наших прежних исследованиях мы предложили разработанные стандарты, своего рода алгоритмы, которые можно было бы применить в досудебном производстве: «Стандарт качества доследственной проверки», проводимой органом дознания [10, с. 103], «Стандарт качества уголовного дела», расследованного в форме дознания [11, с. 46]. При этом обосновывали вывод о том, что аналогичные стандарты могут быть применимы не только для дознания, но и для сотрудников следственных подразделений. Уголовно-процессуальный стандарт качества дознания и предварительного следствия основан на нормах действующего законодательства и нормах ведомственных нормативных правовых актов в их общепринятом понимании.

Уголовно-процессуальные стандарты правоприменения, являясь определённым алгоритмом расследования преступлений в форме дознания и предварительного следствия, могут быть включены систему правового регулирования предварительного расследования и дальнейшего судебного производства, в том числе с подключением ресурсов цифровой платформы. Думается, что баланс между субъективными факторами, относящимися к внутреннему убеждению должностного лица органа предварительного расследования или судьи, с одной стороны, и результативностью и эффективностью уголовного процесса, с другой стороны, может быть достигнут по бесспорным уголовным делам об очевидных преступлениях небольшой или средней тяжести, в частности расследованным в сокращённой форме.

По нашему мнению, наиболее приспособлена к формализации и включению в цифровизацию модель уголовного дела, расследованного в сокращённой форме дознания. Оптимальная «траектория движения уголовного дела» раскрывается именно при таком производстве. Следует не забывать, что одной из ключевых задач органов предварительного расследования является быстрое и справедливое принятие окончательного решения по уголовному делу об очевидном преступлении небольшой или средней тяжести с освобождением от уголовной ответственности лица, его

совершившего (прежде всего, в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого, подозреваемого), а также возмещение вреда, причинённого преступлением [12, с. 156].

Местом для формирования уголовно-процессуальных стандартов производства дознания, предварительного следствия должна стать государственная цифровая платформа. Модернизация уголовного процесса будет происходить за счёт оптимизации отдельных процессов, ресурсов, потоков, новых технологий. Информационные системы должны действовать координированно между собой.

Одним из шагов в этом направлении станет внедрение электронного уголовного дела на основе применения уголовно-процессуальных стандартов с интеграцией в информационных системах. Переход на электронно-цифровой формат будет способствовать укреплению доверия граждан к деятельности правоохранительных органов.

---

1. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
2. Андреев В. К., Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. С. 19–34.
3. Анисимова А. С., Спиридонова М. П. К вопросу о возможностях использования технологий искусственного интеллекта в правосудии // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 39, № 3. С. 161–165.
4. Мичурина О. В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства. Вестник Московского университета МВД России. 2020 (3). С. 65–68.
5. Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе. Юридическая техника. 2021. № 15. С. 571–574.
6. Корчаго Е. В. Процедура примирения сторон в уголовном процессе: место и роль искусственного интеллекта // Вестник Московского университета МВД России. 2021 (3). С. 180–182.
7. Химичева О. В. Развитие уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровой трансформации // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Академия управления МВД России. Москва, 2023. С. 187–194.
8. Гришина Е. П., Тасаков С. В. Цифровые технологии в сфере правосудия по уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4(50). С. 77–85.
9. Зуев С. В. Информационные технологии и принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4 (31). С. 98–105.
10. Кудряшова Е. С. Стандарт качества доследственной проверки, осуществляемой органами дознания // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4(30). С. 99–104.
11. Кудряшова Е. С. Применим ли стандарт качества в досудебном уголовном судопроизводстве? // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 4(83). С. 45–49.
12. Кудряшова Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве России: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 184 с.

1. Laptev V.A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu // Pravo. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki. 2019. № 2. S. 79–102.
2. Andreev V.K., Laptev V.A., Chucha S.Yu. Iskusstvennyy intellekt v sisteme elektronnogo pravosudiya pri rassmotrenii korporativnykh sporov // Vestnik SPbGU. Pravo. 2020. T. 11. S. 19–34.
3. Anisimova A. S., Spiridonova M. P. K voprosu o vozmozhnostyakh ispol'zovaniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v pravosudii // Yuridicheskiy vestnik DGU. 2021. T. 39, № 3. S. 161–165.
4. Michurina O.V. Iskusstvennyy intellekt protiv vnutrennego ubezhdeniya: vzglyad v budushchee ugolovnogo sudoproizvodstva. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020 (3). S. 65–68.
5. Afanas'ev A.Yu. Iskusstvennyy intellekt v ugolovnom protsesse. Yuridicheskaya tekhnika. 2021. № 15. S. 571–574.
6. Korchago E.V. Protsedura primireniya storon v ugolovnom protsesse: mesto i rol' iskusstvennogo intellekta. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021 (3). S. 180–182.
7. Khimicheva O.V. Razvitie ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya v usloviyakh tsifrovoy transformatsii // Gosudarstvennaya nauchno-tekhnicheskaya politika v sfere kriminalisticheskogo obespecheniya pravookhranitel'noy deyatel'nosti. Sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Akademiya upravleniya MVD Rossii. Moskva, 2023. S. 187–194.
8. Grishina E.P., Tasakov S.V. Tsifrovye tekhnologii v sfere pravosudiya po ugo-lovnym delam // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. T. 13. № 4 (50). S. 77–85.
9. Zuev S. V. Informatsionnye tekhnologii i printsip protsessual'noy ekonomii v ugolovnom sudoproizvodstve // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2021. № 4 (31). S. 98–105.
10. Kudryashova E.S. Standart kachestva dosledstvennoy proverki, osushchestvlyaemoy organami doznaniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 4 (30). S. 99–104.
11. Kudryashova E.S. Primenim li standart kachestva v dosudebnom ugolovnom sudoproizvodstve? // Yurist"-Pravoved". 2017. № 4 (83). S. 45–49.
12. Kudryashova E.S. Obespechenie kachestva doznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: monografiya. M.: Yurlitinform, 2021. 184 s.

Информация об авторах

Оксана Игоревна Долгачева. Начальник кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Нижегородская академия МВД России.

603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

Елена Семеновна Кудряшова. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Нижегородская академия МВД России.

603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

Information about the authors

Oksana I. Dolgacheva. Head of the Department of Criminal Procedure. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3.

Elena S. Kudryashova. Deputy Head of the Department of Criminal Procedure. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted February 26, 2024; approved after reviewing April 15, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.431

СООТНОШЕНИЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА И ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ КАК ДВУХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Кардашевская Марина Владимировна[1], Тихомирова Ольга Геннадьевна[2]
[1]Московский университет МВД России, Москва, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]kardashewsky@yandex.ru
[2]olgapimakova@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ двух правовых институтов из разных отраслей права. Отмечается, что в настоящее время проблема суррогатного материнства является наиболее актуальной, так как носит коммерческий характер и наделена значительными законодательными пробелами, поэтому целесообразно определять грань между ней и торговлей людьми. Авторы пришли к выводу об отсутствии единого нормативно-правового акта, регулирующего данный вид деятельности, что способствует порождению преступности в целом. Кроме того данная деятельность относится к одному из способов использования вспомогательных репродуктивных технологий, вследствие чего доказать факт реальной торговли людьми является сложным процессом.

Ключевые слова: суррогатное материнство, торговля людьми, договор, эксплуатация, понуждение к вынашиванию, некоммерческая процедура, уголовное дело.

Для цитирования: Кардашевская М. В., Тихомирова О. Г. Соотношение суррогатного материнства и торговли людьми как двух правовых институтов разных отраслей права // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 176–184.

THE RELATIONSHIP BETWEEN SURROGACY AND HUMAN TRAFFICKING AS TWO LEGAL INSTITUTIONS OF DIFFERENT BRANCHES OF LAW

Marina Vl. Kardashevskaya[1], Olga G. Tikhomirova[2]
[1]Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
[2]Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia

[1]kardashewsky@yandex.ru
[2]olgapimakova@yandex.ru

Annotation. The article analyzes two legal institutions from different branches of law. It is noted that currently the problem of surrogacy is the most urgent, since it is commercial in nature and is endowed with significant legislative gaps, therefore it is advisable to define the line between it and human trafficking. The authors concluded that there is no single normative legal act regulating this type of activity, which contributes to the generation

of crime in general. In addition, this activity refers to one of the ways of using assisted reproductive technologies, as a result of which proving the fact of real human trafficking is a difficult process.

Keywords: surrogacy, human trafficking, contract, exploitation, coercion to bear, non-commercial procedure, criminal case.

For citation: Kardashevskaya M. V., Tikhomirova O. G. The correlation of surrogacy and human trafficking as two Legal Institutions of different Branches of Law // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 176–184.

Институт суррогатного материнства в настоящее время получил широкое распространение на территории Российской Федерации, но до сих пор не существует единого нормативного правового акта, который бы полностью регулировал данные правоотношения.

Первым нормативно-правовым актом, который регулирует данную программу, является Федеральный закон (далее - ФЗ) № 323-ФЗ от 21.11. 2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1]. Законодатель устанавливает, что пользоваться данной программой имеют право мужчины или женщины как состоящие в браке, так и не состоящие в браке, и давшие согласие на медицинское вмешательство, а также одинокая женщина, которая не способна самостоятельно выносить и родить ребенка, и также давшая согласие на медицинское вмешательство. Согласно ФЗ определено и понятие суррогатного материнства, под которым понимают вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью и биологическими родителями ребенка. При этом гестационный вид суррогатного материнства признается законным.

Гестационный вид суррогатного материнства – это вид, при котором суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки, иначе она будет выступать генетической матерью ребенка. Донорами являются биологические родители, а суррогатную мать еще называют «гестационным курьером», который согласился выносить для них ребенка.

Законом также установлены требования, которым должна соответствовать суррогатная мать:

– это должна быть женщина,
– возраст от 20 до 35 лет,
– имеющая соответствующее медицинское заключение о стоянии своего здоровья,
– наличие здорового ребенка,
– согласная на медицинское вмешательство,
– согласие мужа на соответствующую процедуру, если суррогатная мать состоит в барке.

Правовое регулирование суррогатного материнства также содержится в Семейном кодексе Российской Федерации[2]. В ч. 4 ст. 51 законодателем обозначено, что лица, состоящие в браке между собой и давшие в письменной форме согласие на процедуру суррогатного материнства, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия суррогатной матери.

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Фед. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Семейный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Фед. закон Рос. Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вопрос суррогатного материнства также затрагивается в ФЗ «Об актах гражданского состояния»[1]. В нем законодатель обозначает, что биологические родители могут быть записаны родителями ребенка, рожденного от суррогатной матери, только при наличии ее письменного согласия. Стоит отметить, что исполнение условий по договору в законодательстве не определено должным образом, в результате чего образуется ряд сложностей и вопросов, связанных с нормативной основой регулирования договора о суррогатном материнстве, содержания и его особенностей, а также место договора в системе гражданско-правовых договоров [1, с. 31].

Законодательно процедура суррогатного материнства в России была разрешена в 2012 году с момента начала действия Федерального закона РФ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»[2], но первая официальная процедура суррогатного материнства была произведена в 1995 году в г. Санкт-Петербурге.

Суррогатное материнство представляет собой программу, при которой биологические родители могут иметь своего ребенка даже при наличии заболеваний и противопоказаний к этому. Данная процедура может производиться как на возмездной, так и на безвозмездной основе. При этом в законодательстве, а также при заключении договора четко прописываются права и обязанности участников данной процедуры.

Несмотря на то, что суррогатное материнство позволяет иметь родных детей людям, которым это противопоказано, оно запрещено во многих странах Европы. Суррогатное материнство запрещено в Австрии, Франции, Италии, Польше, Португалии, Словении, Швеции, Норвегии, Эстонии, Литве, а также, в некоторых штатах США (Аризона, Мичиган, Нью-Джерси), в Канаде, в Китае. В Германии не только суррогатное материнство считается нарушением закона, но и донорство яйцеклеток [2, с. 52]. И это является странным, так как именно в этих государствах поддерживаются нетрадиционные семейные ценности. В некоторых странах суррогатное материнство допускается с оговорками. Например, в Великобритании, Испании, Дании и Нидерландах разрешено только некоммерческое суррогатное материнство, а в Венгрии суррогатной матерью может быть только родственница. Разрешено суррогатное материнство в России, Индии, Казахстане, Белоруссии, Украине, ЮАР и Грузии. В России суррогатное материнство стоит примерно от 600 тысяч рублей до 1, 5 миллионов. Закономерным в данном случае является тот факт, что суррогатное материнство разрешено в странах с низким уровнем доходов населения, поэтому многие согласны получать вознаграждение таким образом.

Учеными доказано, что ребенок имеет устойчивую связь с женщиной, которая его выносила и родила, а прерывание такой связи влечет огромный стресс для ребенка, поэтому во многих странах использование данной процедуры не допускается.

Категорически «против» суррогатного материнства выступает русская православная церковь. Представители церкви считают, что данная методика разрушает глубокую эмоциональную близость, которая устанавливается между матерью и ребенком еще в период беременности. Суррогатное материнство травмирует как саму женщину, вынашиваемую ребенка, так и младенца, у которого в будущем может развиваться кризис самосознания. Также церковь утверждает, что суррогатное материнство разрушает институт семьи, который сейчас, как никогда, нуждается в поддержке. Разрушение семьи происходит потому, что в союз мужчины и женщины вмешивается третье лицо, которое разрушает его «священность». Представители

[1] Об актах гражданского состояния [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 15 ноября 1997 г. № 143. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

церкви презирают суррогатную мать, так как считают, что она продает свое тело для получения удовольствия (под удовольствием понимается рождение ребенка биологическим родителям). Они уверены, что суррогатное материнство делает циничным рождение ребенка, а у матери, которая рожает детей на продажу, разрушаются ее естественные чувства. Существует еще одна позиция церкви, которая указывает на то, что суррогатное материнство представляет собой форму эксплуатации. В данном случае «богатые» эксплуатируют «бедных», так как договор является достаточно дорогостоящим.

Большинство ученых – правоведов в области семейного права утверждают, что женщины, которые вынашивают детей и потом их отдают с письменного согласия, «продают своих детей» [3, с. 249]. Несмотря на то, что институт суррогатного материнства является законным, и его условия прописаны в рассмотренных нами ранее нормативных правовых актах, существуют мнение, что данная методика является преступлением. Действия лиц можно квалифицировать как торговля людьми. Если посмотреть объективно, не углубляясь в подробности договора, по факту получается, что одна женщина является «курьером» для ребенка, рожает и продает его, а другая является «покупателем» и получает готового ребенка, не затрачивая сил и здоровья на его вынашивание и рождение. Поэтому необходимо разобраться, является ли суррогатное материнство торговлей людьми, ответственность за которое наступает по ст. 127 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[1]. Результативность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, направленных на торговлю людьми зависит от множества факторов, немалую роль среди которых играют технические, тактические и методические приемы, умелое сочетание которых позволяет изобличать виновных [4, с. 101].

В настоящее время охрана свободы личности все так же остается одной из основных задач государства, а ответственность за преступления в данной сфере предусмотрена как международным, так и внутригосударственным законодательством. К такому виду преступлений относится торговля людьми, ответственность за которую наступает по ст. 127.1 УК РФ.

Непосредственным объектом данного преступления является свобода конкретного человека. К купле-продаже человека по данной статье также приравниваются вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение, совершенные в целях эксплуатации человека. При этом преступление должно совершаться путем активных действий преступника. Состав преступления является формальным, то есть оно считается оконченным с момента выполнения хотя бы одного действия, предусмотренного статьей. Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, которое на момент совершения преступления достигло 16 лет. Субъективная сторона характеризуется в форме прямого умысла, то есть лицо осознавало общественную опасность торговли людьми, предвидело наступление общественно-опасных последствий и желало их наступления.

Так как в данном случае речь идет о купле-продаже и иных сделках в отношении человека, то главной целью преступника является получение прибыли – материального вознаграждения. Теперь необходимо охарактеризовать действия, приравниваемые к торговле людьми. Вербовка – это поиск и прием на работу лиц в целях их дальнейшей эксплуатации, в том числе и на территории иностранного государства. Она может быть осуществлена путем обмана или злоупотребления доверием. Перевозка – это перемещение человека любым видом транспорта для дальнейшей его эксплуатации.

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

Под передачей понимается предоставление потерпевшего другому лицу, а получение – это принятие потерпевшего от передающего лица в целях эксплуатации. Укрывательство – это сокрытие потерпевшего или предоставление ложной информации об его местонахождении органам государственной власти и его родственникам, совершенное в целях эксплуатации.

В Уголовном кодексе ранее существовала статья, предусматривающая ответственность за торговлю несовершеннолетними (ст. 152 УК РФ), но на данный момент она утратила силу. В ч. 2 ст. 127.1 УК РФ говорится об ответственности за совершение действий, предусмотренных в первой части, в отношении несовершеннолетнего. При этом преступник должен знать о возрасте потерпевшего или он должен быть для него очевидным [5, с. 254].

В составе данного преступления человек выступает предметом сделки, его сравнивают с вещью, то есть его конституционные права полностью игнорируются. Самое большое распространение торговля получила в странах «третьего мира», вследствие низкого дохода граждане вынуждены идти на нарушение международно-правовых норм. К таким странам относится Иран, Камбожда, Пакистан, где основной вид рабства – долговое, так же это Южный Судан, Маврития и Афганистан. Торговля людьми всегда совершается против воли потерпевшего, и чаще всего с применением психического или физического насилия для подавления воли. Применение насилия является основанием для наступления более строгого вида ответственности, поэтому если будет установлено наличие насилия, опасного или неопасного для жизни, ответственность наступит по п. «е» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. Пункт «е» охватывает все виды насилия, включая, физическую боль, причинение легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью и не требует дополнительной квалификации по статьям УК РФ[1].

Еще одним квалифицирующим признаком выступает торговля людьми в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного.

Торговля людьми, повлекшая по неосторожности смерть потерпевшего, является материальным составом преступления с двумя формами вины. Если торговля осуществляется с прямым умыслом, то отношение к наступившим последствиям в виде смерти потерпевшего у виновного проявляется в форме неосторожности. Торговля людьми, совершенная способом, опасным для жизни и здоровья многих людей предполагает применение таких средств, которые создают угрозу причинения смерти или вреда хотя бы еще двум лицам. Под торговлей, совершенной организованной группой, понимается ее совершение устойчивой группой, которая заранее объединилась для совершения одного или нескольких преступлений. В организованной группе должны существовать тесные социальные связи между ее членами, а также присутствовать многоэпизодный характер преступлений.

Часто торговля людьми совершается с целью последующего изъятия у потерпевшего органов и тканей, и это, несомненно, связано с ускоренным развитием науки и техники. Если ранее существовала только работорговля, то есть незаконное использование труда человека, то теперь, когда появились широкие возможности для трансплантации органов и тканей, торговля людьми, в большом количестве, совершается с этой целью [6, с. 243]. Если в Уголовном кодексе РФ торговля людьми может осуществляться с целью трансплантации органов и тканей, и ответственность наступит по п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, то по международному законодательству

[1] О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотрены отдельные составы преступлений, связанные с трансплантацией органов и тканей человека.

В настоящее время торговля людьми приобретает всю большую распространенность на международном рынке. По данным ОБСЕ около 4 миллионов человек ежегодно являются потерпевшими от данного преступления. Торговля людьми стоит на одном уровне с торговлей наркотиками и оружием, что говорит о высокой степени общественной опасности данного преступления, ведь посягательство совершается также и на общественную нравственность.

Для того, чтобы совершить данное преступление не требуется большого количества материальных затрат, но преступники получают огромную прибыль. В настоящий момент Россия считается одним из самых крупных поставщиков на рынке, а по прибыльности данная деятельность уступает только торговле оружию и наркотиками. География совершения преступления на территории РФ имеет свою особенность – каждое четвертое преступление совершается на территории Дальневосточного федерального округа. Удобное месторасположение способствует происхождению преступления и транзиту людей. Также прослеживается разница между количеством выявленных преступлений и количеством выявленных лиц, их совершивших. Не все уголовные дела, которые были возбуждены по ст. 127.1 УК РФ уходят в суд, а в суде не всегда может выноситься обвинительный приговор [7, с. 128].

Широкое распространение торговля людьми получила в сети Интернет. Существует специальный «теневой интернет» или Даркнет. В данной сети среди товаров можно обнаружить человека или человеческие органы или ткани. Сложность раскрытия данных преступлений состоит в том, что деятельность осуществляется анонимно и практически невозможно выявить преступника. Доступ в Даркнет не является закрытым, но его можно получить только при скачивании специального браузера.

Жертвами торговли чаще всего выступают женщины, они являются менее защищенными и не могут оказать должного сопротивления. В связи с ускоренным развитием науки и техники торговля людьми осуществляется с целью изъятия у потерпевшего органов и тканей. Речь идет о незаконном изъятии, когда оно осуществляется против воли человека.

Обращаясь к договору суррогатного материнства, который является примером гражданско-правового договора безвозмездного оказания услуг[1], мы видим, что в нем говорится о согласии биологических родителей на применение проведения вспомогательных репродуктивных методов и технологий, а также о выплате суррогатной матери вознаграждения в размере, указанном в договоре. В свою очередь, суррогатная мать соглашается на применение проведения вспомогательных репродуктивных технологий и методов и обязуется выносить и родить ребенка, признавая родителями будущего ребенка биологических родителей. Предметом договора выступает оказание услуг, поэтому с точки зрения законодательства все формальности соблюдены. В договоре не может быть прописан факт передачи ребенка, родители лишь признаются родителями ребенка с согласия суррогатной матери.

Следовательно, сделку по оказанию услуг суррогатного материнства нельзя считать преступной, так как в ст. 127.1 УК РФ дается разъяснение термина эксплуатации. Эксплуатация – это использование человека для занятия проституцией и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд и подневольное состояние. Хотя представители церкви приравнивают суррогатное материнство к проституции, данные

[1] Гражданский кодекс Рос. Федерации (часть первая): от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

услуги не подпадают под это определение. Также данный вид деятельности не охватывается понятием «труд», которое дает экономическая теория и уж, тем более, не является подневольным состоянием. Случаи, когда женщину понуждают к вынашиванию ребенка, на данный момент не оговорены в законе, но опасность этого явления очень высока. Как правило, подобные действия не сопряжены с насилием и рассматриваются как оперативное вмешательство с целью искусственного оплодотворения.

К суррогатному материнству относится внесение в организм женщины половой клетки донора и перенос эмбриона в организм биологической матери или женщины-донора. При этом, когда женщина согласилась перенести эмбрион в свой организм, она тоже является донором, но предоставляет не отдельные органы или ткани, а полностью свой организм, который защищает ребенка от внешнего воздействия и способствует его развитию. Понуждение к суррогатному материнству не является торговлей людьми, но также нарушает нормы законодательства.

Данная процедура должна осуществляться на добровольных началах, согласие должно быть выражено в письменной форме, которое также должно быть подписано главным врачом медицинской организации. При этом сохраняется тайна донора и пациента, медицинская организация должна иметь лицензию на проведение этой процедуры, а специалисты – соответствующий сертификат.

Предлагаем внесение поправок в Российское законодательство о суррогатном материнстве, а именно, предлагаем не запрещать данную процедуру, а сделать ее некоммерческой, как это сделано в других странах. Там коммерческое суррогатное материнство приравнивается к торговле людьми – эксплуатации тела человека.

В российском законодательстве, как нами было отмечено в начале, существует большое количество пробелов, касающихся данного вопроса.

Во-первых, отсутствует единый нормативный правовой акт, регулирующий данный вид деятельности, а это, в свою очередь, способствует деятельности преступников, которые ищут различные способы обойти закон.

Во вторых, коммерческое суррогатное материнство официально получило свое законодательное регулирование в 2012 году, но по внешнему виду оно очень схоже с преступлением – торговлей людьми. И в связи с тем, что данная деятельность относится к одному из способов использования вспомогательных репродуктивных технологий, доказать факт реальной торговли людьми является очень сложным. Речь идет о том, когда суррогатные матери рожают детей с целью их дальнейшей эксплуатации или незаконного использования их органов или тканей в донорских целях. Поэтому в Государственной Думе часто возникают предложения о запрете суррогатного материнства или об устранении коммерческого вида этой деятельности.

Таким образом, одной из серьезнейших проблем человечества сегодня можно назвать бесплодие [8, с. 43]. Именно поэтому институт суррогатного материнства относительно недавно нашел свое законодательное подкрепление, но, тем не менее, имеются существенные пробелы в его регулировании. Это связано с тем, что суррогатное материнство тесно граничит с некоторыми видами преступлений, поэтому необходимо грамотно составить договор оказания данной услуги, чтобы избежать в дальнейшем неблагоприятных последствий. По нормам Российского законодательства суррогатная мать всегда будет иметь приоритетное право на ребенка, чем его биологические родители. В некоторых государствах данная процедура не признается ни нормативно, ни общественно, в Российской Федерации суррогатное материнство разрешено законодательством, но в обществе до сих пор существуют противоречия.

1. Жиляева С. К. Законодательное регулирование суррогатного материнства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2019. № 2(79). С. 30–33
2. Дробот В. П. Уголовно-правовые аспекты суррогатного материнства // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 2. С.49–54.
3. Шмагина А. В. Правда и ложь о суррогатном материнстве Законодательное регулирование суррогатного материнства // Международный юридический институт. 2016. С. 248–253
4. Чаплыгина В. Н., Калюжный А. Н. Типичные ситуации предварительного тапа расследования преступлений, направленных на торговлю людьми, использование рабского труда, и алгоритмы их разрешения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. №1 (86). С. 100–108
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (под редакцией В.М. Лебедева). М.: «ЮРАЙТ», 2014. 254 с.
6. Бабич Д.Д. Проблемы правовой оценки торговли людьми в целях оказания донорских услуг // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2011. 243 с.
7. Магомедов Т. М-С, Зейналов М. М., Гаммаев В. М. Состояние, структура и динамика торговли людьми // Юридический вестник ДГУ. Т. 15. 2015. № 3. 128 с.
8. Лаврентьева Т. В. Особенности правового регулирования вспомогательных методов репродукции человека // НПЖ «Диалог». 2018. № 3(12). С. 43–45.

1. Zhilyaeva S. K. Zakonodatel`noe regulirovanie surrogatnogo materinstva // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2019. № 2(79). S. 30–33
2. Drobot V. P. Ugolovno-pravovy`e aspekty` surrogatnogo materinstva // Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2007. № 2. S.49–54.
3. Shmagina A. V. Pravda i lozh` o surrogatnom materinstve Zakonodatel`noe regulirovanie surrogatnogo materinstva // Mezhdunarodny`j yuridicheskij institut. 2016. S. 248–253
4. Chaply`gina V. N., Kalyuzhny`j A. N. Tipichny`e situacii predvaritel`nogo tapa rassledovaniya prestuplenij, napravlenny`x na torgovlyu lyud`mi, ispol`zovanie rabskogo truda, i algoritmy` ix razresheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2021. №1 (86). S. 100–108
5. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF (pod redakciej V.M. Lebedeva). M.: «YuRAJT», 2014. 254 s.
6. Babich D.D. Problemy` pravovoj ocenki torgovli lyud`mi v celyax okazaniya donorskix uslug // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii, 2011. 243 s.
7. Magomedov T. M-S, Zejnalov M. M., Gammaev V. M. Sostoyanie, struktura i dinamika torgovli lyud`mi // Yuridicheskij vestnik DGU. T. 15. 2015. № 3. 128 s.
8. Lavrent`eva T. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya vspomogatel`ny`x metodov reprodukcii cheloveka // NPZh «Dialog». 2018. № 3(12). S. 43–45.

Информация об авторах

Марина Владимировна Кардашевская. Профессор кафедры криминалистики, доктор юридических наук, профессор.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ольга Геннадьевна Тихомирова. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД. Кандидат юридических наук.
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the authors

Marina Vl. Kardashevskaya. Professor of the Department of Criminology. Doctor of Law, Professor.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina str., 12.

Olga G. Tikhomirova. Senior Lecturer of the Department of Criminology and Preliminary Investigation in the Department of Internal Affairs. Candidate of Legal Sciences.
Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.
302027, Russia, Orel, Ignatova str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted April 10, 2024; approved after reviewing May 15, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 340

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Конин Владимир Владимирович
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия

vkonin.kld@yandex.ru

Аннотация: Тема доказывания в уголовном судопроизводстве по праву занимает ведущее место, поскольку в основе уголовного судопроизводства лежит публичный интерес, поэтому вопросы наказания за совершённое преступление не могут быть произвольными, зависящими от чьей-то прихоти. Следовательно, наказание, назначаемое судом за совершённое преступление, может быть справедливым и соответствовать тяжести совершённого преступления только в том случае, если виновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности, доказана в полном объёме. В настоящее время идёт научная дискуссия о количестве элементов в структуре доказывания и предлагается ввести новый элемент – исследование доказательств.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, уголовно-процессуальное познание, элементы структуры доказывания, исследование доказательств.

Для цитирования: Конин В. В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы // Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 185–191.

RESEARCH OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: DISCUSSION ISSUES

Vladimir V. Konin
Northwestern branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg

vkonin.kld@yandex.ru

Abstract: The topic of evidence in criminal proceedings rightfully occupies a leading place, since the basis of criminal proceedings is public interest, accordingly, the issues of punishment for a crime committed cannot be arbitrary, depending on someone's whim. Accordingly, the punishment imposed by the court for the committed crime can be fair and correspond to the severity of the committed crime only if the guilt of the person being brought to criminal responsibility is fully proven. Currently, there is a scientific discussion about the number of elements in the structure of evidence, and it is proposed to introduce a new element – the study of evidence.

Key words: criminal procedural evidence, criminal procedural knowledge, elements of the structure of evidence, research of evidence.

For citation: Konin V.V. Research of evidence in criminal proceedings: controversial issues // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after. V. V. Lukyanova. 2024. № 2(99). P. 185–191.

Общепризнано, что вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве являются достаточно дискуссионными, о чём свидетельствуют всё новые и новые научные исследования в этой сфере. Как справедливо было отмечено: «Изучению теоретических основ доказывания всегда уделялось значительное внимание в трудах отечественных процессуалистов – это специфическая область уголовно-процессуальных знаний обладает особой притягательностью для исследователя, открывая перед ним неисчерпаемые возможности постижения природы доказательств и уяснения правовой сущности процесса познания обстоятельств совершённого преступления» [1, с. 22].

Традиционно принято, что процесс доказывания состоит из трёх элементов – собирания, доказательств, проверки доказательств и оценки доказательств [2, с. 151–160; 3, с. 355–367; 4, с. 111–113]. Этой же позиции придерживается и законодатель, установив в ст. 85 УПК РФ, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. Схожую позицию занял и белорусский законодатель, указав в ч. 1 ст. 102 УПК РБ, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела[1]. Несколько иной подход избрал законодатель Республики Казахстан, указав в ч. 1 ст. 121 УПК РК, что доказывание состоит в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела[2]. Таким образом, количество элементов, входящих в доказывание, увеличено, а термин «исследование доказательств» получил своё закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве.

Вместе с тем существовали и иные точки зрения на количество и виды элементов доказывания. Так, например, авторы фундаментального труда «Теория доказательств в советском уголовном процессе» определяли «…доказывание как осуществляемую в процессуальных формах деятельность органов расследования и суда, а также других наделенных по закону правами участников процесса по собиранию, закреплению, проверке и оценке фактических данных, необходимых для установления истины по уголовному делу и решения задач уголовного судопроизводства» [5, с. 298]. Как видно из данного определения, учёные, как и законодатель Республики Казахстан, выделяют четыре элемента в процессе доказывания, добавляя туда такой элемент, как закрепление доказательств. По мнению авторов, под закреплением доказательств следовало понимать составление протоколов, а также вынесение постановлений органом предварительного расследования (и определений судом) о приобщении к делу вещественных доказательств [5, с. 302].

Представляется, что термин «закрепление доказательств» является достаточно спорным, не в полной мере соответствует природе уголовного процесса, в связи с чем представляется более правильным термин «приобщение доказательств к материалам уголовного дела». Эта позиция поддерживается и другими авторами [6, с. 131–145].

[1] УПК Республики Беларусь. Режим доступа: https://belzakon.net
[2] УПК Республики Казахстан. Режим доступа: https://online.zakon.kz

В последнее время в российской уголовно-процессуальной науке возникают дискуссии относительно использования термина «исследование доказательств» [7, с. 19–23; 8, с. 24–27].

Стоит отметить, что термин «исследование доказательств» не нов, и ранее он достаточно активно рассматривался и обсуждался в уголовно-процессуальной науке. Так, например, этот термин встречается у М. С. Строговича, который исследование доказательств относит к числу способов проверки доказательств [9, с. 303]. В то же время несколько иную позицию занимает П. Ф. Пашкевич, который под исследованием доказательств понимает деятельность следователя и суда по изучению доказательств и их проверке с тем, чтобы дать им правильную оценку [10, с. 5]. Интерес вызывает позиция Р. С. Белкина, который под исследованием доказательств понимает «…познание следователем или судом их содержания, проверку достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказательства, установление согласуемости данного доказательства со всеми остальными доказательствами по делу» [11, с. 48].

Примерно схожую позицию занимают и другие авторы, рассматривая термин «исследование доказательств», понимая под ним «…установление достоверности сведений о фактах, которым придается значение доказательств, под этим понимается не только проверка их допустимости, но и установление их достоверности» [12, с. 29–32].

Анализируя вышеприведённые высказывания, следует отметить, что авторами исследование доказательств так или иначе относилось к той деятельности, которая является проверкой доказательств.

В то же время действующий УПК РФ, используя термин «исследование» в связке с термином «доказательство», всё-таки не даёт чёткого представления, что под этим следует понимать.

Так, например, п. 19 ст. 5 УПК РФ устанавливает, что под неотложными следственными действиями понимаются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Но в значительной степени термин «исследование доказательств» всё же относится к судебному разбирательству как на досудебной, так и на судебной стадиях [13, с. 22–26; 14, с. 133–138; 15, с. 112–117; 16, с. 58–70].

Так, например, ч. 2 ст. 125.1. УПК РФ устанавливает, что при рассмотрении жалобы на постановление о прекращении уголовного дела, вынесенного дознавателем, следователем, руководителем следственного органа или прокурором, судья проверяет законность и обоснованность данного решения, а также на основании доводов, изложенных в жалобе, законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, привлечения лица в качестве подозреваемого, обвиняемого и применения к нему мер процессуального принуждения путём исследования в судебном заседании имеющихся в уголовном деле доказательств, свидетельствующих о фактических обстоятельствах уголовного дела, по правилам, установленным для судебного следствия.

Часть 2 ст. 226.9. УПК РФ определяет, что приговор постановляется на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении.

Часть 5 ст. 235 УПК РФ говорит о том, что если суд принял решение об исключении доказательства, то данное доказательство теряет юридическую силу и не может быть положено в основу приговора или иного судебного решения, а также исследоваться и использоваться в ходе судебного разбирательства. Примерно такие же условия содержатся и в ч. 4 ст. 236 УПК РФ. Об исследовании доказательств судом либо

сторонами в судебном заседании говорят ч. 1 и 3 ст. 240, ст. 244, ч. 5 ст. 246, ч. 1 ст. 248, п. 12 ч. 3 ст. 259, ч. 1 и 2 ст. 274, ч. 1 ст. 291, 294, ч. 4 ст. 302, ч. 5 ст. 316, ч. 5 ст. 321, п. 1 ч. 1 ст. 333, ч. 2, 3 и 7 ст. 335, ч. 3 ст. 336, ч. 3 и 5 ст. 340 и другие статьи УПК РФ, регламентирующие деятельность суда и сторон в апелляционной стадии.

УПК Республики Беларусь также относит термин «исследование доказательств» в основном к стадии судебного разбирательства. Так, например, ч. 1 ст. 286 УПК РБ говорит, что «в судебном разбирательстве все доказательства, предъявленные сторонами обвинения и защиты, подлежат непосредственному исследованию». Статья 292 УПК Республики Беларусь закрепляет равные права сторон, в том числе на представление доказательств и участие в их исследовании.

Часть 1 ст. 331 УПК Республики Казахстан устанавливает, что в судебном разбирательстве все доказательства по делу подлежат непосредственному исследованию. Часть 3 этой же статьи говорит, что приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании, а при сокращённом порядке судебного следствия – и на доказательствах, полученных при производстве следствия и дознания и не оспоренных в суде сторонами.

Таким образом, исследование доказательств было введено в уголовный процесс как самостоятельный элемент процесса доказывания, но при этом не вошло в процесс доказывания в научном плане.

При этом, согласно логике законодателя, деятельность по исследованию доказательств, относится всё же к стадии судебного разбирательства. Соответственно, субъектами исследования доказательств являются суд (в том числе и присяжные заседатели), сторона обвинения, сторона защиты (которая, несмотря на предоставленное право собирать и представлять доказательства, тем не менее традиционно субъектом доказывания не является).

Суд и государственный обвинитель являются полноправными субъектами доказывания в уголовном процессе (несмотря на имеющиеся сомнения в отношении прокурора как субъекта доказывания [17, с. 81–85]), следовательно, можно говорить о том, что законодатель в трёхзвенной системе доказывания предусмотрел и четвёртый элемент – исследование доказательств – и субъектами этой деятельности в процессе доказывания выступают не только участники судебного разбирательства.

Так, например, руководитель следственного органа в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ вправе изымать уголовное дело у следователя и передать его для дальнейшего расследования другому следователю.

Как назвать действия следователя, принявшего к своему производству уголовное дело, находившееся ранее у другого следователя? Доказательства по делу уже собраны, проверены, приобщены к материалам уголовного дела, им дана оценка. Должен ли следователь заново проводить проверку и оценку собранных по делу доказательств? Представляется, что не должен. Но вместе с тем не подлежит сомнению, что следователь, приняв уголовное дело к своему производству, обязан его изучить, т. е. исследовать все материалы дела, в том числе собранные в процессе расследования и приобщённые к делу доказательства. И если в процессе исследования имеющихся по уголовному делу доказательств возникнут сомнения, то только в этом случае он должен провести проверку на предмет относимости, допустимости, достоверности и дать им оценку на предмет достаточности для выдвижения и обоснования обвинительного тезиса. Таким образом, исследование доказательств будет являться видом познавательной деятельности, которая позволит следователю сэкономить время, одновременно с этим, приступая к расследованию, выдвинуть версии, подлежащие проверке, и определить дальнейший ход расследования с целью полного раскрытия преступления без необоснованных проволочек [18, с. 132–136].

Как справедливо было отмечено, «…непризнание исследования доказательств самостоятельным структурным элементом доказывания является наследием советского уголовного процесса, который был ориентирован на приоритет досудебного производства и фактически делал из судей этих самых «оформителей». По крайней мере ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР не учитывала возможностей судебного исследования доказательств» [8, с. 24–27].

Таким образом, представляется, что настало время для обсуждения и пересмотра традиционной классической формулы доказывания, состоящей из трёх элементов, и включения в неё четвёртого элемента – исследования доказательств. При этом исследование доказательств должно относиться не только к доказыванию на судебных стадиях, но и к доказыванию на досудебных стадиях.

1. Зайцева Е. А., Садовский А. И. В развитие учения С.А. Шейфера о формировании доказательств // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С. 22–28
2. Советский уголовный процесс : учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / ред.: Л. М. Карнеева, П. А. Лупинская, И. В. Тыричев. М.: Юридическая литература, 1980. 568 с.
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 1072 с.
4. Уголовный процесс: авторский курс (учебное пособие) / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. М.: Эксмо, 2022. 368 с.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жодин. М., Юридическая литература. 1966 г. В двух томах. Том 1. 584 с.
6. Россинский С. Б. Приобщение доказательств к уголовному делу: технический прием или полноценный юридический механизм реализации юрисдикционных полномочий? // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 131–145.
7. Жусипбекова А. М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 19-23
8. Россинский С. Б. Собирание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 24–27.
9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.1 М.: Издательство «Наука», 1968. 470 с.
10. Пашкевич П. Ф. Объективность судебного исследования уголовного дела // Советская юстиция. 1961. № 10. 171 с.
11. Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Наука, 1966. 295 с.
12. Сердюков А. В., Колотова Ю. А. К вопросу о достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 1. С. 29–32.
13. Сидоренко Е. В. Исследование доказательств, способных вызвать предубеждение присяжных заседателей // Криминалистъ. 2019 (3). № 3. С. 22–26
14. Соколовская Н. В. Исследование судом доказательств по УПК РФ // В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности. Под редакцией М.К. Свиридова. Томск, 2006. С. 133–138.
15. Свиридов М. К. Исследование доказательств в стадии подготовки к судебному разбирательству // В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности. Под редакцией М.К. Свиридова. Томск, 2006. С. 112–117.

16. Кудрявцева А. В. Исследование доказательств в суде апелляционной инстанции в свете теории следственных (судебных) действий познавательного характера // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 57–70.
17. Конин В. В., Корсаков К. А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 81–85
18. Конин А. В., Конин В. В. К вопросу о выдвижении следственных версий // В сборнике: Криминалистика - наука без границ: традиции и новации. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Составители: А. В. Бачиева, Э. В. Лантух, О. С. Лейнова. 2020. С. 132–136.

1. Zajceva E. A., Sadovskij A. I. V razvitie ucheniya S.A. Shejfera o formirovanii dokazatel`stv // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 11/2. S. 22–28
2. Sovetskij ugolovny`j process : ucheb. dlya vuzov po specz. «Pravovedenie» / red.: L. M. Karneeva, P. A. Lupinskaya, I. V. Ty`richev. M.: Yuridicheskaya literatura, 1980. 568 s.
3. Ugolovno-processual`noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / otv. red. P. A. Lupinskaya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2009. 1072 s.
4. Ugolovny`j process: avtorskij kurs (uchebnoe posobie) / A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskij. M.: E`ksmo, 2022. 368 s.
5. Teoriya dokazatel`stv v sovetskom ugolovnom processe / otv. red. N.V. Zhodin. M., Yuridicheskaya literatura. 1966 g. V dvux tomax. Tom 1. 584 s.
6. Rossinskij S. B. Priobshhenie dokazatel`stv k ugolovnomu delu: texnicheskij priem ili polnocenny`j yuridicheskij mexanizm realizacii yurisdikcionny`x polnomochij? // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 2. S. 131–145.
7. Zhusipbekova A. M. Issledovanie dokazatel`stv kak e`lement dokazy`vaniya po ugolovnomu delu // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3. S. 19-23
8. Rossinskij S. B. Sobiranie, formirovanie i issledovanie dokazatel`stv v ugolovnom sudoproizvodstve: problemy` razgranicheniya // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 5. S. 24–27.
9. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. T.1 M.: Izdatel`stvo «Nauka», 1968. 470 s.
10. Pashkevich P. F. Ob``ektivnost` sudebnogo issledovaniya ugolovnogo dela // Sovetskaya yusticiya. 1961. № 10. 171 s.
11. Belkin R. S. Sobiranie, issledovanie i ocenka dokazatel`stv. Sushhnost` i metody`. M.: Nauka, 1966. 295 s.
12. Serdyukov A. V., Kolotova Yu. A. K voprosu o dostovernosti dokazatel`stv v ugolovnom sudoproizvodstve // Rossijskij sledovatel`. 2022. № 1. S. 29–32.
13. Sidorenko E. V. Issledovanie dokazatel`stv, sposobny`x vy`zvat` predubezhdenie prisyazhny`x zasedatelej // Kriminalist``. 2019 (3). № 3. S. 22–26
14. Sokolovskaya N. V. Issledovanie sudom dokazatel`stv po UPK RF // V sbornike: Pravovy`e problemy` ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti. Pod redakciej M.K. Sviridova. Tomsk, 2006. S. 133–138.
15. Sviridov M. K. Issledovanie dokazatel`stv v stadii podgotovki k sudebnomu razbiratel`stvu // V sbornike: Pravovy`e problemy` ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti. Pod redakciej M.K. Sviridova. Tomsk, 2006. S. 112–117.
16. Kudryavceva A. V. Issledovanie dokazatel`stv v sude apellyacionnoj instancii v svete teorii sledstvenny`x (sudebny`x) dejstvij poznavatel`nogo xaraktera // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2015. № 2. S. 57–70.

17. Konin V. V., Korsakov K. A. Dokazy`vanie i sub``ekty` dokazy`vaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: pereocenka slozhivshixsya vzglyadov // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2020. T. 6. № 2. S. 81–85
18. Konin A. V., Konin V. V. K voprosu o vy`dvizhenii sledstvenny`x versij // V sbornike: Kriminalistika - nauka bez granicz: tradicii i novacii. Materialy` vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sostaviteli: A. V. Bachieva, E`. V. Lantux, O. S. Lejnova. 2020. S. 132–136.

Информация об авторе

Владимир Владимирович Конин. Доцент кафедры уголовно-процессуального права. Кандидат юридических наук, доцент.

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия.

197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5.

Information about the author

Vladimir V. Konin. Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

The Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice».

197046, Russia, St. Petersburg, Alexandrovsky Park, 5.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted November 23, 2023; approved after reviewing April 5, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343

НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Курилова Елена Николаевна[1], Архипцев Иван Николаевич[2]
[1,2]Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

[1]alcut_91@mail.ru
[2]ArhiptsevIN@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится исторический анализ сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних, которые осуществлены специальным субъектом – родителями, родственниками или иными лицами, на которых возложены обязанности по воспитанию данной категории лиц, обосновывается необходимость совершенствования законодательства и практики его применения. В частности, мотивируется необходимость дополнения ст. 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации квалифицирующим признаком, аналогично закрепленному законодателем в п. «п» ч. 1 ст. 63 указанного кодекса. Кроме того, авторы предлагают внести изменения в ст. 135 Уголовного кодекса Российской Федерации и предусмотреть квалифицирующие признаки – совершение такого деяния «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)» и «с целью совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренных статьями 131, 132, 133, 134 настоящего Кодекса».

Ключевые слова: преступление, несовершеннолетние, сексуальные посягательства, родители, проблемы квалификации, совершенствование законодательства.

Для цитирования: Курилова Е. Н., Архипцев И. Н. Насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних: проблемы квалификации и совершенствования законодательства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 192–200.

SEXUAL VIOLENCE AGAINST MINORS: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND IMPROVEMENT OF LEGISLATION

Elena N. Kurilova[1], Ivan N. Arkhiptsev[2]
[1,2]Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

[1]alcut_91@mail.ru
[2]ArhiptsevIN@yandex.ru

Abstract. The article provides a historical analysis of sexual assaults against minors, which were carried out by a special subject – parents, relatives or other persons entrusted with the duties of educating this category of persons, justifies the need to improve legislation and practice of its application. In particular, it is motivated by the need to supplement Articles 131

and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation with a qualifying feature, similarly fixed by the legislator in paragraph "p" of part 1 of Article 63 of the specified Code. In addition, the authors propose to amend Article 135 of the Criminal Code of the Russian Federation and provide qualifying signs – the commission of such an act "using information and telecommunications networks (including the Internet)" and "with the purpose of committing crimes against the sexual integrity of minors provided for in Articles 131, 132, 133, 134 of this Code".

Keywords: crime, minors, sexual assaults, parents, qualification problems, improvement of legislation.

For citation: Kurilova E. N., Arkhiptsev I. N. Sexual violence against minors: problems of qualification and improvement of legislation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 192–200.

В настоящее время сексуальные посягательства, осуществляемые в отношении несовершеннолетних, справедливо вызывают в обществе широкий резонанс. Они представляют угрозу нормальному половому развитию данных лиц, наносят зачастую непоправимый вред их физическому и психическому здоровью, а где-то и нравственному воспитанию. Особенно вызывает тревогу, когда такие деяния совершаются родителями, родственниками или иными лицами, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних. История отечественного законодательства в сфере регулирования преступных посягательств на половую неприкосновенность рассматриваемой категории лиц уходит своими корнями в глубокую древность. В течение нескольких веков церковь занималась контролем за отношениями между полами и внутри семьи. Именно она решала, какие деяния, совершённые внутри семьи, признавались преступными. Также церковь имела право выносить вердикты в отношении виновного лица за совершённые преступления и применять к нему санкции.

Церковный Устав князя Ярослава, датирующийся XII веком, содержал нормы, согласно которым запрещалось сожительство приёмного родителя с падчерицей, усыновлённого – с мачехой, отца – с дочерью. В данных положениях нет указаний на возраст объектов инцеста, однако есть основания полагать, что половая неприкосновенность несовершеннолетних всё же находилась под защитой [1, с. 266].

Право Древней Руси различало преступления сексуального характера, среди которых:

1) половые связи до заключения брака;

2) изнасилование;

3) инцест между родственниками [1, с. 266].

Однако не было отдельных положений, которые бы регламентировали защиту несовершеннолетних от сексуальных посягательств, что является вполне логичным явлением для того времени. В средние века на Руси девочек отдавали замуж с 12 и до 18-19 лет. Уложение 1845 года было первым законодательным актом, в котором было указание на «добровольность» вступления в интимные отношения. Между тем вовлечение в сексуальные отношения малолетних в возрасте 13-14 лет не допускалось. Такие действия считались насильственными, даже если они совершались по взаимному согласию [2, с. 34].

Уложение 1845 года в более поздней редакции стало понимать под растлением также действия, которые не связаны с половым актом, но направлены на половую неприкосновенность малолетней девушки. Относительно этого Н. С. Таганцев пишет, что такие действия необходимо было классифицировать как причинение увечий, но не

как растление [2, с. 35]. Н. А. Неклюдов полагает, что их следовало относить к покушению на растление [2, с. 35].

Сексуальное совращение малолетних Уложением 1845 года подразделялось на следующие составы:

1. Установленный ст. 993 состав относительно сексуальных действий в отношении малолетних с использованием внушения или обольщения. Субъектами преступлений являлись лица, которые несут ответственность за несовершеннолетних или малолетних (родственники, смотрители тюрем или больниц для душевнобольных), либо опекуны или слуги их семьи. Санкцией за осуществление данных преступных действий являлось пожизненное лишение таких лиц права осуществлять надзор за детьми. Безусловно, это был законодательный прорыв в отношении охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних.

2. Установленное ст. 1588 умышленное развращение несовершеннолетних и малолетних и склонение их к развратным действиям. Субъектами таких преступных деяний выступали родители [2, с. 35].

В 1903 году было принято новое Уголовное уложение, которое усовершенствовало институт защиты несовершеннолетних и малолетних. В частности, гл. 27 «О непотребстве» содержала в себе несколько составов преступных деяний в отношении половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних, а также устанавливалась ответственность за их совершение [3, с. 171]. Так, И. Я. Фойницкий полагал, что тем самым законодатель пытался положить конец преступлениям, связанным с сексуальным растлением детей, так как считал такие преступные деяния в значительной мере опасными и недопустимыми, поскольку в результате их совершения наносится вред физическому и психическому здоровью указанной категории лиц [3, с. 172]. Так, Уголовное уложение 1903 года в ст. 518 и 519 предусматривало ответственность за инцест с родственниками. В частности, кровосмешение с нисходящим родственником наказывалось заключением в исправительном доме, а нисходящий родственник, не достигший четырнадцатилетнего возраста, освобождался от наказания[1].

В свою очередь, дальнейшее развитие законодательства об ответственности за преступные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних получили в советское время. Например, в Уголовном кодексе (далее – УК) РСФСР 1922 года содержалась ст. 168, предусматривающая ответственность за развращение малолетних или несовершеннолетних. Часть 1 ст. 171 запрещала сводничество и содержание притонов, а ч. 2 этой же статьи – склонение несовершеннолетних к проституции[2].

Необходимо отметить, что советское законодательство не выделяло в качестве особых субъектов преступлений в отношении несовершеннолетних их родителей, опекунов или родственников. В 1926 году был принят УК РСФСР[3]. Данный нормативный правовой акт хоть и не внёс существенные изменения в сферу уголовного законодательства, но затронул изменения в составе сексуальных преступлений относительно рассматриваемой категории лиц. Так, объектом данных преступных деяний стало считаться здоровое половое развитие несовершеннолетних.

---

[1] Уголовное уложение 1903 года [Электронный ресурс]. URL: https://library6.com/books/553030.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

[2] О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Статья 151 УК РСФСР 1926 года запрещала интимную близость с несовершеннолетними, совершенную с растлением или в извращённом виде. Статья 152 запрещала действия развратного характера в отношении указанной категории лиц.

УК РСФСР 1960 года[1], как и 1926 года, не включал в себя разделы, касающиеся половых преступлений в отношении несовершеннолетних. В данных кодексах содержались положения, запрещающие интимную близость с лицом, не достигшим половой зрелости. УК РСФСР 1960 года в ст. 119 предусматривал санкцию за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, в виде лишения свободы до трёх лет. Лишение свободы до шести лет за подобное преступное деяние предусматривалось при наличии отягчающего признака в виде интимной близости в извращённой форме.

Следует отметить, что главным признаком по ст. 119 УК РСФСР являлось именно недостижение потерпевшим лицом половой зрелости, причем данная формулировка в свое время обоснованно вызывала критику в юридической литературе и у сотрудников практических органов в связи с проблемами установления этого признака и его оценочным характером [4, с. 25-27].

В настоящее время сексуальные посягательства на несовершеннолетнего ребёнка или подростка – это серьёзные преступления против личности, ответственность за которые предусмотрена квалифицирующими признаками ст. 131 и 132 УК РФ 1996 года.

Далее, в своей статье мы хотим более подробно остановиться на анализе ст. 131 УК РФ «Изнасилование» и ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера», где потерпевшими выступают несовершеннолетние и малолетние, а также судебно-следственной практике в данном направлении.

Вначале обратимся к судебно-следственной практике, которая иллюстрирует примеры растления несовершеннолетнего родственником и лицом, которому доверено его воспитание.

Так, в неустановленное следствием время, но не позднее марта-апреля 2023 года, у С., находящегося в неустановленном следствием месте на территории с. <…> Белгородского района Белгородской области, из сексуальных побуждений возник преступный умысел, направленный на совершение иных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних лиц, а именно Д., 24 января 2013 года рождения, и А., 31 марта 2012 года рождения, заведомо для него не достигших четырнадцатилетнего возраста. Реализуя свой преступный умысел, в один из дней марта-апреля 2023 года, около 23 часов (более точные дата и время в ходе следствия не установлены), С., находясь совместно со своей малолетней внучкой Д., 24 января 2013 года рождения, в комнате дома по месту своего проживания по адресу <…>, понимая, что потерпевшая в силу своего малолетнего возраста не осознает сущность происходящего в сопоставлении с общепринятой системой ценностей и норм, их социальных последствий для себя и окружающих, будучи не способна понимать и полностью оценить морально-нравственное значение и социальную неприемлемость сексуальных действий, а также осмыслить и оценить последствия данных событий для ее чести и достоинства, в связи с чем не имеет возможности оказывать сопротивление, действуя умышленно, для удовлетворения своих сексуальных потребностей, лег на матрас рядом с Д. и без применения насилия взял своей рукой руку последней и приложил ее кисть руки вокруг своего полового члена. Тем самым С. удовлетворил возникшую у него половую страсть к потерпевшей, совершив в отношении Д. иные

[1]Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Далее, С. в продолжение реализации своего преступного умысла, направленного на совершение иных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних лиц, 24.06.2023, в период с 14 по 17 часов (более точное время в ходе следствия не установлено), находясь с ранее знакомой малолетней А., 31.03.2012 года рождения, на скамье, расположенной на придворовой территории домовладения по месту своего проживания по адресу <…>, понимая, что потерпевшая в силу своего малолетнего возраста не осознает сущность происходящего в сопоставлении с общепринятой системой ценностей и норм, их социальных последствий для себя и окружающих, будучи не способна понимать и полностью оценить морально-нравственное значение и социальную неприемлемость сексуальных действий, а также осмыслить и оценить последствия данных событий для ее чести и достоинства, в связи с чем не имеет возможности оказывать сопротивление, действуя умышленно, для удовлетворения своих сексуальных потребностей, стал гладить своей рукой ногу А. в области бедра и спину малолетней, а также стал прикасаться кистью своей руки к половым органам в промежности А., после чего без применения насилия взял своей рукой руку А., которую приложил в области своих половых органов, и предложил последней посмотреть и подержать его половой член. Тем самым С. удовлетворил возникшую у него половую страсть к потерпевшей, совершив в отношении А. иные действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Своими умышленными преступными действиями С. причинил потерпевшим Д. и А. моральные и нравственные страдания, кроме того, оказал негативное воздействие на их психическое и физическое здоровье, чем подверг риску возникновения отклонений в нравственном и психофизиологическом развитии малолетних потерпевших. Преступные действия С. нарушили охраняемые законом принципы половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также установленный в обществе уклад половых отношений и основные принципы половой и общественной нравственности. Действия С. были квалифицированы по п. «б» ч. 5 ст. 132 УК РФ – иные действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевших, совершенные в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, совершенные в отношении двух несовершеннолетних[1]. И это, к сожалению, не единичный случай, произошедший за последнее время в России. По сообщениям средств массовой информации, в ближайшее время суд начнёт рассматривать уголовное дело в отношении 64-летнего жителя одного из районов Забайкалья, который обвиняется в изнасиловании 12-летней падчерицы. Мужчине грозит до 20 лет заключения. По версии следствия, в сентябре 2023 года пьяный обвиняемый остался дома с 12-летней падчерицей. Он ударил девочку и изнасиловал её. Потерпевшая рассказала о преступлении родственникам, которые сообщили в полицию. Вскоре злоумышленник был задержан[2].

Как мы видим из приведенных выше примеров, действия виновных, связанные с растлением малолетних со стороны родителей и лиц, их заменяющих, остались без должной правовой оценки (по признаку совершения преступления родственником) со стороны правоохранительных органов.

[1] Материалы уголовного дела предоставлены СУ УМВД России по Белгородской области.

[2] Забайкальца будут судить за изнасилование 12-летней падчерицы [Электронный ресурс]. URL: https://zabrab75.ru/news/proisshestviya/zabajkalcza-budut-sudit-za-iznasilovanie-12-letnej-padchericzy-18/ (дата обращения: 18.02.2024).

Подводя итог изложенному, предлагаем следующие изменения в уголовное законодательство и практику его применения:

1. Федеральным законом РФ от 06.03.2022 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1] были внесены изменения в УК РФ, в частности п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ был дополнен следующими положениями: слова «законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно» заменить словами «возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего (несовершеннолетней), либо лицом, проживающим совместно с несовершеннолетним (несовершеннолетней), либо», после слов «надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней)» дополнить словами «либо иным лицом, осуществляющим трудовую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних»[2].

Вместе с тем полагаем, что указанного отягчающего признака для целей предупреждения и справедливого наказания лиц, совершивших преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, явно недостаточно.

В связи с этим предлагаем включить аналогичный указанному в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ квалифицирующий признак в ст. 131 и 132 УК РФ. Необходимость предложенных изменений в уголовный закон подтверждается исследованным нами историческим аспектом данного вопроса, а также приведенной выше судебно-следственной практикой. Ранее в юридической литературе учеными выдвигались подобные предложения о введении уголовной ответственности за инцест в отношении своих (приемных) детей. В частности, Н. М. Паршин предлагал «в целях борьбы с этим негативным явлением в современном обществе и с целью предупреждения использования несовершеннолетних для удовлетворения сексуальных потребностей взрослых, обязанных по закону или по родству воспитывать и заботиться о них… включить в гл. 18 УК РФ … самостоятельный состав, предусматривающий уголовную ответственность за такого рода действия» [5, с. 102–105]. В целом, такой же позиции придерживаются М. В. Гусарова [6, с. 96] и С. А. Обухова [7, с. 126–127].

2. В последние годы в анализируемой сфере на практике получили распространение деяния, где виновный осуществляет предварительную преступную деятельность в виде развратных действий в отношении несовершеннолетних (малолетних), в последующем преследуя цель непосредственного контакта для совершения с последним насильственных действий, направленных против его половой свободы и половой неприкосновенности. Такие действия требовали должного правового регулирования. Следует отметить, что уголовные законодательства отдельных зарубежных государств в настоящее время уже предусматривают ответственность за подобного рода действия. Так, в Великобритании в 2015 году был принят закон, закрепляющий в ст. 15 ответственность за сексуальные домогательства

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ.-праовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних). [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7 (дата обращения: 18.02.2024).

в отношении несовершеннолетних в сети Интернет с целью совершения в последующем сексуальных контактов с ними[1]. В свою очередь, в уголовных законодательствах, например, таких стран, как Польша (ст. 200а УК Польши[2]), Аргентина (ст. 131 УК Аргентины[3]) и Канада (ст. 172.1 УК Канады[4]), криминализировано склонение несовершеннолетнего к сексуальному насилию в информационных сетях без обязательного контакта с ним, как это сформулировано в законодательстве Великобритании. Поэтому предлагаем внести соответствующие изменения в ст. 135 УК РФ и предусмотреть в указанной статье квалифицирующие признаки – совершение такого деяния «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)» и «с целью совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренных ст. ст. 131, 132, 133, 134 настоящего Кодекса». Это обосновывается, прежде всего, повышенной общественной опасностью подобных деяний и необходимостью эффективной защиты половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних от преступных посягательств.

3. И наконец, еще одним очень важным компонентом является своевременная профилактика анализируемых деяний против несовершеннолетних, в том числе совершаемых дистанционно. В настоящее время, кроме специализированных правоохранительных органов, например управления «К» в системе МВД России, к такой работе широко привлекаются общественные организации, так называемые «кибердружины». Так, в нашей стране действует горячая линия «Сдай педофила». Кроме того, в данном направлении ведется активная работа и в нашем вузе, а именно с 2023 года в Белгородском юридическом институте МВД России имени И. Д. Путилина действует своя кибердружина, результаты деятельности которой были переданы в компетентные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении подозреваемых. Такие кибердружины действуют сейчас еще в восьми вузах МВД России. Полагаем распространить опыт деятельности таких кибердружин не только на ведомственные, но и на остальные высшие учебные заведения страны, где ведется подготовка специалистов юридического профиля.

В заключение отметим, что эффективная работа всех государственных и негосударственных органов по предупреждению сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних, совершаемых рассмотренными специальными субъектами, будет не только способствовать раскрытию таких деяний и изобличению виновных, но и защищать в первую очередь интересы ребенка [8, с. 202-207], а также своевременно выявлять причины подверженности несовершеннолетних физическому и психическому насилию в семье [9, с. 132–136].

---

1. Ходырева А.В. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: исторический и правовой аспект // Молодой ученый. 2020. № 43 (333). С. 265–267.

---

[1] SeriousCrimeAct 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/collections/serious-crime-bill (дата обращения: 18.02.2024).

[2] Уголовный кодекс Польши от 6 июня 1997 года [Электронный ресурс]. URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu19970880553 (дата обращения: 18.02.2024).

[3] Уголовный кодекс Аргентины 1921 года [Электронный ресурс]. URL: http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/15000-19999/16546/texact.htm#17 (дата обращения: 18.02.2024).

[4] Уголовный кодекс Канады 1985 года [Электронный ресурс]. URL: https://laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/page-40.html#docCont (дата обращения: 18.02.2024).

2. Маслак С. Н. История становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник КРУ МВД России. 2010. № 4. С. 33–41.
3. Кондрашова Т. В. Развитие взглядов российского законодателя на регулирование и охрану половых отношений. К 100-летию Уголовного Уложения 1903 г. // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2003. Вып. 1(6). С. 166–174.
4. Кибальник А. О новеллах в системе сексуальных преступлений // Уголовное право. 2012. № 6. С. 25–27.
5. Паршин Н. М. Проблемы уголовной ответственности за инцест: история и современность // Общество и право. 2013. № 2(44). С. 102–106.
6. Гусарова М. В. Несовершеннолетние как особый объект преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 93–97.
7. Обухова С. А. Уголовно-правовая характеристика насильственных половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 119–128.
8. Зейналбдыева А. В., Бобенко В. И. Проблемные вопросы защиты прав ребенка в Российской Федерации // Современный ученый. 2023. № 1. С. 202–207.
9. Недоступенко Т. А. Причины подверженности несовершеннолетних физическому и психологическому насилию в семье и меры профилактики // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 1. С. 132–136.

1. Xody`reva A.V. Prestupleniya protiv polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnix: istoricheskij i pravovoj aspekt // Molodoj ucheny`j. 2020. № 43 (333). S. 265–267.
2. Maslak S. N. Istoriya stanovleniya i razvitiya otechestvennogo ugolovnogo zakonodatel`stva ob otvetstvennosti za prestupleniya protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody` lichnosti // Vestnik KRU MVD Rossii. 2010. № 4. S. 33–41.
3. Kondrashova T. V. Razvitie vzglyadov rossijskogo zakonodatelya na regulirovanie i oxranu polovy`x otnoshenij. K 100-letiyu Ugolovnogo Ulozheniya 1903 g. // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2003. Vy`p. 1(6). S. 166–174.
4. Kibal`nik A. O novellax v sisteme seksual`ny`x prestuplenij // Ugolovnoe pravo. 2012. № 6. S. 25–27.
5. Parshin N. M. Problemy` ugolovnoj otvetstvennosti za incest: istoriya i sovremennost` // Obshhestvo i pravo. 2013. № 2(44). S. 102–106.
6. Gusarova M. V. Nesovershennoletnie kak osoby`j ob``ekt prestuplenij protiv polovoj svobody` i polovoj neprikosnovennosti lichnosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. T. 7, № 3. S. 93–97.
7. Obuxova S. A. Ugolovno-pravovaya xarakteristika nasil`stvenny`x polovy`x prestuplenij, sovershaemy`x v otnoshenii nesovershennoletnix // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 1 (94). S. 119–128.
8. Zejnalbdy`eva A. V., Bobenko V. I. Problemny`e voprosy` zashhity` prav rebenka v Rossijskoj Federacii // Sovremenny`j ucheny`j. 2023. № 1. S. 202–207.
9. Nedostupenko T. A. Prichiny` podverzhennosti nesovershennoletnix fizicheskomu i psixologicheskomu nasiliyu v sem`e i mery` profilaktiki // Social`no-politicheskie nauki. 2020. T. 10. № 1. S. 132–136.

Информация об авторах

Елена Николаевна Курилова. Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин. Кандидат юридических наук.
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308000, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Иван Николаевич Архипцев. Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Кандидат юридических наук, доцент.
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308000, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the authors

Elena N. Kurilova. Senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines. PhD in Law.
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
308000, Russia, Belgorod, Gorkogo str., 71.

Ivan N. Arkhiptsev. Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. PhD in Law, Associate Professor.
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
308000, Russia, Belgorod, Gorkogo str., 71.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted February 27, 2024; approved after reviewing April 5, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ И ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О КРАЖАХ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ИХ ХРАНЕНИИ И ТРАНСПОРТИРОВКЕ

Милюс Александр Иозосович
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

revers1985@mail.ru

Аннотация. Качественное проведение предварительной проверки сообщения о преступлении представляет собой фундаментальную основу для дальнейшего законного и обоснованного расследования. С целью минимизации процессуальных ошибок в настоящей статье рассмотрены особенности предварительной проверки по преступлениям о кражах нефти и нефтепродуктов; даны рекомендации по проведению конкретной работы следователя на каждом из её этапов, архитектоника которых предложена в статье; выдвинуты предложения по сокращению временного периода осуществления данной проверки.

Ключевые слова: расследование, предварительная проверка, срок проверки, сообщение о преступлении, нефть, нефтепродукты, кража, возбуждение уголовного дела.

Для цитирования: Милюс А. И. Особенности рассмотрения сообщений и возбуждения уголовных дел о кражах нефти и нефтепродуктов, совершаемых при их хранении и транспортировке // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 201–208.

PECULIARITIES OF CONSIDERATION OF REPORTS AND INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON THEFTS OF OILAND OIL PRODUCTS, COMMITTED DURING THEIR STORAGE AND TRANSPORTATION

Alrxandr I. Milyus
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

revers1985@mail.ru

Abstract. A high-quality preliminary investigation of a crime report is a fundamental basis for further legal and reasonable investigation. In order to minimize procedural errors, this article examines the features of a preliminary inspection for crimes of theft of oil and petroleum products, and also offers recommendations for carrying out specific work of the investigator at each stage of its implementation, the architectonics of which are proposed in the article, and puts forward proposals for minimizing the time period for the implementation of this checks

Key words: investigation, preliminary inspection, inspection period, crime report, oil, oil products, theft, initiation of a criminal case.

For citation: Milyus A. I. Peculiarities of consideration of reports and initiation of criminal proceedings on thefts of oil and oil products, committed during their storage and transportation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 201–208.

Расследование любого преступления представляет собой трудоёмкий и кропотливый процесс, который характеризуется вовлечённостью значительных сил и средств. При этом субъект расследования на основе конкретно складывающейся следственной ситуации должен выстраивать линию тактического поведения с целью установления обстоятельств совершённого преступления при минимальных затратах своих ресурсов. Прежде чем проводить расследование, необходимо проверить сообщение о преступлении, что представляет собой основу для последующего решения о возбуждении уголовного дела. Значение возбуждения уголовного дела проявляется для уголовно-процессуального права и криминалистики, которые находятся в тесном взаимном влиянии друг на друга [1, с. 130].

Уголовный процесс рассматривает возбуждение уголовного дела как отправную точку расследования, являющееся начальной стадией уголовно-процессуальной деятельности, которая предусматривает проведение государственными органами соответствующей работы по установлению наличия или отсутствия оснований для производства по новому уголовному делу [2, с. 134]. С точки зрения криминалистики, возбуждение уголовного дела заключается в практических рекомендациях, разработка которых должна содержать в себе частную криминалистическую методику.

Для принятия решения о возбуждении уголовного дела следователь и орган дознания осуществляют трудоёмкую работу, которая проявляется в проверке сообщения о совершённом или готовящемся преступлении. Нередко на практике также применяются и такие понятия, как предварительная проверка, доследственная проверка и другие, что никак не влияет на суть, но представляет разностороннюю направленность.

Обращаясь к вопросу возбуждения уголовного дела о кражах углеводородов, важно понимать значимость законности и обоснованности принимаемого решения. В противном случае все последующие следственные действия могут быть признаны незаконными. Поэтому следует согласиться с мнением Ю. А. Ляхова о том, что «стадия возбуждения уголовного дела – это определённого рода процессуальный фильтр, не позволяющий осуществлять предварительное расследование при отсутствии для этого оснований» [3, с. 97]. Потребность в стадии возбуждения уголовного дела может вызывать ряд трудностей в её реализации с точки зрения выполнения требований УПК РФ со значительной затратой времени в то время, когда существует острая необходимость в немедленном сборе доказательств. Именно по этой причине мнение профессора Б. Я. Гаврилова о необходимости реформирования института возбуждения уголовного дела и исключении процессуальных норм о возбуждении уголовного дела [4, с. 177] заслуживает внимания, но отсутствие изменений в законодательстве до настоящего времени негативным образом сказывается на качестве расследования. Различие процессуального инструментария на стадии возбуждения уголовного дела и при производстве последующего расследования в значительной степень может затруднить установление обстоятельств преступления при проведении предварительной проверки.

В нормах действующего УПК РФ понятие предварительной проверки не приводится, однако в соответствии со ст. 144 УПК РФ следователь обязан принять и проверить сообщение о любом совершённом или готовящемся преступлении и в пределах компетенции вынести по нему решение. При этом круг полномочий

следователя при проведении проверки в значительной степени менее функционален, чем после возбуждения уголовного дела, а исходя из специфики рассматриваемых преступлений, целесообразно расширить круг его полномочий. В соответствии со ст. 74 УПК РФ перечень доказательств конкретно определён, в то время как лишь их малая часть может быть получена при проведении предварительной проверки, а упущенное время напрямую влияет на возможность получения и фиксации доказательств. Именно поэтому предварительная проверка характеризуется ограниченной деятельностью, которая может быть расширена путём изменения соответствующих норм законодательства. Кроме того, в рамках предварительной проверки собираются материалы, свидетельствующие о наличии состава преступления [5, с. 13].

Осуществляя свою профессиональную деятельность на стадии проверки сообщения о кражах нефти и нефтепродуктов, как и при расследовании любого иного преступления, следователь находится в условиях дефицита и недостаточности [6, с. 80] информационных данных о преступлении, поэтому осуществляет активную поисково-познавательную работу по получению недостающей информации по обстоятельствам совершённого преступления. Насыщенность мероприятий напрямую влияет на сроки проведения проверки. Нами было проанализировано 155 уголовных дел рассматриваемого вида, в результате чего установлено, что лишь в 32 % изученных дел срок проверки не превышал 3 суток, в 53 % дел этот срок составлял 3–10 суток, и по 15 % дел срок проведения проверки варьировался от 10 до 30 суток. Так, наблюдается недостаточность организации работы правоохранительных органов, направленной на должное реагирование по сообщению о преступлении, и, как следствие, низкий уровень эффективности работы. Поэтому важно соблюдать разумные сроки и принятие справедливого, законного и обоснованного решения в установленные сроки [7, с. 141].

Для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела в рамках предварительной проверки, проводимой в порядке ст. 144–145 УПК РФ, одной из первостепенных задач является установление характера и размера причинённого ущерба (вреда), в том числе исследование признаков объекта преступления для установления фактических обстоятельств совершённого преступления. Установление предмета преступления и его объёма в обязательном порядке должно предшествовать возбуждению уголовного дела. При этом даже в, казалось бы, простых случаях наименование является одним из обстоятельств, подлежащих установлению. Своевременное и незамедлительное исследование предмета хищения может быть достигнуто путём его проведения в лабораториях предприятия топливно-энергетического комплекса (далее ТЭК), обладающих соответствующим оборудованием. Оперативность такого исследования особенно актуальна при задержании преступника.

Необоснованное растягивание сроков проверки, а также некачественное её проведение свойственно тем сотрудникам органа дознания, которые в силу своих невысоких деловых качеств и нежелания вникнуть в особенности рассматриваемого сообщения не стремятся к установлению истины и значимых обстоятельств, тем самым исключая возможность получения информационной архитектоники произошедшего события и, соответственно, несвоевременно принимают решения по материалу проверки. Подобные отрицательные примеры наблюдались в 23 % изученных дел, по которым со времени получения последнего документа и до момента передачи в следственный отдел период составлял 3–7 суток, что крайне негативно сказывается на дальнейшей эффективности расследования. Поэтому между органом дознания и субъектом расследования должно быть организовано качественное взаимодействие [8, с. 787].

Предварительной проверке свойственен низкий уровень информативности, поэтому целесообразно её проведение поэтапно для получения полной картины произошедшего. Нами предлагается алгоритм проведения проверки, включающий следующие этапы:

– получение информации о совершённом преступлении и её анализ;

– осуществление планирования работы по сообщению;

– проведение работы, направленной на установление обстоятельств произошедшего события;

– изучение и анализ информационных данных, полученных в ходе работы по сообщению;

– принятие решения по материалам проверки на основе полученных информационных данных.

Главным образом сведения о признаках преступления на стадии проверки представляют собой полученную и накопленную информацию о произошедшем событии, а также понимание значимости данной информации для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Этап 1. Получение информации о совершённом преступлении и её анализ.

Как свидетельствует правоприменительная практика по рассматриваемым преступлениям, наиболее частыми поводами к возбуждению уголовных дел выступают заявления от предприятий, что объясняется прямой взаимосвязью между потерпевшим и причинённым ущербом, который требуется погасить, что может быть обеспечено при установлении подозреваемого лица. Нередко к заявлению может быть приложен ряд документов, таких как письменные пояснения представителей службы безопасности и работников, обнаруживших НСВ; схематическое расположение НСВ; результаты работы по устранению НСВ; правоустанавливающие документы предприятия ТЭК; фотоматериалы; справка об ущербе и т. д.

Нередко поводом к возбуждению уголовного дела по рассматриваемым преступлениям выступает рапорт об обнаружении признаков преступления, который выносится после проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ). Благодаря проведению ОРМ могут быть выявлены значимые сведения о преступлении. Использование методов, средств и приёмов, разработанных криминалистикой, ОРМ характеризуются высокой степенью эффективности и основываются на знании «закономерностей преступного поведения лиц, представляющих оперативный интерес» [9, с. 332].

Очередным поводом к возбуждению уголовного дела о кражах углеводородов является явка с повинной, которая исходит от преступника и выражается в определённой (специфической) форме его позитивного посткриминального поведения. Однако ни одно из изученных дел не было возбуждено по данному поводу. Как правило, это связано с тем, что рассматриваемые преступления относятся к категории тяжких, что, в свою очередь, в занчительной степени сказывается на окончательном наказании, поэтому, хотя явки с повинной и содержатся в материалах дела или проверок, но составляются они уже после выявления факта преступного посягательства и уже не могут являться явкой с повинной по своей природе.

Сроки проведения проверочных мероприятий напрямую влияют на качество всей проверки, именно поэтому следует учитывать фактор времени при работе по подтверждению или опровержению факта преступления. Именно планирование данной работы позволяет достичь указанных целей.

Этап 2. Осуществление планирования работы по сообщению.

Несмотря на объективные и последовательные данные, предоставляемые заявителем, они в любом случае подлежат проверке, а при подтверждении –

дополнению и уточнению. Важно учитывать динамику складывающейся ситуации, проводить проверку версий, выстраивать тактику работы – очередность и объём проводимой работы, учитывать возможные изменения следственной ситуации, что достигается путём последовательного проведения намеченных мероприятий, что и представляет собой планирование, которое предусматривает «отображение вопросов, подлежащих установлению» [10, с. 81].

Обстоятельства совершённого преступления подлежат обязательному установлению независимо от сроков проведения проверки. Наличие достаточных информационных данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления, позволяет принять законное и обоснованное решение. При реализации планирования проверки важным аспектом является анализ типичной ситуации на основе имеющейся информации о произошедшем событии. Наиболее распространена ситуация, когда при обнаружении НСВ данные о преступнике неизвестны. В подобных случаях важным направлением является работа со следами, а также мероприятия, направленные на проверку причастности работников предприятия ТЭК, организация и проведение поисковых мероприятий, построение взаимодействия со специалистами различных направлений, что позволит получить общее представление о произошедшем, а также выявить следы, позволяющие в кратчайшие сроки раскрыть преступление.

Этап 3. Проведение работы, направленной на установление обстоятельств произошедшего события.

Проведение процессуальных, следственных и оперативно-разыскных действий позволяет достигнуть цели установления имеющих значение обстоятельств. Высокоинформативным и значимым будет выступать опрос лиц, обладающих информацией относительно совершённого или готовящегося преступления. К таким лицам следует отнести сотрудников службы безопасности предприятия ТЭК; работников, которые осуществляют обход объекта ТЭК; представителя предприятия ТЭК; специалиста предприятия ТЭК; иных лиц.

Установление механизма следообразования представляет собой важный аспект при проведении проверки, в том числе в совокупности с идеальными следами, которые находятся в тесной взаимосвязи с обнаруженными материальными объектами, и, дополняя друг друга, образуют общую совокупную картину произошедшего.

Проведение опроса неразрывным образом связано с наличием у следователя определённых знаний в области ТЭК. В случае если следователь не обладает достаточными познаниями в соответствующей области ТЭК, получение и качественный анализ концептуально значимой информации становится минимальным, что обуславливается невозможностью понимания общей картины произошедшего события. Подобного же мнения придерживается профессор Н. Г. Шурухнов, который рассматривает следователя как «носителя специальных знаний и организатора их использования» [11, с. 811]. Полноценная и всесторонняя проверка может быть проведена таким следователем, который обладает соответствующими компетенциями, сочетает в себе комплекс знаний в сфере ТЭК, ориентируется в технических средствах, знает методы и способы работы с различными следами и вещественными доказательствами.

Получая объяснения, следователь должен установить ряд важных обстоятельств: временной период обнаружения преступного посягательства, а также последующие действия после обнаружения; возможные конструктивные особенности самой НСВ и её элементов; предполагаемый период времени изготовления (монтажа); способ слива; какие именно следы были обнаружены до прибытия правоохранительных органов; была ли замечена или задержана техника или преступники и т. д. Изучение уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что осмотр места происшествия проводился

по 100 % дел, что обусловлено необходимостью установления конкретного места преступления. При этом осмотру должны быть подвергнуты не только территории с обнаруженной НСВ, но также и территории с местами нахождения или задержания автотранспорта, места слива похищенных углеводородов, местность, на которой проложен отвод, и т. д. Отметим, что одной из ошибок, которая в дальнейшем может носить характер трудно исправимой, является отсутствие работы по изъятию и сохранению протяжённых отводов, которые, в свою очередь, являются высокоинформативными объектами. Также к недостаткам следует отнести отсутствие планов и схем, прилагаемых к протоколу осмотра места происшествия, что отрицательным образом сказывается на понимании общей картины произошедшего и её масштаба. Безусловно, технические средства для осуществления фото- и видеофиксации выступают в роли помощников следователя, однако не всегда с их помощью допустимо определить рамки места происшествия, что представляет определённые трудности восприятия общей картины произошедшего иными лицами (руководителем следственного органа, иным следователем, прокурором, судьёй и т. д.), то есть лицами, которые знакомятся с материалами.

Отличительной особенностью проверки является получение документов, значимых для проверки и свойственных именно рассматриваемым преступлениям:

1. Справка об ущербе;
2. Правоустанавливающие документы юридического лица, которому причинён ущерб;
3. Техническая документация на объект ТЭК;
4. Доверенность на лицо, которое будет представлять интересы юридического лица в правоохранительных органах;
5. Заключение служебной проверки и техническая документация по ликвидации НСВ или устранению повреждений.

Этап 4. Изучение и анализ информационных данных, полученных в ходе работы по сообщению.

Наличие достаточных данных о факте кражи либо их отсутствие должно быть оценено в совокупности, что прямо предусмотрено ст. 88 УПК РФ. Безусловно, не всегда в полной мере этого возможно добиться в условиях ограниченности временных рамок для проведения проверки, что влияет на качество проверки различных версий и проведение работы по материалу.

Этап 5. Принятие решения по материалам проверки на основе полученных информационных данных.

Итог проверки выражается в принятии одного из решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ: о возбуждении уголовного дела, об отказе в его возбуждении, о передаче сообщения по подследственности. Принцип объективной оценки материала проверки имеет первостепенное значение, а в случае невозможности принятия решения о возбуждении уголовного дела не принимать данного решения, которое может быть признано незаконным и необоснованным, что может привести к признанию ничтожными всех последующих следственных действий. Вне всякого сомнения работа на стадии проверки сообщения о кражах нефти и нефтепродуктов носит специфический характер, который подлежит познанию субъектом, её проводящим, для исключения возможности допущения ошибок процессуального и тактического характера при расследовании. Именно на стадии проверки реализуется поиск связей причинно-следственного характера между элементами криминалистической характеристики, поисковая деятельность по обнаружению доказательств, установлению личности преступника. Проверка проводится в непродолжительные сроки, что не может не влиять на объективность и полноту информационной картины. Но указанные рамки

призваны проводить оперативную проверку, что исключает затягивание её сроков. Именно поэтому сотрудникам правоохранительных органов важно должным образом осуществлять планирование и проведение необходимой работы на стадии проверки, а также повышать свой профессиональный уровень для недопущения принятия незаконных и необоснованных решений.

---

1. Айвазова О. В. Дифференциация наук уголовного процесса и криминалистики в контексте современных тенденций развития правовой мысли // Философия права. 2019. № 3(90). С. 129–133.
2. Россинский С. Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6(127). С. 133–139.
3. Ляхов Ю. А. Стадия возбуждения уголовного дела – гарантия эффективного предварительного расследования // Государство и право. 2016. № 12. С. 96–98.
4. Гаврилов Б. Я. Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXIV международной научно-практической конференции, Красноярск, 8-9 апреля 2021 года. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 175–177.
5. Сошин А. А. Особенности проведения доследственной проверки участковыми уполномоченными полиции по уголовным делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10, № 1. С. 13.
6. Точилкина А. А. Криминалистические версии и планирование расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2(40). С. 79–86.
7. Семенов Е. А. Соотношение разумного срока и процесса доказывания по уголовным делам, возбужденным по фактам преступлений, совершаемых по принципу «финансовых пирамид» // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 4(87). С. 139–145.
8. Земляков А. В. Взаимодействие следственных аппаратов с оперативными подразделениями и иными государственными органами в раскрытии и расследовании краж и угонов автотранспортных средств // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14, № 2. С. 785-793.
9. Люлин О. С. Тактико-криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности пограничных органов // Военное право. 2019. № 1(53). С. 329–334.
10. Еремин С. Г. Возбуждение уголовного дела о преступлениях в сфере дистанционно-банковского обслуживания, следственные ситуации, версии, планирование и расследование на первоначальном этапе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2(49). С. 78–85.
11. Шурухнов Н. Г. Следователь как субъект использования специальных знаний и собирания доказательств в противодействии преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 808–815.

1. Ajvazova O. V. Differenciaciya nauk ugolovnogo processa i kriminalistiki v kontekste sovremenny`x tendencij razvitiya pravovoj my`sli // Filosofiya prava. 2019. № 3(90). S. 129–133.
2. Rossinskij S. B. Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: bezogovorochno uprazdnit` libo popy`tat`sya ponyat` podlinny`e prichiny` ee vozniknoveniya? // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 6(127). S. 133–139.

3. Lyaxov Yu. A. Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela – garantiya e`ffektivnogo predvaritel`nogo rassledovaniya // Gosudarstvo i pravo. 2016. № 12. S. 96–98.
4. Gavrilov B. Ya. Vliyanie instituta vozbuzhdeniya ugolovnogo dela na sostoyanie bor`by` s prestupnost`yu // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupnost`yu: voprosy` teorii i praktiki: Materialy` XXIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnoyarsk, 8-9 aprelya 2021 goda. Krasnoyarsk: Sibirskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2021. S. 175–177.
5. Soshin A. A. Osobennosti provedeniya dosledstvennoj proverki uchastkovy`mi upolnomochenny`mi policii po ugolovny`m delam o prestupleniyax v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskix sredstv, psixotropny`x veshhestv i ix analogov // Baikal Research Journal. 2019. T. 10, № 1. S. 13.
6. Tochilkina A. A. Kriminalisticheskie versii i planirovanie rassledovaniya prestuplenij protiv zhizni i zdorov`ya, sovershenny`x v usloviyax e`mocional`noj napryazhennosti // Sibirskie ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie chteniya. 2023. № 2(40). S. 79-86.
7. Semenov E. A. Sootnoshenie razumnogo sroka i processa dokazy`vaniya po ugolovny`m delam, vozbuzhdenny`m po faktam prestuplenij, sovershaemy`x po principu «finansovy`x piramid» // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennix del Rossii. 2018. № 4(87). S. 139–145.
8. Zemlyakov A. V. Vzaimodejstvie sledstvenny`x apparatov s operativny`mi podrazdeleniyami i iny`mi gosudarstvenny`mi organami v raskry`tii i rassledovanii krazh i ugonov avtotransportny`x sredstv // Baikal Research Journal. 2023. T. 14, № 2. S. 785-793.
9. Lyulin O. S. Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti pogranichny`x organov // Voennoe pravo. 2019. № 1(53). S. 329–334.
10. Eremin S. G. Vozbuzhdenie ugolovnogo dela o prestupleniyax v sfere distancionno-bankovskogo obsluzhivaniya, sledstvenny`e situacii, versii, planirovanie i rassledovanie na pervonachal`nom e`tape // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 2(49). S. 78–85.
11. Shuruxnov N. G. Sledovatel` kak sub``ekt ispol`zovaniya special`ny`x znanij i sobiraniya dokazatel`stv v protivodejstvii prestupnosti // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2020. T. 14. № 5. S. 808–815.

Информация об авторе

Александр Иозосович Милюс. Преподаватель кафедры криминалистики, кандидат юридических наук.
Восточно-Сибирский институт МВД России.
664071, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Information about the author

Alexander I. Milus. Lecturer at the Department of Criminalistics, Candidate of Legal Sciences.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664071, Russia, Irkutsk, st. Lermontova, 110.

Статья поступила в редакцию 26.12.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted December 12, 2023; approved after reviewing April 12, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.121.5

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Михайлова Ольга Геннадьевна
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

olga-michailova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению целей и особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних, вопросам обеспечения правовых гарантий этих лиц, создающих возможности для их исправления, и социальной адаптации путём участия несовершеннолетних, совершивших преступления, в процедуре досудебного урегулирования – медиации по уголовным делам. Автором обосновано внесение ряда изменений в действующее законодательство, касающихся участия несовершеннолетних в процедуре медиации, с целью эффективной защиты их прав и законных интересов, а также для реализации целей, стоящих перед государством в сфере противодействия преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, уголовная ответственность, воспитательная направленность, медиация, защита прав.

Для цитирования: Михайлова О. Г. О возможности применения медиации по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 209–216.

ON THE POSSIBILITY OF USING MEDIATION IN CRIMINAL CASES AGAINST MINORS

Olga G. Mikhailova
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

olga-michailova@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the consideration of the goals and features of juvenile criminal liability, issues of ensuring legal guarantees for these persons, creating opportunities for their correction and social adaptation through the participation of minors who have committed crimes in the pre–trial settlement procedure - mediation in criminal cases. The author substantiates the introduction of a number of amendments to the current legislation concerning the participation of minors in the mediation procedure in order to effectively protect their rights and legitimate interests, as well as to achieve the goals facing the state in the field of combating juvenile delinquency.

Keywords: minor suspect, accused, criminal liability, educational orientation, mediation, protection of rights.

For citation: Mikhailova O. G. On the possibility of using mediation in criminal cases against minors // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 209–216.

Данные о современном состоянии преступности в России свидетельствуют о достаточно высоком уровне преступности несовершеннолетних, который представляет собой один из критериев общего неблагополучия государства и общества в целом[1]. Лица, совершившие преступления в подростковом возрасте, сохраняя асоциальную направленность личности, в дальнейшем «питают» взрослую преступность, зачастую становясь членами организованных преступных групп и сообществ.

Несовершеннолетние, попадающие в места лишения свободы, приобретают широкий круг связей со взрослыми преступниками легко попадают под их влияние и «авторитет», а после отбывания наказания чаще склонны к рецидиву. Вследствие этого преступная среда пополняется лицами с устойчивой криминальной направленностью поведения, имеющими опыт взаимодействия с правоохранительными органами. В этих случаях наиболее сложна социализация таких лиц, их возвращение в ряды добропорядочных членов общества, несмотря на достаточно молодой возраст. Традиционно проблемам противодействия преступности несовершеннолетних уделяется серьёзное внимание на государственном уровне. Эффективность обеспечивается комплексом мер, значительная доля из которых находится в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном поле.

С одной стороны, охраняя права и интересы несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с законом, с другой – осуществляя уголовное преследование, правоприменитель часто сталкивается со сложностями в соблюдении баланса между этими задачами. Понимая несовершеннолетнего как уязвимого субъекта общественных отношений, обеспечивая его права, недопустимо формировать тенденции безнаказанности, безответственности за последствия противоправного поведения. Период с 2017 по 2027 год объявлен в Российской Федерации «Десятилетием детства»[2]. В названный период осуществляется ряд мероприятий, направленных, в том числе, на профилактику нарушений закона несовершеннолетними лицами и обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних, подвергнутых уголовному преследованию[3].

Современное законодательство придаёт статусу несовершеннолетнего особое значение. Лицо, не достигшее 18-летнего возраста, согласно международному и национальному законодательству имеет статус «ребёнок». В силу ряда факторов, таких как физиологическая, психологическая, социальная и личностная незрелость, ребёнок нуждается в особой защите и повышенных гарантиях со стороны государства и общества. Общепринятые международные нормы в сфере уголовного преследования несовершеннолетних закреплены в базовом документе – Пекинских правилах[4], которые содержат основные правила и принципы этого вида производства. В частности, правило 1.4. указывает на комплексный подход к правосудию в отношении несовершеннолетних – «Правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться составной частью процесса национального развития каждой страны в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних,

[1] Показатели преступности в России [Электронный ресурс]. URL:epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 08.12.2023).
[2] Об объявлении в Рос. Федерации Десятилетия детства [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2017 г. № 240. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 23 января 2021 г. № 122-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[4] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

одновременно содействуя таким образом защите молодёжи и поддержанию мирного порядка в обществе».

Отечественная регламентация уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних представлена гл. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), нормы которой в значительной степени имплементированы из упомянутых Пекинских правил и определяют основные положения, касающиеся этого производства. Его специфика прослеживается в его целях, которые ориентированы, прежде всего, на исправление несовершеннолетнего гуманными способами при минимальном вовлечении пенитенциарной системы. Кроме того, законодательно закреплён специфический предмет доказывания и характер правоотношений, который оценивается как охранительный. В целом ряд учёных отмечает достаточно высокую степень соответствия национального законодательства международно-правовым стандартам [1, с. 169].

Один из базовых международных документов – Конвенция о правах ребёнка[1] – в ч. 3 ст. 40 прямо предусматривает «необходимость и желательность» со стороны государств-участников по «принятию мер по обращению с такими детьми (нарушившими закон – авт.) без использования судебного разбирательства при условии полного соблюдения прав человека и правовых гарантий». Названные положения Конвенции получили развитие и детализацию в национальном уголовном законодательстве. В частности, структура нормы ст. 89 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УП РФ) отражает замысел законодателя, устанавливая возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия и лишь затем говоря о возможности применения уголовного наказания и об освобождении от него.

Статистические данные убедительно свидетельствуют о превалирующем количестве преступлений средней и небольшой тяжести, совершаемых несовершеннолетними. Так, в 2022 году в Российской Федерации предварительно расследовано преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии: особо тяжких – 2 256, тяжких – 7 039, средней тяжести – 13 722, небольшой тяжести – 7 452.[2]

Отметим, что в общем количестве преступлений большую часть занимают преступления небольшой и средней тяжести, что создаёт потенциальную возможность устранения вредных последствий уже на стадии предварительного расследования или даже ранее, а также порождает основания для применения к несовершеннолетнему мер, не связанных с уголовным наказанием. При этом гуманистическая парадигма, в русле которой развивается уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, регулирующее ответственность несовершеннолетних, в качестве приоритетных целей устанавливает исправление ребенка, совершившего преступление, недопущение его «вливания» в среду организованной преступности, социальную адаптацию такого несовершеннолетнего и возвращение к нравственным ценностям общества.

Однако современные тенденции «гуманизации», оторванные от особенностей национального менталитета, не могут способствовать снижению количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами. Как отмечают А. И. Бельский и Э. Н. Лыков, «значительная доля преступлений, совершаемых несовершеннолетними, носит групповой характер, что существенно повышает опасность содеянного. При этом с точки зрения общественной опасности

[1] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. [Электронный ресурс]. URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 08.12.2023).

[2] Показатели преступности в России [Электронный ресурс]. URL:epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 08.12.2023).

криминальный потенциал преступных групп возрастает за счёт «многоэпизодности» преступлений. Сложившееся положение объясняется тем, что на действия несовершеннолетних, которые не представляют значительной общественной опасности, практически полностью отсутствует реакция со стороны государственных органов» [2, с. 57]. Соглашаясь с доводами коллег, отметим, что комплексное реформирование уголовного и уголовно-процессуального законодательства должно носить сбалансированный характер, не умалять прав несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с законом.

Вопросы, посвящённые расследованию дел о преступлениях, совершённых несовершеннолетними, привлечению их к уголовной ответственности и назначению справедливого наказания, традиционно вызывают острые научные дискуссии, являются предметом толкования высших судебных инстанций, объектом прокурорского надзора. В частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 1-2011 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»[1] указывает на необходимость «принятия других, предусмотренных законом мер для достижения максимального воспитательного воздействия судебного процесса в отношении несовершеннолетних».

Вместе с тем ряд вопросов, связанных с дифференциацией названного вида судопроизводства, обеспечением отдельных прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, остаётся неурегулированным, что вынуждает правоприменителя в каждом конкретном случае «заполнять пробелы» в законодательстве исходя из субъективного понимания. Эта ситуация не способствует единообразию применения закона и полноценной правовой защите такой уязвимой социальной категории, как несовершеннолетние.

В течение последнего десятилетия отмечаются попытки реформирования законодательства, регламентирующего уголовную ответственность несовершеннолетних и порядок производства по делам этой категории. Отметим общую гуманистическую направленность предлагаемых изменений, направленных в первую очередь на предупредительные и воспитательные цели, которые представляются приоритетными. При этом, на наш взгляд, важным аспектом является понимание несовершеннолетним отрицательных последствий совершённого преступления, его субъективная оценка содеянного, желание загладить вину, исправиться.

В качестве одной из принудительных мер воспитательного воздействия, альтернативных наказанию, на несовершеннолетнего, совершившего преступление, может быть наложена обязанность загладить причинённый вред. В связи с этим Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своём постановлении № 19 – 2013 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[2] разъяснил, что под заглаживанием вреда подразумевается «возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего… Способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения

[1] О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

определяются потерпевшим». Названное положение предполагает проведение определённого согласования по ряду принципиальных вопросов между сторонами обвинения и защиты, которое помогает достигнуть единой, приемлемой для всех позиции по делу.

В этой связи одним из перспективных направлений, наш взгляд, является привлечение несовершеннолетнего, совершившего преступление, к участию в регулятивной процедуре медиации. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1] распространяет своё действие не только на гражданские и административные отношения, но и на иные публичные правоотношения, к которым относятся правоотношения в уголовно-правовой сфере. В настоящее время термин «медиация» не применим в сфере уголовного судопроизводства. Вместе с тем процедуры примирения сторон, заглаживания вреда, причинённого преступлением, на наш взгляд, неотъемлемо включают в себя достижение «взаимного согласия», присущего медиации, а также, если говорить о несовершеннолетнем, – очевидный воспитательный эффект.

Исследование, проведённое А. В. Давыденко, посвящённое результативности процедуры медиации с участием в ней несовершеннолетних, совершивших преступления, иллюстрирует востребованность медиации, а также её элементов в сфере ювенальной юстиции. По данным автора, элементы медиации, такие как примирение или заглаживание вреда перед потерпевшими, успешно внедрялись уже с 2015 года в Пермской воспитательной колонии (Пермский край), а также использовались в деятельности Ангарской (Иркутская область), Можайской (Московская область) и Шаховской (Орловская область) воспитательных колониях [3, с. 52]. Основными целями медиации А. В. Давыденко выделяет «достижение соглашения сторон, заглаживание вреда и исцеление жертвы, которые получили название «восстановительное правосудие» [3, с. 53].

Важно отметить, успешное функционирование в сфере уголовного судопроизводства таких гражданско-правовых институтов, как гражданский иск в уголовном деле, а также действующие институты реабилитации в уголовном судопроизводстве, нормы о возмещении судебных издержек, которые содержат в своей основе метод гражданско-правового регулирования и изначально сформировались в сфере гражданского права.

Полагаем, что медиацию целесообразно рассматривать как один из этапов, реализующих заглаживание вреда, причинённого преступлением. Очевидно, что соглашение между сторонами может быть достигнуто только в случае, когда претензии потерпевшего полностью удовлетворены. Как отмечает Л. А. Шестакова: «Зачастую обвиняемый предлагает возместить причинённый ущерб при условии, что потерпевший не заявит гражданский иск и займет в судебном заседании благоприятную для подсудимого позицию, например, будет просить суд о максимальном снижении наказания. Процесс переговоров обвиняемого и потерпевшего не урегулирован УПК РФ и может стать областью применения медиации» [4, с. 124].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не ограничивает защитника обвиняемого в его взаимодействии с иными участниками уголовного судопроизводства. Традиционно он и является тем участником, который способен эффективно влиять на степень и характер взаимодействия со стороной обвинения. Фактически на практике часто функция «переговорщика» негласно возлагается на

[1] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс]: Федеральный закон Рос. Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

адвоката-защитника, который может донести до противоположной стороны условия возможного примирения. Изучение правоприменительной деятельности защитников по уголовным делам свидетельствует о том, что именно их инициатива зачастую лежит в основе принятия решения о примирении сторон. Аналогичное решение стороны получают и в результате процедуры медиации.

Представляется ценной точка зрения О. А. Малышевой, которая по результатам проведённого исследования отмечает положительный опыт зарубежных коллег, использующих процедуру медиации в уголовном судопроизводстве. В ряде стран названная процедура является альтернативным способом исправления правонарушителя в противовес уголовному наказанию, в частности в Австралии, Канаде и некоторых других.

В качестве основных положительных аспектов медиации О. А. Малышева отмечает, что «…применение медиации в досудебном производстве по уголовным делам о нетяжких преступлениях… позволяет минимизировать такие негативные последствия функционирования уголовной юстиции, как снижение уровня социальной стигматизации, уменьшение количества лиц, приобщаемых к криминальной субкультуре, сокращение финансовых ресурсов, необходимых для осуществления деятельности органов уголовного преследования и другие» [5, с. 18]. Перечисленные положительные факторы в полной мере можно соотнести с целями уголовного судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

На наш взгляд, процедура медиации с участием в ней несовершеннолетнего, совершившего преступление, выступит не только средством воспитательного воздействия, а также будет способствовать значительной процессуальной экономии. Согласимся с мнением Е. В. Цветковой, которая отмечет, что «урегулирование правового спора с участием медиатора позволяет несовершеннолетнему нарушителю уголовно-правовых норм проявить самостоятельные усилия по сглаживанию конфликта, что даёт возможность в большей степени оценить негативные последствия своих действий при непосредственном общении, проявить большую активность для урегулирования противоправных деяний и ответственность за свои поступки, в чём проявляются меры воспитательного воздействия» [6, с. 64].

Информативно в этой связи исследование, проведённое В. Н. Авдеевым, Л. А. Александровой и И. Ю. Панькиной, которые анализируют применение процедур медиации в Ивановской области, опыт которой показывает успешное вовлечение в качестве медиатора специалиста органов социальной защиты или специалиста из комиссии по делам несовершеннолетних [7, с. 27–28]. Указанное поручение оформляется судьёй. Примирение происходит в этом случае с составлением медиативного соглашения, которое оценивается судьей как смягчающее обстоятельство или как основание для прекращения уголовного дела. Авторы в числе прочего отмечают значимый воспитательный эффект такой процедуры, поскольку на основании медиативного соглашения подготавливается индивидуальный план реабилитации несовершеннолетнего, который оформляется в виде частного определения суда.

Как справедливо отмечает А. А. Насонов, обосновывая актуальность и востребованность медиации с участием несовершеннолетних в современных условиях, «для запуска медиативных процедур в уголовно-процессуальном пространстве необходима их надлежащая регламентация… и введение в уголовно-процессуальную сферу нового участника уголовного судопроизводства – медиатора» [8, с. 114]. Кроме того, А. А. Насонов отмечает необходимость учёта мнения о возможности медиации заинтересованных лиц, таких как потерпевший и его представитель или законный представитель, законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, его защитник.

Отечественный опыт применения процедур медиации имеет стойкую тенденцию к расширению. Использование правоприменителями процедур, сходных по своей природе с процедурой медиации по делам в отношении несовершеннолетних, позволяет оценивать этот опыт как положительный. В частности, это приемлемая, на наш взгляд, деятельность несовершеннолетнего – принесение извинений потерпевшему, примирение с ним, заглаживание причинённого преступлением вреда самостоятельно, а также при содействии родителей или близких родственников. Полагаем неоспоримым тот факт, что вовлечение несовершеннолетнего, совершившего преступление, в процедуру медиации обладает высоким воспитательным потенциалом, помогает укрепить положение личности несовершеннолетнего в социуме.

Рассматривая медиацию как один из путей оптимизации уголовного преследования несовершеннолетних, Ю. В. Деришев и Е. Е. Забуга на страницах своего исследования отмечают результативность медиации, которая используется в 52 субъектах Российской Федерации [9, с. 90–92]. Разделяем точку зрения авторов о том, что медиация способна стать полноценной альтернативой уголовному преследованию несовершеннолетних, особенно совершивших впервые преступления небольшой или средней тяжести.

В общей гуманистической концепции развития производства по делам несовершеннолетних «концептуальное изменение подхода к реакции государства на преступление, заключающееся в смещении акцентов с наказания на восстановление нарушенных прав, избегая карательных мер везде, где это только становится возможным, позволяет обеспечивать максимальное участие виновного лица в этой деятельности» [9, с. 187]. Принимая во внимание безусловные «плюсы» такого новшества, как медитация по делам в отношении несовершеннолетних, необходимо обеспечить соблюдение законных интересов всех участников такой процедуры. В этой связи представляется необходимой проработка механизма контроля за деятельностью медиаторов, участвующих в уголовных делах о преступлениях несовершеннолетних.

Полагаем целесообразным возложить контроль за осуществлением медиативных процедур на прокурора, а также предоставить права на выражение согласия на медиацию со стороны лиц, которые в силу закона обеспечивают защиту прав и интересов несовершеннолетнего: законных представителей, защитника, самого несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Распространение указанного подхода к уголовной ответственности несовершеннолетних позволит не только осуществить со стороны государства «экономию уголовной репрессии», но и максимально восстановить права лиц, потерпевших от преступлений, развивая таким образом концепцию «восстановительного правосудия».

1. Михайлова Т. Н. Роль международно-правовых актов в процессе конструирования модели ювенального судопроизводства России // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4(16). С. 167–175.
2. Бельский А. И., Лыков Э.Н. О преступности несовершеннолетних и молодежи // Российский следователь. 2019. № 8. С. 55–59.
3. Давыденко А. В. Актуальность применения в российском судопроизводстве института медиации в отношении несовершеннолетних // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 52–55.
4. Шестакова Л. А. Заключение медиативного соглашения как новое основание освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовных дел (преследования) в отношении несовершеннолетних // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Том 5. № 4. С. 122–126.
5. Малышева О. А. О целесообразности внедрения медиации в досудебное уголовное производство // Российский следователь. 2015. № 17. С. 17–20.

6. Цветкова Е. В. Медиация в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних // Российский судья. 2022. № 3. С. 62–64.
7. Авдеев В. Н., Александрова Л. А., Панькина И. Ю. Альтернатива уголовному преследованию в отношении несовершеннолетних обвиняемых // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 23–30.
8. Насонов А. А. Роль механизмов согласования в защите и обеспечении интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 111–115.
9. Деришев Ю. В. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 221 с.

1. Mixajlova T. N. Rol` mezhdunarodno-pravovy`x aktov v processe konstruirovaniya modeli yuvenal`nogo sudoproizvodstva Rossii // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2020. № 4(16). S. 167–175.
2. Bel`skij A. I., Ly`kov E`.N. O prestupnosti nesovershennoletnix i molodezhi // Rossijskij sledovatel`. 2019. № 8. S. 55–59.
3. Davy`denko A. V. Aktual`nost` primeneniya v rossijskom sudoproizvodstve instituta mediacii v otnoshenii nesovershennoletnix // Rossijskaya yusticiya. 2016. № 2. S. 52–55.
4. Shestakova L. A. Zaklyuchenie mediativnogo soglasheniya kak novoe osnovanie osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti i prekrashheniya ugolovny`x del (presledovaniya) v otnoshenii nesovershennoletnix // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2019. Tom 5. № 4. S. 122–126.
5. Maly`sheva O. A. O celesoobraznosti vnedreniya mediacii v dosudebnoe ugolovnoe proizvodstvo // Rossijskij sledovatel`. 2015. № 17. S. 17–20.
6. Czvetkova E. V. Mediaciya v ugolovnom sudoproizvodstve v otnoshenii nesovershennoletnix // Rossijskij sud`ya. 2022. № 3. S. 62–64.
7. Avdeev V. N., Aleksandrova L. A., Pan`kina I. Yu. Al`ternativa ugolovnomu presledovaniyu v otnoshenii nesovershennoletnix obvinyaemy`x // Vestnik Baltijskogo federal`nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarny`e i obshhestvenny`e nauki. 2021. № 1. S. 23–30.
8. Nasonov A. A. Rol` mexanizmov soglasovaniya v zashhite i obespechenii interesov nesovershennoletnix uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2023. № 2 (65). S. 111–115.
9. Derishev Yu. V. Mediaciya kak al`ternativnaya forma ugolovnogo presledovaniya nesovershennoletnix: monografiya. M.: Yurlitinform, 2016. 221 s.

Информация об авторе

Ольга Геннадьевна Михайлова. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.
Барнаульский юридический институт МВД России.
656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49.

Information about the author

Olga G. Mikhailova. Senior lecturer of the Department of Criminal Procedure. Candidate of Legal Sciences, associate Professor.
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
656038, Russia, Barnaul, Chkalova str., 49.

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted December 8, 2023; approved after reviewing April 5, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, УТРАТИВШИХ ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС

Нурбаев Даулет Маулитович
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

daulet_mn@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, указанных в главе 52 УПК РФ, утративших свой профессиональный статус к моменту возбуждения уголовного дела. Анализируется судебная практика Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу, а также научная литература. В процессе исследования обращено внимание, что специальный статус выделенных субъектов нельзя рассматривать статично в отрыве от их профессиональной деятельности. По итогу статьи делается вывод о том, что особый дифференцированный порядок привлечения к уголовной ответственности такой категории лиц должен сохраняться и в случае прекращения ими профессионального статуса при условии, что имеются признаки, свидетельствующие о наличии мести или оказания давления за их предыдущую деятельность, либо период времени с момента прекращения анализируемого статуса до момента возбуждения уголовного дела составил менее одного года.

Ключевые слова: дифференциация уголовного процесса, привлечение к уголовной ответственности, отдельные категории лиц, возбуждение уголовного дела, судья, следователь, адвокат, прокурор.

Для цитирования: Нурбаев Д. М. Правовые проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, утративших особый правовой статус // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 217–224.

LEGAL PROBLEMS OF BRINGING CRIMINAL LIABILITY TO PERSONS WHO HAVE LOST THE SPECIAL LEGAL STATUS

Daulet M. Nurbaev
Omsk State University named after. F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia

daulet_mn@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of bringing to criminal liability persons specified in Chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, who have lost their professional status by the time a criminal case is initiated. The judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation on this issue, as well as scientific literature, is analyzed. During the research, attention was drawn to the fact that the special status of the selected subjects cannot be considered statically in isolation from their professional activities. Based on the results of the work, it is concluded that a special differentiated procedure for bringing this category of persons to criminal liability should be preserved even if they

terminate their professional status, provided that there are signs indicating the presence of revenge or pressure for their previous activities or period of time from the moment the analyzed status was terminated until the criminal case was initiated was less than one year.

Key words: differentiation of the criminal process, criminal prosecution, certain categories of persons, initiation of a criminal case, judge, investigator, lawyer, prosecutor.

For citation: Nurbaev D. M. Legal problems of bringing criminal liability to persons who have lost the special legal status // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 217–224.

Вопросы привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий лиц, перечень которых установлен в ст. 447 УПК РФ, являются острыми и сложными как для теории, так и для практики уголовного судопроизводства. Указанные правовой механизм является ярким примером дифференциации форм уголовного судопроизводства в сторону усложнения. Анализ научной литературы показывает, что количество спорных правовых ситуаций при реализации положений гл. 52 УПК РФ остается довольно высоким и затрагивает различные аспекты реализации механизма привлечения к уголовной ответственности. В уголовно-процессуальном законодательстве выделяются особенности возбуждения уголовных дел, привлечения в качестве обвиняемого в отношении такой категории лиц, применения задержания, мер пресечения и производства отдельных следственных действий.

Согласно данным следственного комитета РФ за 11 месяцев 2023 года привлечены к уголовной ответственности 683 лица, обладающих особым правовым статусом, это 336 депутатов и глав органов местного самоуправления, 17 депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации, 112 адвокатов, 129 членов избирательных комиссий[1]. Если сравнить указанные показатели с данными предыдущих лет, то можно заметить динамику увеличения количества таких уголовных дел, что также свидетельствует об актуальности выделенной темы исследования.

Одним из сложных и интересных вопросов выделенной темы являются нюансы привлечения к уголовной ответственности лиц, которые утратили данный правовой статус к моменту вынесения соответствующего процессуального решения о возбуждении уголовного дела и предъявления обвинения. Должны ли лица выделенной категории сохранять обозначенные привилегии на условную дату.

По анализируемой проблеме имеется многочисленная судебная практика, а также множественные научные комментарии.

В частности, заслуживает внимание анализ доктрины уголовного процесса, приведенный Е. Г. Лариным, который делает вывод, что представляется возможным выделить два подхода:

- «положения гл. 52 УПК РФ распространяют свое действие в отношении лиц, которые утратили особый статус (ст. 447 УПК РФ) к моменту возбуждения уголовного дела, при условии, что это лицо привлекается к ответственности за преступления, которые им были совершены в период замещения соответствующей должности (либо за преступления, которые им были совершены в период замещения соответствующей должности и непосредственно связаны с его профессиональной деятельностью и исполнением служебных обязанностей);
- в случае утраты лицом особого статуса к моменту возбуждения уголовного дела, независимо от времени совершения преступления и связи преступления

[1] Интервью Председателя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина агентству «РИА новости» от 15 января 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1852993/?print=1. (дата обращения: 05.05.2024).

с профессиональной деятельностью и исполнением служебных обязанностей, решение о возбуждении уголовного дела принимается в общем порядке» [1, с. 13]. Схожий критерий выделяется и другими авторами, которые также подчеркивают возможность сохранений уголовно-процессуальных привилегий в случае наличия неразрывной связи между совершенным деянием и особым процессуальным статусом. [2, с. 101].

По этому поводу также имеется противоречивая судебная практика Верховного Суда РФ. Так в кассационном определении СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 августа 2020 г. №57-УД20-5 суд отменил, вынесенные ранее судебные решения и направил уголовное дело прокурору для устранения выявленных нарушений, указав в мотивировочной части определения, что на момент совершения преступления, за которое П. осужден по названному делу – 25 октября 2019 г. – он являлся членом избирательной комиссии с правом решающего голоса. В нарушение указанных выше требований закона уголовное дело в отношении П. было возбуждено в период его членства в избирательной комиссии с правом решающего голоса не уполномоченным на это должностным лицом – дознавателем ОМВД России по Чернявскому району Белгородской области[1].

В Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.10.2022. № 65-УД22-4-К9 указано, что решение о возбуждении уголовного дела в отношении следователя следственного органа по району, городу, либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимаются руководителем следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ. Как видно из дела Макаров был уволен из следственных органов 11 июля 2018 года, а уголовное дело было возбуждено 18 июля 2018 года. При таких обстоятельствах возбуждение 18 июля 2018 года уголовного дела № ... по признакам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 303 УК РФ, заместителем руководителя отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Еврейской автономной области П. В. Лукьянченко в отношении Макарова соответствует уголовно-процессуальному закону[2].

В этой связи также интересен пример уголовного дела, рассматриваемого Куйбышевским районным судом г. Омска. В частности согласно фабуле дела гр. О. обвиняемый в совершении преступления предусмотренного ст. 196 УК РФ в период до 29 сентября 2021 года являлся депутатом законодательного собрания Омской области. Уголовное дело было возбуждено 25 октября 2021 года следственным подразделением МВД РФ, то есть, после утраты им правового статуса депутат законодательного органа исполнительной власти субъекта РФ. Однако вменяемое ему преступление было совершено в период исполнения им полномочий депутата. Более того, в тексте обвинительного заключения было указано, что объективная сторона преступления реализовывалась с использованием обвиняемым своего правового статуса депутата законодательного собрания Омской области (используя свою положительную репутацию, как депутата Законодательного собрания Омской области)[3].

---

[1] Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 27 августа 2020 г. № 57-УД20-5 [Электронный ресурс]. URL: https://internet.garant.ru/#/document/74678220/paragraph/1:12 (дата обращения 05.05.2024).

[2] Определение СК по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 12 октября 2022 г. № 65-УД22-4-К9 [Электронный ресурс]. URL: https://internet.garant.ru/#/document/405480845/paragraph/1/ (дата обращения 05.05.2024).

[3] Постановление Куйбышевского районного суда г. Омска по делу №1-156/2024 (архив Куйбышевского районного суда г.Омска).

Таким образом, при изложенных обстоятельствах, с учетом имеющееся практики Верховного Суда РФ, возбуждение уголовного дела и предъявление обвинения гр. О. в соответствии с гл. 52 УПК РФ следовало осуществлять следственному подразделению СУ СК РФ по Омской области.

О подобной возможности свидетельствует следующий пример. В Определении СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.05.2006 г. №1-Д06-27 указано, что вывод суда о том, что на Шашурина не распространяется действие ст. 448 УПК РФ, поскольку на момент возбуждения уголовного дела он депутатом ... уже не был, также нельзя признать основанным на законе[1].

Поскольку ... С., Т. и ... Е. обратились с просьбой о возбуждении уголовного дела соответственно 20 и 25 ноября 2003 года, с учетом положений ст. 4 УПК РФ о действии уголовно-процессуального закона во времени на лиц, указанных в ст. 144 УПК РФ, возлагалась обязанность принять решение по заявлению в срок до 3 суток, а при продлении этого срока – до 10 суток, и при принятии решения о возбуждении уголовного дела в отношении Шашурина, являвшегося до 29 декабря 2003 года депутатом ... с соблюдением правил, указанных в ст. 448 УПК РФ».

В анализируемом примере Верховный Суд РФ обращает внимание не дату принятия решения о возбуждении уголовного дела, а на дату начала проведения процессуальной проверки, на основании которой было вынесено процессуальное решение о возбуждении уголовного дела.

Отсутствие императивного регулирования спорной ситуации уголовно-процессуальным законом создает предпосылки для возникновения противоречивой судебной практики.

Таким образом, должны ли лица с особым правовым статусом сохранять процессуальные привилегии в случае утраты ими должности на момент принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела?

Для обоснованного ответа на поставленный вопрос необходимо вернуться к истокам и выделить основную причину появления таких привилегий.

В этой связи очень содержательны и мотивированы рассуждения Ю. А. Цветкова, который подчеркивает, что для правильного понимания изучаемого института необходимо четко разграничивать понятия института иммунитета и неприкосновенности, именно первый защищает от нематериальных воздействий таких как, процессуальные решения [3, с. 52]. В качестве причины появления правовых иммунитетов автор указывает следующее: «иммунитет в уголовном процессе, которым наделены лица с особым правовым статусом, - предназначен для защиты представителей законодательной и судебной власти от власти исполнительной. Последней защита не требуется, поскольку она опирается на вооруженную силу подчиненных ей армии и полиции» [3, с. 54]. Это одно из действенных гарантий реализации принципа разделения ветвей власти, условие обеспечения независимой, но в то же время согласованной деятельности органов законодательной, судебной и исполнительной власти [4, с. 64].

Рассуждая о возможности сохранения иммунитета после прекращения полномочий, ученый все же делает весьма важную и существенную оговорку, задавая риторический вопрос о том, что « в чем тогда смысл иммунитета, если законодатель всегда будет принимать решения с оглядкой на то, чем ему потом это обернется после истечения срока полномочий? Представляется, что в такого рода случаях, перечень

[1] Определение СК по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 3 мая 2006 г. № 1-Д06-27 [Электронный ресурс]. URL: https://internet.garant.ru/#/document/405480845/paragraph/1/ (дата обращения 05.05.2024).

которых следует четко оговорить, иммунитет должен приобретать ультраактивный характер» [3, с. 56]. О. И. Андреева занимает аналогичную позицию, отмечая, что особый порядок привлечения к уголовной ответственности должен применяться и в случаях привлечения лица к уголовной ответственности уже после освобождения от занимаемой должности или прекращения указанного вида деятельности, если уголовное преследование осуществляется за совершение им преступления в период осуществления профессиональной деятельности [5, с. 32].

При этом А. А. Казаков весьма категоричен в приведенном вопросе и указывает, что иммунитет не может распространяться на лиц, обладавших им во время совершения преступления, но утративших на момент рассмотрения вопроса об уголовном преследовании [6, с. 79].

При этом В. А. Синицын обращает внимание, что специальный порядок возбуждения уголовного дела должен охватывать также деятельность такого субъекта, то есть, за совершение в период замещения своей должности преступлений, но только непосредственно связанных с исполнением им своих служебных обязанностей [7, с. 95].

Таким образом, в цитируемых рассуждениях фактически также раскрывается вся сущность ранее приведенной противоречивой судебной практики. Иными словами является общим правилом действия правового иммунитета только в период работы на соответствующей должности. Либо в качестве такого критерия может выступать лишь сам факт совершения преступления в период осуществления соответствующих публичных функций, но к моменту возбуждения уголовного дела утративших такой особый статус [2, с. 101].

Однако в случае приведения таким лицом доводов и представления фактов о том, что возбуждение уголовного дела, связано с местью или оказанием давления за деятельность в статусе судьи, депутата, следователя прокурора и т.д., то в этом случае в обязательном порядке должен соблюдаться особый порядок привлечения к уголовной ответственности. Причем на данном этапе достаточно лишь наличия формальных признаков для того, чтобы реализовать дифференцированный механизм привлечения к уголовной ответственности. Правовая возможность реализации данного утверждения определяется положениями подп. "б" ч. 2 ст. 151 УПК РФ о преступлениях, совершенных в отношении такой категории лиц, причем только в связи с их профессиональной деятельностью [8].

Усложняет анализируемый вопрос тот факт, что сам правовой механизм привлечения к уголовной ответственности существенно дифференцирован в зависимости от субъекта реализации. Наибольший объем гарантий предоставлен судьям и депутатам Государственной Думы и членам Совета Федерации, наименьший – следователям, прокурорам и адвокатам. Действительно с учетом анализа положений гл. 52 УПК РФ можно утверждать, что существует разноуровневая система преодоления иммунитетов, которая зависит от правового статуса соответствующего должностного лица.

Как указывается в научной литературе унифицировать механизмы уголовно-процессуальных иммунитетов не нужно и невозможно, поскольку уникальность каждого механизма определяется уникальностью правового положения того должностного лица, который им обладает [9. с. 97]

С указанным доводом следует согласиться, учитывая, что законодатель фактически поддерживает и развивает подобный подход, особо выделяя в этой связи, например судей в отставке. В частности в ч. 2 ст. 16 закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации»[1] указано, что судья, в том числе

[1] О статусе судей в Российской Федерации [Электронный ресурс]: закон Рос. Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

после прекращения его полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

Таким образом, для судей в отставке и бывших судей законодательно предусмотрен дифференцированный механизм привлечения к уголовной ответственности в отличии от других субъектов примеры из судебной практики, по которым были приведены ранее.

Также, на мой взгляд, заслуживает внимание период времени, который прошел с момента прекращения работы в должности лица с особым правовым статусом до момента принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Полагаю, если указанный период составляет менее одного года, то к подобного рода ситуациям необходимо относиться максимально скрупулезно и при наличии любого признака, связанного с привлечением к уголовной ответственности в связи осуществлением профессиональной ответственности применять усложненный процессуальный порядок.

В ранее приведенном примере из судебной практики в отношении бывшего депутата законодательного собрания Омской области заслуживает внимание то обстоятельство, что с момента прекращения статуса депутата до момента возбуждения уголовного дела прошло около одного месяца. В другом примере судебной практики Верховного Суд РФ в отношении следователя Макарова такой период времени составил 7 дней. Подобного рода действия, когда орган предварительного расследования искусственно затягивает принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела с целью избежать применения положений гл. 52 УПК РФ к возбуждаемому уголовному делу (например, чтобы избежать передачи уголовного дела в подразделение следственного комитета РФ) сам по себе может служить признаком попытки оказания давления на такое лицо в связи с осуществлением им ранее своих профессиональных обязанностей в соответствующей должности.

Особенно реален подобный подход по отношению к следователям и сотрудникам прокуратуры, поскольку в такой ситуации можно заранее определить или дождаться увольнения должностного лица и уже после этого принимать решение о возбуждении уголовного дела. В научной литературе также выделяются случаи, когда в подобных ситуациях возможны злоупотребления со стороны лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу [10].

На основании изложенного можно сделать следующий вывод:

- особый порядок привлечения к уголовной ответственности лиц с особым правовым статусом должен сохраняться даже в случае утраты ими такого положения на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела в случае, если таким лицом приводятся доводы и факты о том, что такие действия, связаны с местью или оказанием давления за деятельность в соответствующем профессиональном статусе, либо имеются иные данные дающие основания полагать наличие таких обстоятельств. Причем на данном этапе достаточно лишь наличия формальных признаков для того, чтобы реализовать дифференцированный механизм привлечения к уголовной ответственности.

- одним из признаков, свидетельствующих о необходимости применения особого порядка привлечения к уголовной ответственности должен являться период времени прошедший с момента утраты соответствующего профессионального статуса до момента возбуждения уголовного дела. Полагаю, что в такой ситуации, если его

срок составляет менее одного года, то в этом случае реализация изучаемого процессуального механизма обязательна.

---

1. Ларин Е. Г. Порядок возбуждения уголовного дела в отношении лиц, утративших особый статус (законодательство, теория, судебная практика) // Научный вестник Омской академии МВД РФ. 2022. № 1. С. 12–17.
2. Деришев Ю. В., Чекмезова Е. И., Тулева Д. Д. Проблемные вопросы квалификации преступлений и определения подследственности уголовных дел в отношении специальных субъектов: от практики к теории // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 1. С. 92–102.
3. Цветков Ю. А. Уголовное преследование в отношении лиц особого правового статуса - 20 лет в поисках концепции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 52–59.
4. Красильников А. В. Генезис института производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц в современном уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2. С. 63–73.
5. Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 2007. 49 с.
6. Казаков А. А. Производство по делам в отношении лиц с особым статусом: основные заблуждения // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 76–81.
7. Синицын В. А. Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела в отношении бывших следователей и прокуроров в порядке статьи 448 УПК РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 9. С. 94–97.
8. Стельмах В. Ю. Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 77–90.
9. Синицын В.А. Досудебное производство по уголовным делам в отношении прокуроров и следователей: вопросы теории и практики: монография / под ред. В. И. Качалова. М.: Юрлитинформ, 2020. 181 с.
10. Багаутдинов Ф. Н., Михайлов А. А. Производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: вопросы совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики // Законность. 2023. № 8. С. 59–64.

1. Larin E. G. Poryadok vozbuzhdeniya ugolovnogo dela v otnoshenii licz, utrativshix osoby`j status (zakonodatel`stvo, teoriya, sudebnaya praktika) // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD RF. 2022. № 1. S. 12–17.
2. Derishev Yu. V., Chekmezova E. I., Tuleva D. D. Problemny`e voprosy` kvalifikacii prestuplenij i opredeleniya podsledstvennosti ugolovny`x del v otnoshenii special`ny`x sub``ektov: ot praktiki k teorii // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2021. № 1. S. 92–102.
3. Czvetkov Yu. A. Ugolovnoe presledovanie v otnoshenii licz osobogo pravovogo statusa - 20 let v poiskax koncepcii // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2021. № 6. S. 52–59.
4. Krasil`nikov A. V. Genezis instituta proizvodstva po ugolovny`m delam v otnoshenii otdel`ny`x kategorij licz v sovremennom ugolovno-processual`nom zakonodatel`stve Rossijskoj Federacii // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 2. S. 63–73.
5. Andreeva O. I. Konceptual`ny`e osnovy` sootnosheniya prav i obyazannostej gosudarstva i lichnosti v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii i ix ispol`zovanie dlya

pravovogo regulirovaniya deyatel`nosti po rasporyazheniyu predmetom ugolovnogo processa: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. Tomsk, 2007. 49 s.
6. Kazakov A. A. Proizvodstvo po delam v otnoshenii licz s osoby`m statusom: osnovny`e zabluzhdeniya // Ugolovny`j process. 2020. № 5. S. 76–81.
7. Sinicyn V. A. Aktual`ny`e voprosy` vozbuzhdeniya ugolovnogo dela v otnoshenii by`vshix sledovatelej i prokurorov v poryadke stat`i 448 UPK RF // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2014. № 9. S. 94–97.
8. Stel`max V. Yu. Problemy` zakonodatel`noj reglamentacii podsledstvennosti. Razreshenie sporov o podsledstvennosti // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 3. S. 77–90.
9. Sinicyn V.A. Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovny`m delam v otnoshenii prokurorov i sledovatelej: voprosy` teorii i praktiki: monografiya / pod red. V. I. Kachalova. M.: Yurlitinform, 2020. 181 s.
10. Bagautdinov F. N., Mixajlov A. A. Proizvodstvo po ugolovny`m delam v otnoshenii otdel`ny`x kategorij licz: voprosy` sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya i pravoprimenitel`noj praktiki // Zakonnost`. 2023. № 8. S. 59–64.

Информация об авторе

Даулет Маулитович Нурбаев. Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского».
644007, Россия, г. Омск, пр. Мира д. 55 А.

Information about the author

Daulet M. Nurbaev. Department of Criminal Procedure and Criminalistics, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Omsk State University named after F.M. Dostoevsky».
644007, Russan, Omsk, Mira Ave., 55 A.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted April 8, 2024; approved after reviewing May 16, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.9

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОЛУЧЕНИЯ И ПРОВЕРКИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ, РАЗМЕЩЁННОЙ НА САЙТАХ С ОГРАНИЧЕННЫМ ДОСТУПОМ

Павлюков Виталий Владимирович
Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганск, Россия

ykc@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос получения и проверки компьютерной информации, размещённой на сайтах, к которым Роскомнадзор ограничил доступ. Автор приходит к выводу, что субъекты законодательной инициативы не уделили должного внимания сайтам, на которых размещена информация противоправного характера в части установления и привлечения к ответственности пользователей, её разместившей. В связи с этим предлагаются некоторые теоретические и законодательные пути выявления пользователей, причастных к размещению противоправного контента.

Ключевые слова: компьютерная информация, данные, доступ, интернет-ресурсы, заблокированные ресурсы, VPN.

Для цитирования: Павлюков В. В. Теоретико-правовые основы получения и проверки компьютерной информации, размещённой на сайтах с ограниченным доступом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 225–232.

THE ORETICAL AND LEGAL BASES FOR OBTAINING AND VERIFYING COMPUTER INFORMATION POSTED ON SITES WITH LIMITED ACCESS

Vitaly V. Pavlyukov
Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Luhansk, Russia

ykc@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of obtaining and verifying computer information posted on sites to which Roskomnadzor has restricted access. The author concludes that the subjects of the legislative initiative did not pay due attention to the sites on which illegal information is posted, in terms of establishing and holding accountable the users who posted it. In this regard, some theoretical and legislative ways are proposed to identify users involved in the placement of illegal content.

Keywords: computer information, data, access, Internet resources, blocked resources, VPN.

For citation: Pavlyukov V. V. Theoretical and legal bases for obtaining and verifying computer information posted on sites with limited access // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 225–232.

Современные компьютерные технологии предоставляют человечеству разнообразный спектр услуг и возможностей, но приоритетным направлением остаётся получение, передача и анализ информации во всех областях жизни. Однако, помимо своих положительных качеств, компьютерная среда привлекает внимание и лиц с намерениями использовать её в противоправных целях. Анализируя принятое за последние 50 лет законодательство, сложно говорить о компьютерной сфере как о таком элементе, который с присущим ему умением мог бы изменяться и подстраиваться под вновь вводимое законодательство [1, с. 438]. Скорее наоборот, законодательство пытается подстроиться под стремительно развивающиеся информационные технологии. Стоит признать, что законодательные новеллы, направленные на урегулирование деятельности в сфере информационных технологий, не всегда объективны, вследствие чего не дают желаемого результата. Данный факт находит подтверждение в статистическом сборнике Генеральной прокуратуры, где раскрываемость преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, составляет в среднем лишь 25 процентов[1]. Можно также предположить, что такая ситуация возникает по причине отсутствии понимания механизма контроля и защиты пользователей от вредоносного трафика. Согласно аналитическим данным, в 2024 году «ежедневно публикуется 7,5 миллиона сообщений в блогах»[2], доказывая тот факт, что контролировать и выявлять в таком потоке передаваемую и получаемую компьютерную информацию, противоречащую установленным законодательным нормам, просто невозможно.

В итоге законодатель был вынужден пойти по наиболее лёгкому пути – блокировки ресурсов, содержащих противоправный контент, без инициирования расследования преступной деятельности в сети Интернет.

В поисках решения вышеуказанной проблемы необходимо начать с исследования способов проверки и блокирования доступа к компьютерной информации на различных интернет-ресурсах. Проведя исследования по данному вопросу, И. Н. Хныкин заключил, что основания для блокировки доступа к информационным ресурсам всё чаще не требуют судебного решения. Исследователь также указывает, что «в большинстве случаев блокирования осуществляются именно в рамках специфических оснований Роскомнадзором по обращению уполномоченных органов» [2, с. 75].

Таким образом в спорных и сложно решаемых ситуациях законодатель предусмотрительно предоставляет возможность отдельным государственным органам (МВД РФ, Генеральная прокуратура РФ, Минюст, Росмолодёжь и т. д.), наделяя их правом ограничения доступа, самим решать, что делать с той или иной противоправной информацией. При этом упускается из виду одна из фундаментальных целей защиты и восстановления нарушенных прав граждан – достижение истины, а именно установление причастных к противоправному деянию лиц.

Бесспорно, данная функция возлагается на правоохранительные органы, которых законодатель, в частности, также наделил широким спектром прав по вопросам регулирования сферы информационных технологий, и должна выполняться ими. Полномочия представителей государственных органов, в том числе и на различных стадиях получения информации о противоправной деятельности лиц,

[1] Генеральная прокуратура Российской Федерации, портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения 07.01.2024).
[2] 100+ интернет-статистики и тенденций (обновление 2024г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.websiterating.com/ru/research/internet-statistics-facts/ (дата обращения 08.01.2024).

прописаны в ряде статей отдельных нормативных актов, а именно: в ст. 13 ФЗ «О Федеральной службе безопасности»[1], ст. 6, 8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[2], п. 4 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»[3], п. 1 ч. 3 ст. 7 ФЗ «О Следственном комитете»[4], ч. 1 ст. 22 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»[5], ст. 64 ФЗ «О связи»[6] и др.

Несмотря на это, законный механизм получения компьютерной информации, позволяющий опережать реализацию преступного умысла, является весьма ограниченным. Так, например, процесс поиска компьютерной информации начинается в большинстве случаев после момента совершения преступления и когда уже известно подозреваемое лицо.

При анализе вышеуказанных законов становится очевидным, что законодатель разграничивает возможности получения компьютерной информации, в частности именно на ту, которая требует разрешения суда, и на ту, которая может быть получена без его разрешения, однако до сих пор в нормативно-правовых актах чётко не прописано, какую информацию и в каком с технической точки зрения виде она должна фиксироваться и предоставляться. Например, рассмотрим ст. 64 ФЗ «О связи», где указано, что «операторы связи обязаны хранить на территории Российской Федерации информацию о фактах приёма, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений», из которой не понятно, в каком виде и при помощи какого программного обеспечения такая информация должна храниться и передаваться правоохранительным органам.

Иначе дело обстоит с сайтами, на которых была выявлена запрещённая законами компьютерная информация, которая оперативно вносится в «Единый реестр доменных имён, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» и которая впоследствии блокируется. Здесь из названия реестра очевидно, какая информация и в каком виде должна в него заноситься с целью дальнейшей блокировки.

Отдельно необходимо сказать, что собой представляет блокировка ресурса. Под последней понимают набор мер, принятых для предотвращения попадания определённого контента к конечному пользователю, включающего в себя предотвращение доступа пользователей к определённым веб-сайтам, адресам интернет-протоколов (*IP*), доменным именам [3, с. 12].

Список заблокированных Роскомнадзором сайтов пополняется ежедневно. По данному факту ряд исследователей уже выразил свою точку зрения, указывая на то, что блокировка сайтов с территории Российской Федерации показала свою практическую бесполезность в связи с тем, что достаточно изменить браузер или установить расширение *VPN* и можно без каких-либо трудностей отыскать необходимую информацию [4, с. 45; 5, с. 47]. А информацию, которая была размещена

---

[1] О федеральной службе безопасности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О Следственном комитете Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 17 января 1992 г. N 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] О связи [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на заблокированном ресурсе, можно повторно разместить на незаблокированном. К примеру, лицо, имея умысел создать ресурс с целью сбыта наркотических и психотропных веществ, разместило информацию на сайте с ценами и возможными вариантами продажи или пожелало найти заинтересованных лиц для совместного сбыта. Представим, что такой сайт был выявлен обычными пользователями, ссылка на сайт направлена в Роскомнадзор, которым ресурс впоследствии был заблокирован. Однако после выявления противоправной информации и её блокировки дальнейшие оперативные или следственные действия закономерно не проводятся, так как сотруднику правоохранительных органов пришлось бы применять механизмы обхода заблокированного ресурса, что может негативно повлиять на процессуальное оформление полученных материалов. Вместе с тем при отсутствии реакции со стороны правоохранительных органов пользователь, почувствовав свою безнаказанность, может разместить заблокированную информацию на другом сайте.

Если проанализировать существующие на сегодняшний день информационные ресурсы, предоставляющие возможность получать информацию обычным пользователям и размещённые на сайте Роскомнадзора, то можно заметить, что на последнем не встречаются ссылки на мессенджеры *Telegram* и *WhatsApp*, которые занимают лидирующие места в рейтинге посещений среди русскоязычных пользователей и которые Роскомнадзор не смог заблокировать [6, с. 203].

Следует признать, что информации, размещённой в мессенджерах, пользователи зачастую доверяют больше, чем, например, той, которая размещена на официально зарегистрированных сайтах средств массовой информации. По-видимому, это связано с отсутствием жёстких ограничений цензуры и модерации. Не являются исключением и социальные сети, где, хотя и можно пожаловаться на новость в сообществе, но её блокирование остаётся на совести создателя сообщества или администрации ресурса.

Справедливо сказано М. Ю. Середой, что нормативно-правовое регулирование, ограничивающее права и свободы в сети Интернет, предполагает в большей степени контроль и регламентирование поведения граждан и организаций, нежели наступление ответственности за противоправную деятельность. Как следствие, ответственность наступает в отношении физических и юридических лиц, не нарушающих законодательства [7, с. 84], например операторов связи.

Изучая вопрос ограничения доступа к интернет-ресурсам, Р. Т. Нуруллаев заметил, что такой способ противодействия противоправной деятельности в интернете весьма дискуссионный, поскольку затрагивает интересы широкого круга лиц – не только правообладателей и владельцев сайтов, но и операторов, предоставляющих доступ в сеть Интернет, и интернет-пользователей. Ограничение доступа к интернет-ресурсам также малоэффективно, поскольку обязанность блокировать доступ к сайту возлагается на интернет-провайдеров, которые не несут ответственности за возникающие на сайте нарушения. Следовательно, ограничение доступа к интернет-ресурсу не является формой ответственности за нарушение прав граждан, а значит, блокировка ресурса в лучшем случае может лишь затруднить доступ пользователей к нему [8, с. 172].

Такая деятельность видится нам малоэффективной и по той причине, что доступ к данным, размещённым на сайте, можно легко получить, используя анонимайзеры и различные VPN-сервисы. Нужно понимать, что данные сервисы позволяют подменять IP-адрес и предоставлять с него информацию под другим адресом.

Однако практика общения с курсантами, слушателями, студентами, а также с сотрудниками полиции показала, что знания о способах получения компьютерной информации о лицах, использующих анонимайзеры и различные *VPN*-сервисы,

остаются весьма поверхностными. Не будем приводить процентные соотношения, а лишь выделим несколько основных проблем: отсутствие знаний основ маршрутизации, непонимание работы специального программного обеспечения, направленного на анализ и хранение трафика пользователей, а также устоявшееся мнение о длительной процедуре получения компьютерной информации от интернет- и хостинг-провайдеров и операторов мобильной связи.

Делаем вывод, что компьютерная информация, которая могла быть использована с целью предотвращения или раскрытия преступления, блокируется, впоследствии получает статус запрещённой и, как следствие, в дальнейшем никак не используется. Действия государственных органов, направленные на деанонимизацию личности, оставившей компьютерную информацию, носящую противоправный характер в компьютерных сетях, в большинстве случаев так и остаются нереализованными[1].

Для решения обозначенных проблем стоит отметить, что современные компьютерные технологии уже сегодня позволяют пойти несколько иным путём, а именно способствовать выявлению лиц, распространяющих информацию противоправного характера. Так, например, компания «*Google*» не скрывает, что анализирует содержимое передаваемой электронной корреспонденции с целью выявления противоправного контента, о чём уведомляет правоохранительные органы[2]. Владелец компании «*Facebook*» Цукерберг также выражает желание отслеживать распространение противоправной и ложной информации в Интернете[3]. В свой черёд разработчики программного обеспечения, операторы связи и хостинг-провайдеры, осуществляющие свою деятельность на территории Российской Федерации, не всегда стремятся способствовать выявлению запрещённой информации и даже всячески пытаются противостоять выдаче последней [6, с. 203].

Поэтому с целью выявления лиц, разместивших запрещённый контент, стоит разработать несколько иной механизм идентификации пользователей, а именно автоматический механизм фиксации и передачи правоохранительным органам компьютерной информации в сети с максимальной привязкой к конкретному пользователю. Так, после признания компьютерной информации запрещённой необходимо в автоматическом режиме направить владельцу ресурса, содержащего данный контент, запрос с целью получения от него данных о пользователе, его разместившего. Параллельно с этим стоит разработать автоматизированный механизм получения от интернет- и хостинг-провайдеров информации об обращении к конкретному источнику на ресурсе, о наличии у них сведений о пользователях, которые разместили и получили доступ к запрещённому контенту. Считаем, что для предоставления и дальнейшей обработки такой информации целесообразно разработать ресурс для использования отдельными сотрудниками правоохранительных органов, на котором им будут доступны расширенные данные о запрещённой компьютерной информации, о содержащем такую информацию ресурсе и о пользователях, её разместивших и интересовавшихся ею. Для достижения данной цели законодатель уже подготовил благоприятные условия и в ст. 64 ФЗ «О связи» указал провайдерам

---

[1] Russian government offers money for identifying Tor users [Электронный ресурс]. URL: https://www.computerworld.com/article/2696828/russian-government-offers-money-for-identifying-tor-users.html (дата обращения 21.01.2024).

[2] Специалисты Google помогли полиции поймать педофила [Электронный ресурс]. URL: https://www.vesti.ru/article/1798976 (дата обращения 23.01.2024).

[3] Facebook за разжигание ненависти будет передавать данные пользователей [Электронный ресурс]. URL: https://spzh.news/ru/news/63219-facebook-za-razzhiganije-nenavisti-budet-peredavaty-dannyje-polyzovatelej (дата обращения 24.01.2024).

и операторам связи на необходимость хранить и предоставлять правоохранительным органам компьютерную информацию. Однако, по нашему мнению, законодательная терминология, фигурирующая в ст. 64, имеет определённую несовместимость с технической, из чего непонятно, какую именно информацию и как должен хранить и предоставлять оператор связи правоохранительным органам. Поэтому считаем целесообразным предложить свою классификацию компьютерной информации, предоставляемой правоохранительным органам:

1. Информация о ресурсе:

1) Интернет-адрес (доменное имя и IP- адрес ресурса).

2) Время регистрации ресурса.

3) Время размещения компьютерной информации на ресурсе.

4) IP-адрес, с которого и в какое время была размещена информация на ресурсе.

2. Информация о пользователе:

1) Время подключения и отключения пользователя от сети.

2) В какое время был присвоен IP-адрес пользователю.

3) IP-адреса пользователей, которые обращались к запрещённой компьютерной информации, с указанными при заключении договора с провайдером паспортными данными и временем их обращения.

4) Продолжительность соединения пользователя с ресурсом.

5) Объём в байтах переданных на сервер и полученных с сервера данных с указанием времени их передачи.

Не лишним будет задействовать различные механизмы и сервисы поиска по фото, текстовым и голосовым сообщениям, данным, оставленным пользователем при регистрации в социальных сетях, на досках объявлений и всех тех ресурсах, которые ранее им посещались. Полученные сведения целесообразно формировать в виде электронной справки «О деятельности пользователя в компьютерной сети».

Считаем, что в случае выявления на интернет-сайтах компьютерной информации, которая имеет признаки противоправного характера и впоследствии блокируется Роскомнадзором, необходимо законодательно закрепить, например в ст. 64 ФЗ «О связи», как основания для требования к операторам связи и хостинг-провайдерам незамедлительно предоставлять в справочной форме компьютерную информацию Роскомнадзору для дальнейшего направления правоохранительным органам с целью выявления пользователя, её разместившего, и недопущения совершения им противоправной деятельности. Как следствие, полученная компьютерная информация (IP-адрес, время подключения к ресурсу, объём передаваемой информации и т. д.), её расшифровка, анализ возможных механизмов и способов её передачи, используемого программного обеспечения предоставит сотруднику правоохранительных органов возможность не только раскрывать совершённое преступление, но и предотвращать его совершение.

---

1. Смирнов В. А., Юдин А. М. Распространение наркотических средств посредством сети «Интернет» // Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против здоровья населения и общественной нравственности): материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года. С-Пб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 437–444.

2. Хныкин И. Н. Право на информацию в Российской Федерации - ограничения конституционных прав граждан на информацию // Проблемы науки, № 11(47). 2019. С. 73–78.

3. Мужниекс Н. Свобода выражения мнения в интернете. Произвольное блокирование интернета угрожает свободе выражения мнения // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1 (49). С. 12–16.
4. Моросанова А. А. Социальные сетевые медиа и цифровые платформы в новых условиях: Quo vadis? // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2022. № 4. С. 39–63.
5. Глушков Е. Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети интернет: пути выявления и раскрытия // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 2. С. 45–53.
6. Степанов С. А., Иванова Е. А. Проблема «суверенного интернета» в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. № 2(10). С. 195–209.
7. Середа М. Ю. Механизм ограничения конституционных прав и свобод человека в сети Интернет // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. 2013. № 2(15). С. 83–93.
8. Нуруллаев Р. Т. Ограничение доступа к интернет-ресурсам как новый способ противодействия нарушениям авторских прав // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 2. С. 171–181.

1. Smirnov V. A., Yudin A. M. Rasprostranenie narkoticheskix sredstv posredstvom seti «Internet» // Ugolovnoe pravo Rossii: sostoyanie i perspektivy` (prestupleniya protiv zdorov`ya naseleniya i obshhestvennoj nravstvennosti): materialy` VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Volzhenkinskie chteniya», Sankt-Peterburg, 27 noyabrya 2020 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii, 2020. S. 437–444.
2. Xny`kin I. N. Pravo na informaciyu v Rossijskoj Federacii - ogranicheniya konstitucionny`x prav grazhdan na informaciyu // Problemy` nauki, №. 11 (47). 2019. S. 73–78.
3. Muzhnieks N. Svoboda vy`razheniya mneniya v internete. Proizvol`noe blokirovanie interneta ugrozhaet svobode vy`razheniya mneniya // Precedenty` Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. 2018. № 1 (49). S. 12–16.
4. Morosanova A. A. Social`ny`e setevy`e media i cifrovy`e platformy` v novy`x usloviyax: Quo vadis? // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. E`konomika. 2022. № 4. S. 39–63.
5. Glushkov E. L. Sby`t narkoticheskix sredstv beskontaktny`m sposobom posredstvom seti internet: puti vy`yavleniya i raskry`tiya // Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2018. № 2. S. 45–53.
6. Stepanov S. A., Ivanova E. A. Problema «suverennogo interneta» v Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie. 2023. №. 2 (10). S. 195–209.
7. Sereda M. Yu. Mexanizm ogranicheniya konstitucionny`x prav i svobod cheloveka v seti Internet // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: pravo. 2013. № 2 (15). S. 83–93.
8. Nurullaev R. T. Ogranichenie dostupa k internet-resursam kak novy`j sposob protivodejstviya narusheniyam avtorskix prav // Trudy` Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2015. №. 2. S. 171–181.

Информация об авторе

Виталий Владимирович Павлюков. Преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники.

Луганский филиал Воронежского института МВД России.

91001, Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Пушкина, 1.

Information about the author

Vitaly V. Pavlyukov. Teacher of the chair of Operational Search Activity and special technic.

Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

91001, Russia, Luhansk People's Republic, Lugansk, Pushkin str., 1.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted March 6, 2024; approved after reviewing April 12, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОСТВ

Поздышев Роман Сергеевич
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

rmanpzdyshev@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемные вопросы, возникающие в ходе расследования преступлений, связанных с криминальными банкротствами. Рассматриваются критерии соотношения неправомерных действий при банкротстве, преднамеренного банкротства и мошенничества. Исследуются дискуссионные моменты признания потерпевшими, установления характера и размера вреда, причиненного преступление. Предпринимается попытка разрешения конкуренции уголовного и уголовно-процессуального законодательства с законодательством, регламентирующим процедуру банкротства.

Ключевые слова: криминальное банкротство, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, мошенничество, потерпевший, конкуренция норм права.

Для цитирования: Поздышев Р. С. Проблемы расследования криминальных банкротств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 233–241.

PROBLEMS OF CRIMINAL BANKRUPTCY INVESTIGATION

Roman S. Pozdyshev
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

rmanpzdyshev@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the problematic issues that arise during the investigation of crimes related to criminal bankruptcies. The criteria of the ratio of illegal actions in bankruptcy, intentional bankruptcy and fraud are considered. The debatable points of recognition the statusof victims, establishing the nature and extent of the harm caused by the crime are investigated. An attempt is being made to resolve the competition of criminal and criminal procedure legislation with the legislation regulating the bankruptcy procedure.

Keywords: criminal bankruptcy, illegal actions in bankruptcy, intentional bankruptcy, fraud, victim, competition of legal norms.

For citation: Pozdyshev R. S. Problems of criminal bankruptcy investigation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 233–241.

Предпринимательская деятельность характеризуется повышенным риском и процедура банкротства является ее нормальной составляющей. Данный институт гражданского права имеет две основные цели: первая – восстановление платежеспособности должника и недопущение его несостоятельности, вторая –

справедливая реализация имущества должника между его кредиторами в тех случаях, когда реализовать первую цель не представилось возможным.

Согласно информации из Единого федерального реестра сведений о банкротстве, в 2022 году было 9 055 процедур банкротств юридических лиц. Ежегодно данный показатель находится в районе значения 10 000 процедур, а доля реабилитационных процедур ежегодно не превышает 2 %. То есть первая цель института банкротства, связанная с восстановлением платежеспособности должника, не достигается в более чем в 98 % случаев. Доля дел, в результате которых у должника совершенно нет имущества для удовлетворения требований кредиторов, ежегодно составляет примерно 60 %. В этих случаях отсутствует погашение задолженности перед кредиторами, в том числе и перед бюджетом Российской Федерации. В последующем непогашенная задолженность списывается, а виновные в причинении ущерба кредиторам лица остаются безнаказанными. Всего в 2022 году в реестр кредиторов было включено требований на общую сумму 3567, 7 млрд рублей, из которых удовлетворено только 243, 9 млрд рублей, что составляет 6,8 %.

Рассмотренные статистические показатели свидетельствуют о наличии серьезных проблем как в гражданско-правовой составляющей института банкротства, так и в уголовно-правовой охране данных общественных отношений. Второй группе обозначенных проблем посвящена настоящая научная статья.

Криминальные банкротства в российском уголовном праве представлены тремя статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[1], предусматривающими ответственность за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ). Данные составы преступлений неоднократно становились предметом научных исследований [1; 2; 3; 4].

Согласно статистическим данным ФКУ «ГИАЦ МВД России»[2], в 2022 году выявлены 154 преступления (-29,0 %), предусмотренных ст.ст. 195–197 УК РФ, расследованы 117 (-9,3 %) преступлений, уголовные дела о 73 (+22,0 %) преступлениях направлены в суд. Установлено 123 (-21,7 %) лица, совершивших преступления указанной категории, уголовные дела в отношении 64 лиц (-12,3 %) направлены в суд. Ущерб по выявленным преступлениям составил 4,8 млрд руб., возмещено более 1,8 млрд руб. (39,1 %). Ежегодно значительную долю среди всех выявленных преступлений данной категории занимают преднамеренные банкротства (около 70 %), на втором месте по количеству неправомерные действия при банкротстве (около 30 %), фиктивные банкротства носят единичный характер. Если говорить о фактическом внешнем выражении данных деяний, то их абсолютное большинство представлено в виде отчуждения имущества должника, а квалификация данных деяний по ст. 195 УК РФ или ст. 196 УК РФ зависит от обстоятельств их совершения.

Поскольку криминальные банкротства связаны с причинением имущественного вреда кредиторам, а действия преступников нередко связаны с обманом или злоупотреблением доверием в той или иной форме, при квалификации преступлений могут возникать вопросы соотношения данных преступлений с мошенничествами.

---

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

[2] Состояние преступности в Рос. Федерации за январь - декабрь 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (дата обращения: 12.12.2023).

Приговор Нижегородского районного суда от 27 апреля 2020 года по делу № 1-37/2020. [Электронный ресурс]. URL: https://nizegorodsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=75619914&case_uid=4c26525a-c893-4c50-85b5-f07e824dffa7&delo_id=1540006 (дата обращения: 29.04.2023).

Анализ материалов следственной и судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с процедурой банкротства, показал, что одним из способов неправомерного отчуждения имущества должника является включение в реестр требований кредиторов фиктивной кредиторской задолженности. В данных условиях основным критерием разграничения неправомерных действий при банкротстве и мошенничества будет осведомленность и участие должника или контролирующих его лиц во включении фиктивных требований кредиторов в реестр. В случае, если данные действия проводятся должником, их следует квалифицировать по ст. 195 УК РФ, если иными лицами – по ст. 159 УК РФ. Одним из таких примеров является расследование уголовного дела в СУ УМВД России по г. Нижнему Новгороду о покушении фактического руководителя ООО «Компания «Парма» К. на хищение 372,4 млн руб. путем предоставления в Арбитражный суд Нижегородской области заявления о включении в реестр требований кредиторов индивидуального предпринимателя М. на основании подложного договора о ее мнимом поручительстве за ОАО «Универсам Нижегородский» по неисполненному последним возврату займа. 27 апреля 2020 года Нижегородским районным судом г. Нижнего Новгорода К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, приговорен к 4 годам лишения свободы[1].

Признаками фиктивности требований о включении кредиторской задолженности в конкурсную массу могут быть:

– аффилированность (зависимость) должника по отношению к кредитору;

– вхождение кредитора в одну группу лиц с должником, в том числе в цепочку производственных связей;

– создание видимости возникновения обязательств, вытекающих из договора займа: транзитное перечисление заемных денежных средств без цели достижения заявленных результатов, что может свидетельствовать об отсутствии доказательств их использования в хозяйственной деятельности предприятия, изготовление документов о подложном поручительстве за заёмщика;

– утверждение о факте передачи крупных сумм заемных денежных средств наличными в кассу предприятия;

– отсутствие в бухгалтерской отчетности сведений о поступлении и использовании сумм займа;

– отсутствие для должника экономической выгоды при заключении сделки;

– принятие должником на себя значительного объема денежных обязательств по сравнению с имеющимися активами денежного обязательства, не имея реальной возможности его исполнить;

– оказание кредитором услуг должнику без встречного обеспечения;

– подозрительные условия оплаты (вексельная схема, уступка прав требований (цессия), длительные сроки оплаты по сделке);

– непринятие кредитором мер по взысканию задолженности либо по принудительному исполнению решения суда о взыскании с должника долга;

– выводы криминалистической экспертизы правоохранительных органов о подделке документов и подложности подписей на документах [5].

Разграничение преступлений, предусмотренных ст.ст. 159 и 196 УК РФ следует проводить по совокупности критериев, характеризующих субъективную и

[1]Приговор Нижегородского районного суда от 27 апреля 2020 года по делу № 1-37/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://nizegorodsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=75619914&case_uid=4c26525a-c893-4c50-85b5-f07e824dffa7&delo_id=1540006 (дата обращения: 29.04.2023).

объективную сторону данных преступлений. Наглядно данные критерии можно представить через три модели преступной деятельности.

Первая модель: субъект преступления путем обмана или злоупотребления доверием похищает имущество потерпевшего под видом заключения гражданско-правовой сделки. С целью избежания уголовной ответственности и маскировки преступления под гражданско-правовые отношения в дальнейшем субъект преступления инициирует процедуру банкротства. Данные действия полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Дополнительной квалификации по ст. 196 УК РФ не требуется[1].

Вторая модель: обстоятельства преступления аналогичны первой модели, но дополнительно при процедуре банкротства, изначально запланированной преступником, причиняется крупный ущерб иным кредиторам, а не только потерпевшему от мошеннических действий. В данном случае необходимо квалифицировать действия субъекта преступления по совокупности ст.ст. 159 и 196 УК РФ.

Третья модель: при заключении гражданско-правовых сделок с контрагентами у должника изначально нет умысла на причинение им имущественного вреда, его действия не связаны с хищением их имущества, а направлены на осуществление нормальной хозяйственной деятельности. В дальнейшем у должника, уже имеющего кредиторскую задолженность, возникает умысел избежать исполнения данных обязательств, и он совершает сделки, влекущие неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов. Данное деяние следует квалифицировать по ст. 196 УК РФ.

Как указано выше, квалификация действий субъекта преступления в значительной степени зависит от момента возникновения его умысла. Данный элемент состава преступления является сложным в доказывании и устанавливается путем проверки объективных данных. В таких случаях необходимо устанавливать была ли реальная возможность исполнения взятых на себя должником обязательств, соответствие характера финансово-хозяйственной деятельности должника взятым на себя обязательствам, конкретные действия должника, направленные на исполнение обязательств и др. [6].

Круг лиц, которым в результате криминальных банкротств может быть причинен имущественный вред, является достаточно широким. Исходя из признаков банкротства, закрепленных в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ «О несостоятельности (банкростве)»)[2], выделяются три группы требований, при неудовлетворении которых лицо может быть признано банкротом:

требования кредиторов по денежным обязательствам;

требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору;

обязанность по уплате обязательных платежей.

В соответствии с обозначенными группами можно определить круг потерпевших от криминальных банкротств.

По первой группе потерпевшими признаются кредиторы должника – физические

[1] В юридической практике встречаются случаи дополнительной квалификации таких действий по ст. 196 УК РФ. Однако, автор, признавая данный вопрос дискуссионным, придерживается точки зрения, согласно которой составом мошенничества полностью охватываются и действия по изъятию имущества, и действия по сокрытию следов преступления путем проведения процедуры банкротства, и наступление общественно опасных последствий в виде материального ущерба.

[2] О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон Рос. Федерации от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

и юридические лица.

По второй группе потерпевшими признаются лица, работающие или работавшие по трудовому договору.

По третьей группе потерпевшими должны признаваться бенефициары обязательных платежей. В законодательстве отсутствует определение данного юридического понятия. Исходя из системного толкования норм отечественного права, в частности ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ)[1], можно прийти к выводу о том, что под обязательными платежами понимаются налоги, сборы и страховые взносы, уплачиваемые в бюджет или внебюджетные фонды [7].

Данные обязательные платежи уплачиваются на трех уровнях: федеральном, субъекта федерации и муниципальном. Например, налоги и сборы в соответствии со ст.ст. 12, 13, 14, 15 НК РФ разделяются на федеральные, региональные и местные. В зависимости от этого потерпевшими будут разные лица. На федеральном уровне данный вопрос урегулирован постановлением Правительства Российской Федерации от 29.05.2004 № 257 «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве»[2]. Согласно п. 2 данного нормативного правового акта Федеральная налоговая служба Российской Федерации (далее – ФНС России) является федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на представление в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, требований об уплате обязательных платежей и требований Российской Федерации по денежным обязательствам (в том числе по выплате капитализированных платежей).

Исходя из анализа материалов судебной и следственной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 195 и 196 УК РФ, наиболее часто у должников имеются неисполненные обязанности по уплате обязательных платежей, связанных с налогом на добавленную стоимость, налогом на прибыль организации, упрощенной системой налогообложения, единым сельскохозяйственным налогом, отчислениями в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. В данных случаях субъектом требований об уплате обязательных платежей выступает Российская Федерация, поэтому в качестве потерпевшего признается ФНС России. В юридической практике также встречаются неисполненные обязанности по уплате иных обязательных платежей, которые осуществляются не на федеральном уровне.

В производстве следователей ГСУ ГУ МВД России по Краснодарскому краю находилось уголовное дело по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 196, ч. 1 ст. 195 УК РФ. В качестве потерпевшего признано подразделение ФНС России, представитель которого наравне с требованиями об уплате обязательных платежей в федеральный бюджет указал на ущерб, образованный в связи с неуплатой должником транспортного налога и налога на имущество организаций, которые в соответствии со ст. 14 НК РФ относятся к региональным налогам. Соответственно требования об их уплате исходят не от имени Российской Федерации, а от имени органов государственной власти Краснодарского края.

В производстве следователей ГСУ МВД по Республике Татарстан находилось уголовное дело по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного

[1]Налоговый кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3824.

[2]Об обеспечении интересов Рос. Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве: постановление Правительства Рос. Федерации от 29 мая 2004 г. № 257// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 23, ст. 2310.

ст. 196 УК РФ. В качестве потерпевшего признано подразделение ФНС России, представитель которого наравне с требованиями об уплате обязательных платежей в федеральный бюджет указал на ущерб, образованный в связи с неуплатой должником налога на имущество физических лиц, который в соответствии со ст. 15 НК РФ относится к местным налогам. Соответственно требования об их уплате исходят не от имени Российской Федерации, а от имени органов местного самоуправления.

В подобных случаях представляется юридически правильным признавать потерпевшими соответствующие компетентные органы государственной власти субъектов Российской Федерации или местного самоуправления. Отсутствие в обвинительном заключении по уголовному делу данных о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением, может являться препятствием постановлению судом приговора и основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Анализ информационно-аналитических материалов, предоставленных следственными подразделениями МВД России, а также результаты интервьюирования следователей, обладающих опытом проведения доследственных проверок и расследования криминальных банкротства, выявил проблему, связанную с приданием завышенного значения процессуальным актам, принятым в ходе процедуры банкротства. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть некоторые аспекты соотношения конкурирующих отраслей права.

Уголовное судопроизводство и институт банкротства представляют различные подсистемы права – публичное и частное. Соответственно, они регулируют различные общественные отношения, имеют разные цели и используют разные методы правового регулирования. Однако, когда заходит речь о криминальном банкротстве, довольно сложно провести четкую грань между обозначенными общественными отношениями, осложненными идущими параллельно и нередко конкурирующими друг с другом процедурой банкротства и уголовным процессом. Несмотря на то, что проблема конкуренции норм уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства неоднократно рассматривалась в юридической науке, окончательно ее решить не удалось [8; 9].

Стоит справедливо заметить, что обстоятельства, установленные арбитражным судом при рассмотрении дела о банкротстве, нередко упрощают работу следователей. Арбитражным судом могут быть установлены факты, имеющие значение для предварительного расследования, а также сделаны выводы о правомерности или неправомерности действий должника со ссылками на нормы гражданского права. Ценность таких выводов еще более возрастает с учетом того, что следователи обычно не имеют глубоких познаний частноправовых отраслей законодательства. В соответствии с правилами преюдиции, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Следует сделать существенное замечание, что в ст. 90 УПК РФ говорится только об установленных судом фактических обстоятельствах, а не об их юридическом значении. Следователям необходимо признавать доказанными определенные факты, изложенные в решении суда, а интерпретировать их следует с учетом требований уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Так, например, в соответствии с гл. 3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» общий срок давности оспаривания сделок должника составляет 1 год. Также имеются специальные сроки в определенных случаях: например, для сделок, совершенных должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, данный

срок составляет 3 года, а для сделок, влекущих оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами, – 1 месяц. С учетом данных положений, арбитражный управляющий проводит анализ финансового состояния должника за три года до принятия заявления о признании лица банкротом, а арбитражный суд в силу закона не полномочен признать недействительной сделку должника за пределами указанных сроков. Для целей уголовного закона данные сроки значения не имеют, следует лишь учитывать сроки давности привлечения к уголовной ответственности. С учетом того, что значительная доля криминальных банкротств представлена продолжаемыми преступлениями, то, в отличие от вышеприведенных правил исчисления сроков в процедуре банкротства, сроки давности привлечения к уголовной ответственности будут исчисляться с момента окончания преступления, а не совершения должником отдельных действий. Таким образом, следователи при установлении обстоятельств расследуемого преступления не должны ограничиваться сроками, установленными ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а факт непризнания арбитражным судом определенных сделок должника недействительными не должен являться препятствием для признания их преступными в рамках уголовного судопроизводства.

Интересной представляется конкуренция мер процессуального принуждения в рамках гражданского и уголовного процессов. В соответствии с п. 1 ст. 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства снимаются ранее наложенные аресты на имущество должника и иные ограничения распоряжения имуществом должника. Однако в соответствии со сложившейся юридической практикой данное требование не распространяется на наложение ареста на имущество в рамках предварительного расследования.

В ходе расследования следственными подразделениями ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю уголовного дела был наложен арест на 91 объект имущества, принадлежащий ООО «К», единственным участником которого являлся обвиняемый. От конкурсного управляющего поступило ходатайство, в котором последняя просила снять все наложенные аресты на все транспортные средства должника и передать их по акту приема-передачи представителю конкурсного управляющего. Красноярский краевой суд в своем решении указал, что ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не регулирует вопросы уголовного судопроизводства, в связи с чем арест, наложенный в рамках уголовного дела, не может быть снят с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом в порядке, предусмотренном ст. 126 этого закона. Вопрос о снятии ареста, наложенного на имущество в порядке ст. 115 УПК РФ, на стадии досудебного производства отнесен законом к компетенции лица, в производстве которого находится уголовное дело[1].

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы.

Критерием разграничения неправомерных действий и мошенничества при включении в реестр требований кредиторов фиктивной кредиторской задолженности является осведомленность и участие должника или контролирующих его лиц во включении данных фиктивных требований в реестр. В случае, если данные действия проводятся должником, их следует квалифицировать по ст. 195 УК РФ, если иными лицами – по ст. 159 УК РФ.

Если в результате совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 195–197

[1]Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 18 февраля 2020 г. по делу № 22к-902/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZVpYP3EwcVWC/ (дата обращения: 12.05.2023).

УК РФ, причиненный ущерб выражен в виде неуплаты обязательных платежей, необходимо устанавливать уровень бюджета и внебюджетных фондов, которым он причинен. Если ущерб причинен на федеральном уровне, то в качестве потерпевшего признается ФНС России. Если ущерб причинен на уровне субъекта федерации или на уровне муниципалитета, в качестве потерпевшего необходимо признавать компетентные органы государственной власти субъекта федерации или органы местного самоуправления.

Правовые акты арбитражного управляющего и арбитражного суда, вынесенные в рамках проведения процедуры банкротства, имеют важное значение в ходе предварительного расследования преступлений, предусмотренных ст.ст. 195–197 УК РФ. В данных документах могут отражаться имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, на базе которых органы следствия планируют работу и определяют ее основные направления. Не следует придавать завышенное значение данным правовым актам, поскольку цели, задачи, методы и подходы к оценке доказательств в рамках уголовного и гражданского судопроизводства имеют существенные отличия.

1. Савченко М. М. Генезис российского уголовного законодательства об ответственности за кредитное мошенничество // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 1(90). С. 80–86.
2. Шикин В. М. Некоторые проблемы выявления и раскрытия криминальных банкротств // Право и управление. 2023. № 5. С. 314–318.
3. Жупарова И. А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые при несостоятельности (банкротстве) // Синергия Наук. 2023. № 80. С. 244–260.
4. Субачев А. К. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности за криминальное банкротство: критическая оценка законодательной новеллы // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 8(189). С. 99–107.
5. Поздышев Р. С. Установление признаков преднамеренного банкротства в условиях отсутствия документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность должника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3(63). С. 61–65.
6. Вопросы квалификации мошенничеств, предусмотренных ст.ст. 1591–1596 УК РФ: теоретико-прикладное обоснование / А. В. Петрянин, Г. Х. Шаутаева, О. А. Петрянина, Д. В. Пачурин // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 9-1. С. 58–66.
7. Антипов В. М. Понятие и виды обязательных платежей и санкций // Молодой ученый. 2020. № 41 (331). С. 79–81.
8. Оленников, С. М. Соотношение гражданско-правового и уголовно-правового регулирования имущественных отношений на примере квалификации сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия и угроз. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право, 9(3). С. 383–396.
9. Смаилова И. М. К вопросу о межотраслевой конкуренции уголовного и гражданского законодательства при квалификации мошенничества // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2012. № 3(27). С. 170–175.

1. Savchenko M. M. Genezis rossijskogo ugolovnogo zakonodatel`stva ob otvetstvennosti za kreditnoe moshennichestvo // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2022. № 1(90). S. 80–86.
2. Shikin V. M. Nekotory`e problemy` vy`yavleniya i raskry`tiya kriminal`ny`x

bankrotstv // Pravo i upravlenie. 2023. № 5. S. 314–318.
3. Zhuparova I. A. Ugolovnaya otvetstvennost` za prestupleniya, sovershaemy`e pri nesostoyatel`nosti (bankrotstve) // Sinergiya Nauk. 2023. № 80. S. 244–260.
4. Subachev A. K. Special`noe osnovanie osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti za kriminal`noe bankrotstvo: kriticheskaya ocenka zakonodatel`noj novelly` // Lex Russica (Russkij zakon). 2022. T. 75, № 8(189). S. 99–107.
5. Pozdy`shev R. S. Ustanovlenie priznakov prednamerennogo bankrotstva v usloviyax otsutstviya dokumentov, otrazhayushhix finansovo-xozyajstvennuyu deyatel`nost` dolzhnika // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2023. № 3(63). S. 61–65.
6. Voprosy` kvalifikacii moshennichestv, predusmotrenny`x st.st. 1591–1596 UK RF: teoretiko-prikladnoe obosnovanie / A. V. Petryanin, G. X. Shautaeva, O. A. Petryanina, D. V. Pachurin // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2020. T. 10, № 9-1. S. 58–66.
7. Antipov V. M. Ponyatie i vidy` obyazatel`ny`x platezhej i sankcij // Molodoj ucheny`j. 2020. № 41 (331). S. 79–81.
8. Olennikov, S. M. Sootnoshenie grazhdansko-pravovogo i ugolovno-pravovogo regulirovaniya imushhestvenny`x otnoshenij na primere kvalifikacii sdelok, sovershenny`x pod vliyaniem obmana, nasiliya i ugroz. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo, 9(3). S. 383–396.
9. Smailova I. M. K voprosu o mezhotraslevoj konkurencii ugolovnogo i grazhdanskogo zakonodatel`stva pri kvalifikacii moshennichestva // Vestnik Instituta zakonodatel`stva i pravovoj informacii Respubliki Kazaxstan. 2012. № 3(27). S. 170–175.

Информация об авторе

Роман Сергеевич Поздышев. Начальник кафедры предварительного расследования. Кандидат юридических наук.
Нижегородская академия МВД России.
603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

Information about author

Roman S. Pozdyshev. Chief of the Department of Preliminary Investigation. Candidate of Legal Sciences.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3.

Статья поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted December 27, 2023; approved after reviewing April 5, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.98

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ПРОГРАММЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЁННЫХ В СФЕРЕ ИНВЕСТИЦИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Рахимов Фаридун Давлаталиевич
Санкт-Петербургский университета МВД России, Санкт Петербург, Россия

rakhimovf97@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена криминалистическому изучению типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования, их значению в деятельности по расследованию преступлений в общетеоретическом аспекте и деятельности по расследованию мошенничеств, совершённых в сфере инвестиций. Даётся характеристика первоначальному этапу расследования, многообразию следственных ситуаций и их дифференциации согласно традиционному делению уголовного процесса на этапы расследования. Рассмотрены действия следователя с учётом объективных и субъективных факторов, условий и типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования данного вида преступлений.

Ключевые слова: мошенничество в сфере инвестиций, типичные следственные ситуации, следственные действия, первоначальный этап расследования, методические рекомендации, программы действий следователя.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя профессора кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России доктора юридических наук, профессора С. У. Дикаева.

Для цитирования: Рахимов Ф. Д. Типичные следственные ситуации и программы расследования мошенничеств, совершённых в сфере инвестиций на первоначальном этапе расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 242–250.

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AND INVESTIGATION PROGRAMS OF CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF INVESTMENTS AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION

Faridun D. Rakhimov
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

rakhimovf97@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the criminalistic study of typical investigative situations of the initial stage of investigation, their significance in the activity of crime investigation in the general theoretical aspect and the activity of investigation of frauds committed in the field of investment. The article characterizes the initial stage of investigation, the diversity of investigative situations, and their differentiation according to the traditional division of the criminal process into stages of investigation. It also

characterizes the actions of the investigator taking into account objective and subjective factors, conditions and typical investigative situations that develop at the initial stage of investigation of this type of crime.

Keywords: fraud in the sphere of investments; typical investigative situations, investigative actions, initial stage of investigation, methodological recommendations, programs of investigator's actions.

Gratitude: The work was carried out with the support of the supervisor, Professor S.U. Dikaev, Doctor of Law, Professor, Department of Criminalistics, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Professor S. U. Dikaev, Doctor of Law, Doctor of Science, Professor.

For citation: Rakhimov F.D. Typical investigative situations and investigation programs of crimes committed in the field of investments at the initial stage of the investigation. Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 242–250.

Понятийный аппарат представляет особую значимость для любой из наук криминального цикла. Определение следственной ситуации и первоначального этапа расследования не является исключением. Современная теория криминалистики признаёт ситуационный подход в вопросах организации следственных и иных процессуальных действий в качестве основополагающего способа расследования различных видов преступлений. Г. М. Ризванов определяет «совокупность условий, под воздействием которых происходит предварительное расследование, образует термин следственная ситуация» [1, с. 20]. Следственная ситуация зависит от ряда объективных и субъективных факторов, в совокупности и под воздействием которых обстановка расследования пребывает в постоянной динамике. В таком случае нельзя не согласиться с председателем Следственного Комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкиным, отметившим, что характер и последовательность первоначальных действий зависят в основном от складывающейся следственной ситуации, её характера и степени благоприятности перспектив её развития [2, с. 5].

По поводу следственной ситуации, ситуационного подхода и их значения в вопросах организации предварительного расследования имеются многочисленные работы исследователей-криминалистов, из которых нами сформированы общие точки зрения по содержанию и определению данного понятия. Р. С. Белкин писал о следственной ситуации в двух формулировках как о совокупности условий, имевшихся на момент расследования уголовного дела, и обстановке, в которой находится следствие на данный конкретный момент времени [3, с. 91], тем самым признавая тождественными понятия «следственная ситуация» и «обстановка расследования». В качестве обоснования своей точки зрения Р. С. Белкин писал, что субъективные факторы, такие как психологическое состояние следователя, поведение лиц и объективные факторы, а именно: собранная либо отсутствующая на данный момент расследования доказательственная и ориентирующая информация, уровень взаимодействия следователя с органом дознания и т. п., воздействуя на следственную ситуацию, одновременно влияют и на состояние отдельных её компонентов (объём доказательств, необходимых для разрешения уголовного дела, выбор тактики и стратегии расследования, психологический аспект – мотивация участников уголовного судопроизводства и их взаимодействие), из которых складывается обстановка расследования, приводя к возможным изменениям в намеченном плане следственных действий и производства предварительного расследования в целом.

Сторонником теоретических взглядов Р. С. Белкина является С. И. Коновалов, считавший следственную ситуацию исключительно криминалистическим термином, для

которого отличительным признаком является организованность системы и динамичность условий криминалистической деятельности [4, с. 80]. Динамичность условий требует от следователя такой же своевременной реакции в случае адаптации к изменяющимся обстоятельствам в процессе расследования, для чего важно учитывать не только информацию, которой располагает следствие на момент производства процессуальных действий, но также возможные отклонения от намеченного плана с учётом предполагаемых изменений в складывающейся следственной ситуации и обстановке расследования. Соглашаясь с мнением С. И. Коновалова, отметим, что динамичность – это качество не только следственной ситуации и процесса расследования уголовного дела в целом, динамичность проявляется, прежде всего, в процессуальной деятельности следователя, где он должен адаптировать свои действия с учётом уровня компетенции и профессионализма к конкретным обстоятельствам каждого дела в зависимости от складывающейся следственной ситуации и этапа расследования.

В. В. Кубанов об этом писал следующее: для оптимизации расследования и многообразия следственных ситуаций наиболее оптимальным решением является их дифференциация с учётом традиционного деления этапов расследования на первоначальный, последующий и заключительный. Автор в своих рассуждениях отдавал особое значение первоначальному этапу, начинавшемуся с момента возбуждения уголовного дела, на котором решаются задачи проверки типичных версий, уяснения фактов, сбора доказательств и розыска подозреваемого в случае установления лица и его причастности к расследуемому преступлению. В этом смысле В. В. Кубанов является сторонником идеи, что только следственные ситуации первоначального этапа обладают той степенью информативности, что и фактические данные в их совокупности, полученные в ходе расследования, могут представлять собой полную и объективную картину расследуемого события на любой конкретный момент времени, «и позволяют следователю дать им надлежащую оценку и принять вытекающие из этой оценки решения о своих дальнейших действиях» [5, с. 59].

Мы согласны с мнением В. В. Кубанова, поскольку следственные ситуации каждого из этапов расследования, имея схожее наименование, отличаются вместе с тем объёмом и качеством криминалистически значимой информации. Если не считать благоприятную следственную ситуацию, когда лицо задержано и даёт показания, в остальных случаях на первоначальном этапе следователь испытывает дефицит доказательственной информации, и при переходе на последующий этап, который начинается с предъявления обвинения, эти проблемные аспекты, которые свойственны первоначальному этапу, чаще всего отпадают либо не проявляются, потому что, во-первых, предъявление обвинения обознчает, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, уже установлено; во-вторых, на этом этапе собранные доказательства объективно свидетельствуют о причастности данного лица к расследуемому преступлению, что во многом упрощает процесс расследования. Для следователя, например, принявшего в производство такое уголовное дело, в котором следственные ситуации формируются уже на последующем этапе расследования, задача первоначального этапа утрачивает смысл.

Схожего мнения придерживается В. В. Зеленский, считая, что первоначальный этап, который традиционно начинается после этапа предварительной проверки с момента возбуждения уголовного дела и до предъявления обвинения, осуществляется непрерывно, и этот процесс может продолжаться вплоть до истечения сроков давности, потому что не по каждому преступлению лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, удаётся установить [6, с. 89]. Для него (первоначального этапа) характерно, прежде всего, производство неотложных следственных действий, сбор основной доказательственной базы, выдвижение первоначальных следственных версий,

составление плана расследования с учётом имеющихся в распоряжении следственных органов материалов и обоснованных предположений, касающихся сущности расследуемого события, именуемых в теории криминалистической версией, практическое значение которых состоит именно в возможности планирования расследования. Соглашаясь с мнением В. В. Зеленского, вместе с тем считаем, что подход к определению следственной ситуации, её значения для первоначального этапа расследования требует дополнений.

Во-первых, то, что на первоначальном этапе расследования возникает необходимость в производстве неотложных следственных и иных процессуальных действий, не вызывает у нас никаких сомнений, оно является общепринятым и не требует оспаривания на предмет целесообразности его изложения. Но вместе с тем нет указания на то, что их производство осуществляется не только согласно положениям и требованиям уголовно-процессуального законодательства, но ещё в соответствии с рекомендациями, изложенными в виде методик расследования отдельных видов преступлений. Здесь же следует отметить, что нет указания на цель, с которой следователь планирует следственные и иные процессуальные действия. В этом случае конечным результатом является установление каждого из обстоятельств, подлежащих доказыванию (событие преступления, виновность лица, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого и т. п.).

Во-вторых, нет указания на то, что на основе полученных объективных данных конкретизируются обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, образуя предмет доказывания.

В-третьих, отсутствует логическое обоснование выдвижения следственных версий для проверки следственных ситуаций. В данном случае требовалось указать, что таким образом выводятся логические следствия из каждой версии. Только таким путём определяются обстоятельства, подлежащие доказыванию, и, предшествуя этому, их установление по уголовному делу. В результате последовательных действий следователя на первоначальном этапе создаётся структура предстоящего расследования.

Следовательно, вопросы, связанные с организацией первоначального этапа расследования, приобретают особое значение, когда последовательно учитываются все необходимые элементы: определяются силы и средства для неотложных следственных действий, устанавливается взаимодействие между участниками уголовного судопроизводства с каждой из сторон процесса и, наконец, определяются цели и составляется план расследования. По мнению В. А. Мещерякова, следственная ситуация образует тот основной «пласт», ориентируясь на который, следователь (субъект расследования) принимает тактические решения, направленные на разрешение уголовного дела [7, с. 76].

По нашему мнению, идея о том, что следственная ситуация формирует основу для принятия тактических решений следователя, является вполне логичной и широко применяемой в криминалистике, так как, опираясь на неё, с учетом субъективных и объективных условий, субъект расследования принимает взвешенные тактические решения, направленные на эффективное разрешение уголовного дела. В подтверждение наших рассуждений о криминалистической природе следственных ситуаций приведём цитату С. В. Баринова, что «учёт следственной ситуации позволяет следователю принять более правильное решение, применить необходимые тактические приёмы» [8, с. 159].

По справедливому утверждению Г. М. Ризванова, разнообразие факторов и переменных обстоятельств, которые испытывает следователь в ходе организации производства предварительного расследования, приводит к такому же разнообразию следственных ситуаций, для которых характерно ещё большее количество

следственных версий [9, с. 20]. Следует заметить, что, выдвигая версии для проверки следственных ситуаций, необходимо убедиться в их правильной постановке сообразно складывающейся на момент расследования следственной ситуации. После чего от следователя требуется грамотно и тактически верно перейти к их проверке, параллельно, без очередности и предпочтений к какой-либо из версий, при этом не нагромождая их общими версиями (например, преступление совершено лицами, ранее судимыми за аналогичные преступления; к преступлению причастны лица, состоящие на различных учётах и т. п.), не имеющими под собой реальных оснований, поскольку в действительности такая версия не обладает никакой смысловой нагрузкой и её проверка, за исключением наполнения уголовного дела процессуальными документами, не принесёт никаких результатов, напротив, скорее приведёт к затягиваю сроков предварительного расследования и возможной утрате необходимой для разрешения уголовного дела доказательственной базы.

Г. М. Меретуков, соглашаясь с многообразием следственных ситуаций, считает, что на первоначальном этапе расследования нет необходимости в выдвижении большого количества следственных ситуаций, формально их стоит разделить на две большие группы: а) когда следствие располагает достаточным объёмом доказательств о виновности обвиняемого в расследуемом преступлении и б) когда фактических данных недостаточно для предъявления обвинения [10, с. 62]. В данном случае мы не согласны с утверждением Г. М. Меретукова, так как не исключено, что следственная ситуация может быть настолько неблагоприятной, что ни лицо, привлекаемое в качестве обвиняемого, ни какие-либо другие фактические данные, изобличающие вину подозреваемого или хотя бы свидетельствующие о возможности его установления правоохранительными органами, у следственных органов в распоряжении попросту не будут. Таким образом, утверждение Г. М. Меретукова о существовании криминалистической модели первоначального этапа расследования, построенной с учётом двух следственных ситуаций, является неполноценным в том смысле, что автором в данном случае учитываются только те следственные ситуации, в которых объективно уже имеется подозреваемый, а отличием будет только отсутствие либо наличие доказательств по отношению уже установленного лица, в зависимости от которых деятельность следователя будет подвергаться корреляции и претерпевать закономерные изменения. Н. И. Старостенко, учитывая судебную практику и различные точки зрения авторов, предлагает четырё хуровневую модель деления следственных ситуаций на первоначальном этапе расследования [11, с. 700]:

1. Подозреваемый установлен, задержан и даёт изобличающие его вину показания;
2. Подозреваемый установлен, задержан, но отрицает свою причастность к расследуемому преступлению;
3. Подозреваемый установлен, но не задержан;
4. Подозреваемый не установлен ввиду отсутствия данных о его личности.

Трёхуровневую модель деления следственных ситуаций первоначального этапа расследования предлагает другой исследователь – А. С. Князьков [12, с. 37], исключив следственную ситуацию, когда подозреваемый установлен, но не задержан, поскольку за исключением системы мер по розыску подозреваемого, программа действий следователя будет аналогична тем действиям, при которых подозреваемый задержан и даёт признательные показания либо отрицает свою причастность в зависимости от обстоятельств, при которых будет складываться линия поведения подозреваемого. Также А. С. Князьков применительно к каждой следственной ситуации дополняет их указанием о наличии события преступления, например, формулируя наиболее благоприятную для органов предварительного расследования следственную ситуацию,

когда лицо задержано и даёт признательные показания, А. С. Князьков пишет, что «следственная ситуация, при которой имеются сведения о событии преступления и о виновном лице», является наиболее благоприятной. В том, что она является благоприятной, сомнений нет. Основной задачей следственных органов в таком случае является закрепление в установленном порядке всей доказательственной информации. Вместе с тем в указании на событие преступления какой-либо необходимости не имеется, потому что первоначальный этап начинается как раз с момента возбуждения уголовного дела, основанием для которого является наличие достаточных данных, свидетельствующих о признаках преступления, то есть событие преступления.

Есть и другие точки зрения авторов, а в контексте исследуемого вопроса наиболее значимым являются следственные ситуации первоначального этапа расследования мошенничества, в которых есть упоминание о следственной ситуации, связанной с оперативно-разыскной деятельностью (далее – ОРД), когда лицо (мошенник) даже не подозревает об обнаружении правоохранительными органами признаков и следов своей преступной деятельности. По справедливому утверждению А. А. Хакимовой, в данном случае можно констатировать ещё одну следственную ситуацию, когда в результате ОРД установлены сведения о личности подозреваемого, но при этом лицо не задержано и формально отсутствует до закрепления результатов ОРД в процессуальное поле посредством производства следственных действий [13, с. 4].

Мошенничество, совершённое в сфере инвестиций, равно как и любой другой уголовно-правовой деликт, связанный с обманом или злоупотреблением доверием, обладает высокой степенью латентности и является неочевидным настолько, что, кроме первичных типичных следов преступления данного вида другими сведениями следственные органы после совершения преступления и сообщения о нём в правоохранительные органы располагать не будут. По справедливому утверждению П. О. Михлеевой, следствие сталкивается с обстановкой после совершения мошенничества не сразу, а по истечении какого-то времени, поскольку сфера инвестиций, которая используется для мошенничества, не позволяет сразу участникам таких проектов раскрыть обман. В результате сообщение о совершённом преступлении в правоохранительные органы может поступить и через полгода, поскольку опытные злоумышленники даже на какой-то период времени создают видимость легальной деятельности, перечисляя участникам их проектов реальные денежные средства [14, с. 247].

При исследовании материалов уголовных дел по фактам мошенничества, совершённого в сфере инвестиций, нами выявлены следующие типичные следственные ситуации, определяемые отношением подозреваемого (обвиняемого) к своему деянию и предъявляемому обвинению [15, с. 24]:

1. Первая, менее распространённая типичная ситуация, когда подозреваемый известен и произошло его задержание. При такой ситуации формирование доказательственной базы благоприятнее других. В данном случае алгоритм действий следователя в подобных ситуациях должен быть следующим. Следователем в качестве первоочередного мероприятия проводится допрос подозреваемого (обвиняемого), и оно является основным, так как при допросе подозреваемый (обвиняемый) может назвать данные, которые будут иметь важное значение при расследовании преступления, а это позволит следователю правильно составить план дальнейших действий. Его показания необходимо подтвердить показаниями других участников уголовного судопроизводства. Далее проводятся обыски по месту жительства и в офисах, выемки персональных компьютеров, смартфонов, банковских карт, сим-карт, наличных денежных средств, то есть прежде всего необходимо обеспечить изъятие и исключить уничтожение средств совершения

преступления, поскольку следственная практика в вопросах установления виновности лиц, причастных к мошенничеству в сфере инвестиций, требует в качестве доказательств соответствующие вещественные доказательства. Иначе доказать связь лица с совершённым преступлением будет очень затруднительно, в некоторых случаях – даже невозможно.

2. Вторая типичная следственная ситуация, складывающийся при расследовании мошенничества, совершённого в сфере инвестиций – это когда мошенник известен, но скрывается либо информация о нём незначительна. В данной ситуации проводится практически тот же комплекс следственных действий, что и в первой типичной ситуации:

– обыск по его месту жительства в офисах и в других местах, где возможно его местонахождение;

– проводится допрос потерпевшего и свидетелей относительно установления данных о преступнике и об обстоятельствах совершения преступления;

– допрос родственников, знакомых подозреваемого относительно установления местонахождения последнего, уточнения по данным адресного бюро места его регистрации;

– установление работниками оперативных подразделений наблюдения за местами, где может появиться подозреваемый.

В случае установления и задержания подозреваемого дальнейшие меры осуществляются по аналогии с предыдущей следственной ситуацией.

3. Третья типичная следственная ситуация наиболее распространённая. Данная ситуация характеризуется тем, что лицо, совершившее мошеннические действия, неизвестно, и она неблагоприятна для формирования доказательственной базы. Расследование преступлений данного вида будет осуществляться без участия подозреваемого (обвиняемого) и требует значительных временных затрат при постоянном взаимодействии следователя с органом дознания, а также оперативности в действиях соответствующих подразделений органов, уполномоченных на осуществление ОРД, направленных на обнаружение подозреваемого с помощью проведения комплекса ОРМ, к которым, согласно Федеральному закону РФ от 12.08.1995 № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности»[1], преимущественно относятся: «Снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров и получение компьютерной информации» [16], необходимых для документирования противоправной деятельности фигуранта и установления его точного местонахождения.

Не исключено, что злоумышленник, совершивший преступление, будет находиться в другой географической точке, даже не исключено, что на территории другого государства, что особенно затрудняет проведение каких-либо процессуальных действий, оперативно-разыскных мероприятий, направленных на изобличение такого лица. Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод, что для успешного раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений необходимо осуществлять оперативное реагирование на заявления и сообщения о преступлении, поскольку промедление в осуществлении процессуальных действий может привести к утрате следов, служащих доказательствами вины подозреваемого. Чтобы этого не произошло, нужно:

– принимать своевременное и обоснованное решение о возбуждении уголовных дел;

– проводить рациональное планирование комплекса следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий; вырабатывать эффективную тактику проведения

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Рос. газ. 1995. 8 июля. № 160.

отдельных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий по выявлению, исследованию и закреплению механизма следообразования обозначенных преступлений;

– проверять в ходе расследования достоверность, допустимость и относимость к уголовному делу получаемых доказательств;

– организовывать эффективное взаимодействие с сотрудниками, осуществляющими оперативно-разыскные мероприятия, работниками негосударственных организаций, в частности из финансово-кредитных учреждений, операторами сотовой связи, провайдерами сети Интернет и специалистами, обладающими специальными знаниями.

---

1. Ризванов Г. М. Типичные следственные ситуации и основные направления их разрешения на первоначальном этапе расследования // Science Time. 2022. № 8(104). С. 20–26
2. Криминалистика: учебник / под ред. И. Ф. Крылова, А. И. Бастрыкина. М.: Дело, 2001, С. 342
3. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 91–97
4. Коновалов С. И. Теоретическо-методологические проблемы криминалистики: монография. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2001. 123 с.
5. Кубанов В. В. Криминалистика: Ч. 2. Криминалистическая тактика. Криминалистическая методика: учебное пособие. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. С. 59–67
6. Зеленский В. В. Следственная ситуация и организация отдельного расследования // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2014. № 9. С. 89–97
7. Мещеряков В. А. Некоторые особенности первоначального этапа расследования взяточничества, совершаемого с применением средств сотовой связи и коммуникационных приложений в сети Интернет // Общество и право. 2020. № 4(74). С. 76–84
8. Баринов С. В. Характеристика следственных ситуаций начального этапа расследования преступлений // Право и образование. 2018. № 10. С. 159–165
9. Ризванов Г. М. Типичные следственные ситуации и основные направления их разрешения на первом этапе расследования // Science Time. 2022. № 8. С. 20–29
10. Меретуков Г. М. Криминалистические проблемы борьбы с наркобизнесом организованных преступных групп. М.,1995. 387 с.
11. Старостенко Н. И. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования мошенничеств, совершенных с использованием методов социальной инженерии в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Удмуртского университета. 2021. № 31(4). С. 700–712
12. Князьков А. С. Классификация следственных действий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1(7). С. 37–42
13. Хакимова А. А. Типичные следственные ситуации при расследовании мошенничества // Трибуна ученного. 2020. С. 4–12
14. Михлеева П. О. Мошенничество в инвестиционной сфере. Лже брокеры // X международная научно-практическая конференция «современные тенденции и инновации в науке и производстве». 2021. С. 247–252
15. Челышева О. В. Типичные следственные ситуации и программы расследования сокрытия денежных средств и имущества от взыскания недоимки по налогам и сборам // Современная наука. 2011. № 2. С. 21–26
1. Rizvanov G. M. Tipichny`e sledstvenny`e situacii i osnovny`e napravleniya ix razresheniya na pervonachal`nom e`tape rassledovaniya // Science Time. 2022. № 8(104). S. 20–26

2. Kriminalistika: uchebnik / pod red. I. F. Kry`lova, A. I. Bastry`kina. M.: Delo, 2001, S. 342
3. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy`, tendencii, perspektivy`. Ot teorii k praktike. M.: Yurid. lit., 1988. S. 91–97
4. Konovalov S. I. Teoreticheskо-metodologicheskie problemy` kriminalistiki: monografiya. Rostov n/D: RYuI MVD Rossii, 2001. 123 s.
5. Kubanov V. V. Kriminalistika: Ch. 2. Kriminalisticheskaya taktika. Kriminalisticheskaya metodika: uchebnoe posobie. Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2016. S. 59–67
6. Zelenskij V. V. Sledstvennaya situaciya i organizaciya otdel`nogo rassledovaniya // Vestnik Baltijskogo federal`nogo universiteta im. I.Kanta. 2014. № 9. S.89–97
7. Meshheryakov V. A. Nekotory`e osobennosti pervonachal`nogo e`tapa rassledovaniya vzyatochnichestva, sovershaemogo s primeneniem sredstv sotovoj svyazi i kommunikacionny`x prilozhenij v seti Internet // Obshhestvo i pravo. 2020. № 4 (74). S. 76–84
8. Barinov S. V. Xarakteristika sledstvenny`x situacij nachal`nogo e`tapa rassledovaniya prestuplenij // Pravo i obrazovanie. 2018. № 10. S. 159–165
9. Rizvanov G. M. Tipichny`e sledstvenny`e situacii i osnovny`e napravleniya ix razresheniya na pervom e`tape rassledovaniya // Science Time. 2022. № 8. S.20–29
10. Meretukov G. M. Kriminalisticheskie problemy` bor`by` s narkobiznesom organizovanny`x prestupny`x grupp. M.,1995. 387 s.
11. Starostenko N. I. Tipichny`e sledstvenny`e situacii pervonachal`nogo e`tapa rassledovaniya moshennichestv, sovershenny`x s ispol`zovaniem metodov social`noj inzhenerii v sfere informacionno-telekommunikacionny`x texnologij // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2021. № 31(4). S. 700–712
12. Knyaz`kov A. S. Klassifikaciya sledstvenny`x dejstvij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2013. № 1(7). S. 37–42
13. Xakimova A. A. Tipichny`e sledstvenny`e situacii pri rassledovanii moshennichestva // Tribuna uchennogo. 2020. S. 4–12
14. Mixleeva P. O. Moshennichestvo v investicionnoj sfere. Lzhe brokery` // X mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «sovremenny`e tendencii i innovacii v nauke i proizvodstve». 2021. S. 247–252
15. Chely`sheva O. V. Tipichny`e sledstvenny`e situacii i programmy` rassledovaniya sokry`tiya denezhny`x sredstv i imushhestva ot vzy`skaniya nedoimki po nalogam i sboram // Sovremennaya nauka. 2011. № 2. S. 21–26

Информация об авторе

Фаридун Давлаталиевич Рахимов. Адъюнкт.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

Information about the author

Faridun D. Rakhimov. Adjunct.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg. Lyotchika Pilyutova st., 1.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 17.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted February 6, 2024; approved after reviewing April 17, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.2

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Семенов Владимир Ремович[1], Тюнин Владимир Ильич[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

[1]wladirom@yandex.ru
[2]v-tunin@rambler.ru

Аннотация. Смертная казнь является актуальной проблемой не только в уголовном праве, но и в жизни общества в целом, на протяжении веков она привлекала внимание юристов, философов, социологов и общественных деятелей. Дискуссии по поводу сохранения высшей меры наказания, по всей видимости, утихнут нескоро. В настоящей работе рассматриваются вопросы становления и развития смертной казни с акцентом на способы приведения её в исполнение, её место в карательной политике государств, аргументы «за» и «против» исключительной меры наказания в России.

Ключевые слова: преступление, наказание, смертная казнь, уголовный закон, уголовная ответственность.

Для цитирования: Семенов В. Р., Тюнин В. И. Смертная казнь в России и за рубежом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 251–257.

DEATH PENALTY IN RUSSIA AND ABROAD

Vladimir R. Semenov[1], Vladimir I. Tyunin[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, St. Petersburg, Russia

[1]wladirom@yandex.ru
[2]v-tunin@rambler.ru

Abstract. The death penalty is a pressing issue not only in criminal law, but also in the life of society as a whole; for centuries it has attracted the attention of lawyers, philosophers, sociologists and public figures. Discussions about maintaining capital punishment are unlikely to subside anytime soon. This paper examines the formation and development of the death penalty with an emphasis on methods of carrying it out, its place in the punitive policies of states, the arguments for and against the exceptional measure of punishment in Russia.

Keywords: crime, punishment, death penalty, criminal law, criminal liability.

For citation: Semenov V. R., Tyunin V. I. Death penalty in Russia and abroad // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 251–257.

Лишение человека жизни является, пожалуй, самым древним и жестоким видом наказания. О применении смертной казни достоверно известно с начала развития уголовного законодательства человеческих цивилизаций, в том числе на территории будущего Российского государства.

Данная мера наказания пришла из обычаев кровной мести, где причинивший вред подвергался равному возмездию [1, с. 165–169]. С формированием государства появилось законодательное решение вопросов, связанных с преступлением и наказанием за него. Складывается понятие «уголовное право», которое по своей этимологии в русском языке происходит от словосочетания «отвечать головой», что и говорит о возможном наказании в виде отсечения головы, то есть лишения жизни.

Изначально смертная казнь следовала только за имущественные преступления. Упоминается смертная казнь в краткой редакции Русской Правды, где предусматривалась возможность мстить за совершённое преступление, причиняя такой же ущерб, то есть за убийство ответить обидчику лишением жизни, за вред здоровью ответить таким же вредом здоровью.

Институт смертной казни известен таким памятником уголовного права, как Судебники 1497 и 1550 годов, в соответствии с нормами которых данный вид наказания применялся за убийства и поджоги; разбои и похищения людей; доносы и государственную измену. В соответствии с нормами Соборного Уложения 1649 года и мнением авторитетных исследователей (А. Ф. Кистяковского, С. Н. Викторского), смертной казнью наказывались от пятидесяти до шестидесяти преступных деяний, среди которых можно встретить убийства, богохульство, поджоги городов, военные грабежи, подделку денег и прочие.

В Воинских Артикулах Петра I данный вид наказания распространялся уже на 122 статьи. Последующие исторические периоды характеризуются тенденциями к сокращению применения этого вида наказания. В частности, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, позже Уголовное уложение предусматривали возможность вынесения смертного приговора лишь за посягательства, направленные против государства.

На этапе новейшей истории, её правовой продукт в лице Уголовного кодекса РФ 1996 года не отказался от регламентации высшей меры наказания. Законодатель определил смертную казнь в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь. Речь идёт об убийстве, посягательствах на жизнь государственного или общественного деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа, геноциде. Немаловажным правовым моментом является то, как в современных условиях могла быть исполнена смертная казнь. Этот вопрос разрешается нормами уголовно-исполнительного законодательства, в частности, смертная казнь исполняется непублично путём расстрела.

Изначально смертная казнь использовалась как форма общей превенции, предупреждения людей от совершения первичного преступления. Данный эффект достигался, в том числе публичностью смертной казни как средства устрашения неустойчивых членов общества, которые, зная о существовании этой меры наказания, могли удержатся от совершения действий, наказуемых смертью. Тем более что различные исторические периоды предлагали свои, изощрённые по содержанию способы и методы приведения её в исполнение [2, с. 93–96].

Наиболее устаревшими видами смертной казни можно назвать распятие, сожжение, утопление преступника. Распятие как вид лишения жизни приговорённого восходит к библейским истокам, мы знаем, что согласно Евангелию, подобным образом

был казнён Иисус Христос. Такой способ смертной казни имел широкое мировое распространение.

Так, в Древнем Риме после подавления восстания Спартака было распято около шести тысяч восставших рабов, в средневековой Японии подобным образом наказывали восставших крестьян. Сама казнь подразумевала привязывание или прибивание рук и ног приговорённого к Т-образному или Х-образному кресту, на котором несчастный и принимал свою смерть.

Сожжение приговорённого получило своё распространение в средневековой Европе. Так чаще всего казнили тех, кто обвинялся в колдовстве. Смертная казнь была характерна для XV–XVII веков, периода массовых сожжений еретиков в Англии, Испании, Франции, Италии и Германии.

Утопление как вид наказания широко применялся в Древнем Риме, Османской Империи и средневековой Венеции. Сама казнь подразумевала связывание тела, привязывание к ногам приговорённого груза и сбрасывания в воду на глубину, иногда прибегали к зашиванию человека в мешок вместе с грузом.

Перечисленные виды смертной казни считаются устаревшими в силу их длительного неприменения, чрезмерной жестокости, появления более простых в процедуре способов исполнения смертных приговоров.

Экзотические виды смертной казни, в теории квалифицированные способы её исполнения, отличались своей кровожадностью, бесчеловечностью, даже некоторым садизмом по отношению к осуждённому. Сама процедура предполагала чудовищные страдания жертвы в результате действий палача, отражала цели непосредственного возмездия за совершенное преступление исходя из принципа «око за око». Залитие горла расплавленным металлом, чаще оловом или свинцом. Казнь, назначавшаяся проворовавшимся золотых и серебряных дел мастерам. Данный способ считается особенно зверским: растопленный металл насквозь прожигать гортань, смерть наступала медленно и мучительно. Имеются свидетельства, что, если приговорённый оставался в живых, палач отсекал ему голову. Практика закапывания «заживо» в землю уникальна только для женщин.

На Руси её практиковали над осуждёнными за убийство мужа, в Древнем Риме – к весталкам (жрицам богини Весты) за утрату девственности. Этот метод также имел мучительный характер. Он заключался в том, что женщину закапывали в землю вертикально по плечи и оставляли умирать от жажды и голода.

Четвертование как способ казни применялся к приговорённым за измену государству и мятеж в средние века преимущественно в Англии, Китае и России. Процедура состоялав том, что приговорённому поочередно отсекали конечности, а затем и голову.

Затравливание хищниками – такой вариант смертной казни имел несколько сценариев. В Древнем Риме приговорённого выставляли безоружным на арене, после чего выпускали хищников (львов, тигров). В России во времена Ивана Грозного эта казнь называлась «обшить медведно». По мнению историков, считалась одной из любимых и зрелищных казней царя. Осуждённого зашивали в медвежью шкуру и натравливали голодных собак, которые в считанные минуты разрывали жертву. По свидетельствам Псковского летописца, в 1575 году так был казнён епископ Леонид из Новгорода за обвинения в государственной измене.

Разрывание тела осуждённого – данный способ был распространён в основном среди кочевых народов. Реализовывался он несколькими методами: первый заключался в том, что тело осуждённого привязывалось к вершинам двух наклонённых деревьев, которые в последующем отпускали, тем самым разрывая тело на куски; второй

заключался в том, что приговорённого привязывали к двум лошадям, которых пускали в противоположные стороны.

Посажение на кол как высшая мера наказания широко применялась в Средневековье, в России, в Османской Империи и Китае. Процедура заключалась в посадке осуждённого на заостренный кол, который медленно, под тяжестью тела, проникал всё глубже, разрывая внутренние органы, и выходил из тела через грудь или спину (между лопатками). Казнь имела длительный характер, человек умирал в муках в течение нескольких дней.

Замораживание приговорённых к смерти. Данный способ был распространён в России – в период гражданской войны, в Германии – в период Второй мировой войны. Он заключался в том, что тело несчастного жёстко фиксировалось, при низкой температуре воздуха его многократно обливали ледяной водой или же опускали в воду до появления ледяной корки. Имеются исторические свидетельства, что подобным образом был казнён епископ Соликамский Феофан в декабре 1918 года.

«Поедание крысой» и «бамбуковая пытка» – одни из уникальных методов умерщвления приговорённых, применяемых в странах Восточной и Южной Азии. Процедура казни «поедание крысой» заключалась в том, что жертву жёстко фиксировали, помещали в клетку без дна, на живот клали голодную крысу, которая со временем выедала внутренности человека. «Бамбуковая пытка» состояла в подвешивании жертвы над заострёнными побегами молодого бамбука, который за пару дней врастал в тело несчастного, пронзая внутренние органы, обрекая на жуткую смерть. Растворение в кислоте. Такая форма казни нашла своё распространение в Ираке во времена правления Саддама Хусейна. Процедура заключалась в том, что приговорённого опускали в бассейн, наполненный кислотой, до его полного растворения. Таким образом, экзотичность форм и методов приведения казни в исполнение может быть ограничена только фантазией человека, который по праву признаётся самым жестоким существом на Земле.

На современном этапе человечество не отказалась от смертной казни и цели этого наказания остались прежними – возмездие и общая превенция. Однако отношение к ней изменилось, более процедура казни не воспринимается как «публичное шоу». Современная смертная казнь рассматривается через призму гуманистических ценностей, справедливости и соразмерности наказания, человечности в выборе способов приведения её в исполнение. Имеется стойкая тенденция к отказу от смертной казни. Так, на сегодняшний день большая часть государств исключила эту меру наказания из национального законодательства либо не применяет её на практике [3, с. 156–158]. По имеющимся данным, более 90 государств отменило смертную казнь за все преступления, более 10 – за преступления, совершённые в мирное время. Около 35 государств не применяют смертную казнь на практике, законодательно закрепляя подобную меру наказания [4, с. 33–38]. К последней категории стран следует отнести и Российскую Федерацию.

Для государств, практикующих высшую меру наказания, характерно применение простых казней, которые по процедуре своей не причиняют излишних мучений, не преследуют цели унижения чести и достоинства осуждённого. В качестве исключения следует назвать некоторые страны мусульманского мира, в которых смертная казнь до сих пор сохранила элементы чрезмерной жестокости и своеобразные способы исполнения смертного приговора. Итак, к простым современным способам смертной казни относятся следующие.

Повешение. Данный способ реализации смертной казни распространён в современном мире в 78 странах. Процедура повешения прошла определённую эволюцию и окончательно сформировалась в 40–50-х годах 20 века. Ход казни

следующий: приговорённого вешают на веревке, обвивая его шею, смерть наступает быстро и безболезненно в результате повреждения спинного мозга повешенного из-за резкого рвущего движения или асфиксии, то есть удушения из-за сдавливания трахеи под тяжестью собственного тела [5, с. 225].

Расстрел как способ реализации смертной казни распространён в 86 странах, в том числе в Российской Федерации. Реализуется одним лицом либо стрелковым подразделением, что соответствует нормам национального законодательства. Выстрел производится в жизненно важные области тела человека для обеспечения быстрой и неминуемой смерти.

Обезглавливание (декапитация) как способ реализации высшей меры менее распространён в современном мире, присутствует только в семи странах, фактически реализуется в Саудовской Аравии. Процедура декапитации представляет собой гильотинирование, т. е. отсечение головы при помощи определённого устройства либо непосредственно человеком (государственным палачом) посредством арабской сабли. Казни до сих пор проводятся публично на центральной городской площади, имея цель усмирить и устрашить граждан.

Лапидация (побиение камнями) – мучительный вид исполнения смертного приговора, заключающийся в забрасывании осуждённого камнями до самой его кончины. Не имеет широкого распространения в современном мире, однако встречается в законодательстве семи арабских государств. Зверский характер такой казни свидетельствует о том, что государство преследует цель покарать преступника, причинить максимальные страдания ещё при жизни. Подтверждение тому – нормы уголовного законодательства Исламской Республики Иран, которые требуют, чтобы камни при казни были небольшими и осуждённый не смог скончаться от одного-двух ударов.

Электрический стул как способ реализации смертной казни применяется только в Соединенных Штатах Америки, появился он в 1888 году. На момент создания считался самым гуманным способом лишения жизни. Процедура казни на электрическом стуле состояла в том, что к голове и ноге приговорённого присоединялись влажные электроды, через которые подаётся сильное напряжение. Смерть наступала быстро в результате остановки сердечной деятельности или дыхательной активности.

Отравление газом также применяется только в Соединенных Штатах Америки. Считается относительно новым способом смертной казни. Процедура отравления газом заключается в следующем: приговорённого помещают в специальное герметичное помещение и привязывают к креслу, далее в камеру поступает цианид – отравляющий газ. Смерть наступает из-за удушья достаточно быстро.

Смертельная инъекция как способ реализации смертной казни также применяется только в Соединенных Штатах Америки и считается относительно новым способом. Впервые законодательно смертельная инъекция разрешена была в 1977 году в Оклахоме [6, с. 180–188]. Процедура заключается в следующем: приговорённому внутривенно вводят определённую смесь препаратов, в результате которой человек теряет сознание, происходит остановка дыхания, в результате чего и настаёт смерть [7, с. 121–128].

Общемировая тенденция к неприменению смертной казни в значительной степени была поддержана Российской Федерацией как в юридической, так и практической плоскости. Последний, к кому была применена исключительная мера наказания (приговор исполнен 2 августа 1996 года), был 35–летний маньяк, насильник и убийца С. А. Головкин, известный как «Фишер» и «Удав». Мнения учёных о перспективах развития института смертной казни в России давно разделились на два полюса: первые выступают за применение смертной казни, вторые – против её

применения. Сторонники высшей меры усматривают необходимость совершенствования самого института смертной казни с позиций извлечения от её исполнения социальных выгод, например использования органов и тканей осуждённых для трансплантации нуждающимся. Противники наказания в основном базируются в своих суждениях на естественных правах человека и целях перевоспитания и исправления, а не уничтожения [8, с. 73–77].

1. Дудаев И. И. Кровная месть и ее место в генезисе смертной казни // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2013. № 1(33).
2. Курносова И. М. Смертная казнь как высшая мера наказания // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 февраля 2018 года. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018.
3. Агаев Д. О. Современные тенденции развития института смертной казни // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1.
4. Герасименко Н. С. Проблема смертной казни и законного ограничения права на жизнь // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 1(20).
5. Афонин И. Н. Смертная казнь: проблемы назначения и исполнения по российскому законодательству: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1999.
6. Сундуров Ф. Р. Формы исполнения наказания в виде смертной казни в США: проблемы эффективности // Вестник ТИСБИ. 2012. № 1.
7. Николаев Б. В. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В США: законодательство, общественное мнение и судебная практика // Уголовное право. 2014. № 3.
8. Гаджиева А. М. Проблема смертной казни на современном этапе: аргументы "за" и "против" // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 4(9).

1. Dudaev I. I. Krovnaya mest` i ee mesto v genezise smertnoj kazni // Nauchno informacionny`j zhurnal Armiya i obshhestvo. 2013. № 1(33).
2. Kurnosova I. M. Smertnaya kazn` kak vy`sshaya mera nakazaniya // Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatel`stvo: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Penza, 10 fevralya 2018 goda. Penza: MCzNS «Nauka i Prosveshhenie», 2018.
3. Agaev D. O. Sovremenny`e tendencii razvitiya instituta smertnoj kazni // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2012. № 1.
4. Gerasimenko N. S. Problema smertnoj kazni i zakonnogo ogranicheniya prava na zhizn` // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2012. № 1(20).
5. Afonin I. N. Smertnaya kazn`: problemy` naznacheniya i ispolneniya po rossijskomu zakonodatel`stvu: dis. … kand. yurid. nauk. SPb., 1999.
6. Sundurov F. R. Formy` ispolneniya nakazaniya v vide smertnoj kazni v SShA: problemy` e`ffektivnosti // Vestnik TISBI. 2012. № 1.
7. Nikolaev B. V. SMERTNAYa KAZN` V SShA: zakonodatel`stvo, obshhestvennoe mnenie i sudebnaya praktika // Ugolovnoe pravo. 2014. № 3.
8. Gadzhieva A. M. Problema smertnoj kazni na sovremennom e`tape: argumenty` "za" i "protiv" // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshhestvenny`e i gumanitarny`e nauki. 2009. № 4(9).

Информация об авторах

Владимир Ремович Семенов. Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Владимир Ильич Тюнин. Профессор кафедры уголовного права. Доктор юридических наук, профессор.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

Information about the authors

Vladimir. R. Semenov. Senior teacher of the chair of Criminal Law and Criminology. PhD in Law
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov Street, 2.

Vladimir I. Tyunin. Professor of the Department of Criminal Law. Doctor of Law. Professor.
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia
198206, Russia, St. Petersburg, Letchik Pilyutov Street, 1.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted April 15, 2024; approved after reviewing May 15, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.1

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ПРИЗЫВОМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В СИСТЕМЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ НАКАЗАНИЮ МЕР

Семенов Евгений Алексеевич[1], Батуева Алтани Батоевна[2]
[1,2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]semen_evge@mail.ru
[2]altani_batueva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу изменений уголовно-процессуального и уголовного законодательств, расширяющих перечень оснований прекращения уголовного преследования и освобождения от наказания в связи с призывом на военную службу, заключением контракта о прохождении военной службы, прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Авторами статьи, с учетом позиции правоприменителей и немногочисленных публикаций юристов по данной тематике, предпринимается попытка сформулировать отдельные рекомендации для практических сотрудников и предложить алгоритм действий по применению ст. 28.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: нереабилитирующие основания прекращения уголовного преследования, компромиссные процедуры, прекращение уголовного преследования, освобождение от уголовной ответственности, специальная военная операция, призыв на военную службу.

Для цитирования: Семенов Е. А., Батуева А. Б. Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в системе альтернативных наказанию мер // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 258–264.

TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION IN CONNECTION WITH CONSCRIPTION FOR MILITARY SERVICE IN THE ALTERNATIVE SYSTEM PUNISHING MEASURES

Evgeny A. Semenov[1], Altani B. Batueva[2]
[1,2]Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia
[1]semen_evge@mail.ru
[2]altani_batueva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of changes in criminal procedure and criminal legislation, expanding the list of grounds for termination of criminal prosecution and release from punishment in connection with conscription for military service, conclusion of a contract for military service, military service during the period of mobilization, during martial law or during wartime. The authors of the article, taking into

account the position of law enforcement officers and the few publications of lawyers on this topic, attempt to formulate separate recommendations for practitioners and propose an algorithm of actions for the application of Articles 28.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and art. 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: non-rehabilitating grounds for termination of criminal prosecution, compromise procedures, termination of criminal prosecution, exemption from criminal liability, special military operation, conscription.

For citation: Semenov E. A., Batueva A. B. Termination of criminal prosecution in connection with conscription for military service in the alternative system punishing measures // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 258–264.

Изменения в геополитическом плане на мировой арене явились первопричиной введения режима специальной военной операции (далее – СВО). При этом последний не обошел стороной ни одну сферу жизнедеятельности, породив тектонические изменения как в рамках общественной жизни, так и в конкретных отраслях права, в частности, в интересующих нас на данный момент отраслях уголовно-процессуального и уголовного права, которые выразились в необходимости предоставления дополнительных прав лицам, принимающим участие в СВО [1].

Пресс-секретарь президента Российской Федерации Д. С. Песков в ноябре 2023 года высказал мнение о том, что участник СВО может быть освобожден от отбывания наказания даже за совершение резонансных уголовных дел. Кроме того, им было отмечено, что основанием для освобождения заключенных является «искупление своих преступлений кровью на поле боя» [2]. В этой связи принятие Федерального закона от 23.04.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 64)[1], направленного на закрепление процедуры освобождения от уголовной ответственности лиц, заключивших контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации (далее – ВС РФ) в период СВО, следует считать своевременным; его приоритетной задачей является обеспечение целостности и независимости современного российского государства.

Вместе с тем наполнение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[2] необходимым инструментарием «военного содержания» было осуществлено и ранее. Так, Федеральным законом от 31.07.2023 № 396-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[3] принудительный потенциал следователя при задержании и предъявлении обвинения при применении мер пресечения в отношении подозреваемого был расширен «условиями военного положения».

Федеральный закон от 23 апреля 2024 г. Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[4] был дополнен ст. 78.1, предусматривающей

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

«освобождение от ответственности в связи с призывом на военную службу, заключением контракта о прохождении военной службы, прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время…», и ст. 80.2, закрепляющей возможность освобождения от наказания в связи с мобилизацией и (или) заключением контракта.

Нормам материального права корреспондирует появившаяся в УПК РФ процедура прекращения уголовного преследования в связи с мобилизацией и (или) заключением контракта, закрепленная в гл. 4 в отдельном основании, предусмотренном ст. 28.2.

Законодатель не ограничился раскрытием условий нового нереабилитирующего основания прекращения уголовного преследования и дополнил перечень случаев приостановления предварительного следствия п. 3.1, включив в него призыв подозреваемого или обвиняемого на военную службу в связи с мобилизацией и (или) заключением контракта, соподчинив указанные нормы. Тем самым он выделил из основания, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и включающего в себя неопределенный перечень подозреваемых (обвиняемых), реальная возможность участия которых в уголовном деле отсутствует, конкретную категорию лиц, принимающих участие в СВО. Однако данная нормативная регламентация процедуры приостановления и прекращения уголовного преследования лиц, призванных на военную службу в период СВО (для мобилизованных и контрактников) обуславливает необходимость детального анализа и формулирования рекомендаций правоприменителям, так как убытие (нахождение, освобождение от уголовной ответственности, наказания, прекращение судимости) подозреваемого (обвиняемого) в состав воинских формирований порождает ряд проблем или же процессуальных «тупиков» [3].

Рассмотрим основание и условия прекращения уголовного преследования более подробно.

Юридическим основанием указанного решения будут являться аналогичные по своему содержанию иным альтернативам уголовного преследования, предусмотренным ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ, волеизъявления следователя или дознавателя, оформленные в виде постановления и согласованные с руководителем следственного органа или прокурором соответственно, с той лишь разницей, что такое решение о прекращении уголовного преследования в рамках ст. 28.2 УПК РФ принимается при условии обязательного взаимодействия с командованием воинской части (учреждения), то есть как предоставлением списков лиц подозреваемых и обвиняемых, так и ходатайств командования воинской части (учреждения), к которой подозреваемый (обвиняемый) был прикреплен. Применение меры пресечения при таком основании не учитывается. Кроме того, в отличие от других оснований прекращения уголовного преследования, дискреция в этом решении у должностных лиц отсутствует.

Условиями прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным гл. 4 УПК РФ в современном уголовном процессе, являются нетяжкие деяния, однократность их совершения, наличие компенсационных действий по отношению к потерпевшему и (или) государству. Детальный анализ новоявленной процедуры, предусмотренной ст. 28.2 УПК РФ, позволил выявить уникальные условия ее применения. Так, например, при сравнении прекращения уголовного преследования по примирению сторон (ст. 25 УПК РФ), в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), возмещением вреда (ст. 28.1 УПК РФ), назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ) (далее – судебный штраф) с содержательной частью рассматриваемой новеллы уголовно-процессуального закона (ст. 28.2 УПК РФ) очевидным представляется факт отсутствия определения степени тяжести совершенного

преступления, наличествует лишь отсылка к ст. 78.1 УК РФ, в которой перечислены исключительные преступления, за совершение которых право на освобождение от уголовной ответственности не предоставляется. По нашему мнению, недопустимым является освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших насильственные особо тяжкие преступления, наказание за которые может превышать 12 лет лишения свободы, в частности, такие как ч. 2 ст. 105, ч. 4 ст. 111, ч. 4 ст. 162 УК РФ и так далее.

Сравнение с иными альтернативными наказанию способами разрешения уголовно-правового конфликта позволило прийти к выводу об отсутствии в диспозиции ст. 28.2 УПК РФ такого условия прекращения уголовного расследования, как совершение преступления впервые, то есть с учетом реализации положений ст. 49 Конституции Российской Федерации («презумпция невиновности») лицо считается впервые совершившим преступление, если ранее в отношении него не вступил в законную силу приговор суда. Таким образом, наличие судимости по любому преступлению, ранее совершенному, не является правоостанавливающим в реализации ст. 28.2 УПК РФ.

Вместе с тем позволим себе усомниться в правильности такой формулировки. Считаем необходимым ограничить применение рассматриваемого нами основания прекращения уголовного преследования к лицам, ранее судимым по преступлениям, указанным в первом условии, в том числе по насильственным особо тяжким преступлениям, наказание за которые может превышать 12 лет лишения свободы, а также при наличии особо опасного рецидива. Однако в реализации положений указанной нормы уголовно-процессуального закона следует учитывать перечень допустимых для мобилизации и заключения контрактов граждан, предусмотренный ч. 5.1 ст. 34 Федерального закона Российской Федерации от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»[1]. Кроме того, следует нивелировать из кандидатов на применение данного основания освобождения от уголовного преследования несовершеннолетних и лиц старше 65 лет.

Необходимость возмещения ущерба или заглаживания причиненного преступлением вреда не находит отражения в диспозиции рассматриваемой статьи, то есть восстановление нарушенных общественных отношений не является условием освобождения от уголовной ответственности. Аналогия прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон, возмещением вреда, а также судебным штрафом в данном случае не применима. Такая обязанность не предусматривается, что обусловливается превалирующим значением участия в СВО, искуплением таким образом вины перед государством и обществом. Но как же восставить права потерпевшего, тем более что в ст. 6 УПК РФ установлен их приоритет обеспечения в рамках уголовно-процессуальных правоотношений? Вопрос в рамках уголовного судопроизводства остается неразрешенным.

Выход из создавшейся ситуации можно найти в ст. 3 Федерального закона от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2], согласно которому вопросы, связанные с возмещением вреда, причиненного противоправными действиями, лицами, освобождаемыми от уголовной ответственности и наказания в порядке ст. 28.2 УПК РФ и по основаниям ст. 78.1 УК РФ, разрешаются в порядке

[1] О воинской обязанности и военной службе [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

гражданского судопроизводства. Между тем сроки таких компенсаторных для потерпевшего мер могут исчисляться годами. Анализ положений принятых изменений в УПК РФ и УК РФ в очередной раз подтверждает незащищенность потерпевшей стороны, а точнее, незаинтересованность законодателя в отношении потерпевшего при принятии решения следователем о прекращении уголовного дела по соответствующему основанию как с морально-этической точки зрения, так и с правовой. В целях искоренения некоторой дискриминации относительно потерпевшего и для уравновешения прав и законных интересов участников уголовного процесса в целом логичным видится включение в рамках новоявленной нормы положений, предоставляющих потерпевшему право знать об инициировании процедуры освобождения от уголовной ответственности или наказания либо о ее совершении, например дополнением содержательной части УПК РФ п. 21.1 ч. 2 ст. 42.

Еще одним уникальным и обязательным условием прекращения уголовного преследования по ст. 28.2 УПК РФ является предварительное приостановление течения сроков уголовного дела по ходатайству командования воинской части (учреждения) по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, то есть до принятия решения о прекращении уголовного преследования. В этой связи возникает вопрос, связанный с возможными случаями, когда исчисление сроков следствия и дознания не приостанавливалось либо лицо, совершившее преступление, не было установлено и основанием приостановления являлся п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Могут ли такие граждане, призванные на военную службу в период мобилизации или в военное время, иметь возможность для освобождения от уголовной ответственности при наличии государственных наград, полученных в период прохождения военной службы, либо же уволенные с военной службы в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья (признание военно-врачебной комиссией негодным к службе) или в связи с отпадением оснований, по причине которых он был призван к службе (мобилизация, военное положение)? На этот вопрос сможет ответить лишь правоприменительная практика, которая уже реализует вступившие в законную силу новеллы.

Кроме того, в принятых поправках к УПК РФ не указан момент, с которого подлежит приостановлению предварительное расследование. В случае приостановления до установления всех обстоятельств уголовного дела, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, могут быть нарушены права участников уголовного судопроизводства. Остается надеяться, что на практике лица, ведущие производство, будут приостанавливать расследования, соблюдая общие и частные условия данного процессуального действия, то есть выполнив все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, установив событие преступления, а также обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость совершенного деяния.

Вместе с тем следует констатировать, что в современной истории развития уголовного и уголовно-процессуального законодательств это уникальный случай воплощения в закон процедуры прекращения уголовного преследования (освобождения от уголовной ответственности) безотносительно тяжести, количества и вида преступлений и мнений потерпевшего. Однако путь введения в содержание УК РФ и УПК РФ рассматриваемых норм был непрост, поскольку предварял несколько неутвержденных законопроектов. Профессор Л. В. Головко справедливо считает причины неоднократного пересмотра предлагаемых поправок в УК и УПК попыткой связать их с возмещением вреда потерпевшему как обязательным условием освобождения от ответственности участника СВО и называет такое обстоятельство приводящим существование нормы к бессмысленности [4, с. 32].

Таким образом, подводя итоги анализа принятых изменений в уголовно-процессуальное и уголовное законодательства в части введения процедуры прекращения уголовного преследования по ст. 28.2 УПК РФ и ст. 78.1 УК РФ, позволим себе сформулировать отдельные рекомендации по применению указанных норм. Во-первых, следователь (дознаватель), установив все обстоятельства, подлежащие доказыванию, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, в том числе в отсутствие мобилизованного (подписавшего контракт) подозреваемого (обвиняемого), должен осуществить взаимодействие с командованием воинской части как в целях предоставления им списков лиц подозреваемых или обвиняемых по различным уголовным делам, так и получив от данного представителя органа дознания ходатайство о приостановлении предварительного расследования при наличии оснований по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Лицу, ведущему производство по уголовному делу, несмотря на широкий перечень лиц, подпадающих под прекращение уголовного преследования по ст. 28.2 УПК РФ, следует иметь в виду, что несовершеннолетние, лица старше 65-летнего возраста, а также обвиняемые в совершении преступлений, указанных в ст. 78.1 УК РФ, ч. 5.1 ст. 34 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ, не могут быть освобождены от уголовного наказания по нововведенному основанию.

Во-вторых, при наступлении правовых последствий, указанных в пп. а, б ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, то есть при наличии награждения государственной наградой, полученной в период военной службы, а также увольнения с военной службы по отдельным основаниям, у подозреваемого (обвиняемого) необходимо получить согласие на прекращение уголовного преследования по ст. 28.2 УПК РФ.

В-третьих, следователю (дознавателю), обладающему в соответствии с уголовно-процессуальным законом процессуальной самостоятельностью, нужно прибегнуть к составлению следующих значимых процессуальных документов: протокола уведомления об окончании следственных действий потерпевшего, протокола уведомления об окончании следственных действий обвиняемого (подозреваемого), протокола ознакомления с материалами уголовного дела потерпевшего (при наличии ходатайства), протокола ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого (подозреваемого) с отметкой о согласии на применение ст. 28.2 и самого постановления о прекращении уголовного преследования и освобождения от наказания в связи с призывом на военную службу, заключением контракта о прохождении военной службы, прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, а также, в обязательном порядке, к согласованию названного с руководителем следственного органа (прокурором).

---

1. Решение о проведении специальной военной операции принято в соответствии со ст. 51 части 7 Устава ООН, которая предусматривает неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7 (дата обращения 10.04.2024)
2. Механизм освобождения от наказания для участников СВО. URL: https://lenta.ru/news/2024/03/23/putin-utochnil-mehanizm-osvobozhdeniya-ot-ugolovnogo-nakazaniya-dlya-uchastnikov-svo/ (дата обращения: 10.04.2024)
3. Лица, заключившие контракт с ВС РФ в период СВО, будут освобождены от уголовной ответственности? URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/litsa-zaklyuchivshie-kontrakt-s-vs-rf-v-period-svo-budut-osvobozhdeny-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti/ (дата обращения: 10.04.2024)
4. Головко Л.В. Общественная опасность не всегда определяется степенью насилия и вообще его наличием // Уголовный процесс. № 2. 2024. С. 30–37.

1. Reshenie o provedenii special`noĭ voennoĭ operacii prinyato v sootvetstvii so st. 51 chasti 7 Ustava OON, kotoraya predusmatrivaet neot``emlemoe pravo na individual`nuyu ili kollektivnuyu samooboronu. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7 (data obrashheniya 10.04.2024)
2. Mexanizm osvobozhdeniya ot nakazaniya dlya uchastnikov SVO. URL: https://lenta.ru/news/2024/03/23/putin-utochnil-mehanizm-osvobozhdeniya-ot-ugolovnogo-nakazaniya-dlya-uchastnikov-svo/ (data obrashheniya: 10.04.2024)
3. Licza, zaklyuchivshie kontrakt s VS RF v period SVO, budut osvobozhdeny` ot ugolovnoj otvetstvennosti? URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/litsa-zaklyuchivshie-kontrakt-s-vs-rf-v-period-svo-budut-osvobozhdeny-ot-ugolovnoy otvetstvennosti/ (data obrashheniya: 10.04.2024)
4. Golovko L.V. Obshhestvennaya opasnost` ne vsegda opredelyaetsya stepen`yu nasiliya i voobshhe ego nalichiem // Ugolovny`j process. № 2. 2024. S. 30–37.

Информация об авторах

Евгений Алексеевич Семенов. Начальник кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Алтани Батоевна Батуева. Курсант факультета подготовки следователей.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Evgeny A. Semenov. Head of the chair of Criminal procedure. Candidate of sciences, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova str., 2.

Altani B. Batueva. A Cadet of the Faculty of Investigator Training.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted April 27, 2024; approved after reviewing May 14, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.13

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ОБРАЩЕНИЙ В ОРГАНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сологубов Андрей Юрьевич
Академия управления МВД России, Москва, Россия

solo123q@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается аспекты внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство, в частности актуализируются проблемные вопросы подачи уголовно-процессуальных обращений в органы предварительного расследования в форме электронного документа. Статья раскрывает преимущества, которые сопутствуют цифровой трансформации рассматриваемого нами института, внимание уделено вопросам обеспечения достоверности подаваемых прошений в органы расследования. Автором выявлены проблемы подачи отдельных видов обращений и предложены возможные пути решения. Выработаны рекомендации для дальнейшей реализации цифровой трансформации института обращений в органы предварительного расследования.

Ключевые слова: цифровая трансформация, электронная форма документа, доступ граждан к правосудию в условиях цифровизации, институт обращений, заявление о преступлении, жалоба, ходатайство, цифровая подпись

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя профессора кафедры управления органами расследования преступлениями Академии управления МВД России, доктора юридических наук, профессора С.Б. Россинского.

Для цитирования: Сологубов А. Ю. Цифровая трансформация института обращений в органы предварительного расследования: проблемы и перспективы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 265–275.

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF APPEALS TO THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Andrey Y. Sologubov
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

solo123q@yandex.ru

Annotation. The article examines aspects of the introduction of digital technologies into criminal proceedings, in particular, the problematic issues of filing criminal procedural appeals to the preliminary investigation authorities in the form of an electronic document are updated. The article reveals the advantages that accompany the digital transformation of the institution we are considering, attention is paid to ensuring the reliability of petitions submitted to the investigating authorities. The author identifies the problems of submitting certain types of appeals and suggests possible solutions. Recommendations have been

developed for further implementation of the digital transformation of the institute of appeals to the preliminary investigation bodies.

Keywords: digital transformation, electronic document form, citizens' access to justice in the context of digitalization, institute of appeals, crime statement, complaint, petition, digital signature

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor, Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor S.B. Rossinsky.

For citation: Sologubov A.Y. Digital transformation of the institute of appeals to the preliminary investigation bodies: problems and prospects // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 265–275.

В настоящее время научно-технический прогресс шагнул стремительно вперед. На смену индустриальному типу явилось постиндустриальное (информационное) общество. Развитие электронных коммуникаций, повсеместное внедрение в работу обширного массива высоких технологий во всех сферах жизни человека — отличительная особенность данного типа общества.

Термин цифровая трансформация на сегодняшний день имеет закрепление в нормативных документах. Под ней поднимается совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность в целях обеспечения уровня надежности и безопасности информационных систем, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, устранения избыточной административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности в рамках контрольной (надзорной) деятельности и др[1]. Данное определение уместно вписывается в область уголовного судопроизводства, в котором совокупность действий должна осуществляться должностными лицами органа предварительного расследования, прокуратуры и суда в целях устранения или минимизации нагрузки, связанной с массивным объемом бумажного документооборота по уголовным делам.

В этой связи уголовно-процессуальное законодательство не стало исключением на пути трансформации. Несмотря на то, что традиционно присутствие цифровых технологий в данной сфере сводилось к минимуму. В современности применение IT-технологий становится частью уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 23; 2, с. 102]. Постепенно и планомерно реформирующийся Кодекс погружает уголовное судопроизводство в цифровую сферу, где на сегодняшний день можно провести ряд следственных действий по видео-конференц-связи, в аналогичной форме избрать меру пресечения, подать различные виды процессуальных обращений в форме электронного документа в суд и т.п.

Среди ученых нет единого мнения по внедрению цифровых технологий в судопроизводство. Так, профессор Л.В. Головко пишет, что перевод всего уголовного

[1] О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

дела в «цифру» ничего в уголовно-процессуальном плане не меняет, отмечая лишь локальную и рутинную оптимизацию некоторых процессуальных форм и институтов [3, с. 15,18]. Правда в науке встречаются и другие мнения, указывающие, что прогресс есть, но сам уголовный процесс тяжело воспринимает «цифровизацию» [4, с. 69]. И действительно, несмотря на развитие цифровых технологий до последнего времени цифровая трансформация в большей степени затрагивала лишь судебные стадии. Однако, Федеральным законом от 25.12.2023 № 672-ФЗ[1] в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - УПК РФ) введена статья о порядке использования электронных документов в ходе досудебного производства. Она значительно расширяет гарантии реализации прав участников на уголовно-процессуальное обращение не только в суд, но также и в орган предварительного расследования, прокуратуру. Так, 40% анкетируемых сотрудников органов предварительного расследования[2] считают положительным введение данной нормы в действующее процессуальное законодательство. Еще 36% придерживаются мнения о том, что данная норма порождает дополнительные трудности при производстве по уголовному делу, увеличивает нагрузку на орган предварительного расследования. 24% респондентов затруднились ответить на заданный вопрос. В частности, отдельные респонденты указывают на то, что органы прокуратуры и судейский аппарат требуют бумажные (распечатанные) варианты «электронных обращений», что приводит к увеличению нагрузки на следователей и дознавателей.

Статья 474.2 УПК РФ закрепила следующие формы электронных обращений в ходе досудебного судопроизводства – ходатайство, заявление (однако за исключением заявления о преступлении), жалоба, представление, требование. Данные обращения не должны содержать сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; затрагивать безопасность государства; затрагивать права и законные интересы несовершеннолетних или сведения о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности.

Заложенная база для электронного документооборота должна создавать условия для повышения доверия участников уголовного судопроизводства к электронным документам, а также на должном уровне обеспечивать идентификацию и аутентификацию участников правоотношений, подающих обращения в форме электронного документа.

Среди указанных форм отсутствует указание на поручение, как вида обращения одного должностного лица к другому, т.е. формы процессуального взаимодействия между публичными участниками уголовного судопроизводства. Так, 28 % респондентов указывают на поручение как на один из часто используемых видов процессуального обращения в форме электронного документа. Представляется, что указанная разновидность обращения достаточно хорошо реализуется на практике. Ведь зачастую, у многих должностных лиц имеется электронная подпись, которой они без проблем могут заверить поручение и направить его посредством современных электронных каналов связи.

В специальной литературе указывается, что наиболее острой проблемой выступает обеспечение потерпевшему от преступления доступа к правосудию посредством принятия и регистрации его обращения [5, с. 168]. В связи с чем большую

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] В рамках данной статьи было опрошено 25 сотрудников органа предварительного расследования по вопросам внедрения цифрового формата подачи уголовно-процессуальных обращений.

обеспокоенность вызывает то, что согласно нововведению — заявление о преступлении не может быть подано в форме электронного документа.

Причины этому, думается, кроются в том, что в настоящее время отсутствует механизм обеспечения безопасности лица, обратившегося данным образом в органы предварительного расследования с заявлением. Кроме того, в настоящий момент нет «виртуальной платформы», на которой возможно будет заявлять о преступлении и в последствии аккумулировать данные обращения. Так, по мнению А.Р. Шариповой, «во избежание расходования сил и средств на реагирование на фейки в силу того, что подача электронных заявлений о преступлении не ограничена количественно теми естественными факторами, которые действуют в реальном мире - цифровая платформа должна создаваться с учетом применимого опыта, включая другие процессуальные отрасли» [6, с. 85]. Еще одной причиной этому может служить тот факт, что законодатель не в силах обеспечить должный механизм предупреждения заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, так же, как и создать надежный удостоверительный механизм личности заявителя. О данном подходе заявляют Н. С. Диденко и А. А. Торовков, ратуя за необходимое введение обязательного реквизита при направлении заявления о преступлении посредством электронной формы, в котором будут разъясняться положения ст. 306 УК РФ [7, с. 88]. В научной литературе высказывается еще одно интересное мнение об установлении дополнительной ответственности по ст. 310 УК РФ за разглашение логина и пароля от портала, который в обозримом будущем, по мнению авторов, перенесёт бумажные уголовные дела на платформу хранения материалов уголовного дела в электронной форме [8, с. 97].

Действительно, ч. 1 ст. 141 предусматривает лишь две формы подачи заявления о преступлении: устно или письменно. Ни о какой электронной форме здесь не изложено. На данную коллизию небезосновательно указывают О.И. Андреева и О.А. Зайцев [9, с. 8]. Однако в действующей правовой системе существует норма, позволяющая подать заявление о преступлении в форме электронного документа. Она закреплена в приказе Министерства внутренних дел от 29.08.2014 № 736[1] через подачу заявлений посредством официальных сайтов территориальных органов МВД России. В этой связи С.В. Зуев полагает, что регламентация такой формы лишь в ведомственном приказе является недостаточной [10, с. 337]. Мы полностью разделяем его позицию.

При изучении официальных сайтов территориальных органов МВД России автором настоящей статьи выявлено, что поданное «заявление о преступлении» рассматривается в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 59-ФЗ)[2] и подзаконным нормативно-правовым актом — приказом МВД России от 12.09.2013 № 707[3]. Хотя заявление о преступлении имеет иную правовую природу и регламентацию, в частности регулируется нормами УПК РФ. Соответственно

[1] Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Рос. Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России № 736 от 29 августа 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 2 мая 2006 № 59-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19, ст. 2060; 2023. № 45, ст. 6206.

[3] Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Рос. Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России № 707 от 12 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

электронная форма заявления о преступлении формально не является поводом для возбуждения уголовного дела.

А. Н. Заливин и А. П. Рыжаков отмечают, что рассмотрение заявления о преступлении определяется только УПК РФ и соответствующими ведомственными нормативными актами, в которых разъясняется порядок принятия и проверки заявления о преступлении, а в случае рассмотрения таковых в порядке Закона № 59-ФЗ — прямое нарушение закона, также и в ситуации, если в орган предварительного расследования поступило обращение, которое заявитель назвал заявлением о преступлении, но в нем об общественно опасном запрещенном УК РФ деянии нет ни слова, то оно не является заявлением о преступлении, в силу того что не порождает возникновение уголовно-процессуальных отношений [11, с. 134].

Вынуждены не в полной мере согласиться с доводами авторов. Так, согласно Конституции, каждый человек вправе защищать свои права любыми способами. При обращении с заявлением о преступлении в порядке Закона № 59-ФЗ возникают лишь конституционно-правовые отношения между гражданином и федеральными органами власти, связанные с удовлетворением их интересов конституционно-правовыми средствами. В таком случае, думается, что данное заявление, поданное посредством сайтов территориальных органов (в порядке вышеуказанного ФЗ), должно выступать сообщением о совершенном или готовящемся преступлении, полученным из иных источников, отвечающим признакам п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ. В дальнейшем, при проверке оно может быть положено в качестве повода к возбуждению уголовного дела. Данное заявление должно быть проверено и если обнаруживаются признаки преступления, то лицом, получившим данное сообщение составляется рапорт об обнаружении признаков преступления в соответствии со ст. 143 УПК РФ. Сделаем еще одно предположение о высказанных нами проблемах в части личности заявителя. Если данные такого лица не персонифицированы, значит гражданин может указать любые данные, которые будут вымышленными и несоответствующими действительности – подпадает ли данный случай под действие нормы об анонимном заявлении? Ответить на данный вопрос стоит утвердительно и положительно.

Придем к промежуточному выводу. Обратиться с заявлением о преступлении в электронной форме в настоящее время можно (несмотря на запрет, предусмотренный ст. 474.2 УПК РФ). Так, 44 % респондентов отмечают, что несколько раз сталкивались с электронными заявлениями о преступлении, 4 % отмечают, что такие случаи постоянно в их практике, а 52 % отметили, что вовсе никогда не встречались с такими случаями.

По заявлению О. В. Химичевой и О. А. Мотяковой внедрение дистанционных способов подачи и рассмотрения жалоб в уголовном судопроизводстве видится весьма перспективным направлением объективно необходимой цифровизации уголовного процесса [12, с. 126]. В данном случае перечень стоит расширить, включив к жалобам и подачу ходатайств, заявлений, а также иных форм процессуальных обращений, которые, к сожалению, по неизвестным причинам были упущены законодателем при конструировании статьи.

«Перевод процессуальных обращений в цифровой вид - пишут И. С. Дикарев и А. В. Миликова, смогли бы повысить уровень коммуникации» [13, с. 125]. Действительно, к положительным сторонам стоит отнести:

- создание дополнительных возможностей взаимодействия участников уголовного судопроизводства;
- обеспечение гласности, прозрачности уголовного судопроизводства;
- создание дополнительных условий обеспечения права на защиту у лиц, вовлеченную в данную сферу;

- обеспечение гарантий прав участников уголовного судопроизводства на доступ к процессуальной информации по уголовному делу, которое в итоге позволяет реализовывать права каждого участника, вовлеченного в судопроизводство.

В подтверждение наших доводов справедливо указывает профессор О. В. Мичурина, заявляя о том, что электронный документооборот облегчит процессуальное взаимодействие участников, повысит его эффективность, к тому же позволит разрешить массивный объем процедурных проблем [14, с. 186]. Что же касается субъектного состава тех, кто чаще всего пользуется правом на уголовно-процессуальные обращения в форме электронного документа, то согласно данным анкетирования — больше всего данным правом пользуются потерпевший (40 %) и защитник/адвокат (40 %), заявитель (36 %), реже подозреваемый (20 %). Необходимо сделать поправку на то, что статья относительно недавно была внесена в кодекс, а именно всего пять месяцев назад, в силу чего ее использование только набирает обороты. Правоохранительными органами в достаточной мере не наработана практика применения данной нормы.

Стоит затронуть и другую сторону цифровой трансформации института обращений. профессор О.В. Качалова предлагает использовать помощь искусственного интеллекта в вопросах рассмотрения электронных жалоб. Среди преимуществ она выделяет: а) первоначальный отсев жалоб, в которых не содержатся признаки правонарушений и преступлений; б) отсев жалоб в случае, если заявитель обратился с сообщением о совершенном или готовящемся преступлении или подал иное обращение, которое не требует регистрации и проверки по правилам, установленным ст. 141–144 УПК РФ и т.д. Однако, по ее мнению, после такого «отсева» жалобы будут перепроверяться специалистом, который проверит корректность принятого решения и при необходимости, скорректирует его [15, с. 80].

Не поддержим данные доводы по двум основаниям, а именно:

1. Применение технологий искусственного интеллекта там, где разрешаются правовые споры, связанные с существенными ограничениями прав личности использовать не совсем уместно. Искусственный интеллект не способен полностью заменить человека. Мы согласны с мнением профессора А. В. Победкина, который ранее высказывался против поддержания желания отдельных специалистов внедрить в процесс принятия процессуальных решений искусственный интеллект [16, с. 54]. Нашу позицию поддержало 48 % респондентов.

2. Проверка жалоб искусственным интеллектом безусловно будет затрачивать определенное время (учтем издержки, соединение интернета, скорость быстродействия компьютера и другие параметры). Далее после проверки «процессуальным помощником» жалобы будет проверять специалист, то есть лицо, уполномоченное их рассматривать. По итогу какое время будет затрачено на перепроверку? К тому же, предположим, что искусственный интеллект может неверно отнести, к примеру, жалобу, не обнаружив там сущности - просьбы восстановить нарушенное право, так как жалобы в электронной форме могут подаваться и в виде оцифрованного письменного документа, где субъект может ее изложить неразборчивым почерком. Так, согласно анкетированию, 60 % респондентов отметили, что поданные обращения участников уголовного судопроизводства в форме электронного документа были выполнены бумажным способом и оцифрованы.

Простую подпись, не говоря уже о квалифицированной имеет далеко не каждый участник уголовного судопроизводства. При анкетировании сотрудников было выявлено следующее: 16 % отметили наличие квалифицированной, 8 % простой электронной подписи на поданных обращениях в форме электронного документа, 8 %

указывают, что в документе стояло фото подписи и у 28 % респондентов вопрос вызвал затруднения в ответе.

Действительно, устанавливать при подаче жалобы в электронном виде требование ее подписания исключительно усиленной квалифицированной электронной подписью как на это указывает ч. 1 ст. 474.2 УПК РФ вряд ли целесообразно. Обладает такого рода подписью не каждый участник уголовного судопроизводства [12, с. 128]. Связанные с этим прикладные трудности наглядно подтверждаются результатами проведенного анкетирования сотрудников органа предварительного расследования. Так, 4 % отметили, что данные обращения встречаются постоянно, по каждому уголовному делу, 36 % указали, что такие обращения подаются по каждому третьему уголовному делу, 20% отметили, что встречались с «цифровыми обращениями» 1-2 раза, 36 % опрошенных сотрудников указали, что в своей работе не сталкивались с обращениями в форме электронного документа, 4 % вовсе затруднились ответить на поставленный вопрос. Причиной столь невысоких данных, а соответственно и непопулярностью «цифрового взаимодействия» служит то, что львиная доля участников облают электронными подписями.

Однако необходимо предусмотреть удостоверительный механизм, который не позволит злоупотреблять правом на подачу обращений, не дать дезориентировать органы предварительного расследования. Решение этого автор настоящей статьи видит в создании специализированного раздела на портале государственных услуг (Госуслуги), который будет содержать памятки по подаче обращений по уголовному делу (не в порядке Закона № 59-ФЗ как это предусмотрено через определенные поля на сайтах территориальных органов). Укажем, что порядок рассмотрения, разрешения и ответа на данные обращения стоит закрепить в подзаконных нормативных правовых актах ведомственного характера, дабы не перегружать кодекс техническими моментами и не делать из него «памятку» для безграмотных правоприменителей или «учебник по криминалистике», о чем верно заявляет профессор С. Б. Россинский [17, с. 46].

Коснёмся простой электронной подписи. Так, согласно ст. 5 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ[1] она является электронной подписью, которая посредством использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом. Примером может послужить подписание таким образом банковских документов: открытие вклада, перевод крупной суммы денег и т.д. Думается, по аналогии данные аспекты возможно перенять в область электронного документооборота уголовного судопроизводства. Ведь, как указывают авторы, текст заявления о преступлении, в котором отсутствует подпись заявителя, не является ни заявлением о преступлении, ни поводом для начала уголовного процесса (возбуждения уголовного дела) [11, с. 135]. Еще один вариант, который также нельзя оставить без внимания – написание обращения участником уголовного судопроизводства в письменной форме и дальнейшая его оцифровка в *PDF*-формат и загрузка на платформу. Данный вариант активно используется в настоящее время.

В продолжение суждений также предлагается несколько альтернатив, в числе которых выделяют «скан» написанного документа вручную, а также вставку «рисунка/фото» подписи в созданный в *Microsoft Word* документ и его дальнейшую конвертацию [11, с. 135]. Безусловно, положительный момент есть - обращающемуся лицу не придется приходить в орган расследования лично, проводить там определенное время. Такой вариант будет удобен для участников, которые находятся за пределами места проведения расследования (к примеру, подача потерпевшим заявления об отказе

[1] Об электронной подписи: Федер. закон Рос. Федерации от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 апр. № 5451.

в ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования). Считаем верным оставить квалифицированную подпись для обращений в форме электронного документа, исходящих от властных участников судопроизводства (прокурору, следователю, руководителю следственного органа, в орган дознания, дознавателю).

Таким образом, стоит отметить, что современный уголовный процесс хоть и не семимильными шагами, но тем не менее достаточно планомерно движется на пути цифровизации. Проблем и поводов для научных дискуссий нововведения вызывают множество, особенно если учесть количество последних публикаций в данном направлении. Однако, следует подчеркнуть, что использование современных технологий и цифровых инструментов в уголовном судопроизводстве сможет в положительную сторону:

- повысить эффективность работы органов предварительного расследования, прокуратуры, суда;
- сократить сроки взаимодействия между субъектами уголовно-процессуальных правоотношений,
- свести к минимуму излишний формализм и бюрократизм, тем самым улучшив защиту прав личности в уголовном процессе.

Поэтому внедрение цифровых технологий в уголовный процесс следует рассматривать как необходимый шаг к совершенствованию действующей парадигмы. При этом, как справедливо отмечают О. В. Химичева и П. О. Панфилов, «верным представляется следование принципу: «*primum non nocere*» (прежде всего — не навреди), а создание новых возможностей для субъектов процессуальной деятельности должно сопровождаться необходимым набором процессуальных гарантий от злоупотреблений и некомпетентности» [18, с. 161].

По итогам рассмотрения вопросов цифровой трансформации института обращений в уголовном судопроизводстве предлагается пересмотреть содержание и порядок построения ст. 474.2 УПК РФ. А именно: 1) расширить перечень видов процессуального обращения, добавив поручение к числу видов, указанных в норме; 2) опустить формулировку «за исключением заявления, предусмотренного ст. 141 УПК РФ», что нивелирует коллизию, действующую в правовой действительности. Такое решение позволит реализовать обязательство государства обеспечить каждому потерпевшему доступ к правосудию; 3) пересмотреть вопрос о заверении обращений в форме электронного документа. В частности, оставить усиленную квалифицированную подпись для документов, которые исходят от властных участников уголовного судопроизводства, а простую электронную подпись для всех других участников; 4) предусмотреть возможность направления обращений в форме электронного документа посредством Единого портала.

---

1. Химичева О. В., Андреев А.В. Цифровизация как тренд развития современного уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 21–23.
2. Усачев А. А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8(60). С. 100–111.
3. Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
4. Виноградов А. А. Электронный документооборот в уголовном процессе: реализация адвокатом права на заявление ходатайства в досудебном производстве // Молодёжь, наука, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник

статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 сентября 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 68–70.
5. Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации / Е. К. Антонович, Л. А. Воскобитова, М. И. Воронин [и др.]. М.: Издательство НОРМА, 2024. 288 с.
6. Шарипова А. Р. Влияние цифровой формы на содержание процессуальной деятельности (опыт уголовного и арбитражного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3(66). С. 81–87.
7. Диденко Н. С., Торовков А. А. О некоторых уголовно-процессуальных аспектах подачи заявления о преступлении в электронной форме // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-1. С. 87-89.
8. Качалова О. В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело - инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2(106). С. 95–101.
9. Андреева О. И., Зайцев О. А. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных документов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей, Томск, 25–27 января 2018 года / Научные редакторы О.И. Андреева, Т.В. Трубникова. Том Часть 79. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 4-17.
10. Зуев С. В. Цифровой правовой статус участника уголовного судопроизводства: понятие, признаки, содержание // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции: Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 января 2021 года. М.: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Университет прокуратуры Российской Федерации", 2021. С. 336-342.
11. Заливин А. Н., Рыжаков А.П. Заявление о преступлении и обращение гражданина: общее и отличия // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: Сборник материалов 2-й Международной конференции, Уфа, 08 апреля 2021 года. Уфимский ЮИ МВД России: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 132-136.
12. Химичева О. В., Мотякова О.А. Электронная жалоба в досудебном уголовном производстве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 124–128.
13. Дикарев, И. С., Миликова А.В. Использование информационных технологий и психологии принятия решений на предварительном следствии // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 3. С. 120–127.
14. Мичурина О. В. От бумажного к электронному документообороту: российский уголовный процесс в русле современных мировых тенденций // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 года. СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 184–189.
15. Качалова О. В. Возможности использования цифровых технологий для доступа потерпевших к правосудию на начальных этапах уголовного судопроизводства // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 года / Академия управления МВД России. Том Часть 2. М.: Академия управления МВД России, 2023. С. 76–81.

16. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 50–55.
17. Россинский С. Б. УПК Российской Федерации: воплощение "высокого" предназначения уголовно-процессуальной формы или "памятка" для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–46.
18. Химичева О. В. Изменение уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации: новые риски и возможности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 158–164.

1. Ximicheva O. V., Andreev A.V. Cifrovizaciya kak trend razvitiya sovremennogo ugolovnogo processa // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 3. S. 21–23.
2. Usachev A. A. Cifrovizaciya nachal`nogo e`tapa dosudebnogo proizvodstva i pravovaya opredelennost` rossijskogo ugolovnogo processa // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 8(60). S. 100–111.
3. Golovko L. V. Cifrovizaciya v ugolovnom processe: lokal`naya optimizaciya ili global`naya revolyuciya? // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2019. № 1. S. 15–25.
4. Vinogradov A. A. E`lektronny`j dokumentooborot v ugolovnom processe: realizaciya advokatom prava na zayavlenie xodatajstva v dosudebnom proizvodstve // Molodyozh`, nauka, obrazovanie: aktual`ny`e voprosy`, dostizheniya i innovacii: sbornik statej VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Penza, 20 sentyabrya 2023 goda. Penza: Nauka i Prosveshhenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2023. S. 68–70.
5. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: transformaciya teoreticheskix predstavlenij i regulirovaniya v usloviyax cifrovizacii / E. K. Antonovich, L. A. Voskobitova, M. I. Voronin [i dr.]. M.: Izdatel`stvo NORMA, 2024. 288 s.
6. Sharipova A. R. Vliyanie cifrovoj formy` na soderzhanie processual`noj deyatel`nosti (opy`t ugolovnogo i arbitrazhnogo sudoproizvodstva // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2023. № 3(66). S. 81–87.
7. Didenko N. S., Torovkov A. A. O nekotory`x ugolovno-processual`ny`x aspektax podachi zayavleniya o prestuplenii v e`lektronnoj forme // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupleniyami i iny`mi pravonarusheniyami. 2020. № 20-1. S. 87-89.
8. Kachalova O. V., Czvetkov Yu.A. E`lektronnoe ugolovnoe delo - instrument modernizacii ugolovnogo sudoproizvodstva // Rossijskoe pravosudie. 2015. № 2(106). S. 95–101.
9. Andreeva O. I., Zajcev O. A. Problemy` ispol`zovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve e`lektronny`x dokumentov // Pravovy`e problemy` ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: Sbornik statej, Tomsk, 25–27 yanvarya 2018 goda / Nauchny`e redaktory` O.I. Andreeva, T.V. Trubnikova. Tom Chast` 79. Tomsk: Izdatel`skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. S. 4-17.
10. Zuev S. V. Cifrovoj pravovoj status uchastnika ugolovnogo sudoproizvodstva: ponyatie, priznaki, soderzhanie // Cifrovy`e texnologii v bor`be s prestupnost`yu: problemy`, sostoyanie, tendencii: Sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 27 yanvarya 2021 goda. M.: Federal`noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vy`sshego obrazovaniya "Universitet prokuratury` Rossijskoj Federacii", 2021. S. 336-342.
11. Zalivin A. N., Ry`zhakov A.P. Zayavlenie o prestuplenii i obrashhenie grazhdanina: obshhee i otlichiya // Sovremenny`e problemy` ugolovnogo processa: puti resheniya: Sbornik materialov 2-j Mezhdunarodnoj konferencii, Ufa, 08 aprelya 2021 goda. Ufimskij YuI MVD Rossii: Ufimskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2021. S. 132-136.

12. Ximicheva O. V., Motyakova O.A. E`lektronnaya zhaloba v dosudebnom ugolovnom proizvodstve // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 4. S. 124–128.
13. Dikarev, I. S., Milikova A.V. Ispol`zovanie informacionny`x texnologij i psixologii prinyatiya reshenij na predvaritel`nom sledstvii // Pravovaya paradigma. 2022. T. 21, № 3. S. 120–127.
14. Michurina O. V. Ot bumazhnogo k e`lektronnomu dokumentooborotu: rossijskij ugolovny`j process v rusle sovremenny`x mirovy`x tendencij // Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii i zarubezhny`x gosudarstv: problemy` i perspektivy` razvitiya: Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 24 noyabrya 2023 goda. SPb: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2023. S. 184–189.
15. Kachalova O. V. Vozmozhnosti ispol`zovaniya cifrovy`x texnologij dlya dostupa poterpevshix k pravosudiyu na nachal`ny`x e`tapax ugolovnogo sudoproizvodstva // Gosudarstvennaya nauchno-texnicheskaya politika v sfere kriminalisticheskogo obespecheniya pravooxranitel`noj deyatel`nosti: sbornik nauchny`x statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 26 maya 2023 goda / Akademiya upravleniya MVD Rossii. Tom Chast` 2. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023. S. 76–81.
16. Pobedkin A. V. E`tiko-aksiologicheskie riski mody` na cifrovizaciyu dlya ugolovnogo sudoproizvodstva (ob oshibochnosti texnologichnogo podxoda k ugolovnomu processu) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 3. S. 50–55.
17. Rossinskij S. B. UPK Rossijskoj Federacii: voploshhenie "vy`sokogo" prednaznacheniya ugolovno-processual`noj formy` ili "pamyatka" dlya bezgramotny`x pravoprimenitelej? // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2021. № 6. S. 42–46.
18. Ximicheva O. V. Izmenenie ugolovno-processual`noj formy` v usloviyax cifrovizacii: novy`e riski i vozmozhnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 1. S. 158–164.

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Сологубов. Адъюнкт.
Академия управления МВД России
125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Information about the author

Andrey Y. Sologubov. Adjunct.
Federal State Public Educational Establishment of Higher Education «Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».
125993, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.
The article was submitted April 22, 2024; approved after reviewing May 16, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Научная статья
УДК 343.9

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, СОВЕРШЁННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Томилова Елена Владимировна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

tomilovaev99@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены основные особенности подготовительного этапа проверки показаний несовершеннолетнего, подозреваемого (обвиняемого) в совершении убийства. Расследование преступлений, совершённых несовершеннолетними, характеризуется определёнными процессуальными и тактическими особенностями. Исходя из этого организация следственных действий с обозначенным субъектом требует ещё более качественной подготовки. В практической деятельности при проведении следственных действий следователями широко используются различные тактические приёмы, позволяющие получить наиболее полную и достоверную информацию об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела.

Ключевые слова: несовершеннолетние, проверка показаний на месте, подготовительный этап следственного действия, тактические особенности, тактические приёмы.

Благодарности: работа выполнена при поддержке профессора кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. А. Белякова.

Для цитирования: Томилова Е. В. Тактические особенности подготовительного этапа проверки показаний на месте по делам об убийствах, совершённых несовершеннолетними // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 276–284.

TACTICAL FEATURES OF THE PREPARATORY STAGE OF CHECKING TESTIMONY ON THE SPOT IN CASES OF MURDERS COMMITTED BY MINORS

Elena Vl. Tomilova
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia

tomilovaev99@mail.ru

Abstract: The article discusses the main features of the preparatory stage of checking the testimony of a minor, a suspect (accused) of committing murder. The investigation of crimes committed by minors is characterized by certain procedural and tactical features, based on this, the organization of investigative actions with the designated subject requires even better training. In practice, when conducting investigative actions, investigators widely use various tactical techniques to obtain the most complete and reliable information about the circumstances relevant to the criminal case.

Keywords: minors, on-site verification of testimony, preparatory stage of investigative action, tactical features, tactical techniques.

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor, Professor of the Department of Criminalistics of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor A. A. Belyakov.

For citation: Tomilova E.V. Tactical features of the preparatory stage of checking testimony on the spot in cases of murders committed by minors //Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 2(99). P. 276–284.

Нет ничего важнее в нашей стране, чем будущее наших детей,
потому что это и есть будущее нашей страны.
В. В. Путин

Преступность несовершеннолетних – одна из ключевых проблем современного общества, решение которой может быть обеспечено только комплексным проведением профилактических мероприятий с обозначенными лицами, а также своевременным и полным расследованием уголовных дел данной категории. Уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних обеспечивается нормами главы 50 УПК РФ, которые направлены на регламентацию процессуальной стороны как всего производства в целом, так и отдельных следственных действий, характеризующихся особой спецификой их организации и проведения. В период цифровизации общества внимание правоохранительных органов в большей степени обращено на совершенствование методики расследования различных видов мошенничеств и преступлений, совершенных с применением IT-технологий, при этом на второй план уходят «типичные» общественно опасные деяния, например, преступления против жизни и здоровья. Количество зарегистрированных убийств (в том числе совершенных несовершеннолетними) не имеет аналогичной тенденции к росту по сравнению с IT-преступлениями, при этом количество данных преступлений из года в год не остается на высоком уровне.

Современные способы совершения убийств разнообразны, но в отличие от иных видов преступлений при их совершении практически всегда остаются материальные (труп, орудие преступления, следы расчленения и другие), либо идеальные (показаний свидетелей) следы преступления. При этом следует отметить, что ежегодно порядка тысячи убийств остаются не расследованными по различным причинам. Для обеспечения наиболее объективного расследования правоохранительным органам следует руководствоваться современными методиками расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, в особенности владеть тактическими приемами организации и проведения отдельных следственных действий. Применительно к производству по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего из всех следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, законодатель выделил допрос, как наиболее важное и информативное следственное действие, процессуальные особенности производства которого закреплены нормами ст. 425 УПК РФ [1; с. 212–213].

Необходимость рассмотрения тактических особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних связана не только с особым процессуальным статусом данного субъекта уголовного судопроизводства, но с психоэмоциональным развитие несовершеннолетнего [2; с. 84–85]. Несмотря на юный возраст, несовершеннолетние все чаще становятся непосредственными субъектами

совершения преступлений, в том числе убийств. Подростки до смерти избивают как своих сверстников, так более взрослых людей, в том числе пожилых, умышленно лишают жизни другого человека в целях личного самоутверждения. Причинами совершения данных действий является множество факторов, от желания отомстить за выключенный компьютер до обычного любопытства – насколько быстро умрет человек, если причинить ему те или иные телесные повреждения[1].

Правоохранительным органам следует уделять особое внимание данной категории лиц, в частности, при совершении ими обозначенного преступления. Превентивная работа в данном направлении не всегда позволяет снизить обозначенные риски, в большинстве случаев это связано с недостатком либо полным отсутствием необходимой информации о совершенном деянии. Сотрудникам, осуществляющим производство по уголовным делам данной категории, в каждом конкретном случае следует осуществлять проверку на причастность к данному деянию иных лиц, а именно совершеннолетних, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений.

Фильтровать информационные потоки, в которых сейчас протекает жизнь общества, сложно даже взрослому образованному человеку, несовершеннолетние большую часть свободного времени проводят в сети Интернет, поэтому они подвержены негативному воздействию со стороны инфопотоков. На подсознательном уровне несовершеннолетние воспринимают всю полученную информацию за истину, поэтому лишение жизни другого человека для некоторых подростков является неким способом решения своих проблем. Большая часть обозначенной категории несовершеннолетних осознает всю серьезность своих действий, но при этом убеждена, что в силу возрастных особенностей не будет подлежать уголовной ответственности.

Стоит отметить, что дополнительных проверочных действий, направленных на установлении информации о возможном вовлечении в совершение преступления, можно избежать в том случае, если тактически верно организовать проведение уже запланированных следственных действий. В данной ситуации роль сотрудников заключается в установлении истины по уголовным делам об убийствах, совершенных несовершеннолетними, определении круга причастных лиц, а также установление причин и условий, способствовавших совершению преступления.

С учетом обозначенных положений следует обратить внимание на организационно-тактические особенности алгоритмов проведения следственных действий при расследовании убийств, совершенных несовершеннолетними. При организации расследования преступлений против жизни и здоровья, в частности убийств, часто проводимым следственным действием является проверка показаний на месте, представляющая собой самостоятельное следственное действие, в ходе которого осуществляется проверка и уточнение ранее данных подозреваемым показаний с целью реконструкции причинно-следственных связей [3; с. 91].

Процессуальная сторона данного следственного действия заключается в воспроизведении с параллельной демонстрацией определенных действий непосредственно на месте совершения преступления (либо в ином месте, связанном с событием преступления) обстановки и обстоятельств совершенного деяния, а также

---

[1] В Перми подростки до смерти избили мужчину [Электронный ресурс]. URL:https://ria.ru/20230820/perm-1891126762.html (дата обращения: 24.01.2024).
В Свердловской области подростки заживо сожгли пенсионерку [Электронный ресурс]. URL:https://www.e1.ru/text/criminal/2023/10/17/72814808/ (дата обращения: 24.01.2024).
Несовершеннолетние до смерти избили двух мужчин во время драки [Электронный ресурс]. URL: https://ren.tv/news/kriminal/1096907-nesovershennoletnie-do-smerti-izbili-dvukh-muzhchin-vo-vremia-draki (дата обращения: 24.01.2024).

указание на предметы, документы и следы, которые имеют значение для уголовного дела [4; с. 212].

Основной целью данного следственного действия является установление новых обстоятельств путём проверки или уточнения ранее данных показаний, а также подтверждение либо опровержение причастности лица к совершению преступления.

С точки зрения криминалистической необходимости проведение проверки показаний на месте осуществляется исходя из следующих оснований:

− констатации места совершения преступления, а также возможных путей подхода и отхода;

− установления ориентирующей способности лица, показания которого проверяются непосредственно на месте совершения преступления;

− обнаружения предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела;

− необходимости восстановления обстановки совершения преступления для получения новой информации, имеющей значение для расследования уголовного дела;

− наличия противоречий между результатами, полученными при производстве иных следственных действий (например, осмотра места происшествия, допроса, следственного эксперимента) и данными, полученными в ходе оперативно-разыскных мероприятий.

Исходя из данных оснований сущность проверки показаний на месте заключается в исследовании процесса повторного восприятия лицом обстановки преступления непосредственно на месте его совершения, что способствует не только уточнению ранее известной информации, но и получению новых данных.

В первую очередь проведение данного следственного действия обосновано его комплексностью:

− лицо, чьи показания проверяются, параллельно со свободным рассказом демонстрирует действия, осуществляемые им непосредственно в момент совершения преступления, а также направленные на сокрытие следов преступления;

− помимо непосредственного воспроизведения на месте совершения убийства обстоятельств исследуемого события, подозреваемый также может указать на наличие иных предметов и следов преступления, имеющих значение для уголовного дела, но ранее не обнаруженных сотрудниками предварительного расследования;

− следует отметить, что при повторном допросе вероятность получения новых данных крайне мала, при этом сведения, полученные от подозреваемого лица в ходе проверки показаний непосредственно на месте совершения преступления, за счёт возникновения ассоциативных связей обладают большей информативностью, что позволит лицу, осуществляющему предварительное расследование, наиболее полно представить механизм совершения преступления.

Указанные факторы позволяют сопоставить проверку показаний на месте с такими следственными действиями, как допрос, следственный эксперимент и осмотр места происшествия. Подобная совокупность в большинстве случаев облегчает процесс расследования. Принимая во внимание необходимость создания особой психоэмоциональной обстановки при проведении процессуальных и иных мероприятий с участием несовершеннолетних, следователь должен обратить особое внимание на комплексность обозначенного следственного действия.

С учётом специфики восприятия произошедших ранее и происходящий в данный момент событий суть проведения проверки показаний на месте будет заключаться в возможности несовершеннолетнего лица, чьи показания проверяются, соотнести в подсознании две картины события преступления, первая из которых была описана на допросе, а вторая – непосредственно при проверке показаний на месте.

При этом следует отметить, что для успешного воспроизведения показаний на месте совершения убийства от лица, осуществляющего предварительное расследование, требуется качественная организация данного следственного действия [5; с. 150–151]. При производстве следственного действия с участием несовершеннолетнего следует уделить особое внимание соблюдению прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в целях недопущения нарушения действующего процессуального законодательства [6; с. 79].

Как любое иное следственное действие, проверка показаний на месте состоит из трёх этапов: подготовительный, рабочий и заключительный. Результаты следственного действия в большей степени зависят от качества его первоначальной организации.

В рамках подготовительного этапа можно выделить три стадии:

1. Проведению обозначенного следственного действия предшествует допрос лица, показания которого будут проверяться. В рамках допроса уточняются необходимые для проведения проверки показаний на месте данные (точное место совершения преступления, путь следования, место сокрытия орудия, которым было совершено убийство, и т. д.).

Проверка показаний на месте, как правило, проводится с согласия лица, чьи показания будут проверяться, тем не менее следователю следует обратить внимание на проявления коммуникативных качеств в целях поддержания контакта с несовершеннолетним лицом во время проведения следственного действия. Осуществляя подготовку к проведению проверки показаний на месте, следователь должен обозначить перед проверяемым лицом необходимость давать правдивые показания, поскольку несовершеннолетний в большей степени, чем взрослый, склонен к умышленному искажению своих показаний. К тому же подобное введение в заблуждение может быть вызвано влиянием на несовершеннолетнего со стороны взрослых, которые также могут быть причастны к совершению убийства. В том случае если несовершеннолетний испытывает затруднение при описании места совершения преступления, целесообразно предложить ему составить план описываемого места с указанием на места, имеющие значение для уголовного дела.

2. Составление плана. На данной стадии определяется время, место и порядок проведения следственного действия, круг участвующих лиц, перечень необходимых технических средств фиксации, транспорт и иные необходимые материальные объекты (манекен, макет орудия преступления и т. д.). Для снижения вероятности получения в ходе следственного действия ложной информации следователю необходимо создать соответствующую психоэмоциональную обстановку [7; с. 17]. Целесообразно обратить внимание на круг лиц, участвующих в следственном действии. Так, в качестве обязательного участника следует привлечь детского психолога, который обеспечит психологическую подготовку несовершеннолетнего к участию в проверке показаний на месте совершения преступления, а также окажет содействие в преодолении возможного преднамеренного противодействия со стороны несовершеннолетнего.

3. Предварительный выезд на место совершения преступления, в рамках которого следователю следует акцентировать внимание на сопоставлении места совершения преступления, на которое указал подозреваемый при первоначальном допросе, и на протокол осмотра места происшествия.

Подготовительный этап обозначенного следственного действия в большинстве случаев базируется на информации, полученной при проведении осмотра места происшествия и допроса. Поскольку осмотр места происшествия является неотложным следственным действием, от качества и полноты его проведения зависит дальнейшее производство по уголовному делу [8, с. 48–49]. Первоначальное восприятие обстановки места совершения преступления в неизменном виде позволяет наиболее точно

воспроизвести ее при проведении последующих следственных действий. Проблема воссоздания первоначальной обстановки возникает в том случае, когда осмотр места происшествия и проверку показаний на месте проводили разные лица.

В рамках предварительного выезда с учётом сложившейся следственной ситуации и характеристики личности несовершеннолетнего убийцы следователю следует обратить внимание на необходимость наиболее полного восстановления обстановки совершения преступления. Подобный тактический приём позволит создать у несовершеннолетнего представление о полной осведомлённости следователя относительно события преступления, способа его совершения и механизма следообразования. Сопоставляя показания подозреваемого и протокол осмотра, также следует обратить внимание на существенные изменения, которые произошли с обстановкой на месте совершения убийства, что позволит исключить причастность к совершению деяния иных не установленных следствием лиц, а также преднамеренное сокрытие следов преступления. При организации фиксации хода и результатов проверки показаний на месте следователю следует сделать акцент на качественной видеофиксации, нежели участии понятых, которые могут спровоцировать несовершеннолетнее лицо на конфликтную ситуацию. На этапе предварительного выезда необходимо определить место, с которого предположительно будет осуществляться фото- и видеосъёмка. В случае необходимости привлечения понятых следователю следует провести качественный подбор данных участников следственного действия с учётом психологических особенностей несовершеннолетнего, необходимо более тщательно проработать вопрос об участвующих лицах – законных представителях (родителях), присутствие которых может оказать негативное воздействие на несовершеннолетнего [9, с. 130–131].

Таким образом, проверка показаний на месте является тактически разнообразным следственным действием, которое всё чаще проводится в рамках расследования убийств, в том числе совершённых несовершеннолетними. При проведении данного следственного действия проверяются ранее данные показания с непосредственной привязкой к месту. Принимая во внимание процессуальные и тактические особенности, стоит отметить, что в рамках проверки показаний на месте не только уточняются отдельные обстоятельства совершённого преступления, но и анализируется психологическое состояние несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) при повторном восприятии обстановки места, связанного с исследуемым событием. Для достижения цели данного следственного действия следователю необходимо тактически грамотно провести комплекс подготовительных мероприятий проверки показаний на месте: проанализировать информацию по уголовному делу; определить перечень задач, подлежащих решению; акцентировать внимание на особенностях лица, чьи показания будут проверяться, а также месте проведения проверки.

1. Морозова Н. В. Особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 211–219.
2. Родина Е. Ю., Макарова Е. Н. Тактические особенности производства проверки показаний на месте с участием подростка // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий: сборник научных трудов Том Выпуск 1. Омск: Образование информ. 2022. С. 82–85.
3. Мельникова А. С., Колбасина Е. Е. Проверка показаний на месте: значение, особенности, пробелы законодательства // Юристъ – Правоведъ. 2020. №4 (95). С. 91–95.

4. Князьков А. С. Некоторые проблемы тактики производства проверки показаний на месте // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-1. С. 211–212.
5. Серебрянникова М. В. Алгоритм подготовки следователя к производству проверки показаний на месте // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 2. С. 149–158.
6. Моругина Н. А., Горшков Ю. В. Некоторые вопросы при производстве проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2017. № 1(4). С. 77–81.
7. Виноградова О. П. Особенности производства следственных действий в отношении несовершеннолетних // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: международная научно-практическая конференция: сборник научных трудов, Москва, 17 ноября 2022 года. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя. 2023. С. 16–20.
8. Морозова Н. В. Общетеоретические аспекты проведения осмотра места происшествия при расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2021. № 4(89) С. 48–52.
9. Варфоломеев Р. А. Значение криминалистической характеристики личности несовершеннолетнего подозреваемого для проведения проверки показаний на месте // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4(58). С. 127–132.

1. Morozova N. V. Osobennosti proizvodstva sledstvenny`x dejstvij s uchastiem nesovershennoletnix // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta
MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2023. № 1(94). S. 211–219.
2. Rodina E. Yu., Makarova E. N. Takticheskie osobennosti proizvodstva proverki pokazanij na meste s uchastiem podrostka // Aktual`ny`e problemy` pravovogo regulirovaniya, organizacii i taktiki proizvodstva sledstvenny`x dejstvij: sbornik nauchny`x trudov Tom Vy`pusk 1. Omsk: Obrazovanie inform. 2022. S. 82–85.
3. Mel`nikova A.S., Kolbasina E.E. Proverka pokazanij na meste: znachenie, osobennosti, probely` zakonodatel`stva // Yurist``– Pravoved``. 2020. №4 (95). S. 91–95.
4. Knyaz`kov A. S. Nekotory`e problemy` taktiki proizvodstva proverki pokazanij na meste // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupleniyami i iny`mi pravonarusheniyami. 2022. № 22-1. S. 211–212.
5. Serebryannikova M. V. Algoritm podgotovki sledovatelya k proizvodstvu proverki pokazanij na meste // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2022. №2. S. 149–158.
6. Morugina N. A., Gorshkov Yu. V. Nekotory`e voprosy` pri proizvodstve proverki pokazanij na meste s uchastiem nesovershennoletnego // Ugolovno-processual`naya oxrana prav i zakonny`x interesov nesovershennoletnix. 2017. № 1(4). S. 77–81.
7. Vinogradova O. P. Osobennosti proizvodstva sledstvenny`x dejstvij v otnoshenii nesovershennoletnix // Ugolovnoe sudoproizvodstvo: sovremennoe sostoyanie i strategiya razvitiya: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya: sbornik nauchny`x trudov, Moskva, 17 noyabrya 2022 goda. M.: Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii im. V.Ya. Kikotya. 2023. S. 16–20.
8. Morozova N. V. Obshheteoreticheskie aspekty` provedeniya osmotra mesta proisshestviya pri rassledovanii prestuplenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2021. № 4(89) S. 48–52.
9. Varfolomeev R. A. Znachenie kriminalisticheskoj xarakteristiki lichnosti nesovershennoletnego podozrevaemogo dlya provedeniya proverki pokazanij na meste // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 4(58). S. 127–132.

Информация об авторе

Елена Владимировна Томилова. Адъюнкт.
Уральский юридический институт МВД России.
620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

Information about the authors

Elena Vl. Tomilova. Adjunct.
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
620057, Russia, Yekaterinburg, Korepina str., 66.

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted December 20, 2023; approved after reviewing April 15, 2024; accepted to the writing of the article for publication May 23, 2024.

Информация для авторов

ТРЕБОВАНИЯ,
предъявляемые к статьям, представляемым для опубликования
в журнале «Научный вестник Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова»

В целях ускорения прохождения рукописей к принятию к опубликованию в журнале просим соблюдать следующие требования.

Содержание статей должно отражать современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции. Тематика научных статей, принимаемых к опубликованию в журнале, должна соответствовать отрасли «Юридические науки» по специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

К рассмотрению не принимаются **рукописи, опубликованные в других изданиях**. Если рукопись статьи одновременно направлена в другое издание либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

В статье не должно быть **сведений ограниченного распространения**, ответственность за соблюдение режима секретности возлагается на автора и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением режима секретности, в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

Статья представляется в **бумажном варианте**, отпечатанном на одной стороне листов формата А4 (210х297 мм), заверенном подписью автора(ов). **Электронная версия** статьи в виде файла MS Word должна соответствовать распечатке и иметь в названии файла фамилию автора, например: Ivanov.doc, Ivanov-Petrov.doc.

Объём статьи вместе со сведениями об авторах, списком используемой литературы и ключевыми словами должен соответствовать диапазону от 0,45 до 0,6 авт.л. (18-24 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Основной текст рукописи набирается через 1 интервал гарнитурой Times New Roman (12-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов. Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны 2,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

В статье должен быть указан номер по Универсальной десятичной классификации **(УДК)** и **шифр научной специальности**, соответствующий тематике статьи.

Название статьи набирается на русском и английском языках полужирным шрифтом, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ,** без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

Сведения об авторе на русском и английском языках включают: Ф.И.О., учёную степень, учёное звание, занимаемую должность, место работы (в именительном падеже) и электронный адрес.

Статья должна быть снабжена **аннотацией** на русском и английском языках с объемом 500-1000 знаков, включая пробелы. В аннотации должна быть четко сформулирована основная идея статьи (она должна содержать характеристику темы исследования, раскрывать актуальность, степень разработки, теоретико-методологическое и практическое значение темы, цель работы и ее результаты).

Статья также должна содержать **список ключевых слов** на русском и английском языках (шесть-десять основных слов (словосочетаний) статьи, характеризующих проблематику статьи, через запятую).

Статья авторов-адъюнктов (аспирантов) должна содержать **благодарность** научному руководителю с указанием занимаемой должности, места работы, ученой степени, ученого звания и ФИО.

Размещение **таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала** на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т.ч. цветную) заливку.

Рисунки и таблицы (размер используемого шрифта – 12 пунктов) должны быть в черно-белом или полутоновом исполнении размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них (см. таблицу 1).

Таблица 1
Заголовок таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст	Текст

Схемы должны иметь общую группировку всех объектов, входящих в них, быть центрированы относительно полосы набора.

Размеры и разрешение рисунков должны обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

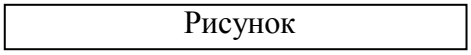

Рис. 1. Название рисунка.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

К рассмотрению принимаются статьи, имеющие **оригинальность не менее 60%.** Текст статьи проверяются системой специализированного программного обеспечения («Антиплагиат»). По решению редакционной коллегии статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале и в том случае, если оригинальность статьи ниже установленного порогового значения.

Цитаты и заимствования текста из научных источников должны сопровождаться соответствующими **ссылками**, которые оформляются арабскими цифрами в квадратных скобках с указанием через запятую страницы, на которой размещается цитируемый текст, например: «По мнению П.А. Лупинской, ...» [1, с. 100].

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Каждый используемый научный источник указывается в списке литературы **один раз в порядке упоминания** в тексте.

При повторном использовании данного источника в квадратных скобках указывается тот же порядковый номер из списка литературы. Указание в списке литературы источников, на которые нет ссылок в тексте, не допускается.

Список литературы, как правило, должен содержать от 8 до 20 источников.

Обязательная версия списка литературы на латинице размещается в статье сразу за списком русскоязычных (исходных) ссылок и подготавливается автором(ами) статьи

из русскоязычных ссылок независимо от того, имеются ли иностранные источники. На сайте http://translit.ru можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, выбрав стандарт BGN.

Ссылки на нормативные акты, иные официальные документы и электронные источники информации, сведения об анкетировании и т.п. указываются в виде постраничных сносок с нумерацией на каждой странице.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Статья должна быть обязательно **подписана автором (соавторами)** следующим образом: «Своей подписью подтверждаю, что материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

«Я безвозмездно предоставляю редакции журнала права на опубликование моей статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта, с целью доведения статьи до всеобщего сведения».

Авторам-адъюнктам (аспирантам) дополнительно следует указать: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее указываются: дата, ФИО руководителя, его подпись.

При наличии **соавторов** необходимо указать, что ими внесен равный вклад в написание статьи, или указать объем вклада каждого соавтора, а также отметить заявление об отсутствии конфликта интересов.

К статье прилагаются:

краткий отчет о проверке статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, сформированный программой;

для научных статей адъюнктов, аспирантов, магистрантов – отзыв научного руководителя.

Образец оформления статьи размещен на веб-сайте по адресу: https://орюи.мвд.рф/Nauka/nauchnij-zhurnal-instituta

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклонённые материалы не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.